

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Материалы

XII Международной научной конференции
11–15 сентября 2023 г., Москва, Россия

Индрик
Москва
2023

УДК 94(47).032
ББК 63.3(2)43
А 46

При финансовой поддержке Фонда «История Отечества»

Утверждено к печати Учеными советами
Института российской истории РАН,
Института археологии РАН

Ответственные редакторы:
Е. Л. Конявская, Л. А. Беляев

Рецензенты:
д. и. н. С. М. Шамин, к. иск. М. В. Вдовиченко

Редколлегия:

*К. В. Вершинин, П. Г. Гайдуков, А. А. Гиппиус, А. А. Горский, В. В. Игошев, П. В. Лукин, Н. А. Макаров,
Ю. А. Петров, П. С. Стефанович, С. З. Чернов*

Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов XII Международной конференции (11–15 сентября 2023 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М.: Индрик, 2023. – 218 с.

В сборнике представлены материалы XII Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси». Центральной темой конференции и сборника стало Соборное уложение 1649 г. в преддверии 375-летнего юбилея его принятия. Среди авторов статей сборника историки, археологи, историки церкви, историки литературы и языка, фольклористы, искусствоведы, изучающие историю и культуру Руси с IX по XVII столетие.

ISBN 978-5-91674-714-0

К ЮБИЛЕЮ ПРИНЯТИЯ ЗЕМСКИМ СОБОРОМ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ

В. А. Аракчеев Практики обязательного участия населения в борьбе с преступностью: от Русской Правды к Соборному уложению	9
Д. А. Савченко Правовой институт защиты политического строя и безопасности государства по Соборному уложению 1649 г.	10
Д. В. Лисейцев Термин «уложение» в делопроизводстве московских приказов первой половины XVII в.	12
А. В. Сумин Нормы XXI главы Соборного уложения 1649 г. О труде тюремных сидельцев: генезис и правоприменение в XVII в.	13
А. Г. Гуськов Соборное Уложение 1649 г. и новоуказные статьи в практике Посольского приказа.	14
М. А. Волчкова, Б. Н. Морозов, Ю. М. Эскин Свиток Соборного Уложения 1649 г.: новое исследование.	16
Л. А. Тимошина Приобретение старопечатных изданий Соборного Уложения гостями и торговыми людьми гостинной сотни.	17
С. М. Шамин «Неясные прибавления» к 25-й статье X главы Соборного уложения и законодательство о запрете скоморошества.	19
А. В. Беляков О времени возникновения ограничительных норм по отношению к иноземцам, включенных в Соборное уложение 1649 г.	20
С. В. Стрельников О видах систематизации законодательства: от Русской Правды до Соборного уложения.	21

НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

А. А. Гиппиус, С. М. Михеев Надписи-граффити Успенской церкви Старой Ладоги.	23
Л. А. Беляев Археологическое открытие Новодевичьего монастыря (по материалам исследований 2016–2022 гг.).	24
А. В. Сиренов Палеографический кабинет Н. П. Лихачева: от 1918 к 2022 г.	25
В. А. Кучкин О составе городов в Русском государстве в первой половине XVI в.	27
П. С. Стефанович «Слово о начальстве Рускыа земля» – историческое сочинение XV в.	28
А. А. Роменский «Империя Русь» в историографии и этнополитические реалии раннего средневековья.	30
И. Тирет Изображения на Святых воротах древнерусских монастырей: предварительные замечания.	31
В. В. Игошев Древнерусские ковчеги-мощевики: особенности типологии, стиля и техники изготовления.	32
А. А. Романова Заметки о древнерусской практике почитания мощей святых.	34

СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ И ЕГО ЭПОХА

А. Г. Авдеев О необходимости комплексного изучения старорусских эпитафий.	36
А. С. Алмазов Условные земельные владения русских служилых людей на левобережной Украине в 1660-е гг.	37
Т. А. Базарова Проезжие и подорожные грамоты конца XVII – начала XVIII в. (По материалам архива СПбИИ РАН).	38
И. Г. Бурицев Люди тульского фронта (предварительное исследование дворянских корпораций Тульского края).	40
Г. С. Гадалова Синодичные записи о тверских княгинях.	41
В. В. Газизов Стрелецкий гарнизон Кольского острога в конце XVII в. (По материалам росписных списков).	43
М. Гардзанини Идея Востока в Центрально-Восточной и Восточной Европе в раннее новое время.	44
М. И. Давыдов Организация работы в Приказе Большого Прихода в конце XVI в. (По отписям из архива Суздальского Покровского Девичьего монастыря).	44
А. В. Дедук Территория Любуцкой волости XV в. и Любуцкой волости-стана XVII–XVIII вв.: Проблема соотношения.	45
С. А. Денисов Топография городской агломерации Кёнигсберга глазами участников Великого посольства Петра I 1697–1698 гг.	46
И. В. Дергачева Синодики и надгробные надписи как источники коммеморативной практики Древней Руси.	48
В. Д. Жуков Отражение выкупа пленных из Крыма в государевом наказе посланникам 1637 г.	49

А. А. Калашикова Пашенное земледелие как способ преодоления проблем продовольственного снабжения сибирских городов (на примере Ленского острога в 1630–1640-х гг.).....	51
М. В. Карпова, Ю. В. Степанова Территориальная организация Торопецкого уезда в конце XV – первой половине XVII в.: волости, перевары, десятки.....	52
И. А. Киртичников Управление городами южного пограничья в конце XVI – начале XVII в.: к постановке проблемы.....	54
А. Л. Корзинин К изучению состава Боярской думы и дворцовых чинов в послеопричный период (1573–1584 гг.).....	54
В. С. Курмановский Когда погосты превращаются в... погосты? (По материалам Смоленской земли).....	56
Т. А. Опарина «Греченин» Петр Юрьев Царегородский.....	58
К. В. Петров Пересмотр судебных решений в допетровской России.....	59
Н. В. Савельева «Неизвестное» послание патриарха Гермогена.....	60
А. А. Селин Кольмажки, калачи и вино. Еще раз о встрече принца Ханса в Московском царстве.....	61
Е. Р. Сквайрс Новгородская Скра: грамота – кодекс – печатное издание в правовой эволюции текста.....	63
Н. В. Соколова Система управления патриаршими вотчинами в начале XVIII в. (О соотношении традиции и новаций).....	64
К. Н. Станков Крепости в «дневнике» Патрика Гордона: к вопросу о пространстве войны во второй половине XVII в.....	66
А. Н. Старицын Переписные книги как источник по истории староверия.....	67
И. А. Устинова Делопроизводственные аспекты архиерейской хиротонии в XVII в.....	68
К. Н. Фомин К вопросу о топографии слободы казенных кузнецов в городе Туле в конце XVI – начале XVII в.....	69
Н. П. Чеснокова Греческие купцы XVII в. в Москве: Иван Юрьев Репета.....	71
П. В. Чеченков Об изучении персонального состава нижегородских служилых иноземцев 20-х гг. XVII в.....	72

КУЛЬТУРА ВРЕМЕНИ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ

К. В. Акинин Об особенностях первоначального замысла деревянного дворца царя Алексея Михайловича в Коломенском.....	74
Г. С. Баранкова Монашеские правила, поучения и епитимийники в составе Кормчей ранней русской редакции.....	75
С. И. Баранова После монографии: в поисках следов дворца в Коломенском.....	77
Л. А. Беляев После монографии: уроки археологии и дворец в Коломенском.....	78
Е. В. Белякова «Избрание от Закона Моисеева» в восточнославянской письменной традиции.....	79
И. В. Вернер К вопросу об использовании европейских изданий на Московском Печатном Дворе: происхождение аргументов глав в Евангелиях второй половины XVII в.....	81
К. В. Вершинин Неизвестный перевод сказаний Анастасия Синаита о достоинстве священников (ВНГ 1322v, ВНГ 1444x).....	82
О. Н. Глазунова, А. А. Максимова Посуда Новодевичьего монастыря: комплексы керамики из келий.....	84
Д. Г. Давиденко Храм св. Николы на столпах в контексте русской художественной культуры второй половины XVII в.....	85
И. И. Елкина, Л. А. Беляев Ограды Новодевичьего монастыря: конец XVI – конец XVII в.....	87
А. А. Максимова Деревянные кельи Новодевичьего монастыря во второй половине XVII в. (По археологическим данным).....	88
Н. А. Мерзлютина Архитектурный ансамбль Новодевичьего монастыря в конце XVII столетия. Расцвет последнего древнерусского стиля.....	89
А. А. Мирясова Неполивная черепица из комплекса двора XVI – начала XVII в. Новодевичьего монастыря.....	91
А. В. Морохин О лечении московских цариц в XVII в.....	93
М. В. Николаева «Иноземные» резчики и столяры Оружейной палаты – обитатели московской Бронной слободы. Вторая половина XVII в.....	94
Т. В. Пентковская «Оглавление библейное»: к вопросу о времени и месте составления.....	96
Г. А. Пожидаева Музыкально-стилистические признаки московской и новгородской школ XVI–XVII вв.....	97

И. А. Поляков Духовная литература в книжном собрании князей Ромодановских XVII – начала XVIII в.	98
Свящ. Кирилл Прихотько Суздальский след в Житии Стефана Махрицкого: что скрывает Основная редакция произведения?	100
Л. Б. Сукина Изображения княжеских и царских инсигний на династических древах XVII в.	101
А. В. Топычканов После монографии: новое о резиденции в Коломенском	102
Н. В. Трофимова О литературных особенностях «Мазуринского летописца»	104
Б. Л. Шапиро Материальное наследие М. В. Скопина-Шуйского. К истокам формирования культурной памяти	105

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РУСИ XI–XV вв.

С. В. Алтатов Реконструкция эпического компонента семантики надписи на Стерженском кресте	107
М. Ю. Андрейчева Перспективы электронной научной публикации Повести временных лет	108
Т. И. Афанасьева О литургических нововведениях в русских богослужебных книгах суточного круга в XIII в.	109
Н. В. Башнин Иван III и епископ Пермский и Вологодский Филофей	110
Н. Н. Бедина Эсхатологические мотивы в древнерусских Хождениях	112
А. М. Введенский Источники Тверского летописного сборника: новый взгляд	113
А. Ю. Виноградов «Титульные» эпитеты русских князей домонгольского периода	114
М. А. Гириевич Два московских монастыря и проблемы их местонахождения	116
С. В. Городилин Статья «Начало князей Русских» из летописного сборника ОР РГБ. Муз. 3841 и ее политико-династическая концепция	117
Н. А. Демичева Осадный голод в пространной Повести о взятии Иерусалима Титом	118
О. И. Дзярнович Восточнославянские поселенцы в Литве XI–XIV вв.: археологические свидетельства	120
Е. Е. Иванова Русская дань и ордынский выход. К вопросу о соотношении и системе взимания	121
Ю. Н. Кежа Разорение князьями Рюриковичами древнерусских городов в XI – середине XIII в. (По летописным данным)	123
А. Ю. Козлова Александро-Невская редакция Толковой палеи: история текста в книжной культуре Древней Руси	124
А. М. Колоколов, А. А. Преображенская Возможность использования некрополей XII–XIV вв. района Куликова поля в качестве маркеров территориально-административных единиц юго-западных земель Рязанского княжества	126
М. В. Корогодина Рязанская кормчая и межславянские связи XIII в.	127
Д. М. Котышев «Причастие» в системе междукняжеских отношений середины – второй половины XII в.	128
Д. Ю. Кривцов Спасение митрополита Алексея от бури на Черном море – агиографический топос или реальный эпизод биографии святого?	130
А. В. Лаушкин «На память святого имярек»: еще раз о месте именин в календарной практике домонгольского времени	131
Л. В. Левшун «Толма бысть любящи учение»: изображения столпников в Спасском храме. О круге чтения преподобной Евфросинии Полоцкой	133
П. В. Лукин Ореховецкий договор 1323 г. и некоторые аспекты политического строя Новгорода	134
А. Б. Мазуров, Д. Н. Перышков Князь Андрей Дмитриевич Можайско-Белозерский	135
А. В. Майоров, Ф. Н. Веселов На службе Великого хана: тысяцкий Дмитр и другие хилярхи	137
К. А. Максимович Связи Руси и Афонского монастыря Хиландарь в XV в. по данным антропонимии (на материале сербского помянника Cod. Hil. Slav. 519, XV в.)	138
С. А. Маслова Административное обеспечение монгольских переписей на Руси	140
Е. А. Мельникова От Любши до Новгорода: к вопросу о становлении Волховско-Ильменской политики (VII–X вв.)	141
Л. В. Мошкова, А. Л. Грязнов Об одной палеографической ошибке и ее последствиях	143
А. В. Носов К изучению проблемы основания монастырей в XIV–XV вв. (по материалам житий преподобных)	144

А. А. Пауткин Потомки князя Романа Мстиславича в оценке книжников XIII в. (К проблеме стратификации Вольнской летописи)	145
Я. А. Пенькова Инфинитивные конструкции с глаголами имѣти и хотѣти в церковнославянских памятниках Древней Руси XIII в.	147
Ф. Д. Подберёзкин Почему «сияли» русские доспехи? К вопросу о происхождении одного «бродячего сюжета» Ливонской Старшей Рифмованной хроники	148
С. В. Полехов Неизвестная поездка Витовта в Смоленск в 1419 г.	149
Т. Г. Попова Лексикографически не описанные лексемы древнейшей русской рукописи Лествицы (на материале Жития прп. Иоанна Лествичника)	150
В. Г. Пуцко Русская иконопись XIII в.: между Византией и Западом	151
Е. В. Пчелов Кем был мастер – создатель печати Ивана III 1497 г.?	152
В. Н. Рудаков Правители русских земель во время нашествия Батгя (Статистический и аксиологический аспекты)	153
Ю. В. Селезнѣв «Убиен бысть от Батгя князь Андрей Мстиславич»: наблюдения над особенностями смертной казни	155
Е. В. Столяров, К. Н. Фомин Металлургический комплекс XIV–XV вв. на южной окраине современной Тулы (по материалам исследований 2015–2022 гг. у д. М. Стрекаловка)	157
С. Н. Темушев Причины политического отчуждения Полоцкой земли в конце X – XI вв.	158
Е. В. Уханова Некоторые данные о библиотеке киевских князей и судьбах ее рукописей	159
А. Н. Хохлов Территория Твери XII–XIII вв. и погребальные памятники	160
Р. П. Храпачевский К вопросу о русской гвардии Юаньских императоров в первой четверти XIV в.	162
С. Б. Чебаненко К вопросу о происхождении судебных функций древнерусских тиунов	164
И. Чекова-Димитрова Параллели между «Поучением» Владимира Мономаха и «Шестодневом» Иоанна Экзарха Болгарского	165
С. З. Чернов Структуры землевладения волости Воря к югу от древнего Радонежа	167
Н. А. Шереметов Служба преподобному Феодосию Печерскому в конвое Основной редакции Киево-Печерского патерика	168
М. А. Шибачев Разлиновки древнерусских пергаменных рукописей XI–XV вв.	170
Н. В. Штыков Новгород и Московско-Тверское противостояние начала 20-х гг. XIV в.	171
М. К. Юрасов Когда начинается внешнеполитическая история Руси?	172

РУССКАЯ ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА XVI в.

А. И. Алексеев «Просветитель» и Краткая редакция монастырского устава Иосифа Волоцкого	174
Д. М. Буланин Федор Карпов и библейская экзегеза	175
И. Г. Бурцев, А. М. Воронцов, А. И. Крухмаль, А. В. Дедук, О. А. Радюш Сражение 1555 г. у Судбищ: опыт комплексного исследования	176
В. Г. Вовина-Лебедева Яков Емецкий, его семья, друзья и враги	178
П. А. Воробьѣв О повторном пребывании грека Арсения Елассонского в Москве (до начала Смутного времени)	179
О. В. Гладкова «Древо Иессеево» в Повести о Петре и Февронии Ермолая-Еразма и других памятниках книжности и изобразительного искусства эпохи Ивана Грозного	180
И. М. Грицевская Начальный этап формирования общего круга русских праздников в конце XV в. – первые десятилетия XVI в. (По материалам месяцесловов Иерусалимского устава)	182
А. А. Грязнов Белозерье, Пошехонье и Белозерские князья в Дворовой тетради	183
В. В. Денисенко, М. В. Моисеев Преступления против представителей иностранных государств в период правления Ивана Грозного: к вопросу об особенностях правового регулирования	185
М. М. Дробышева Гусли Словиши и корчага Ильи: монограммы в вещевой эпиграфике домонгольской Руси	186

<i>Н. В. Евстафьев</i> Образ мусульман в южнославянском и русском житиях св. Георгия Нового Софийского: общее и различное.....	188
<i>С. Елесиевич, А. А. Турилов</i> Канон и молитва «Ангелу грозному воеводе небесных сил» Парфения Уродивого в русской и сербской рукописной традиции: к вопросу о датировке и авторстве.....	189
<i>М. В. Ермолова</i> Об эволюции в синтаксисе кратких действительных причастий прошедшего времени в истории русского языка.....	190
<i>Л. И. Журова</i> Судные списки собора 1531 г. и творчество митрополита Даниила.....	191
<i>О. Ф. Кудрявцев</i> Дипломатическая и ученая миссия императорского посла в Московию Франческо да Колло (1518–1519 гг.).....	192
<i>Ю. А. Лабынцев, Л. А. Щавинская</i> Средневековое униатское аутодафе книжного наследия Франциска Скорины.....	194
<i>А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский</i> Пострижение княгини Евфросинии Старицкой как символический и политический акт.....	195
<i>Е. А. Ляховицкий, Е. С. Быстрова, Е. М. Лоцманова, М. А. Скопина</i> Историческая репликация как подход к технологическому исследованию памятников древнерусской письменности.....	196
<i>А. Б. Мазуров</i> Почитание чудотворной иконы Николы Зарайского в средневековой Руси (XIII–XVI вв.): комплексное исследование.....	197
<i>И. И. Макеева</i> Лингвотекстологический анализ 14 титулов в Кормчей ранней русской редакции.....	198
<i>А. А. Манохин</i> Сокращенная редакция устава Иосифа Волоцкого.....	199
<i>Т. А. Матасова</i> К вопросу о чудесах прп. Кассиана Учемского – грека из окружения Софьи Палеолог.....	201
<i>С. А. Никонов</i> Двинские писцы Яким Романов и Никита Пятунин: социальное положение, родственные связи, деятельность во второй половине XVI в.....	202
<i>М. О. Новак</i> Лексика церковнославянского перевода «Церковных анналов» Барония (XVII в.): влияние Чудовского круга.....	204
<i>П. В. Островский</i> Об источниках Похвального слова преподобному Александру Свирскому.....	205
<i>Ф. Ромоли</i> Сказание о крестном знамении Максима Грека: экзегеза христианской практики.....	206
<i>А. В. Сергеев</i> Биографические пометы родословных книг различных редакций как источник новых сведений о лицах княжеских фамилий Московского государства XVI–XVII вв.....	207
<i>А. Е. Тарасов</i> Русский вариант XV в. перечней митрополий и архиепископий Константинопольского патриархата.....	209
<i>А. С. Усачев</i> Региональные особенности формирования церковной элиты в России XVI в.....	210
<i>М. К. Ферро</i> «Словцо... к смеющим трижды произносить Аллилуйя, вопреки церковному преданию, а в четвертый раз Слава Тебе Боже» Максима Грека. Контекст, библейские цитаты и внетекстовые ссылки.....	211
<i>О. И. Хоруженко</i> «Отцы и деды» Румянцевской редакции родословных книг.....	213
<i>С. В. Штирко</i> Моделирование структуры расселения и численности сельского средневекового населения Северо-Западной Руси (на материале Писцовых книг XV–XVI вв.).....	214
<i>Г. А. Емельяненко</i> Развитие династической концепции московских Рюриковичей в Летописном своде 1652 г. и Хронографе архиепископа Пахомия.....	216

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКД – автореферат кандидатской диссертации
АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.
БАН – Библиотека Академии наук
БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси
БРФФИ – Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований
БРЭ – Большая российская энциклопедия
ВТУ им. М. С. Щепкина – Высшее театральное училище имени М. С. Щепкина
ГАВО – Государственный архив Владимирской области
ГАНО – Государственный архив Нижегородской области
ГАТО – Государственный архив Тверской области
ГАУГН – Государственный академический университет гуманитарных наук
ГБЛ – Государственная библиотека имени В. И. Ленина
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГМЗ – Государственный музей-заповедник
ГНИМА им. А. В. Щусева – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева
ГОСНИИР – Государственный научно-исследовательский институт реставрации
ГПНТБ – Государственная публичная научно-техническая библиотека
ГСГУ – Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна
ГТГ – Государственная Третьяковская галерея
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИВИ РАН – Институт всеобщей истории РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИМЛИ РАН – Институт мировой литературы РАН
ИНИОН РАН – Институт научной информации по общественным наукам РАН
ИПБОТСП – Институт промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства
ИПС им. А. К. Айламазяна РАН – Институт программных систем имени А. К. Айламазяна РАН
ИРИ РАН – Институт российской истории РАН
ИРЛИ РАН – Институт русской литературы РАН
ИРЯ РАН – Институт русского языка РАН
ИСл РАН – Институт славяноведения РАН
ЛГУ им. А. С. Пушкина – Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
МГИМО – Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
МГУ им. М. В. Ломоносова – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
МДА – Московская духовная академия
МГППУ – Московский государственный психолого-педагогический университет
МПГУ – Московский педагогический государственный университет
НАН Беларуси – Национальная академия наук Беларуси
НГТУ им. Р. Е. Алексеева – Нижегородский государственный технический университет имени Р. Е. Алексеева
НГУ – Новосибирский государственный университет
НИИТИАГ – Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства
НИУ ВШЭ – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ННГУ им. Н. И. Лобачевского – Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
ОИДР – Общество истории и древностей российских
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
ПСТГУ – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
РААСН – Российская академия архитектуры и строительных наук
РАЖВиЗ Ильи Глазунова – Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова
РАНХиГС – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
РАХ – Российская академия художеств
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГБ – Российская государственная библиотека
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией. СПб.; Пг.; Л., 1872–1927. Т. 1–39.
РИВШ – Республиканский институт высшей школы Беларуси
РНБ – Российская национальная библиотека
САФУ им. М. В. Ломоносова – Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
СГУ им. Питирима Сорокина – Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СПБНИИ РАН – Санкт-Петербургский Институт истории РАН
СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
СФИ – Свято-Филаретовский институт
ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом). Л.; СПб.
ФСИН России – Федеральная служба исполнения наказаний России
ЦМиАР – Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

К ЮБИЛЕЮ ПРИНЯТИЯ ЗЕМСКИМ СОБОРОМ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ

В. А. Аракчеев (РГАДА, ИРИ РАН)

ПРАКТИКИ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ОТ РУССКОЙ ПРАВДЫ К СОБОРНОМУ УЛОЖЕНИЮ

Статьи 59 и 60 XXI главы Соборного уложения посвящены включению в борьбу с разбоями и татьбой «сторонних людей», чьи селения и дворы оказывались в непосредственной близости от места совершения преступления или на пути бегства разбойников. Мы ставим задачу проследить эволюцию норм русского уголовного права об обязательном участии населения в борьбе с разбоями от Древней Руси до России раннего Нового времени. Непосредственным источником ст. 60 Уложения о преследовании «лихих людей» была ст. 27 Уставной книги Разбойного приказа 1616–1636 гг. А. Г. Поляк верно определил суть работы законодателя, использовавшего «древнейшие нормы русского права», «старинные правила ответственности в целях борьбы с массовым укрывательством преступников». Н. Е. Носов отметил, что ст. 27 восходит к древнему «сочению следа», известному еще Русской Правде, но, в отличие от времен Правды, люди, не отведшие от себя следа, подвергались пыткам по нормам губного права. Справедлива ли оценка этих юридических практик как реликтов древнерусского права в Соборном уложении?

Статьи Уставной книги и Соборного уложения были «работающими», что доказывается введенными в научный оборот В. Г. Гейманом «следовыми записками», составлявшимися в Белозерском уезде в 1661–1675 гг. «Следовые записки» составлялись на месте происшествия по результатам сыска с участием местных выборных лиц – сотских, пятидесятских и десятских. В записках фиксировались изучение ответственными за «сыскные дела» лицами следов, оставленных преступниками, факты отвода или неотвода следа от деревни ее жильцами и санкции, которые выражались в поимке и доставке «к роспросу и к очной ставке» подозреваемых. «Сочение» следа осуществлялось «погонными людьми» во главе с сотскими, что полностью соответствует предписаниям ст. 27 Уставной книги.

Торопецкая уставная грамота 1590/1591 г., в которую оказались включены модифицированные нормы права западнорусских земель, является связующим звеном между великорусским уголовным правом и правом земель Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ). Так же как и губные и почти все земские грамоты Русского государства, уставные грамоты ВКЛ не содержат статей, посвященных гонению следа, но, как и в русских источниках, процедура гонения следа отразилась в актовом источнике, относящихся к территории Западной Руси XVI в. М. Н. Ясинский исследовал акты Литовской метрики и убедительно доказывал тождественность процедур гонения следа в Русской Правде и западнорусских землях XVI–XVII вв.

«Гонение следа» в ВКЛ было прерогативой «копных судов», которым, по Литовскому статуту 1588 г., было предписано функционировать там, где они были согласно «обычаем», и учредить там, где их ранее не было. Материалы «копных судов» конца XVI – начала XVII в. Слонимского и других поветов показывают неоспоримое сходство практик «гонения следа» в Русском государстве и ВКЛ. Крестьяне «водлуг стародавнего обычаю» вместе со своей «копой» ходили по следу подозреваемых, а жители сел последовательно «выводили» след к «кгрунтам» своих соседей. Обвинение предъявлялось тем, кто «от тое копы следу взяти и вывести к кгрунту и от села своего не хотели и не отводили»; иногда жители отказывались «следу отводить» и предпочитали, «очищаючи село», выдать преступников головой, «яко явных злодеев з лицом».

В русских землях XV – первой половины XVI в. практика «гонения следа» силами местных жителей получила отражение в единичных документах, относящихся к восточным, нижегородским землям, что дает основание предположить ее существование и на основной территории Руси. В жалованных грамотах Благовещенскому монастырю 1423 г. и рубежа 1420–1430-х гг. о «гонении» следа представлено описание процесса, до деталей совпадающего с бытовавшим на Белоозере и в Слонимском повете в XVII в. и в целом совпадавшего с нормами Соборного уложения: «гибель» платили те, кто «не сведет следу с свое земли», или те, «кого позовут на след и он не пойдет или обреза не возмет, и тому та гибель платить».

Аналогичная процедура была известна в Галицкой Руси, к территории которой относится документ ранее 1435 г. с упоминанием гонения следа. Б. Д. Греков полагал, что именно практика сыска преступников в Галицкой Руси доказывает тождество русской процедуры гонения следа и применявшейся в Польше практики преследования преступников. В ст. VIII польской «Книги права» XIII в. процесс поимки убийцы описывается как обязанность села «гнаться до другого до тех пор, пока не будет схвачен тот, кто совершил преступление. То село, которое не будет гнаться, когда таким образом крик дойдет до него, должно заплатить за убитого». Наиболее раннее упоминание процедуры «гонения следа» в памятниках права славянских народов содержится в ст. 77 Русской Правды, где, в отличие от польской «Книги права», «гонение следа», в котором участвуют «чужие люди» и «послухи», осуществлялось для поимки вора, а не убийцы. Тем не менее последовательный розыск преступников в селах, куда вели их следы, обнаруживает убеждение законодателя в коллективной ответственности сельских сообществ за правопорядок на их территории.

Исследование действовавших практик сыска преступников в государствах Восточной Европы позволяет иначе сформулировать и проблему воспроизведения в поздних юридических кодексах норм права Древней Руси. Речь должна идти не о заимствованиях правовых норм, а о существовании общеславянского правового континуума, в рамках которого веками действовали не тождественные, но подобные институты организации местного населения в округа милиционного типа («верви», «копы», «губы»). Использование ими схожих процедур («гонение» или «сочение следа», «отведение следа» с территории села) свидетельствует о генетической общности названных институтов, чье функционирование продолжалось в русских землях и на территориях Речи Посполитой, невзирая на кардинальные изменения условий их развития.

Д. А. Савченко (НГУ, СИУРАНХиГС)

ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ ЗАЩИТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА ПО СОБОРНОМУ УЛОЖЕНИЮ 1649 г.

Комплексный подход к изучению русского Средневековья в качестве своей важной составляющей имеет исследование исторических источников юридического характера и их интерпретацию с точки зрения эволюции правовых отношений и правовой культуры общества. В этой связи богатый материал для исследования России XVII в. дают Соборное уложение 1649 г., а также предпосылки и обстоятельства его разработки. Содержание и форма этого выдающегося документа позволяют утверждать, что российская правовая система к середине XVII в. достигла высокого уровня развития. Свидетельством этого является, в частности, нашедшее отражение в Уложении формирование относительно самостоятельного правового института защиты политического строя и безопасности государства.

Под правовым институтом в юриспруденции принято называть элемент системы права определенной страны, который представляет собой относительно самостоятельную «устойчивую группу правовых норм, регулирующих определенную разновидность общественных отношений» [Матузов, с. 315–316]. Их устойчивость связана как с подтвержденной на практике эффективностью предусмотренных этими нормами юридических инструментов, так и с формальным их закреплением в законодательных актах. Формирование правовых институтов, их внутренняя организация и внешнее закрепление являются значимым показателем уровня сложности и самоорганизации права.

В Уложении 1649 г. была отражена развитая система норм о борьбе с посягательствами на политический строй и безопасность Московского царства.

Нормы о политическом строе страны и его защите были фактически закреплены уже в первой главе «О богохульниках и о церковных мятежниках», которая по своему смыслу признавала основной обязанностью светской власти защиту православия и, по сути, исчерпывала круг тех формальных обязательств, которыми могла быть ограничена царская власть. В силу важной роли церкви в системе публичной власти посягательства на ее интересы рассматривались как посягательства на основы политического строя.

В иных главах Уложения были установлены основания начала сыска и наказания смертью за:

- злоумышление на царское величество (II, 1);
- подыскание государства и помощь недругам царского величества (II, 1);
- иные формы измены: отъезда в иное государство (II, 11); выезда за границу без «проезжей грамоты» с преступной целью (VI, 3); переезда из полков к неприятелю (VII, 20); сдача города и помощь иностранцам (II, 3); умышленный поджог «города или дворов» (II, 4);
- иные формы «воровства» (II, 21); организация смуты (XXII, 13); подделка государственных документов (IV, 1, 2); фальшивомонетничество (V, 1).

Кроме того, Уложение предусматривало смертную казнь знавших об измене родственников преступника (II, 6, 9), а также недоносителей о «злом умысле на Царское Величество» (II, 19). Такое же наказание предполагалось за ложный извет «Государева великого дела или измены» (II, 17).

В ряде случаев в Уложении были указаны деяния, смежные с наказуемыми смертью, но расцениваемые как менее опасные и потому влекущие иные меры воздействия. Так, арест, телесные и членовредительские наказания предусмотрены за «бесчинства и брань» на государеве дворе (III). Телесные и имущественные наказания установлены за дезертирство и бегство с поля боя (VII, 8, 9, 19). Телесные наказания предполагаются за незаконный выезд за границу (VI, 4), а также за извет «государева дела или слова», не подтвержденный доказательствами (II, 13, 14).

Уложение закрепило сложившийся ранее на практике процессуальный порядок рассмотрения «государевых дел». Он включал извет (как ответственное обвинение), сыск (очные ставки, распрос свидетелей, повальный обыск, например, по «скопу и заговору») и приговор, который постановлялся в форме указа «по сыску» и указа «по рассмотрению» (последний – если не назначались смертная казнь и конфискация имущества). Уложение предписывало «не верить» извету холопа на своего хозяина в случае непредставления на очной ставке («не уличит») доказательств преступления хозяина [Тельберг, с. 29–32, 67].

Большинство норм, посвященных защите политического строя, было сосредоточено во второй главе Уложения «О Государьской чести и как его Государское здоровье оберегать». Сопоставление их с крестоцеловальной записью 1645 г. на верность Алексею Михайловичу показывает, что в основе конструкции этой главы лежала именно крестоцеловальная запись. Она предопределила как содержание отдельных норм этой главы Уложения, так и последовательность их изложения.

Вторая глава Уложения – с учетом обычаев, а также литовского и византийского правового опыта – дополнила и развила государственно-правовые по своей сути предписания крестоцеловальной записи детализированными уголовно-правовыми и процессуальными нормами. Уложение свидетельствует о формировании комплексного правового института, объединившего модернизированные охранительные предписания, призванные обеспечить реализацию подданными обязательств, которые были зафиксированы в присяге на верность царю. При этом важной целью составителей Уложения была законодательная регламентация оснований смертной казни за совершенные преступления. Ведь по христианской традиции лишение жизни расценивалось как крайняя мера, которая не могла применяться произвольно, а только в соответствии с признаваемыми церковью законами и только с санкции царя.

Литература

- Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М., 2005. 541 с.
Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912. 342 с.

Д. В. Лисейцев (ИРИ РАН)

ТЕРМИН «УЛОЖЕНИЕ» В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ МОСКОВСКИХ ПРИКАЗОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Термин «уложение» (варианты: «соборное уложение», «государево уложение») в восприятии как специалистов, так и любителей истории оказался прочно связан с составленным в 1648–1649 гг. сводом законов Московского государства – «Соборным уложением 1649 г.». В силу огромной роли, которое этот кодекс играл в жизни российского общества и государства, «Уложение царя Алексея Михайловича» как бы «монополизировало» данный термин – настолько, что в некоторых работах XIX в. он употреблялся без уточнений и применительно именно к Уложению 1649 г. (например, «Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период от уложения до учреждения о губерниях» К. Д. Кавелина, 1844 г.). Понятие «уложение» в исторической литературе применяется также и в отношении одной из «военных реформ» царя Ивана IV – «Уложения о службе» 1556 г., хотя в летописном рассказе это слово в принципе не употреблено (в соответствующей статье Никоновской летописи «О рассмотрении государском» упоминаются только «уложенная служба» и «уложенные люди»).

Между тем данный термин имел хождение в юридической и делопроизводственной практике Московского государства задолго до принятия в 1649 г. Соборного уложения. Так, например, в 1622 г. посадское население города Ростова, просившее об освобождении от воеводского суда, для описания прежних, устраивавших их порядков ретроспективно употребило именно это слово: «Преж, государь, сего по уложенью из века в Ростове на посаде в земской избе по мирскому выбору сидим мы, сироты, в старостах и в целовальничешках по годом, да по твоим государевым грамотам выбираем к твоей государеве к таможенной и в кабацкой казне в головы и в целовальники, и к поледной рыбной ловле к озерской казне, и в кваснице в целовальники ростовцов же посадских людей». На «уложение» как на некий документ, установивший некогда правильные, справедливые, с точки зрения челобитчика, порядки в 1624 г. ссылался стольник Ю. И. Татищев, пытавшийся отсудить у казенного дьяка Ж. Шипова поместье в Суздальском уезде, которым тот завладел «мимо уложения». Челобитчик при этом напоминал: «И государю де известна, что за козенными дьяки, которые из гостей, и поместей не бывало». «Уложение» как аргумент в земельной тяжбе в 1627 г. упоминал жилец Иван Чириков, судившийся за поместные земли в Ярославском уезде с сыном боярским Ильей Третьяковым. Челобитчик подчеркивал, что спорной землей он завладел еще до некоего «государева уложения».

Впрочем, в первой половине XVII в. подданные царя Михаила Федоровича апеллировали к «уложению», ссылаясь и на дела совсем недавние. В частности, именно так характеризовалось решение, согласно которому участники «московского осадного сидения» 1618 г. получали право на перевод пятой части своих поместий в вотчины. В частности, дьяку Сурьянину Тараканову, имевшему поместный оклад 650 четей, «по уложению» велено было дать в вотчину 120 четей земли. Понятие «уложение» было в ходу не только у служилых людей. В 1629 г. гость Надея Светешников, бывший челом государю на своих должников, арзамасских посадских людей, констатировал: «по твоему государеву уложенью велено стоять на правези во сте рублех месяц... и буде... месяцем на них не доправят, и по твоему государеву уложенью велено двор и животы продавать и исцом те деньги отдавать».

Об «уложении» упоминал в 1635 г. именитый человек И. М. Строганов, жаловавшийся на людей своего дяди А. С. Строганова, убивших его человека и похвалявшихся зарезать и самого челобитчика: «вели, государь, по своему государеву уложению об том душегубстве и в смертном убийстве Ондреевым людем Строганова свой государьской указ учинити». В том же году об уложении упомянул в челобитной другой известный предприниматель – Фрол Ребров. Он просил обороны от происков крестьянина боярина И. Н. Романова Степана Михайлова, набивавшегося к нему в компаньоны по откупу кабака и таможни в Можайске. Ребров при этом ссылался на законодательный запрет участия владельческих крестьян в откупном деле: «А по твоему государеву указу и уложенью боярских крестьян в откупы в паи примать и в поруки писать не велено».

Было понятие «уложение» в ходу и у представителей официальной власти. В августе 1635 г. был дан государев указ, запрещающий давать суд в делах по искам о бескабальных долгах. Указ содержал уточнение: «А будет хто до сево государева указу и уложенья дал кому взаймы денег, или заклад какой положил, или хто кова какою ссудою ссудил» – на этот случай предусматривался срок подачи иска (в Москве – до 1 сентября 1635 г.).

Не было абсолютным неологизмом 1649 г. и словосочетание «соборное уложение». В январе 1634 г. это выражение употребили от имени самого царя Михаила Федоровича на Земском соборе. Государь напоминал, что годом ранее экстраординарные пятинные деньги с населения страны собирали «по приговору вас, властей и бояр, и думных и всяких чинов людей с соборного уложенья». Собранный у государя в Столовой палате Земский собор санкционировал новый сбор «пятой деньга», и это решение также стало официально именоваться «соборным уложением». Именно этот оборот употреблен в воеводских отписках о сборе «пятины» в Архангельске («указал ты, государь... с соборново уложенья на жалованье ратным людем запросные деньга збирати... неоскудно») и Самаре («указал ты, государь, с соборново уложенья вспоможенье своим государевым ратным людем на жалованье з гостей и с торговых людей з животов збирати пятаю деньгу»).

Витало слово «уложение» «в воздухе» и совсем незадолго до рождения «Соборного уложения 1649 г.». Присланная из Каргополя челобитная относительно освобождения посадских людей от службы таможенными и кабацкими головами в других городах содержала упоминание об уже вынесенном «по твоему государеву нынешнему милосердому уложенью и по боярскому приговору» положительном решении, доведенном до них царской грамотой, доставленной в далекий от столицы Каргополь уже 17 августа 1648 г., за несколько месяцев до утверждения Земским собором знаменитого «Соборного уложения», которому предстояло заслонить собой все прежние постановления и узаконения, носившие то же название.

А. В. Сумин (СПб Университет ФСИН)

НОРМЫ XXI ГЛАВЫ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ 1649 г. О ТРУДЕ ТЮРЕМНЫХ СИДЕЛЬЦЕВ: ГЕНЕЗИС И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В XVII в.

Тюрьма как слово и соответствующий институт власти появляется в России в XV в. [Сумин]. Правовая регламентация различных аспектов ее деятельности происходила постепенно по общей закономерности, свойственной Московскому государству, что отмечено В. И. Сергеевичем: «В одном из наших прежних трудов... мы имели уже случай выяснить, что московское законодательство развивается путем практики. Прежде чем какое-либо право попадет в судебник или уложение, оно действует на практике в силу частных распоряжений» [Сергеевич, с. 446].

Труд лиц, содержащихся в тюрьмах (тюремных сидельцев), первоначально, вероятно, не интересовал государство. Побывавший в России в середине XVI в. английский путешественник Ричард Ченслер оставил следующую заметку: «Я слышал, как один русский говорил, что гораздо веселее жить в тюрьме, чем на воле, если бы только не подвергаться сильным побоям. Там они получают пищу и питье без всякой работы, да еще пользуются благотворительностью добрых людей, а на свободе они не зарабатывают ничего»¹.

Впервые обязательный труд тюремных сидельцев на нужды государства закреплялся в ст. 9, 10, 16 главы XXI Соборного уложения 1649 г. «О розбойных и о татинных делех». Тати и разбойники должны были посылаться в кандалах «на всякие изделья, где государь укажет». Данные нормы не имеют аналогии в известных нам памятниках права, созданных до 1649 г., что позволило сделать вывод о том, что «Уложение впервые в законодательстве вводит использование заключенных в качестве рабочей силы» [Российское законодательство, с. 413].

¹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. с англ. Ю. В. Готье; введ. Г. Новицкого. Л., 1937. С. 64.

Н. Д. Сергеевский, впервые в отечественной историографии описавший тюремное заключение на широком круге опубликованных источников, охарактеризовал применение вышеуказанных норм следующим образом: «К сожалению, памятники не дают нам вовсе возможности составить сколько-нибудь точное представление о том, как производились эти работы. Единственное известие касается устройства царских виноградных садов в Астрахани в 1650 году. Там работали тюремные сидельцы, которые сидят опричь изменных дел... Подобного рода работы, несомненно, не были организованы правильно и являлись делом случайным» [Сергеевский, с. 19]. Единственный приведенный автором пример создавал своеобразную иллюзию применения «правовой новинки» через год после ее принятия. Последующая историография в целом придерживалась вышеуказанной парадигмы, отмечая наличие норм Уложения и не касаясь вопросов их генезиса и правоприменения.

Вместе с тем деньги на работавших в астраханских виноградниках выдавались еще в августе 1648 г.: «Тюремным сиделцом 20 человеком, которые работа[ют] в государеве виноградном саду, давано государева жалованья корму августа по 26 число нынешня[го] 156-го году по 2 деньги человеку»². Тюремные сидельцы работали в 1647 г. и на селитряных варницах, организованных Пушкарским приказом в Козельске, Переяславле Залесском, Переяславле Рязанском, Темникове и ряде других городов³.

Во второй половине XVII в. практика использования труда тюремных сидельцев имеет не менее широкую географию. Так, в 1651 г. их использовали на строительстве валов Белгородской черты⁴, в 1680 г. на Верхотурье они ковали детали для мельниц⁵, а в Астрахани работали в тех же виноградных садах и в 1689 г., что видно из наказа дворскому сотнику у тюрем: «... и чеши, и замки, и кандалы, в чем ходят тюремные сидельцы в мир для милостыни и в государевы виноградные сады для работы...»⁶. Широкое распространение получает и труд тюремных сидельцев – военнопленных, работавших даже на каменоломнях в Москве с 1670 г.: «в Татарской тюрьме, что под Дорогомиловою слободою»⁷.

Выводы:

1. Нормы ст. 9, 10, 16 главы XXI Соборного уложения 1649 г. о принудительном труде на государство татей и разбойников не были «новинкой» и основывались на предшествующем опыте таких работ, который фиксируется по крайней мере с 1647 г.
2. Применение норм о труде тюремных сидельцев не было случайным и плохо организованным явлением, имело широкую географию, а к труду стали привлекать не только татей и разбойников, но и военнопленных.

Литература

- Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. 3. 511 с.
Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1887. XII, [2], 300 с.
Сергеевич В. И. Древности русского права. Изд. 3-е, с переменами и доп. СПб., 1908. Т. 2. XII, 654 с.
Сумин А. В. О первом упоминании тюрьмы в русских летописях // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4. С. 46–52.
-

А. Г. Гуськов (ИРИ РАН)

СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ 1649 г. И НОВОУКАЗНЫЕ СТАТЬИ В ПРАКТИКЕ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА

Судебная (в более широком смысле – судебно-следственная) деятельность Посольского приказа лишь недавно стала объектом отдельного внимания в историографии [Гуськов]. Одним из основных перспективных направлений исследований в данной области является вопрос о практическом применении

² Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 1633. Л. 2.

³ ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 2. Д. 738, 743, 746, 747, 748, 750, 751, 757, 778, 780, 788, 792.

⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. 338. Л. 68–72.

⁵ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ед. хр. 222. Л. 4–5.

⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 11530. Л. 1.

⁷ РИБ. СПб., 1904. Т. 23. Стб. 1279–1280.

правовых норм (Соборное уложение 1649 г., указы) «в повседневной административной и судебной деятельности приказных и других учреждений государственного управления» [Тимошина, с. 324]. В отношении дипломатического ведомства ключевым источником таких сведений являются материалы судебных дел и описи («переписные» и «записные» книги «судных», «челобитчиковых» и прочих дел). Встречающаяся здесь информация об использовании ссылок на законодательство со стороны как истцов и ответчиков, так и приказных делопроизводителей позволяет расширить представление о владении жителями Российского государства XVII в. правовой информацией и показать ее практическое применение.

Основное число упоминаний Соборного уложения 1649 г. связано со взиманием пошлин и выплат в пользу государства: «... великих государей пошлин по Уложению с того иску взять доведетца по гривне с рубля, да с суда пересуду и правого десятка семь алтын 2 денги»¹. Размер пошлины составлял 10 % («по гривне с рубля») от суммы претензий и мог достигать значительных величин. Например, в 1695/1696 г. тяглец Афонасий Остафьев выплатил по иску датчанина Андрея Бутенанта от 16 апреля 1684 г. только пошлинных денег 67,7 руб.² Судебные издержки («с суда пересуду и правого десятка») составляли строго фиксированную сумму в 21 коп.³

В случае затруднений с выплатой долга должника отдавали заимодавцу в услужение («взавжив головою»): «... за тот иск тех ответчиков по Уложению велено отдать исцу взавжив головою»⁴. Срок отработки вычислялся по сумме недоимки из расчета 1 год за 5 руб. долга для мужчин и 2,5 руб. – для женщин и детей⁵. Так, 24 марта 1697 г. Григорий Коренев из Гостиной сотни попал в зависимость к Андрею Бутенанту на 53 года за долг в 267,25 руб.⁶ А 10 августа того же года мещанин Иван Евреинов вместе женой оказались в кабале почти на 27 лет у полковника Юрия Лимы за невозвращенные 200 руб.⁷

Значительное число примеров апелляции ко всему Соборному уложению («а истец слался... на уложение») или к его конкретным статьям показывает широкий диапазон используемых правовых норм в судебной практике приказа. Например, со ссылкой на кодекс вычислялась сумма «пожилых денег», полагавшаяся за прием беглых крестьян. Так, по делу стряпчего Ивана Полтева к стряпчему Савелию Ширяеву в июле 1673 г. за двух беглецов, проживших у чужого хозяина 7 лет, полагалось («иметца») к выплате 140 руб.⁸

В июне 1693 г. в деле по иску матери переводчика Посольского приказа Федора Константинова к собственному сыну о «брани» и «безчестии» использовалась 4-я статья XXII главы кодекса. В соответствии с ней, «будет кто сын или дочь, не помня закона христианского, учнет отцу или матери грубые речи говорить... и таких забывателей закона христианского за отца и мать бити кнутом». Итоговое решение судейской коллегии ведомства, несмотря на возражения Федора, исходило из нормы закона: «вместо кнута бити батоги нещадно»⁹.

В марте 1697 г. в иске мещанина Ивана Тимофеева к мещанину Куземке Мяснику о долге в 60 руб. под обеспечение «закладной кабалы» на двор последнего фигурирует 196-я статья X главы Уложения. В выписке по делу ее текст, касавшийся закладов по долгам, приводится полностью. На ней же основывается и решение по делу: «... велено Куземкин двор Мясника записать за челобитчиком и дать на него даная»¹⁰.

Ссылки на новоуказные статьи начинают встречаться в делах со второй половины 1680-х гг. Однако они носят обобщенный характер без указания на даты и конкретные статьи. Большинство их связано с обвинением по финансовым искам: «... обинен по новоуказным статьям в иску Гаврила Елагина ответчик Мишка Росалской в 50 руб.», «обинен по новоуказным статьям просрочкою в иску...

¹ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 13. Л. 69. См. также: Л. 57, 116–116 об., 166–166 об.

² Там же. Л. 69–69 об.

³ Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии. Л., 1987. С. 42.

⁴ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 13. Л. 134–134 об. См. также: Л. 171 об.

⁵ Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии. С. 62.

⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 23. Л. 56 об.–57.

⁷ Там же. Л. 589, 589 об., 590.

⁸ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 13. Л. 45–46.

⁹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1693 г. Д. 9. Л. 1–3.

¹⁰ РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 23. Д. 53 об.–56.

Стенки Буйнова... тяглец Сенка Михайлов» и т. д.¹¹ Встречаются указания о сроке явки на заседание суда («сроку ищцу и ответчику был по новоуказным статьям генваря в 4 день того ж году»), об учете приставной памяти («буде собрана по указу, высмотря, взять к делу и записать в книгу по новоуказным статьям»), о приведении к присяге («и в том им дать вера по новоуказным статьям»), о порядке проведения розыска («допросить о всем подлинно порознь по новоуказным статьям»), о действиях в случае неявки одной из сторон на суд (взять с нее «бес суда и с того ищцу... пошлины по новоуказным статьям») и др.¹²

В целом следует отметить, что изучение правоприменительной практики в работе отдельного приказа позволяет расширить круг лиц, вовлеченных в сферу действия писаной правовой системы России XVII в. и знакомых с ее действующими законодательными памятниками.

Литература

Гуськов А. Г. Судебная деятельность Посольского приказа (на материалах второй половины XVII в.) // Российская история. 2018. № 5. С. 17–24. DOI 10.31857/S086956870001531-2

Тимошина Л. А. К вопросу о применении XVI и XVII глав Соборного Уложения в приказной практике 80-х гг. XVII в. // Государство и общество в России XV – начала XX века. Сборник статей памяти Н. Е. Носова. СПб., 2007. С. 324–339.

М. А. Волчкова (РГАДА), Б. Н. Морозов (Исл РАН), Ю. М. Эскин (РГАДА)

СВИТОК СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ 1649 г.: НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Создававшееся в условиях чрезвычайных, потребовавшее непосредственного участия многих людей – от бояр до рядовых писцов, Соборное уложение 1649 г. получило невиданный в отечественной деловой письменности объем, но сохранило традиционную форму свитка (особая история с подготовкой его к изданию – первой в России печатной светской юридической книги). Свиток этот, скрепленный 315 подписями участников Земского собора, стал одним из важнейших отечественных памятников письменности в целом. В XVIII в. он приобрел особую форму хранения – серебряный ковчег. С одной стороны, это, конечно, подчеркивало его особое государственное значение, но, с другой стороны, не способствовало сохранности бумаги при его выемке и вложении обратно. Ставшее неким символом современного Архива древних актов (РГАДА), Соборное уложение 1649 г. вынималось для научного изучения лишь считаное число раз, и каждый раз хранители и ученые убеждались в необходимости его комплексной реставрации.

Решение о такой реставрации было принято в РГАДА в 2008 г. Свиток полностью оцифровали и передали в Лабораторию биозащиты, консервации и реставрации Архива РАН. В течение четырех лет реставрации снимались заклейки трех столетий, свиток чистился и разглаживался, восстанавливалась бумага всех 360 листов [Волчкова]. Одним из результатов этой работы стало определение подлинной длины свитка Уложения в метрах: их оказалось не 209, как считали раньше, а 217 (!). В декабре 2012 г. столбец был торжественно водворен в свое, определенное указом Екатерины II, место – серебряный ковчег.

Одновременно с реставрацией проводился ряд источниковедческих, кодикологических и палеографических исследований, которые можно было осуществить только в период, когда свиток был расклеен на отдельные листы. Результаты этих исследований в основном опубликованы, а также размещены на сайте РГАДА.

Были выработаны методики по идентификации неразрушающими оптико-цифровыми методами технико-технологических особенностей создания рукописи Уложения 1649 г. Этому способствовала приборная база лаборатории, состоящая из оптико-цифрового оборудования, объединенного с ком-

¹¹ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 13. Л. 70, 79–81, 111, 132, 187.

¹² Там же. Л. 147; РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 22. Л. 2 об.–3, 13 об.–14, 35; Кн. 23. Л. 66а об., 68; Ф. 158. Оп. 1. 1713 г. Д. 8. Л. 1 об.

пьютером в единый цифровой комплекс, который обрабатывает полученные изображения с помощью специализированных программных продуктов [Волчкова, Морозов, Эскин, 2012; Волчкова, Эскин].

Возможности цифровых технологий по сличению почерков способствовали выявлению имен писцов на столбце-свитке Соборного уложения 1649 г. Итогом палеографических исследований стали имена писцов: подъячих Якова Добрынина, Григория Губарева, Василий Брехова, дьяка Федора Грибоедова. Два почерка остались безымянными [Эскин, Волчкова].

Были изучены и опубликована документы о поисках свитка Уложения при Екатерине II и изготовлении серебряного ковчега [Эскин, 2013; Эскин, 2018].

Выходили работы, обобщающие все исследования, проведенные в ходе реставрации свитка Соборного уложения 1649 г. [Волчкова, Морозов, Эскин, 2013].

Литература

Волчкова М. А. Реставрация и исследование столбца-свитка «Соборное уложение 1649 г.» // Художественное наследие. 2013. № 26 (56). С. 93–100.

Волчкова М. А., Эскин Ю. М. Буква и Цифра (палеографические исследования с применением цифровых технологий) // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2014. № 4. С. 65–76.

Волчкова М. А., Морозов Б. Н., Эскин Ю. М. Использование оптико-цифрового оборудования Архива РАН для кодикологического исследования столбца-свитка «Соборного уложения 1649 г.» // Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археологии. Материалы XXIV Международной научной конференции. Москва, 2–3 февраля 2012 г. М., 2012. С. 49–51.

Волчкова М. А., Морозов Б. Н., Эскин Ю. М. Столбец-свиток Соборного уложения 1649 г.: история бытования, реставрация и исследование // Отечественные архивы. 2013. № 1. С. 44–54.

Эскин Ю. М., Волчкова М. А. Опыт персонализации писцов «Соборного уложения 1649 г.» с применением цифровых технологий [Электронная публикация]. URL: http://rgada.info/materiali/soborn_volchkova_eskin.pdf (дата обращения: 20.03.2023).

Эскин Ю. М. Судьба свитка Уложения // Родина. 2013. № 4. С. 63–66.

Эскин Ю. М. Дело об Уложении // Хризограф. М., 2018. Вып. 4. Сборник статей к юбилею И. П. Мокрецов. С. 437–456.

Л. А. Тимошина (Научное издательство «Альянс-Архео»)

ПРИОБРЕТЕНИЕ СТАРОПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ ГОСТЯМИ И ТОРГОВЫМИ ЛЮДЬМИ ГОСТИНОЙ СОТНИ

Изучение истории любого памятника русской книжности, будь то рукопись или старопечатная книга, обязательно предполагает рассмотрение вопроса его дальнейшего существования. Большой интерес в этом отношении представляет распространение одного из наиболее значимых изданий середины XVII в. – Соборного уложения, и источниковедческую базу для этого предоставляют приходные книги лавки Московского Печатного двора. Объектом внимания в данной работе будут представители одной из социальных групп русского общества – торговые люди гостиной сотни, включая гостей.

Первое издание Уложения в период с 14 июня по 7 августа 1649 г. через лавку Печатного двора купили по одному или по несколько экземпляров гостиной сотни А. Злобин, П. Денисов, И. и В. Усовы-Грудцыны, П. Корюков, Ф. Шилов, Г. Мельцов, И. Константинов, И. Исаков, И. П. Харламов, Н. Ревякин, гости М. В. Дьяконов, К. Босой, Ф. Юрьев, М. Васильев, В. Шорин¹. Всего, таким образом, представителями служилого купечества было приобретено 27 экземпляров кодекса, что составляет 2,5 % от 1073 поступивших в продажу книг.

Второе издание Уложения в период с 7 января по 6 июля 1651 г. купили гостиной сотни В. Антипин, В. Грудцын, А. Т. Беленинов, В. Боровитинов, С. Левашев, Б. Балезин, Д. А. Селиванов и гость

¹ РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Кн. 39. Л. 657 об.–658 об., 660 об., 662 об., 664, 665, 667, 671, 671 об., 675 об., 677 об.

Г. Никитников [Тимошина, с. 222–224, 229, 237, 242, 243, 246], что составило 1,6 % от 1173 поступивших в продажу через лавку книг.

При анализе указанных цифр создается впечатление весьма малой заинтересованности чиновного купечества в этом юридическом памятнике. Однако для выяснения истинной картины приобретений только почерпнутых из приходных книг показателей недостаточно. Для проведения корректных подсчетов необходимо соотносить не количество купленных входившими в различные социальные группы людьми книг с общим объемом проданных экземпляров, а численность покупателей по отношению к общей численности людей, входивших в ту или иную общественную группу. По положению на 1649–1650 гг. чин гостя имели 22 человека [Голикова, с. 148], и, таким образом, перечисленные в приходных книгах шесть человек гостей составляют уже 27,2 % покупателей, если ориентироваться на их собственную социальную среду.

Одновременно косвенные данные позволяют думать, что экземпляры Уложения в том или ином виде имелись и у других, кроме шести указанных в приходных книгах, гостей. В частности, 14 января 1650 г. Уложение купил сын проживавшего в Пскове гостя Н. Хозина Василий [Тимошина, с. 227]; весьма вероятно, что одна из 14 приобретенных устюжанами гостиной сотни И. и В. Усовыми-Грудцыными книг предназначалась для их земляка, гостя В. Ф. Гусельникова; не исключено, что гость М. В. Дьяконов летом 1649 г. дважды, в разные числа, купивший кодекс, сделал это по просьбе кого-то из своих коллег; скорее всего, из приобретенных гостем В. Шориным пяти книг четыре удовлетворяли потребности принадлежавших к этой же среде его компаньонов или родственников. Гости Д. Г. Панкратьев и И. И. Чистой являлись членами семей крупных торговцев и предпринимателей, одновременно включавших в свой состав дьяков Большой казны, которые имели ту или иную возможность снять, при необходимости, рукописную копию с отправленных в приказы экземпляров. Вполне вероятно, что и гость М. Ерофеев, руководивший Печатным двором во время подготовки и первого, и второго изданий Уложения, также мог заполучить в том или ином виде текст кодекса. Следовательно, к указанным в приходной книге шести гостям допустимо добавить от шести же до десяти человек, и тем самым количество людей из числа служилого купечества, имевших в своем распоряжении первое или второе издание Уложения, возрастет уже до 12–16 человек и составит от 54,5 до 72,7 % от их общей численности.

Таким образом, можно говорить, что гостям была свойственна гораздо большая, чем кажется на первый взгляд, заинтересованность в этом юридическом кодексе, обусловленная теми или иными целями, каковые нельзя видеть ни в их желании иметь в собственных библиотеках раритетное издание, ни в стремлении повысить собственную эрудицию в правовых вопросах. Очевидно, они находили в тексте Уложения темы, касавшиеся их практической деятельности и повседневной, прежде всего деловой, жизни. Таковыми можно считать, в первую очередь, две: а) вопросы судопроизводства в самом широком смысле, включая характеризующее социальный статус гостей положение о бесчестье и штрафах за него, конфликты на почве имущественного права и различные процессуальные стороны судебных процессов; б) вопросы землевладения на вотчинном праве и взаимоотношений с проживавшими на их землях или занятыми в хозяйстве дворовыми холопами, работными людьми, крестьянами. Доказательством служат материалы приказного судебного делопроизводства с яркими примерами постоянных апелляций гостей Юрьевых, Панкратьевых, Филатьевых, М. Ерофеева к тем или иным нормам Уложения в различного рода поземельных судебных делах, имущественных тяжбах о поставках тех или иных товаров, например пеньки (гость В. Воронин), владении различными промыслами и торговыми заведениями (гости И. Д. Панкратьев и О. И. Филатьев), взыскании долгов (гость В. Гусельников) или конфликты, связанные с особенностями положения находившихся от них в разного рода кабальной зависимости приказчиков (гости М. Ерофеев, И. Д. Панкратьев).

Литература

Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. 521 с.

Тимошина Л. А. Приходная книга приказа Книжного печатного дела 1649/50–1652/53 // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2006. Вып. 10. С. 178–313.

С. М. Шамин (ИРИ РАН)

«НЕЯСНЫЕ ПРИБАВЛЕНИЯ» К 25-й СТАТЬЕ X ГЛАВЫ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЗАПРЕТЕ СКОМОРОШЕСТВА

Составление Соборного уложения было закончено 29 января 1649 г. [Ивина, с. 10]. Изначально его записали в виде столбцового рукописного свитка, потом Уложение дважды издали в 1649 г., а затем переиздали в 1737 г. Хотя эти тексты практически идентичны, между ними существуют мелкие различия. Это отметил еще в 1850 г. И. Е. Забелин, сравнивший экземпляры печатного издания 1649 и 1737 гг. [Забелин]. В 1879 г. П. Е. Ваденюк и Д. М. Мейчик сопоставили рукописный текст Уложения с печатным и показали, что памятник издавался в 1649 г. более одного раза, при этом производилась незначительная по своему объему правка [Ваденюк, Мейчик].

Итог наблюдениям подвела Л. И. Ивина, работавшая над археографическим введением к академическому изданию памятника 1987 г. Она отметила, что исправления можно разделить на три группы: «1) явные исправления описок, допущенных в рукописном свитке; 2) изменения по воле верховной власти (сюда относят три случая, когда “гости” перемещены выше “дьяков”) (ст. 30, 83, 158 гл. X); 3) изменения, причина которых неясна (прибавления к ст. 25 гл. X о праздниках в первом издании; внесены изменения в ст. 10 гл. XIV (“О крестном целовании”) только во втором издании)» [Ивина, с. 12]. Таким образом, непонятными для исследователей остаются два случая исправлений.

Объектом нашего исследования стали дополнения к 25-й статье X главы. В столбцовом списке данной статьи перечислены выходные дни, когда не должны работать приказы: воскресенье, дни церковных праздников, дни рождения членов царской семьи. В первом издании Уложения (печаталось с 7 апреля по 20 мая 1649 г. [Ивина, с. 11]) к этому тексту добавили две вставки: «Да в Вознесениев день бань не топяти ж, и на Усекновение и на рождество Иоанна Предтечи на игрища не ходити»; «Да в Петров пост во многих городех заговев в первой понеделник бесятя и играют, и то искоренить проклятое дело»¹. Очевидно, что эти прибавки не соответствуют изначальной задаче статьи (установить дни, в которые не работали приказы). Смысл прибавок – запретить в праздничные дни традиционные народные «игрища». Однако эта новелла не закрепились. Ее удалили при повторном издании Уложения (указ о его публикации был дан 27 августа 1649 г., а в свет книга вышла 21 декабря 1649 г. [Ивина, с. 12]).

Причина возникновения этой то появляющейся, то исчезающей нормы становится понятной, если обратить внимание на издающиеся параллельно с Уложением указы о борьбе со скоморошеством. Сами скоморохи (как признаваемая законодательством социальная группа) исчезли из российского права после Смуты. Выходившие в XVII в. запрещающие указы боролись уже против скоморошеских «игрищ», в которых могли участвовать представители разных слоев населения. Очередной виток борьбы против «игрищ» начался в связи с конфликтом, который вспыхнул между жителями Курска и отправленным в Москву для участия в работе над Уложением курским выборным Гаврилой Мальшевым. В итоге 5 декабря 1648 г. по городам из Разряда стали рассылать государевы грамоты, запрещающие «игрища» под угрозой наказания батогами и ссылки. Однако дальше законодательная деятельность как бы повернулась вспять – 19 декабря 1648 г. появился еще один указ, который был дан в Разряд. Он перечисляет огромное число различных нарушений благочиния, в том числе и «игрища». В нем, среди прочего, упоминалось и то, что люди топят бани и моются в праздники. Мер наказания в этом указе не перечислено. Именно второй, более мягкий указ ушел в Шую в декабре 1648 г. В города, которые не подчинялись Разряду, указ стали рассылать в конце 1649 г. Причем «на места» могли отправить сразу два варианта указа. В Галиче «жесткий» вариант указа из Разряда получили 18 января 1649 г., однако реальные меры приняли только после того, как к ним пришло аналогичное распоряжение из Галицкой чети в конце 1649 г. [Шамин].

Таким образом, мы видим, что в период составления и издания Уложения в окружении царя Алексея Михайловича шла борьба между сторонниками и противниками уничтожения скоморошества. Из-

¹ Соборное уложение 1649 года. Л., 1987. С. 34.

за этого норма в рукописный список Уложения не попала. Потом ее мягкий вариант добавили в статью о выходных днях первого издания 1649 г., а затем (ко второму изданию 1649 г.) вновь убрали. Позднее сторонники жесткой борьбы с «игрищами» победили, но Уложение в XVII в. более не переиздавали.

Литература

Забелин И. Е. Сведения о подлинном Уложении царя Алексея Михайловича // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. М., 1850. Кн. 1. Отд. II. С. 1–18.

Ваденюк П. Е., Мейчик Д. М. Поездка слушателей института в Москву // Сборник Археологического института. СПб., 1879. Кн. 2. С. 1–20.

Ивина Л. И. Археографическое введение // Соборное уложение 1649 года. Л., 1987. С. 10–14.

Шамин С. М. Скоморошество // История России. Т. 5. Кн. 2. Расцвет Московского царства. Вторая половина XVII в. (1645–1689 гг.) (в печати).

А. В. Беляков (ИРИ РАН)

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ НОРМ ПО ОТНОШЕНИЮ К ИНОЗЕМЦАМ, ВКЛЮЧЕННЫХ В СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ 1649 г.

В Соборном уложении 1649 г. содержатся две ограничительные нормы по отношению к иноземцам. Одна из них закрепляла существование особого поместного земельного фонда, из которого наделялись поместьями служилые иноземцы: «А иноземские [поместья] иноземцам беспоместным и малопоместным, а мимо иноземцов, иноземских поместий никому не давать. А русских поместий иноземцам не давать» (гл. XVI, ст. 14). Хотя обмен поместьями разрешался (гл. XVI, ст. 3). Вторая запрещала находиться в личном услужении у иноземцев русским людям: «А иноземцем некрещеным в Москве и в городех держати у себя в дворех в работе иноземцев же всяких разных вер; а руским людем у иноземцов некрещенных, по крепостям и добровольно, в холопстве не быти...» (гл. XX, ст. 70). Следует отметить, что под иноземцами в России понимали все неправославное население, как собственно иноземцев, так и лиц, не одно поколение проживших в Московском государстве. В правовом плане различие русского населения и иноземцев заключалось только в рассматриваемых в этой работе двух нормах и невозможности для служилых иноземцев попасть в состав государева двора.

До последнего времени вопрос о том, когда появились эти нормы, оставался нерешенным. Наиболее разработанным является сюжет с домашними услугами. Указ регулярно фиксируется на протяжении первой половины XVII в. [Орленко, Опарина]. Столь частое его упоминание, по мнению С. П. Орленко, связано с тем, что на практике его выполняли крайне плохо. А вот наиболее раннее его упоминание, хотя и в косвенной форме, относится к 1589 г. и связано с продажей русской девочки татарину [Беляков, 2004].

Закон о поместьях впервые фиксируется в 1613 г. [Законодательные акты, № 69, с. 120]. В следующий раз он фиксируется 30 апреля 1630 г. В дальнейшем, начиная с 1649 г., нормы пользования служилыми землями изменялись в сторону больших привилегий для русских помещиков [Орленко, с. 78–82].

Когда же могли возникнуть эти нормы? До настоящего времени большинство исследователей считают, что Московское государство стало многонациональным только с середины XVI в., после завоевания Казанского и Астраханского ханств. Ими полностью игнорируется тот факт, что и до этого в русских землях проживало значительное число иноземцев (татары, мордва и др.), которые относились как к служилым людям, так и к податному населению. Как минимум со второй половины XV в. в Москве разрабатывались механизмы успешного сосуществования русских людей и приверженцев иных религий [Беляков, 2022б]. Это в том числе требовало разработки определенных правовых норм и локальных систем местного управления на территориях с преимущественно нерусским (неправославным) населением. Поэтому мы вправе предположить, что разбираемые статьи Соборного уложения существовали,

пусть даже в несколько ином виде, как минимум в XV в. Обращение к документам более раннего периода позволяет говорить о том, что разработка законодательства об иноземцах началась еще в XIV в.

В договорной грамоте великого князя Василия Дмитриевича и его братьев с князем Владимиром Андреевичем Старицким имеются очень интересные упоминания: «А ординци и делюи, а тем знати своя служба, како то было при нашем отци, при великом князи, а земля их не купити»¹. Еще в 1998 г. И. Г. Добродомов и В. А. Кучкин обратили внимание на этот фрагмент и подробно его разобрали. Исследователи абсолютно справедливо сделали вывод о том, что эти лица выполняли какие-то службы, связанные с русско-ордынскими отношениями, и появились в середине XIV в. Они отметили, что московские династы были заинтересованы в существовании этих лиц и их службе и потому брали на себя обязательства «не истощать тот земельный фонд, который был выделен делюям» [Добродомов, Кучкин]. Исследователи заблуждались только в одном – данная категория населения не исчезла после падения ордынской зависимости и трансформировалась в великокняжеских служилых татар (позднее служилые татары Посольского приказа), сопровождавших посольства в восточные страны и выполнявших обязанности переводчиков [Беляков, 2022а].

Таким образом, как минимум одна из двух рассматриваемых нами статей Соборного уложения возникла в конце XIV в. Правило, применяемое к делюям, со временем, по-видимому, обратили на всех служилых иноземцев. Вполне возможно, что и статья о русских домашних слугах появилась в результате регламентации жизни все той же категории служилых людей.

Литература

Беляков А. В. Новые документы к биографии астраханского царевича Арслан-Али ибн Кайбулы // Русский дипломатический архив. М., 2004. Вып. 10. С. 189–196.

Беляков А. В. Когда в Московском государстве появились переводчики? К организации дипломатической службы в России в конце XV – XVI в. // Российская история. 2022. № 5. С. 19–31. DOI 10.31857/S0869568722050028 [Беляков, 2022а]

Беляков А. В. Организация управления в Московском государстве XV – начала XVII в. на вновь присоединенных территориях с преимущественно нерусским населением // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 3 (89). С. 64–80. DOI 10.25986/IRI.2022.8.89.007 [Беляков, 2022б]

Добродомов И. Г., Кучкин В. В. Делюи средневековой Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 88–98.

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Комментарии. Л., 1987. 260, [2] с.

Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М., 2004. 341, [2] с.

Орленко С. П., Опарица Т. А. Указы 1627 и 1652 годов против «некрещеных» иноземцев // Отечественная история. 2005. № 1. С. 22–39.

С. В. Стрельников (ЛГУ им. А. С. Пушкина)

О ВИДАХ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ОТ РУССКОЙ ПРАВДЫ ДО СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ

Современная юридическая наука различает до четырех видов систематизации нормативно-правовых актов: учет, инкорпорация, консолидация и кодификация. Однако у исследователей возникают затруднения при определении вида систематизации в случае обращения к историческим памятникам права. Так, в недавно вышедшем учебнике «Теория государства и права» (СПбГЭУ, 2020) к инкорпорации были отнесены: Русская Правда, Судебник 1497 г., Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г., Свод законов Российской империи и др. В современной юридической литературе дается определение инкорпорации законодательства как объединению «нормативных актов по хронологическому, предметному или иному основанию в единый свод, собрание или сборник, где каждый из актов сохраняет свое самостоятельное юридическое значение» [Теория государства и права, с. 532].

Вероятно, отнесение Русской Правды к инкорпорации возникло из-за устоявшегося в литературе мнения, согласно которому Русская Правда – это свод законов Древней Руси.

¹ ДДГ. № 13. С. 37.

Однако при обращении к тексту Русской Правды видно, что данный памятник права не является собранием нормативных актов, имеющих самостоятельное юридическое значение. Следовательно, Русская Правда инкорпорацией не является.

Широко распространено деление Русской Правды на три редакции (Краткая, Пространная и Сокращенная). Большинство исследователей склоняется к тому, чтобы считать Краткую редакцию самой ранней по времени составления. В составе Краткой редакции выделяют Правду Ярослава, Правду Ярославичей, Покон вирный и Урок мостником. В свою очередь, наиболее ранней является Правда Ярослава, к которой со временем были присоединены статьи, образовавшие дошедшую до нас Краткую редакцию Русской Правды. Было ли это объединением разновременных актов в единый консолидированный акт или же стало результатом коренной переработки нормативного массива, сопровождавшейся включением новых норм, в единый кодификационный акт?

Как известно, консолидация предполагает объединение нормативных актов в укрупненный акт в рамках одного предмета правового регулирования, без изменения содержания правовых норм, но с отменой исходных актов. Вопрос в том, можно ли считать Правду Ярославичей, Покон вирный и Урок мостником отдельными нормативными актами или же они являются результатом дальнейшего редактирования Правды Ярослава. В первом случае можно говорить о консолидации актов, во втором – о кодификации. Последующее редактирование Русской Правды (Пространная и Сокращенная редакции) говорит скорее о кодификационной работе.

Необходимо заметить, что источником создания норм для Русской Правды являлась княжеская судебная практика. На это указывает ст. 23 Краткой редакции Русской Правды, которая устанавливала штраф за убийство княжеского конюха. Следовательно, данная норма возникла в результате переработки судебного решения. Можно допустить, что Краткая редакция Русской Правды включает в себя нормы права, возникшие в результате переработки судебных решений. Так, Пространная редакция Русской Правды озаглавлена как «Суд Ярославль Володимеричь». Если рассматривать в историческом аспекте, то нормативно-правовые акты возникали на основе правоприменительных актов. В качестве примера можно привести уставную грамоту митрополита Киприана Царе-Константиновскому монастырю 1391 г. Здесь можно говорить о судебном правотворчестве [Алексеев, с. 90–91; Петров]. Аналогично Русской Правде можно найти и в Законнике вавилонского царя Хаммурапи, который возник в результате переработки судебных решений.

Если говорить о Судебнике 1497 г., то он также не является инкорпорацией законодательства, так как не содержит в своем составе самостоятельных юридических актов. Однако в Судебнике присутствуют черты как консолидации законодательства, так и кодификации. С консолидированным законодательством Судебник Ивана III сближает присутствие в его составе указов («О наместниче указе», «Указ о езде», «О недельщиках указ», «Указ наместником о суде городским», «О татех указ»). В отличие от консолидации, кодификация предполагает не только глубокую переработку по содержанию и форме исходных нормативных актов, но и принятие новых норм, а также отмену или изменение старых норм. В Судебнике же 1497 г. мы видим стремление составителей группировать статьи по разным тематическим блокам, а также фиксируем появление в законодательстве новелл.

Следующим этапом кодификационной работы законодателя можно считать Судебник 1550 г. как результат существенной переработки Судебника 1497 г. Как уже отмечалось в литературе, более 30 статей Судебника 1550 г. являлись новыми [Российское законодательство, с. 50].

И наконец, вершиной кодификационной мысли законодателя Московской Руси становится Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г., состоящее из 25 глав, разделенных на 968 статей, и ставшее итогом коренной переработки всего предшествующего законодательства. В современной теории права выделяют три вида кодификации: всеобщую, отраслевую и специальную. Поскольку в Соборном уложении представлены нормы разных отраслей материального и процессуального права, то говорить об отнесении данного памятника права к отраслевой или специальной кодификации не приходится. С некоторыми оговорками Соборное уложение можно отнести к общей (или всеобщей) кодификации.

Литература

- Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001. 446, [2] с.
Петров К. В. Уставные грамоты (акты) наместничьего управления XIV – начала XVI вв.: генезис правовой формы нормативного акта // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 2 (6). С. 169–175.
Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 2. 519 с.
Теория государства и права: учебник / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Г. Г. Бернацкого. СПб., 2020. 753 с.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

А. А. Гунтуис (НИУ ВШЭ),
С. М. Михеев (Гейдельбергский университет, НИУ ВШЭ)

НАДПИСИ-ГРАФФИТИ УСПЕНСКОЙ ЦЕРКВИ СТАРОЙ ЛАДОГИ

Исследование выполнено в НИУ ВШЭ за счет гранта Российского научного фонда № 19-18-00352, <https://rscf.ru/project/19-18-00352/>.

В Русском музее хранится пласт фресковой штукатурки с инвентарным № држ-151271, снятый с северного фасада Успенской церкви Старой Ладogi в 1950-е гг. Сейчас эти фрески закреплены на деревянном щите высотой 120 см и шириной 80 см.

Красочный слой фресок сохранился только в виде фонов и контуров. Красно-коричневым цветом закрашены горизонтальная полоса разгранки под изображениями людей и архитектуры и вертикальная полоса на левом краю фрагмента, тем же цветом выполнены контуры изображения трех персонажей. Голубая краска использована для неба и для заполнения трех арочных проемов за фигурами. Желтоватым цветом закрашен крайний левый арочный проем, по центру которого изображено растение. Та же краска использована для контуров лиц и рук персонажей, а также для контуров элементов архитектуры, в том числе купола над аркадой (см. краткое описание и черно-белое изображение данной композиции: [Васильев, с. 315, 348, № 32]).

На фрагменте насчитывается 19 надписей-граффити, которые были обследованы нами в сентябре 2021 г., а в январе 2022 г. в Лаборатории RSSDA была изготовлена 3D-модель пласта успенской штукатурки (документирование и моделирование выполнили Ю. М. Свойский, Е. В. Романенко и А. В. Зайцев). Как это типично для граффити на фресках, надписи покрывают разгранки и фоны, отсутствуя на изображенных на фресках фигурах (хотя поверх средней фигуры процарапан рисунок всадника). Дата постройки Успенской церкви (1050-е гг.) является нижней временной границей возникновения этого комплекса надписей. Судя по палеографии, они были выполнены не позднее XIII в.

Состав надписей комплекса очень своеобразен, что может объясняться нахождением сохранившегося участка штукатурки не внутри храма, а на его внешней стене. Обычные для церковной эпиграфики категории текстов – молитвенные автографы и фрагменты литургических текстов – представлены только восемью граффити, в том числе: *Хѣ помози рабѣ своемъ Г[ос]ти[л]ѣ* (с нестандартной заменой *Господи* на *Христе* в традиционной молитвенной формуле) и *и тѣое воскр[е]снїе твое славно из мѣртвыхъ*. Большинство же надписей носят далеко не канонический характер, представляя различные аспекты народной культуры своего времени. Двустрочное граффито начинается со слов *ѣ зем(л)ь*. Это была загадка о пяти хлебах и двух рыбах из апокрифической «Беседы трех святителей» (см. о ней: [Страхов, с. 286–287]). В двух граффити, в четыре и в шесть строк длиной соответственно, фигурирует «лодыга»: *буди Ермолу ло[ды]га з (...)ѣю и буди ... п ... з[а] д[вѣ] (Ан)[т]и[поу л](о)дыга*. В обоих текстах, написанных разными почерками, по-видимому, читались пожелания того, чтобы лодыга (то есть игральная кость, панок) была засчитана авторам – Ермолу и предположительно Антипу – за две. Ближайшую параллель к этим надписям составляет прочитанная А. Л. Лифшицем маргиналия в Стихираре XII в. (РГАДА. Ф. 381. № 152): *иле те тобѣ, Петре, иже не водаси :в: лодыгы* [Лифшиц]. Как осуждаемая церковью забава «лодыги» упоминаются в поучении новгородского архиепископа Ильи. Авторы надписей, вероятно, предавались ей непосредственно у стен храма.

Еще один текст, пока прочитанный не полностью, по-видимому, содержит заклинание: *Шѣбаць (бо)|лне въз(б)рана|[е] (зл)[е бо]лезни ...* Еще более сложна для интерпретации тщательно зачеркнутая, но все же частично разбираемая надпись, в которой надежно вычленяются сочетания *свинии съць соухъ*

‘засохшая свиная моча’ и *гороховъ лоускъ* ‘гороховая лузга’. Оба текста, возможно, удастся прочесть полнее с применением специальной съемки.

Литература

- Васильев Б. Г. Монументальная живопись Старой Ладogi XII века. СПб., 2014. 559 с.
Лифшиц Л. И. Из жизни клириков (две записи одного читателя древнерусской рукописи) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 2 (4). С. 122–124.
Страхов А. Б. «Беседа трех святителей» в славянских записях и маргиналиях // Palaeoslavica. 1998. Vol. 6. P. 286–290.
-

Л. А. Беляев (ИА РАН)

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2016–2022 гг.)

Тезисы составлены в рамках НИОКТР № 122011200385-1 «Эталонные памятники археологии Московской Руси и Российской империи: монастырь и город в ландшафте XIV–XIX вв.».

Новодевичий монастырь прекрасно известен историкам Московского царства, изучающим генеалогию, монастырское хозяйство, архитектуру и церковное искусство. Однако до сих пор практически не была затронута одна область – археологические источники. Отчасти это объяснимо общим развитием науки: полвека назад археология монастырей России только зарождалась, и объекты позднего Средневековья вызывали мало интереса. Казалось, что их стратиграфия, планиметрия и находки вряд ли существенно изменят картину, которую рисуют традиционные виды источников. Редкие вторжения в слой в ходе реставраций 1970–1980-х гг. такую точку зрения скорее подтверждали, хотя отдельные удачные находки (обнаружение надгробия Елены Девочкиной) предвещали возможные открытия.

Последние полтора десятилетия работ (с 2007 г.) показали потенциал археологии в исследовании архитектуры и общей истории монастыря. Они стали одним из ключевых проектов в формировании нового направления – археологии национального периода в истории России, выделения *московской археологической культуры*, и целиком укладываются в эпоху Московского царства и ранней Империи. Публикации по работам выходят регулярно, но монография только готовится, и рассказ о взаимоотношениях археологических источников с традиционными представляется своевременным.

Основанный при великом князе Василии III, монастырь с самого начала служил убежищем знати, в конце XVI в. стал опорой рода Годуновых; в Смуту был уничтожен и, возрожденный при первых Романовых, пережил расцвет в эпоху возвышения Милославских, став затем местом заточения царевны Софьи и Евдокии Лопухиной. С развитием монастырских кладбищ Москвы он вновь занял одно из первых мест как престижный некрополь элиты страны во всем ее разнообразии.

Мы видим пышную ограду с башнями, надвратными храмами, стройной колокольней, иконостасами роскошной резьбы, эмалевые изразцы печей, большим трапезным Успенским и малым Св. Андроника храмами. Но первые полтора века жизни монастыря, 1520–1670-е гг., как выяснилось, представлены единственной постройкой – главным храмом в честь образа Смоленской Богородицы. И только археология позволила рассмотреть контуры начального этапа истории обители.

Первостепенное значение имеет появление на свет линий первоначальных оград монастыря: два широких пояса рвов и первая каменная стена с угловыми башнями, построенная, видимо, в конце XVI в. Тем самым определилась площадь раннего монастыря, он был гораздо меньше – линия новой ограды выступила вперед на 15–25 м. Из этого следует, что все здания, стоящие на линии этой ограды или снаружи от нее, не могут датироваться ранее 1680-х гг. или иметь в своем составе остатки ранних кладок. Это существенно меняет историю топографии и архитектуры монастыря.

Уточнена история Смоленского собора. Открытые в его подклете усиливающий кирпичный каркас для опорных точек и ленточные фундаменты между ними датируют могилы, прорезающие кладку:

самая ранняя устроена в 1570 г. Это *terminus ante quem* второго этапа строительства. Первый период, закладки и строительства (возможно, с перерывами), начался не ранее конца 1530-х гг. и закончился до начала 1550-х гг.

По-новому рисуется и некрополь внутри собора и вокруг него. Его представляли как новый этап развития Вознесенского монастыря в Кремле. Но до конца XVII в. этот аристократический некрополь не воспринимался как царский. Царевна Софья пыталась повысить его значение, перенесла в 1685 г. в подклет останки первой дочери царя Ивана IV, Анны (эта акция не находит подтверждения в документации 1680–1690-х гг.). Изучение надгробий и саркофагов заново показало состав некрополя и внесло коррективы в представления о судьбах погребенных (таких как Ульяна Палецкая), выявило погребения заново крещенных западных христиан (Алексей-Иван Мартемьянович Ганусов, 1552 г.) и мусульман (Федор, сын князя Ивана-Уразлы Канбарова Мангит, 1562 г.). Удалось разрешить серию казусов с хронологией, географией и просопографией в генеалогии Анастасии-Анны-Александры Бельской, Феодосии-Евфросинии-Февронии Голицыной (Телятевской) и других.

Впервые удалось раскрыть остатки келий XVI – начала XVII в., устроенных с особым комфортом (мошние керамической плиткой, печи с неизвестными ранее типами изразцов, кровли с черепицей), – они погибли в огне пожаров (последний – в момент разорения 1611 г.). Об уровне книжности говорят десятки застезек переплетов и надписи-граффити, о внешних связях – уникальные столовые изделия, зооморфные замочки, предметы личного благочестия, ставящие вопросы о типологии, иконографии, хронологии.

Полным археологических загадок остается и пространство монастыря эпохи Софьи (включая некрополь четырех царских дочерей в основном ярусе Смоленского собора), да и более поздний слой, вплоть до объектов XX в. При разборе всех конкретно-исторических сюжетов намечались перспективы совместной работы с материалами монастыря историков разных специальностей – надеюсь, это сотрудничество будет прочным и плодотворным.

А. В. Сиренов (СПБНИИ РАН)

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ Н. П. ЛИХАЧЕВА: ОТ 1918 К 2022 г.

Николай Петрович Лихачев (1962–1936) происходил из семьи с традициями коллекционирования памятников культуры и искусства. В своей книге «Генеалогическая история одной помещицкой библиотеки» он пытался проследить склонность к собиранию книг у целого ряда своих предков – представителей древнего дворянского рода Лихачевых. Однако достоверно известно о крупномасштабной собирательской деятельности его дяди историка-любителя Андрея Федоровича Лихачева, который в течение всей жизни собирал памятники средневековой материальной культуры волжских булгар, а также произведения изобразительного искусства. После кончины собирателя его коллекции выкупил у вдовы его брат отставной вице-адмирал Иван Федорович Лихачев, который подарил эти сокровища городу Казани для устройства городского музея.

Вскоре после защиты в 1888 г. в Казанском университете магистерской диссертации Н. П. Лихачев начал практиковать заграничные путешествия. Его дневниковые записи о поездках 1893 и 1894 гг. показывают, что молодой историк выбирал маршруты отнюдь не как турист, он тщательно знакомился с библиотеками и архивами, находил сведения о древностях, привозил научную литературу, фотографии памятников старины. Еще в Казани Н. П. Лихачев начал собирать редкие издания, а также рукописные документы по истории края. Перебравшись в Петербург, он принялся за собирание икон, причем не только русских. Из своих заграничных поездок он привозил не только памятники письменности, но и иконы. Таким образом, в начале своей собирательской деятельности Н. П. Лихачев как будто действовал теми же методами, как и его дядя А. Ф. Лихачев. Однако у Н. П. Лихачева была своя специализация. Его интересовала, прежде всего, письменность, письмо как явление культуры. Даже к памятникам

средневекового изобразительного искусства Н. П. Лихачев относился как к произведениям иконографии и письма, поскольку обязательным атрибутом каждой средневековой иконы являлась подпись.

Иной характер приобрела собирательская деятельность Н. П. Лихачева после 1902 г., когда для его коллекций на окраине тогдашнего Петербурга на Петрозаводской улице был построен отдельный дом, в котором, впрочем, размещалась и большая семья коллекционера. Важно, что у Н. П. Лихачева с этого времени появилась возможность показывать свои собрания. После революции Н. П. Лихачев, будучи не в состоянии даже отапливать все помещения своего особняка, был вынужден передать коллекции государству. Так его дом с собранием памятников письменности перешел в ведение Петроградского археологического института, где Н. П. Лихачев многие годы читал курсы дипломатики и сфрагистики. С этого времени Дом Лихачева с его коллекциями стал называться Палеографическим кабинетом. На материалах своих коллекций Н. П. Лихачев проводил занятия со студентами. Однако после присоединения Археологического института к Петроградскому университету в 1923 г. необходимого финансирования Палеографический кабинет не получал. Памятники страдали от перепадов температур в неотапливаемых помещениях, от протечек и прочих невзгод, руководство же университета приняло решение разместить в доме на Петрозаводской квартиры своих сотрудников. Все эти обстоятельства вынудили Н. П. Лихачева искать возможности передачи коллекций в ведение Академии наук. Это совершилось в 1925 г., после того как сам Н. П. Лихачев был избран действительным членом Академии наук СССР. Палеографический кабинет был преобразован в Музей палеографии, а Н. П. Лихачев был избран его директором. Уже в 1926 г. Н. П. Лихачев сообщал академическому начальству, что Музей палеографии намерен «издавать постепенно каталоги своих специальных изданий и наиболее замечательных памятников письма (фототипическим и типографским способом)»¹. В справке о Музее его директор писал, что «по воскресным дням и праздникам принимаются экскурсии»². И действительно, согласно Книге посетителей Музея палеографии Академии наук СССР, содержащей записи с конца 1925 по август 1928 г., почти каждое воскресенье в музей приходили посетители – как одиночные, так и в составе организованных групп³. Так, 13 декабря 1925 г. музей посетили сотрудники Библиотеки Академии наук, 17 января 1926 г. – члены кружка по изучению искусства и народного быта при Ленинградском фотокинотехникуме, 31 января 1926 г. – работники типографии «Печатный двор», 12 апреля 1926 г. – сотрудники Пушкинского Дома, 16 мая 1926 г. – сотрудники московского Института археологии и искусствознания, 6 июня 1926 г. – преподаватели и студенты Института истории искусств, 31 октября 1926 г. – преподаватели и слушатели Курсов коммерческих знаний, 4 марта 1928 г. – слушатели Высших курсов библиотековедения при Государственной публичной библиотеке. Музей палеографии посещали видные ученые: филолог академик А. И. Соболевский (28 мая 1926 г.), востоковед академик И. Ю. Крачковский (20 июня 1926 г.), минералог академик А. Е. Ферсман (17 июля 1926 г.), историк профессор С. В. Бахрушин (23 сентября 1926 г.), историк П. К. Симони (17 октября 1926 г.), востоковед академик Ф. И. Щербатский (9 ноября 1926 г.), китаист В. М. Алексеев (19 декабря 1926 г.), историк профессор Н. В. Устюгов (1 января 1927 г.), искусствовед И. Э. Грабарь (15 января 1927 г.), французский славист Андрэ Мазон (22 января 1927 г.), микробиолог академик В. Л. Омелянский (3 февраля 1927 г.), литературовед академик В. Н. Перетц (6 февраля 1927 г.), историк (в то время аспирант) Л. В. Черепнин (24 мая 1927 г.), востоковеды академик В. В. Струве и Ю. Я. Перепелкин (25 июня 1927 г.), искусствовед Д. В. Айналов (30 октября 1927 г.), славист академик М. Н. Сперанский (6 ноября 1927 г.), историк В. М. Базилевич (5 июня 1928 г.), филолог и этнограф И. С. Свентицкий (11 августа 1928 г.). Посещали Музей палеографии и деятели искусства: писатель А. Н. Толстой (17 ноября 1927 г.), драматический актер А. И. Верховский (13 мая 1928 г.) и др.

Деятельность Музея палеографии, штат которого состоял из директора и одной сотрудницы З. Н. Шамониной, прекратилась в начале 1930 г. 28 января Н. П. Лихачев был арестован по так называемому Академическому делу: по подозрению в активной антисоветской деятельности и участии в контрреволюционной организации. Весной 1930 г. произошла реструктуризация Музея палеографии. По предложению исполняющего обязанности директора академика С. Ф. Ольденбурга на основе

¹ СПбФ АРАН. Ф. 217. Оп. 1. Д. 4. Л. 14.

² Там же. Л. 30.

³ СПбФ АРАН. Ф. 217. Оп. 1. Д. 6.

Музея палеографии был создан Музей книги, документа и письма АН СССР, а его фонды были перемещены в здание Библиотеки Академии наук СССР. В течение нескольких лет древнейшие памятники коллекции Н. П. Лихачева, представляющие письменности Древнего Востока, были переданы в Эрмитаж, восточные рукописи – в Институт востоковедения АН СССР. Музей книги, документа и письма был преобразован в Институт книги, документа и письма, который в 1936 г. вошел в состав Ленинградского отделения Института истории АН СССР. В 1966 г. в связи с переездом Ленинградского отделения Института истории АН СССР на ул. Петрозаводскую, 7 хранившиеся там коллекции и библиотека Н. П. Лихачева вернулись в прежнее здание. И только в 2022 г. в рамках проекта «История письма европейской цивилизации» удалось воссоздать, пусть и в фрагментарном виде, выставочный проект Н. П. Лихачева, который получил название «Палеографический кабинет академика Н. П. Лихачева».

В. А. Кучкин (ИРИ РАН)

О СОСТАВЕ ГОРОДОВ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

В 1955 г. в «Исторических записках», издававшихся в СССР, было напечатано исследование тогда молодого историка А. А. Зимина «Состав русских городов XVI в.», вызвавшее большой интерес. В работе был назван 161 русский город, существовавший в первой половине XVI в., и еще 71 город, возникший во второй половине того же столетия. Многочисленные сноски на документы, летописи, сведения С. Герберштейна, архивные материалы подтверждали правильность датировок появления всех 232 городов.

Однако внимательное ознакомление с трудом А. А. Зимина обнаруживает не только достижения автора, но и его упущения, носившие порой существенный характер. В первую очередь следует отметить то обстоятельство, что не все приведенные исследователем названия относились к городам. Определения «Осташков № 34», «Белогородье № 54», «Коряков № 57» (Коряковская слобода), «Кинешма № 60», «Старая Рязань № 111», «Пошехонье № 161» (нумерация названий здесь и далее дана по А. А. Зимину) обозначали не города, а волости или места.

Иной тип погрешностей А. А. Зимина связан с отнесением некоторых городов, первое упоминание которых приходилось на время после 1550 г., к числу поселений, существовавших в первой половине XVI в. Таковы города Романов № 50, Лихвин № 51, Кадом № 52, Шенкурск № 101, Вельск № 102. Поэтому из числа 161 русского города первой половины XVI в. следует исключить по крайней мере 11 поселений, которые или не являлись городами, или были построены после 1550 г. В таком случае общая цифра городов в Русском государстве в первой половине XVI в. должна быть снижена до 150.

Методологический прием, которому следовал А. А. Зимин, определяя состав русских городов в XVI в., был достаточно прост. Если название города встречалось в документе XVI в., то это бесспорно означало, что в указанном столетии город существовал. Однако такой прием не дает возможности определить, возник ли город в XVI в. или же существовал ранее этого столетия. Отсюда проистекали ошибочные заключения историка. Так, говоря об Ивангороде в Новгородской земле, А. А. Зимин относил его возникновение к XVI в. [Зимин, с. 337]. В летописи же его постройка датирована 1492 г.¹ Город Елец, по мнению А. А. Зимина, был построен во второй половине XVI в. [Зимин, с. 338]. Однако летопись упоминает Елец в статье 1398 г.² Об Устюжне (Железнопольской) А. А. Зимин писал, что в XVI в. этот город упоминается в документе 1542/1543 г. и близко к этим годам возник. Но Устюжна в источниках упоминается с 1340 г. [Кучкин, с. 304]. О городе Лухе было объявлено, что в источниках первой половины XVI в. он не упоминается [Зимин, с. 340, примеч. 29]. Однако он зафиксирован в завещании 1503 г. Ивана III.

Данное завещание является главным источником сведений о русских городах начала XVI в. А. А. Зимин использовал этот источник, но в редких случаях. Между тем в этом завещании названы

¹ ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 276.

² Там же. С. 143.

125 городов, которыми владел Иван III и его волоколамские и рязанские родственники. Там указаны города Алексин, Бежицкий Верх, Белев, Белоозеро, Боровск, Брянск, +Великая Соль³, +Великая Соль (другая), Велье, +Венев, Верейя, Владимир, +Волконск, Вологда, Володимирец, Волок (Ламский), Воронач, Воротыньск, Врев, +Выбор, +Высокий, Вышгород на Протве, Вышгород, Вязьма, Вятка, Галич, Гдов, +Городень, Городец на Волге, +Деман, Дмитров, Дорогобуж (смоленский), +Елец, Звенигород, Зубцов+, Ивангород, Изборск, Калуга, Каргополь, Кашин, Кашира Новая, Клин, +Княжичин городок, Кобылье, Козельск, +Козлов, Колмогоры, Коломна, Копорье, Корельск (Корела), Кострома, Котельнич, +Кошкин, Кременец, Кур(еск), Ладога, Луки Великие, Лух, +Лучин городок, Любутск, Медынь, Мезецк, +Мещера (Горбатов), Можайск, Молога, Москва, +Мстиславец, +Мстиславль (название нередкое; можно полагать, что имеется в виду город Юрьевского княжества, исследованный П. А. Раппопортом), Муром, Мценск (Месческ), +Нерехта, Новгород Великий, Новгород Нижний, Новосиль, +Новый городок, Одоев, Опаков, +Опока, Опочка, Орешек, Орлов, Острее, Остров, Перевитск, Переяславль (Залесский), Переяславль (Рязанский), Пермь Великая, Плес, Порхов, Псков, Радонеж, Ржева (Волжская), Ржева Пустая, Романов городок, Рославль (Ростиславль), Ростов, Руза, Руса, Себеж, Серенск, Серпейск, Серпухов, Солигалич (Соль Галичская), Старица, Стародуб (Ряполовский), Суздаль, Таруса, Тверь, +Тешилов, Торжок, Торопец, Углич, Унжа, Устюг, Устюжна (Железнопольская), +Хатунь, +Хлепень, Холм Новгородский, Холм, Холопий городок, Чухлома, Юрьев (Польской), Яма, Ярославец (Малоярославец), Ярославль. Всего в приведенном списке со знаком «+» насчитывается 22 города. Следовательно, в первой половине XVI в. в Русском государстве насчитывалось минимум 172 города. Из этих 172 городов 125 городов (или 72,67 %) существовали уже в начале XVI в. Они отразили период активного строительства крепостей и собственно городов для укрепления обороны и экономики Русского централизованного государства.

Литература

Зимин А. А. Состав русских городов XVI в. // Исторические записки. М., 1955. Т. 52. С. 336–347.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. 349 с.

П. С. Стефанович (НИУ ВШЭ, ИРИ РАН)

«СЛОВО О НАЧАЛЬСТВЕ РУССКЫЯ ЗЕМЛЯ» – ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ XV в.

В 1910 г. Н. И. Серебрянский опубликовал древнерусское сочинение, озаглавленное «Слово о начальстве Русскыя земля» [Серебрянский, с. 68–94]. Публикация прошла незамеченной, и, насколько мне известно, вплоть до сегодняшнего дня сочинение почти не привлекало внимания ученых. Между тем оно представляет интерес как свидетельство исторической памяти о Руси древней в Руси позднесредневековой.

«Слово» известно в одном списке, в составе рукописи рубежа XV–XVI вв. – ОР РГБ. Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцева). № 358. Рукопись представляет собой сборник энциклопедического характера из разного рода произведений. Датировка сборника, предложенная еще А. Х. Востоковым, была подтверждена позднейшими учеными, которые публиковали те или иные тексты из него. Подробное описание рукописи дала А. В. Духанина [Духанина, с. 216–219]. Ее работа подтверждает высказанные ранее суждения, что и состав сборника, и некоторые его особенности, в том числе лингвистические, свидетельствуют о его происхождении из Пскова. О времени создания «Слова» Н. И. Серебрянский выразался неопределенно: «написано приблизительно в XV в.» [Серебрянский, с. 86].

И для Н. И. Серебрянского, и для ряда ученых, обращавшихся к «Слову», оно было важно как текст, отразивший «народные предания». Действительно, некоторые сведения, сообщаемые в «Слове», близки фольклорной традиции. Например, «Слово» рисует близкий былинному образ дружины князя Владимира, состоящей из «храбрых богатыров» [Соболевский, с. 16–17]. Отмечалось,

³ Знак «+» означает, что такого города нет в перечне А. А. Зимина.

что в «Слове» содержится одно из немногих упоминаний древнеславянской богини Мокоши [Мансикка, с. 114].

Однако собственно исторические интерпретации «Слова» не менее интересны. Начинается произведение с пересказа легенды о призвании варягов, в котором, однако, варяги не упоминаются. Согласно «Слову», призывали новгородцы Рюрика и его братьев из «Немецкой земли». В противоречии со всеми летописными версиями легенды говорится, что от Синеуса пошла отдельная княжеская ветвь: «и родишася от Синеуса князи низовския». Рюрик и его потомки выставляются новгородскими князьями, причем специально подчеркивается первенство Новгорода по сравнению с Киевом: «а где ныне град Киев, от начала не бысть ту град». Игорь, сын Рюрика, якобы победил трех братьев Кия, Щека и Хорива, и только при нем «заложиша град Киев». Далее подчеркивается, что Владимир родился в Новгороде.

В этой интерпретации легенды о призвании варягов очевиден новгородский патриотизм. Кроме того, автор хотел выделить «низовских», то есть владими́ро-суздальских, князей. Они оказывались вообще не Рюриковичами, но в то же время наиболее ранней «ветвью» княжеского рода, призванного из «Немецкой земли».

Дальнейшая и бо́льшая часть текста посвящена Владимиру, который прославляется сначала как могущественный правитель, потом как креститель Руси. Именно в этой части исследователи отмечали фольклорные черты. Но достойна внимания также, например, характеристика владений Владимира: «сяде князь» «на великом княженъи всея земля Рускы и Литовския и нача обладати от моря и до моря». Явные анахронизмы находим и в описании внешней деятельности князя: он избивает «силы половецкия», и боятся его «цари ординския», он шлет посольства «во Жидаы, и в Тотары, и в Немци, и во Арменови, и в Царьград». Но эти анахронизмы ярко характеризуют взгляд и перспективу автора «Слова». Особенно выделяются указания на Литовскую землю и на владения «от моря и до моря», которые отсылают к реалиям Великого княжества Литовского.

В рассказе о Крещении Руси (основанном на летописной «Корсунской легенде») важно сообщение о прибытии на Русь митрополита Леона. Это сообщение «Слова» надо поставить в ряд упоминаний Леона как первого русского митрополита в текстах новгородского происхождения XIV – середины XV в. [Назаренко]. И оно, и «новгородский патриотизм», проявившийся в легенде о призвании Рюрика с братьями, свидетельствуют о новгородском происхождении «Слова». Упоминания «низовских князей» и «Литовской земли» указывают на эпоху, когда важнейшие внешние контакты Новгород имел с Великим княжеством Владимирским и Великим княжеством Литовским. По совокупности данных, на мой взгляд, «Слово» следует датировать скорее первой половиной XV в. В тексте отразилось переосмысление известных сюжетов древнейшей русской истории в условиях взаимодействия региональных и общерусской идентичностей в позднее Средневековье.

Литература

Духанина А. В. «Проповѣдь свѣтыхъ апостолъ, кѣмъ которыи учили в которомъ языкѣ»: переработка Жития Стефана Пермского в псковском сборнике рубежа XV–XVI вв. // ТОДРА. СПб., 2022. Т. 69. С. 190–232. DOI 10.31860/0130-464X-2022-69-190-232

Мансикка В. Й. Труды по религии восточных славян. М., 2016. 685 с.

Назаренко А. В. Леон // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 40. С. 441.

Серебрянский Н. [И.] Заметки и тексты из псковских памятников. I–V. СПб., 1910 (оттиск из: Труды Псковского церковно-археологического комитета. Т. 1). [4], 94 с., 1 л. факс.

Соболевский А. И. К истории русских былин // ЖМНП. 1889. Июль. С. 15–19.

А. А. Роменский (ГМЗ «Херсонес Таврический»)

«ИМПЕРИЯ РУСЬ» В ИСТОРИОГРАФИИ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Вопросы этнополитической терминологии имеют не только узкоакадемическое значение, но и, в условиях «мобилизации средневековья» в интересах конструирования новых концептов идентичности [Филюшкин, с. 31–32], нередко используются с целью политической инструментализации исторического прошлого. Примером полемики, выходящей за рамки исключительно научного дискурса, являются споры об интерпретации и географических рамках термина «Русская земля»: исследователи, отрицающие (наряду с узким) его расширительное истолкование, оспаривают таким образом подтверждаемое большинством источников этнокультурное единство домонгольской Руси [Мартынюк, с. 152]¹. В этом же ключе могут рассматриваться и попытки применения к раннесредневековым реалиям терминологического аппарата Нового времени, например, сравнение социума русов IX–X вв. с колониальными торговыми компаниями [Рипс, р. 31; Толочко, с. 103–112] или характеристика политических отношений между Киевом (Поднепровьем) и другими подвластными Рюриковичам территориями как взаимодействие метрополии и колоний [Мусин, с. 110]. Представления об имперском характере государственного образования русов в Восточной Европе [Войтович, 2021, с. 85–86, 92] возникают вследствие анализа Средневековья сквозь призму современных политологических понятий.

Была ли «Русская земля» империей? Положительный ответ советских историков на этот вопрос, как правило, подкреплялся классическим сопоставлением Руси с империей Карла Великого в работе К. Маркса [Marx, р. 75–76; Рыбаков, с. 3, 149]. В качестве ориентира для сравнения иногда называют и Священную Римскую империю германской нации [Войтович, 1996, с. 5], однако имперские притязания на Западе Европы обуславливались прежде всего рецепцией римского наследия. С точки зрения византийской политической доктрины, несмотря на изменения в действительных взаимоотношениях государств, в христианском мире могла существовать лишь одна империя. Неизменность византийского политического универсализма ярко подтверждает послание константинопольского патриарха Антония IV великому князю московскому и всея Руси Василию Дмитриевичу (1393 г.), в котором патриарх замечает, что невозможно для христиан иметь церковь, но не иметь василевса, потому что империя и церковь имеют большое единство и общность (ἡ γὰρ βασιλεία καὶ ἡ ἐκκλησία πολλὴν ἔνωσιν καὶ κοινωνίαν ἔχει...)².

В отличие от болгарских царей, киевские князья никогда не претендовали на титул ромейских василевсов, даже тогда, когда им удавалось породниться с ними. Женившись на порфирородной сестре императоров Василия II и Константина VIII, Владимир Святославич, тем не менее, остается «архонтом» в восприятии византийцев³. Устоявшиеся представления о политической иерархии не поколебала чеканка «златников» и «сребреников», на которых князь изображен в церемониальной одежде василевса; status quo не изменился и вследствие задуманной, но не реализованной Крестителем Руси политической реформы, возможно предусматривавшей передачу власти Борису в обход старших сыновей [Назаренко, с. 121, 138–139]. Не увенчались успехом и последующие попытки «византинизации» политического строя Руси, что, конечно, не случайно. Русь не являлась империей и не могла ею стать до тех пор, пока город на Босфоре считался, пусть и номинально, сакральным и политическим центром всего православного мира. Возможность обретения Русью полноценного имперского статуса открылась лишь после захвата Константинополя турками и практически синхронной краху Византии дезинтеграции Улуса Джучи.

¹ В новейшем исследовании Ч. Гальперин полагает, что термин «Русская земля» вовсе не отражал этнической идентичности, являясь лишь политическим мифом правящей династии [Halperin, р. 22–25].

² Miklosich F., Müller I. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Vindobonae, 1862. T. 2. P. 191.

³ Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec. J. Thurn // Corpus fontium historiae byzantinae. Berlin, 1973. Vol. 5. P. 336; Ioannis Zonarae Epitome Historiarum. T. 3 / Ex recens. Th. Büttner-Wobst // Corpus scriptorium historiae byzantinae. Bonn, 1897. Vol. 49. P. 553.

Литература

- Войтович Л. В. Удільні князівства Рюриковичів та Гедиміновичів у XII–XVI ст. Львів, 1996. 256 с.
- Войтович Л. В. Княжа доба на Русі (837–1492). Львів, 2021. Т. 1. Становлення імперії Русь (837–1054). 590 с.
- Мартынюк А. В. Некоторые наблюдения по поводу условий и механизма появления феномена «Русская земля в узком смысле слова» // *Colloquia Russica. Series II*. Івано-Франківськ; Краків, 2018. Vol. 4. Середньовічна Русь: проблеми термінології. С. 149–156.
- Мусин А. Е. «Погибель земли Руськой». Средневековый словарь и его прочтения: к эволюции этнополитических представлений в Восточной Европе XII–XVI вв. // *Colloquia Russica. Series II*. Івано-Франківськ; Краків, 2018. Vol. 4. Середньовічна Русь: проблеми термінології. С. 93–148.
- Назаренко А. В. Князь Владимир Великий. Креститель, строитель, небесный хранитель Руси (опыт общедоступного научного изложения). М., 2020. 166 с.
- Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964. 240 с.
- Толочко А. П. Очерки начальной руси. Киев; СПб., 2015. 336 с.
- Филошкин А. И. «Мобилизация средневековья» как инструмент формирования представлений о славянском единстве // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 2 (22). С. 22–39. DOI 10.21638/11701/spbu19.2017.202
- Halperin C. J. The Rise and Demise of the Myth of the Rus' Land. Leeds, 2022. VIII, 107 p.
- Marx K. Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century. London, 1899. 96 p.
- Pipes R. Russia under the Old Regime. New York, 1974. XX, 360 p.
-

И. Тирет (Университет Кента, Огайо)

ИЗОБРАЖЕНИЯ НА СВЯТЫХ ВОРОТАХ ДРЕВНЕРУССКИХ МОНАСТЫРЕЙ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Поскольку до наших дней дошло очень мало свидетельств декоративного убранства монастырских врат, тема Святых ворот московских монастырей специально не была исследована ни историками, ни искусствоведом. Однако описи московских монастырей предоставляют множество свидетельств об устройстве и функционировании Святых ворот.

Некоторые описи упоминают Святые ворота в связи с небольшой надвратной церковью или часовней. Опирающиеся на столбы сводчатые пролеты каменных Святых ворот украшались фресками. Деревянные Святые ворота, напротив, как правило, сооружались из соединенных поперечной балкой вертикальных опор, на которую крепился деревянный каркас с установленными в нем двусторонними иконами. Как каменные, так и деревянные ворота могли украшаться закрепленными с помощью тябел иконами. Независимо от материала конструкции Святых ворот, они служили для обозначения сакральной территории монастыря. Это же справедливо и для «малых ворот», предназначенных во многих монастырях в качестве боковых проходов от центральных врат. Они также украшались фресками и иконами.

Декорация Святых ворот варьировалась в зависимости от монастыря и зачастую менялась со временем. Порой иконы на Святых воротах являлись благочестивым вкладом богатого донатора, предоставившего необходимые средства написание этих образов. Другие донаторы тоже могли вносить вклады на дополнительные изображения к ряду имеющихся икон. Иконы на московских Святых воротах не устанавливались раз и навсегда, поскольку образы не только добавляли, но и заменяли другими.

Обращенная к внешнему миру сторона Святых ворот обычно украшалась иконами, призванными внушить паломникам, что место монастыря свято. Во многих случаях это достигалось с помощью размещения Деисусной композиции, в которой по центру располагается образ Христа, по сторонам – изображения Богоматери и Иоанна Крестителя, архангелов Михаила и Гавриила, а также целого ряда святых. Зачастую на фасаде Святых ворот также помещали икону праздника, в честь которого монастырь и/или главная церковь были освящены. Праздничные иконы, связанные с другими церквями или часовнями московских монастырей, могли украшать как внутреннюю, так и внешнюю сторону Святых ворот.

Во многих случаях входные ворота монастырей служили целям репрезентации святых чудотворцев, которые были основателями этих монастырей, или представляли образы других местных святых с особым духовным статусом. Зачастую мощи изображенных на Святых воротах подвижников хранились в одной из церквей в монастырях, где ворота находились. Например, фасад Святых ворот Соловецкого монастыря декорирован большой житийной иконой его основателей святых Зосимы и Савватия Соловецких.

Иногда образы на Святых воротах были написаны для того, чтобы подчеркнуть значение обители. Например, на внешней и внутренней сторонах Святых ворот Борисоглебского монастыря в Можайске размещен ряд образов святых покровителей монастыря, мучеников Бориса и Глеба, рядом с двумя самыми значимыми московскими святыми Сергием и Никоном Радонежскими, а также фигуры нескольких наиболее почитаемых раннехристианских и византийских святых. Образы на внутренней и внешней сторонах Святых ворот служат для того, чтобы показать паломникам духовный статус Борисоглебского монастыря, и в то же время они напоминают живущей в монастыре братии о жертвенном и аскетическом подвигах мучеников и православных подвижников, чьи жития были руководством для всех монахов.

Образы на Святых воротах московских монастырей побуждают предстоящих монахов и мирян к духовной деятельности как на земле, так и на небе. В иконографии многих образов подчеркивались темы скоротечности земной жизни, неотвратимости Страшного суда, и в то же время образы вселяли в предстоящих надежду на их способность преодолеть физическую и духовную слабость, не свернуть с пути, ведущего к вечному Спасению в Царствии Небесном. На Святых воротах нескольких древних монастырей (таких, как Зачатьевский монастырь, Лужецкий монастырь в Можайске, Краснохолмский монастырь, Нило-Столобенская пустынь) размещен ряд икон со сложным духовным содержанием. Изучение этих иконографических программ и будет темой дальнейших исследований.

В. В. Игошев (ГОСНИИР, ЦМиАР, МДА)

ДРЕВНЕРУССКИЕ КОВЧЕГИ-МОЩЕВИКИ: ОСОБЕННОСТИ ТИПОЛОГИИ, СТИЛЯ И ТЕХНИКИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ

В древнерусских храмах, так же как и в византийских, для хранения частиц мощей широко использовались «малые раки», сделанные в виде небольших серебряных ковчегов-мощевиков, прямоугольных в плане, с крышкой, которые именовались: «рака для святых мощей», «рачица», «ковчег», «ковчежец», «ларец с мощами», «крабица» и др. «Малые раки», изготовленные византийскими, древнерусскими и западноевропейскими ювелирами, часто повторяли формы больших саркофагов или архитектурных сооружений. На протяжении IX в. были сформированы основные типы византийских рак, как правило изготовленных в виде прямоугольного в плане ящика с крупными скульптурными изображениями святых, расположенными на плоской или двускатной крышке и на высоких стенках. Западноевропейские готические ковчег-мощевики отличаются формой, стилем и техникой от древнерусских предметов. Таковы выполненные в Лиможе в XII–XIII вв. миниатюрные медные ковчег-мощевики в виде ларцов, украшенных выемчатой эмалью, золочением с ажурными гребнями на двускатных крышках, – формой и пропорциями они сходны с большими раками с высокой двускатной «кровлей», которые воспроизводили облик романских базилик.

Мощи вкладывались также в небольшие ковчег-мощевики разнообразной формы – в виде киотца, квадрифолия, а также в кресты, иконы, складни, панагии и др. Обычно мощевики находились в алтарях храмов внутри престолов, на престолах или вблизи престолов. Самый ранний сохранившийся древнерусский мощевик, сделанный из тонких серебряных пластин в виде шкатулки (размер: 12 × 5,5 × 8 см), был помещен в 1030–1031 гг. в каменный престол Спасо-Преображенского собора в Чернигове. На гладкой серебряной крышке шкатулки чеканена надпись с чернью о вложенных мощах трех святых: «ПАНТЕЛЕЙМО(Н). АКАКИЙ. МАКАВЕЙ» [Холостенко]. Небольшие ковчег-мощевики с мощами святых, как правило, имели свя-

щенные изображения и надписи о вложениях, они, так же как и крупные раки, особо почитались, сберегались как святыни и становились объектом паломничества верующих, к ним обращались за помощью в исцелении и защите от врагов.

К числу древнейших русских памятников относится позолоченный медный ковчег (размер: 43 × 9 × 12 см) с мощами святых врачей Космы и Дамиана, сохранившийся в ризнице храма Св. Марии в Кракове. Мощевик сделан в виде удлиненного ящичка, прямоугольного в плане, с открывающейся крышкой в виде усеченной пирамиды с плоской поверхностью сверху в виде узкой полоски, с крепящейся кованой ручкой, предназначенной для его удобного перемещения. На боковых стенках ковчега и на скатах крышки гравированы житийные клейма, изображения святых, надписи и растительный орнамент, на стенках – сцены из жития бессребреников Космы и Дамиана, а на узкой полоске сверху крышки гравирована молитвенная надпись: «Г[ОСПОД]И ПОМОЗИ САМОИЛОВИ КУЗНЬЦЮ И ЕЛИСЕИЕВИ ПИСЦЮ И ЛЕВОНТЬИЕВИ П[И]СЦЮ». На конструктивные особенности, форму и технику изготовления ковчега оказали влияние византийские, западноевропейские и золотоордынские образцы декоративно-прикладного искусства. Все его части сделаны в одно время – в первой половине XIV в. русскими мастерами: торевтом Самуилом, писцами-изографами Елисеем и Леонтием – в Галицко-Волинских землях.

Форма древнерусских ковчегов постепенно изменялась, и в XV–XVII вв. четырехскатная крышка мощевиков, так же как и больших рак, становится плоской, украшенной чеканными или гравированными изображениями святого в рост. К подобным «малым ракам» относятся серебряные ковчеги, изготовленные царскими мастерами по замыслу Бориса Годунова с 1598 по 1604 г. для грандиозного, но неосуществленного проекта – возведения в Москве храма, который повторял бы иерусалимский храм Гроба Господня. Часть аналогичных серебряных ковчегов-мощевиков сделана в царствование Михаила Романова. Такие реликварии, выполненные в виде прямоугольных ящичков с открывающейся плоской крышкой с горельефными чеканными или гравированными изображениями святых, повторяют формы, характер декора, стиль и технику изготовления больших рак работы царских мастеров XVI–XVII вв.

К более миниатюрным мощевикам, сделанным в виде коробочки, прямоугольной в плане, с плоской крышкой, с петлей или оглавием для подвешивания на груди относится серебряный ковчежец середины XVII в., содержащий мощи и священные реликвии святого Арсения, епископа Тверского, сохранившийся в Архангельском краеведческом музее (размер: 5,3 × 3,2 × 3,3 см). На плоской крышке ковчежца гравированы ростовое изображение чудотворца и надпись о вложенных мощах и священных реликвиях: «В СЕМЬ КОВЧЕЗЕ ЧАСТЬ МОЩЕИ АРСЕНИЯ ЕП[ИСКО]ПА ТВЕРСКАГО ЧУДО(Т)ВОРЦА И ЧАСТЬ АМОФОРА И МАНТИИ». Схожей формы миниатюрный серебряный ковчег с плоской крышкой с гравированным черневым изображением прп. Евфимия Суздальского в рост хранится в Новгородском музее. На крышке мощевика гравирована черневая надпись: «ПРП(ДБ)НЫЙ / ЕВФИМИ(Й) // СУ(Ж)ДАЛЬ/СКИЙ». Такие миниатюрные подвесные ковчежцы получили на Руси широкое распространение, наследуя византийские традиции. Своим типом они схожи с византийскими серебряными мощевиками X–XII вв. При перекалывании мощей из особо почитаемых древних рак в новые раки сберегались различные предметы или отдельные их части, которые также становились священными реликвиями, поскольку соприкасались со святыми мощами. Это «гробовые доски», на которых писались иконы, вырезались рельефные образки и кресты; частицы «надгробных покровов», одеяний (риз), головные уборы, посохи, вериги, панагии, свечи, питьевая посуда, оружие и др. Традиция почитания так называемых «вторичных реликвий», получившая распространение в Константинополе при обретении и переносе мощей в ранневизантийский период, была воспринята и на Руси.

Литература

Холостенко Н. В. Мощница Спаса Черниговского // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 199–202.

А. А. Романова (БАН)

ЗАМЕТКИ О ДРЕВНЕРУССКОЙ ПРАКТИКЕ ПОЧИТАНИЯ МОЩЕЙ СВЯТЫХ

Тема почитания мощей в Российском государстве изучалась и продолжает изучаться в самых разных аспектах. Исследуются происхождение и толкование понятия, рассматриваются свидетельства того, как обращались с мощами и с нетленными телами в целом (см., например: [Левин; Лавров]), систематизируются свидетельства о христианских святынях. Большое количество статей по теме вошло в сборники центра «Христианские реликвии» [Восточнохристианские реликвии; Реликвии]. Краткий обзор литературы по теме помещен в «Православной энциклопедии» [Афиногенова].

Можно выделить определенные направления исследований.

Иногда чудотворения у мощей или у гроба святого – это основной и почти единственный источник известий о подвижнике и его почитании, в качестве примера можно назвать Чудеса Иакова Боровичского.

Перенос мощей святого – важный этап в истории его почитания, иногда рассматривается как официальное установление празднования, может быть инициирован в связи с угрозой разрушения могилы, со строительством или новым освящением храма, с решением церковных властей; наиболее часто перенос происходил в пределах одного монастыря или города. В тех случаях, когда имело место перемещение мощей из одного города в другой, это событие могло принимать государственные масштабы, как случилось, например, с переносом мощей митрополита Филиппа в Москву или переносом мощей св. князя Александра Невского. Обретение нетленного тела могло также положить основание для возникновения нового культа, как произошло в случае с Иаковом Боровичским.

Агиографические тексты нередко содержат описание вскрытия мощей по инициативе церковных властей или по распоряжению начальника обители. В житиях можно встретить описание ситуации, когда сам святой подвижник «в тонком сне» или другим подобным способом запрещает открытие своего гроба или, напротив, просит перенести свое тело в другое место. Для периода 1920-х гг. выделяется отдельное направление исследования – вскрытие мощей и их дальнейшее перемещение, инициированное представителями советской власти.

Особое отношение к нетленности и целостности мощей, впрочем, как хорошо известно, сочеталось с практикой изъятия частиц мощей в благочестивых целях. Описание реликвий общехристианских святых неоднократно встречается в древнерусских текстах, что позволило С. К. Севастьяновой составить целый свод такого рода упоминаний [Севастьянова].

Описание и упоминание мощей в источниках часто включают упоминание о нетленности тела святого. В Софийской летописи в рассказе о поручении Пахомию Сербу написать Службу и Слово на обретение мощей митрополита Петра в 1472 г. сообщается: «... в слове том написа, яко в теле обрели чудотворца неверия ради людскаго, занеже кой толко не в теле лежит, тот у них не свят, а того не помянут, яко кости наги источают исцеления»¹.

Письменные источники, жития и описания чудес, отличаются степенью подробности процедуры освидетельствования мощей. В случае с мирянами или простыми иноками, особенно в преддверии эпохи, когда почитание «несвидетельствованных тел» попадет под полный запрет [Лавров, с. 212–213], описанию состояния мощей придается особое значение. Так, «Повесть известная и свидетельствованная о проявлении честных мощей и отчасти сказание о чудесах святого и праведнаго Симеона» Верхотурского тщательно прописывает состояние мощей «нового сибирскаго чудотворца», подробно перечисляет сохранившиеся и несохранившиеся части тела подвижника: «видех оное праведнаго тело мало не все цело... погребальная же одияния вся разсыпашася... свидетельствах, яко воистинну добродетелнаго и праведнаго человека Божия мощи суть и древних святых мощем подобны»².

Особое внимание местонахождению мощей уделяют перечни русских святых. В «Описании новгородской святыни» 1626–1634 гг. новгородского священника Максима подробно сообщается о том,

¹ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 196; [Ключевский, с. 167].

² Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII в. Новосибирск, 2001. С. 207.

чьи мощи лежат «наверх земли, всеми видимы», а чьи находятся под спудом [Забелин]. Пристальное внимание к мощам святых, в том числе к случаям недавнего их вскрытия или переноса, прослеживается в Святцах Симона Азарьина середины XVII в. [Романова, с. 542].

Сведения о мощах святых, особенно об их переносе, отмечаются в святцах с летописью (дополненных краткими сведениями о святом), которые известны со второй четверти XVII в., и во многом заимствующей эти сведения «Книге глаголемой Описание о российских святых» – перечне российских святых, наиболее ранние списки которого датируются первой четвертью XVIII в. [Книга глаголемая]. Составитель «Книги...» не всегда имел точные сведения о времени смерти святого, однако сведения о наличии мощей отмечал достаточно последовательно. Указаний о состоянии мощей, как и в случае со святцами, в «Книге...» нет. В компилятивном предисловии к «Книге», появившемся в одном из ее вариантов, были перечислены степени святости. Первая из них: «... овы убо свидетельствовани соборне, и памяти их святая церковь праздновати прият... и святыя их мощи верху земли почивают всеми зримы»; вторая: «овы же еще не свидетельствованы, но под спудом почивают, обаче же в чудесех яко солнце просияша. Памяти их святей церкви не предашася праздновати выну, но токмо идеже погребени суть святыя их мощи, и службами ови убо почтени, ови же не почтени», и наконец, «инии в чудесех преславно не просияша, но малым неким от жития их или от чудодействия признанием. Обаче же и тии Богу угодиша, и тому единому усердно от души работаша, и венцы почести от него противу трудов своих восприяша же. Мощи же их не свидетельствовани, и овых убо известны, где почивают, овых же неизвестны»³. Подобной классификацией впоследствии руководствовались и агиологи, в том числе Е. Е. Голубинский. Процедура свидетельствования мощей, насколько возможна ее реконструкция, представляет особый интерес для исследования.

Литература

- Афиногенова О. Н. Мощи // Православная энциклопедия. М., 2017. Т. 47. С. 532–537.
Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2003. 655 с.
Забелин И. Описание новгородской святыни в 1634 г. // ЧОИДР. 1862. Кн. 4. Отд. V. С. 50–56.
Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. III, 465, IV, III с.
Книга глаголемая Описание о российских святых, где и в котором граде или области или монастыре и пустыни поживе и чудеса сотвори, всякого чина святых / Доп. биогр. сведениями [и снабдил предисл.] гр. М. В. Толстой. М., 1887. 288 с.
Лавров А. С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000. 574 с.
Левин И. От тела к культу // Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России. М., 2004. С. 162–190.
Реликвии в Византии и Древней Руси. Письменные источники / Ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2006. 440 с.
Романова А. А. Святцы Симона Азарьина из собрания отдела рукописей Российской государственной библиотеки // Библиотековедение. 2016. Т. 65. № 5. С. 539–544.
Севастьянова С. К. Сведения о мощах христианских святых в памятниках литературы Древней Руси XI–XV веков как основа для каталога святых мощей, бытовавших при патриархе Никоне // Каптеревские чтения – 15. М.; Серпухов, 2017. С. 125–194.
Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. М., 1997 [Репринтное изд.]. Т. 1. 732 с.

³ РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 1199. Л. 4–4 об.; ср.: [Сергий (Спасский), с. 385].

СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ И ЕГО ЭПОХА

А. Г. Авдеев (ПСТГУ, Университет Дмитрия Пожарского)

О НЕОБХОДИМОСТИ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ СТАРОРУССКИХ ЭПИТАФИЙ

Тезисы представлены в рамках научного проекта «Свод Русских Надписей / Corpus Inscriptionum Rossicarum» (CIR) (URL: <https://www.cir.rssda.su>), поддержанного Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом, Университетом Дмитрия Пожарского и Лабораторией RSSDA.

В отечественной эпиграфике сложилось две практики издания эпитафий эпохи Московской Руси – «просто текст с фото и прорисью» и «текст с фото, прорисью и минимальным комментарием». Между тем любая эпитафия – это памятный текст о конкретном человеке, и комплексный анализ, основанный на привлечении различных категорий источников, способен, с одной стороны, расширить краткие сведения, увековеченные в данных эпиграфических памятниках, с другой – тексты эпитафий дают возможность уточнить сведения, имеющиеся в иных источниках.

Примером первого подхода служит неоднократно, с конца XVIII в., публиковавшаяся эпитафия князю Михаилу Никитичу Одоевскому (CIR0879), умершему 19 ноября 1652 г. и похороненному в семейной усыпальнице под западным притвором Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря. В эпитафии указано, что он был погребен 17 декабря следующего года. Подробности о болезни и кончине князя, вплоть до часа смерти, известны из письма Алексея Михайловича отцу покойного, князю Никите Ивановичу Одоевскому, написанного 21 ноября 1652 г. [Солдатенков, с. 219–236]. При этом письмо объясняет более чем годичную разницу между днем смерти и днем погребения М. Н. Одоевского. С 1651 г. Н. И. Одоевский воеводствовал в Казани. По этой причине Алексей Михайлович известил князя, что распорядился похоронить М. Н. Одоевского «у Троицы, у его приходу, у старова твоего двора». Двор Н. И. Одоевского располагался в Китай-городе, и судя по тому, что сноха князя была похоронена у церкви Троицы в Полях [Забелин, стб. 387], то и место первоначального погребения М. Н. Одоевского находилось здесь же. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря подтверждает, что князь Н. И. Одоевский «погребал... тело сына» 17 декабря 1653 г. При этом на иконе, снятой с гроба, были изображены свв. князь Михаил Черниговский и его боярин Феодор¹, что позволяет полагать, что Михаил Никитич Одоевский был крещен на память этих святых 20 сентября или 14 февраля.

Пример второго подхода дает эпитафия Богдану-Семену Васильеву сыну Волинскому, также похороненному в Троице-Сергиевом монастыре (CIR1020). Из эпитафии, сравнительно недавно найденной при раскопках обители, известно, что публичным именем Волинского было Богдан, а молитвенным, полученным при крещении, – Семен, о чем нет сведений в других источниках. В эпитафии также названа неизвестная из других источников дата его гибели (18 августа 1582 г.), видимо, в одном из последних сражений Ливонской войны, а также дата погребения (29 ноября того же года). Это позволяет исправить неточность в генеалогическом очерке Г. А. Власьева, посвященном роду Волинских [Власьев, с. 15]. Исследователь, которому эпитафия была еще недоступна, полагал, что жена Богдана-Семена Волинского, Анна Павловна, после его смерти вторично вышла замуж за Никифора Дурова. Из Вкладной книги Троице-Сергиева монастыря известно, что последний умер в 1571/1572 г.², дата же смерти Богдана-Семена Волинского, указанная в эпитафии, свидетельствует, что Анна Павловна вышла за него замуж вторично, принеся в качестве приданого вотчины первого мужа.

¹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М., 1987. С. 109.

² Там же. С. 83.

Таким образом, данные примеры свидетельствуют о высоком источниковедческом потенциале памятников старорусской эпиграфики, важности их изучения в комплексе с другими категориями источников и привлечения к просопографическим и генеалогическим исследованиям.

Литература

Власьев Г. А. Род Волыньских. СПб., 1911. 75 с.

Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1884. Ч. 1. 1382 стб.

Солдатенков К. Т. Собрание писем Алексея Михайловича. М., 1857. 260 с.

А. С. Алмазов (ГАУГН)

УСЛОВНЫЕ ЗЕМЕЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ РУССКИХ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ НА ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ В 1660-е гг.

Войско Запорожское обладало широкой автономией в составе Русского государства со времени Переяславской рады 1654 г. вплоть до начала XVIII в. Это в полной мере касалось и вопроса о землевладении: земли раздавали гетманы своими универсалами, а массовая раздача земель в Гетманщине русским землевладельцам началась в 1709 г. [Дядиченко, с. 50–51], что совпало с заметным сокращением украинской автономии.

Однако имеются свидетельства, что земли в Гетманщине русские служилые люди получили еще в 1660-х гг. [Алмазов, с. 339–340, 381]. Об этом факте писали В. А. Романовский и Ф. П. Шевченко [Романовский, с. 84–85; Шевченко, с. 290–291], но они не обратили внимания на условный характер такого владения. На последний указывает то, что, во-первых, русские воеводы сообщали, что получили «маетности» на время нахождения в воеводской должности¹, во-вторых, таким было по большей части украинское землевладение – старшина получала земли на время нахождения в должности, так называемые «ранговые маетности» [Дядиченко, с. 46–47].

Есть сведения, что на территории Войска Запорожского получили «маетности» следующие служилые люди: батуринский воевода Т. Клокачов – село (71 двор), стародубский воевода И. Г. Волконский – деревню (99 дворов), черниговский воевода А. В. Толстой – 2 села и деревню (65 дворов), черниговский стрелецкий голова А. Подтопкин – 2 села (26 дворов), черниговский солдатский капитан К. Музапет – деревню (27 дворов), нежинский воевода И. И. Ржевский – село (146 дворов), нежинские стрелецкие головы М. Б. Полянский, Б. А. и П. А. Глебовы – 3 села (23 двора, 27 и 19 дворов)².

Специфика землевладельческих прав старшины состояла в том, что селяне не были прикреплены к земле, а потому имели возможность покинуть «маетность». То, что так было и в имениях русских служилых людей, подтверждается «сказкой» И. Г. Волконского, в которой сказано, что «прихожие люди» должны привезти в имение сено и дрова, а также они стерегут там лошадей³.

Ф. П. Шевченко полагал, что русские воеводы получили «маетности» в 1659 г., когда Переяславскими договорными статьями было предписано выдать киевскому, черниговскому и брацлавскому воеводам имения, которыми до 1648 г. владели польские воеводы [Шевченко, с. 290], однако маловероятно, чтобы эта норма статей была реализована. Поэтому получается, что самое раннее прямое свидетельство о существовании имений русских служилых людей в Гетманщине относится к 172 (1663/1664) г. [Алмазов, с. 381]. Примечательно, что русское землевладение продолжило здесь существовать и после восстания украинских казаков в 1668 г., после которого Москва на десятилетия отказалась от форсированной инкорпорации Войска Запорожского [Алмазов, с. 340–341], однако его масштабы существенно сократились.

Интересен также вопрос о том, кто был инициатором выделения «маетностей» служилым людям. Судя по всему, это были не царь и его окружение. В Москве узнали о такой практике только

¹ См., например, отписку И. Г. Волконского: РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ед. хр. 153. Л. 443–444.

² Переписні книги 1666 року. Київ, 1933. С. 274–275, 276–279; Чернігівська переписна книга 1666 року. Чернігів, 2013. С. 135; [Алмазов, с. 339, 381; Романовский, с. 84].

³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ед. хр. 153. Л. 469.

в 1666 г., о чем свидетельствует отправка воеводам царских указов с приказанием сообщить о ней в отписках⁴. Кроме того, в некоторых случаях переписчики в ходе переписи населения Левобережной Украины в 1666 г. записали села и деревни служилых людей в число тех, с которых предполагалось взимание налогов в царскую казну⁵. Это, по сути, исключало для служилых людей возможность владеть данными «маетностями», поскольку с этого момента они не могли получать с селян ренту в какой бы то ни было форме.

Поскольку инициатором выделения «маетностей» воеводам и «начальным людям» была не Москва, то логично предположить, что это была гетманская сторона. Возможно, таким образом гетман И. М. Брюховецкий пытался выстроить личные неформальные связи с представителями воеводских администраций в обход Москвы, что, в свою очередь, могло быть ему полезным на фоне его длительного конфликта с мещанами⁶.

Литература

- Алмазов А. С. Нежинский гарнизон «ратных людей» и его отношения с украинскими казаками, мещанами и духовенством в 1659–1708 гг. М.; СПб., 2021. 548, [1] с., [8] л. ил., цв. ил., портр.
- Дядиченко В. А. Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII – початку XVIII ст. Київ, 1959. 532 с.
- Романовский В. А. Перепись населения Левобережной Украины 1666 года, ее организация и критическая оценка. Ставрополь, 1967. 125 с.
- Шевченко Ф. П. Русские воеводы на Украине. Очерки взаимоотношений Украины и Московского государства во второй половине XVII столетия (1940) // Шевченко Ф. П. Историчні студії: Збірка вибраних праць і матеріалів (До 100-річчя від дня народження). Київ, 2014. С. 41–318.
-

Т. А. Базарова (СПБНИИ РАН)

ПРОЕЗЖИЕ И ПОДОРОЖНЫЕ ГРАМОТЫ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII в. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА СПБНИИ РАН)

Проезжие и подорожные грамоты служили средством регулирования перемещения подданных и иностранцев по России и выезда за ее пределы. В научной и справочной литературе проезжие и подорожные грамоты нередко употребляются в качестве синонимов. Еще в XVII в. выдача проезжих грамот, как правило, была связана с выездом за рубеж дипломатов или купцов. Шестая глава Сборного уложения 1649 г. и называлась «О проезжих грамотах в иные государства»¹. Их выдавали в Москве в Посольском приказе (а также в Иноземском, Разрядном, Казанского дворца и Сибирском приказах) или воеводы отдаленных от столицы регионов. Пределы Русского государства без такого документа покидать было запрещено.

В Петровскую эпоху из России в Западную Европу стало выезжать гораздо больше людей, в том числе на учебу или для выполнения различных поручений государя. В конце 1696 г. он указал отправить в европейские страны «учиться всяким наукам» группу стольников. Под именем десятника Петра Михайлова царь Петр I покинул Москву с Великим посольством. Если государь вместе с урядниками Преображенского полка упоминался в одной грамоте, то для каждого из стольников в Посольском приказе был подготовлен отдельный лист.

Проезжие, или «свидетельствованные грамоты» (самоназвание) написаны на больших листах александрийской бумаги и схожи по формуляру и оформлению. Начало текста заключено в рамку с растительным орнаментом, выполненным твореным золотом, которым также написаны титулы царя. Полный титул Петра Алексеевича и перечисление возможных адресатов грамоты (европейские государи, губернаторы, бургомистры) занимают больше половины листа. К каждой грамоте прилагался перевод на латынь.

⁴ Там же. Л. 443.

⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1667 г. Ед. хр. 23. Л. 3 об.–5; Ф. 210. Оп. 12. Ед. хр. 153. Л. 706.

⁶ См. об этом конфликте: [Романовский, с. 43–44, 71–72].

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 1. № 1. С. 8.

В 1710-х гг. в качестве самоназвания документа, дающего право русским людям на поездку за рубеж, утвердилось «пас» или «паспорт». Как синоним «проезжей грамоты» в посольских отчетах «пас» встречался с 1660-х гг., «паспорт» – с конца XVII в. [Сергеев, с. 73]. Уменьшается формат листа и упрощается оформление. Текст сокращается за счет интитуляции и инскрипции. Вместо полного титула используется «Мы, Петр Первый, царь (с 1721 г. – император) и самодержец Всероссийский», а вместо перечисления адресатов – «всем, кому ведати надлежит».

Появляются печатные бланки, в которые вписывались имя и фамилия. В Архиве СПбИИ РАН хранится проезжая грамота («пас»), выданная 12 июля 1719 г. Якову Петровичу Шафирову⁸. По-видимому, это один из самых ранних сохранившихся печатных заграничных паспортов для выезжающих на учебу. Место его выдачи – «в нашем морском флоте при Ангуте июля 12-го дня 1719 году». Очевидно, подготовленные заранее печатные бланки паспортов взяли в военный поход.

По мнению С. Франклина, самый ранний дошедший до наших дней печатный иностранный паспорт был выдан 15 апреля 1719 г. полковнику от артиллерии Г. В. Геннину⁹ [Франклин, с. 377]. В нем имеется такая же формула: «объявляем чрез сие всем, кому ведати надлежит». Должность, имя и цель поездки вписаны от руки. После отпечатанного «Во свидетельство того дан ему сей пас за нашею» на свободном месте от руки добавлено «печатью». Итак, предусматривалось, что паспорт мог быть подписан не только государем, но и уполномоченным им лицом. Паспорт Г. В. Геннина заверен государственной печатью и подписью канцлера Г. И. Головкина. На обороте документа – копия на немецком языке. Проезжие грамоты стали предшественниками паспортов в современном значении слова [Чернуха, с. 18–19].

Подорожные давали право на проезд по России. Их история началась в XV в., когда был образован Ямской приказ и появилась необходимость регулировать предоставление казенных лошадей. «Подорожная грамота» (или «подорожный лист») часто упоминается как самоназвание. Их выдавали приказы (коллегии), канцелярии, чиновники различного уровня и военные; подписывали руководители ведомств. Направленному по служебным делам предоставляли подводы.

Подорожные, как правило, писали на меньшем листе бумаги, чем проезжие. В конце XVII – начале XVIII в. бумага могла быть как столбцового, так и тетрадного формата. Обязательно указывались маршрут и число подвод, предоставлявшихся по маршруту следования. Имена (обычно и число) людей, сопровождавших получателя подорожной, в ней не указывались. Как правило, текст начинался с даты и фразы «По указу царского величества...». При необходимости упоминались поверстные деньги, которые выплачивались почтарям, ямщикам или уездным людям. Бытовали рукописные бланки, которые получали курьеры, осуществлявшие поездки по единому маршруту. Основной текст написан четким писарским почерком, а в оставленные пустыми места вписывали дату, имя и должность получателя грамоты.

К концу 1710-х гг. печатные бланки уже использовались и для подорожных¹⁰. Наиболее оживленным был маршрут между Москвой и Санкт-Петербургом. По указу от 21 января 1718 г. подорожные в Москве следовало «как на ямские, так и на почтовые подводы печатать против Санкт-Петербургского»¹¹.

Итак, в петровское время подорожные и проезжие грамоты различались по назначению и формуляру. В 1710-х гг. «проезжие грамоты» начинают сменяться «пасами» и «паспортами». История «подорожных» закончилась только в конце XIX в.

Литература

- Сергеев Ф. П. Опасная грамота. Паспорт // Русская речь. 1974. № 1. С. 72–75.
Франклин С. Технология власти в XVIII веке: о зарождении и типологии «светских» печатных бланков // Труды ГЭ. СПб., 2014. Т. 71. Наследие Николая Петровича Лихачева: интерпретация текста и образа. Материалы научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика Николая Петровича Лихачева (1862–1936). С. 372–383
Чернуха В. Г. Паспорт в России. 1719–1917 гг. СПб., 2007. 296 с.

⁸ Архив СПбИИ РАН. Кол. 277. Оп. 2. Д. XI/17. Л. 31, 32.

⁹ Архив СПбИИ РАН. Кол. 238. Оп. 2. Д. 197/3.

¹⁰ Архив СПбИИ РАН. Кол. 106. Оп. 1. Д. 145.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 5. № 3145. С. 532.

И. Г. Бурцев (ГМЗ «Куликово поле»)

**ЛЮДИ ТУЛЬСКОГО ФРОНТИРА
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ДВОРЯНСКИХ КОРПОРАЦИЙ ТУЛЬСКОГО КРАЯ)**

При изучении дворянских корпораций Тульского края возникло две идеи.

Одна связана с командиром 1-й сотни епифанцев детей боярских в 1605 г. Истомой Пашковым. Некогда С. Е. Князьков заметил, что непонятно, к какой служебной корпорации он принадлежал [Князьков]. Его называли «Соловценин сын боярский», «атаман казачей», воевода «с тулены и с коширяны и с веневици», «а на Веневе был сотник», «сын боярский веневитин», «епифанец»¹. В середине XVII в. Пашковы назывались каширянами [Князьков, с. 73].

По родословию Пашковы происходили от выехавшего из Польши Григория Пашкевича². Сыновья Григория Иван и Яков были дворовыми детьми боярскими («коширяне» или «туляне»), получившими поместья в Веневском уезде³. Как веневские дети боярские они были записаны в епифанскую десятню 1591 г.: Иван среди получавших жалованье из четверти с окладом в 300 четей земли, а Яков – среди умерших (в его место записан сын Федор)⁴. Истома Пашков был сыном Ивана. Еще в 1603/1604 г. Иван Пашков числился в кормленной книге Галицкой чети⁵ (вероятно, как каширянин), но, судя по ввозной грамоте, выданной Истоме 26 июля 1603 г., Иван умер в 1602/1603 г., после чего Истома и был пожалован отцовским поместьем [Князьков, с. 70–71]. Яков Пашков умер на службе в Туле до 1576 г. [Князьков, с. 69]. Его вдова Татьяна, сын Федор с женой Ариной, внук Григорий Никитич и две внучки в 1622 г. записаны уже в Тульскую десятню (хотя их поместья и вотчины находились в Веневском уезде)⁶.

Третьей сотней епифанцев в 1605 г. командовал Иван Коптев. Часто его отождествляют с Ивашком Степановым сыном Коптевым из 2-й сотни. Это невероятно, поскольку тот имел оклад в 30 четей и 4 рубля, что не соответствует статусу сотника, сотник же не мог быть записан в другую сотню. Правда, Коптевы были разветвленным тульским родом, и И. С. Коптев мог к нему принадлежать. Подтверждением этому может служить порука по нему тульского губного старосты Андрея Маслова. В тульской десятне 1622 г. записаны Осип, Семен и Василий Ивановы дети Коптевы. Окладчик Осип с братом Семеном – в статье «по 700 четей», Василий – «по 500 четей»⁷, что приличествует сотнику Ивану Коптеву.

Легкий переход семьи Пашковых из одной корпорации в другую, тульское происхождение сотника Коптева, а также совпадение фамильного состава детей боярских по уездам стали предпосылками тезиса о том, что дети боярские Тульского края были тесно связаны между собой. Возможно, дворяне Тульского, Каширского и других уездов формально считались единой корпорацией в силу того, что до присоединения к Московскому государству эти территории были рязанскими. Видимо, в первой половине XVI в. детей боярских из Каширы стали испомещать «на Туле», а оттуда параллельно – в других вновь образуемых уездах. Например, туляне имели земли в Тульском, Алексинском, Епифанском, Соловском, Веневском и Дедиловском уездах. В двух последних уездах дворянских корпораций создано не было, все тамошние помещики – туляне и каширяне. Епифани повезло – в 1585 г. в дети боярские были поверстаны 300 городских казаков, что позволило образовать уездную дворянскую корпорацию (при участии нескольких помещиков из тулян, каширян и веневцев).

¹ Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. М., 1959. С. 85, 99, 102, 111, 131, 205.

² Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб., [1807]. Ч. 8. № 21.

³ Писцовые книги Московского государства. СПб., 1877. Ч. 1. Писцовые книги XVI века. Отд. II. С. 1552.

⁴ Куликово поле. Документы по истории Епифани и Епифанского уезда XVI в. Тула, 2015. С. 68, 69.

⁵ Четвертки Смутного времени (1604–1617) / Материалы собр. и ред. Л. М. Сухотиным. М., 1912. (Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг. Материалы, изданные Императорским Обществом истории и древностей российских при Московском университете. Вып. 9). С. 35.

⁶ Десятни Тульского края 1622 года. Тула, 2021. Вып. 1. Десятни Тулы и Епифани. С. 33, 159.

⁷ Там же. С. 34, 47.

Другая идея разрабатывается нами довольно давно. На основе фамилий детей боярских мы пытаемся выяснить этнический состав уездных корпораций [Беделев, Бурцев, с. 288–293].

Предварительный анализ данных около 600 землевладельцев тульской писцовой книги 1587–1589 гг.⁸ показал следующее: к выходцам с Востока или связанным с ними теми или иными узами можно отнести 142 человек (около 24 %), к выходцам с Запада или связанным с ними – 108 (18 %). Из 742 человек, записанных в тульскую десятню 1622 г.⁹, 166 (22,3 %) – выходцы с Востока, 134 (18 %) – с Запада. В переписной книге Тулы 1646 г.¹⁰ из 670 человек с Востока – 186 (около 28 %), с Запада – 139 (около 21 %). Таким образом, в рядах тульского дворянства 40–50 % было иноземного происхождения. Тула и ее население типичны для польской украины того времени. Подобную картину, вероятно, можно наблюдать и в других городах южнорусского фронта.

Высказанная нами надежда использовать списки служилых людей «по прибору» пока не оправдалась.

Литература

- Беделев М. Р., Бурцев И. Г. О тульской десятне 1622 г. и служилом населении Тульского края // Позднесредневековый город III: археология и история. Материалы III Всероссийского семинара. Тула, 2011. С. 285–293.
Князьков С. Е. Материалы к биографии Истома Пашкова и истории его рода // Археографический ежегодник за 1985 год. М., 1986. С. 68–74.

Г. С. Гадалова (Тверской областной фонд культуры)

СИНОДИЧНЫЕ ЗАПИСИ О ТВЕРСКИХ КНЯГИНЯХ

Имена великих княгинь Тверского княжеского дома сохранились в ряде церковных и монастырских синодиков. К сожалению, краткость синодичных записей не всегда раскрывает подлинное имя поминаемой княгини.

В Спасо-Преображенском соборе в синодиках XVII в. поминали:

<p>Великую княгиню Марию, Великую княгиню Анастасию, во иноцехъ Афонасию, Великую княгиню Марию, Великую княгиню Афонасию, Великую княгиню Софию (ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 9465 (далее – Муз. 9465). Л. 32–32 об.)¹.</p>	<p>Великую княгиню Марию, Великую княгиню Анастасию, во иноцѣхъ Афанасию, Великую княгиню Марию, Великую княгиню Афанасию, Великую княгиню Софию (Тверские епархиальные ведомости. 1904. № 4. С. 96–98).</p>
--	--

Не вызывает сомнения в синодиках имя княгини Ксении (+ 1312), супруги великого князя Ярослава Ярославича Тверского и Владимирского, поскольку и светское ее имя и иноческое Мария известны из разных источников [Гадалова, 2011].

Поскольку в разных списках встречается иноческое имя Евдокии «Евфросиния», видимо, в «Тверских епархиальных ведомостях» была допущена опечатка «Марию». Состав опубликованного в газете Синодика был аналогичен помяннику старицкого Успенского монастыря с записью на полях: «Великую княгиню Анну, во иноцех Софию Кашинскую» (Тверские епархиальные ведомости. 1904. № 4. С. 99). Подобное дополнение сохранилось в Музейном списке на правом поле л. 32: «[к]н[я] гиню-инок[у А]нну» (Муз. 9465). Обе записи могли появиться после канонизации святой в 1650 г. [Голубинский, с. 130].

⁸ Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. II. С. 1073–1097.

⁹ Десятни Тульского края 1622 года. Вып. 1. С. 14–161.

¹⁰ Тула. Материалы для истории города XVI–XVIII столетий. М., 1884. С. 23–29.

¹ Благодарю А. Г. Авдеева за предоставленный материал.

Имена княгинь расположены не в хронологическом порядке. Возможно, это связано с составлением синодиков в период правления великого князя Ивана Михайловича Тверского. Косвенно об этом свидетельствует Погодинский список Синодика XVII в., где имя князя Ивана вписано после имени князя Михаила Ярославича, но перед именами отца и деда: «Великого князя Михаила. Великого князя Иоанна. Великого князя Александра. Великого князя Михаила. Великого князя Александра. Великого князя Бориса. Великого князя Михаила» (ОР РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 1557 (далее – Погод. 1557). Л. 60). Если гипотеза верна, имя Евдокия, написанное вслед за именем Ксения, – это имя Евдокии Дмитриевны (+ 13.04.1412), второй жены князя Ивана Михайловича. Следующее имя Евдокии – имя матери Ивана Михайловича, княгини Евдокии Константиновны (+ 01.11.1405). В списке княгинь, погребенных в кафедральном соборе, указано ее иноческое имя: «На той же странѣ в стѣнѣ почивают великия княгиня Мария, во инокинях Феодотия, да великая княгиня Евдокия, во инокинях Евфросиния» (ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1554. Л. 242). Вторую жену князя Константина Михайловича тоже звали Евдокией (+ 1365), но в синодиках идет линия родословной его брата Александра и его наследников.

В истории Тверского княжества нет великих княгинь с именем Феодосия, известны лишь две супруги удельных князей: княгиня Феодосия, вдова кашинского князя Ивана Борисовича (+ 1412), племянника Ивана Михайловича, и княгиня Феодосия (+ 19.02.1501), дочь Ивана III, жена князя Василия Холмского. Возможно, имя княгини Феодосии в синодиках – это искаженное иноческое имя упомянутой далее супруги великого князя Дмитрия Михайловича Марии Гедиминовны (+ 1349). Следующее имя Мария относится к ее племяннице, первой жене князя Ивана Михайловича – Марии Кейстутовне (в иночестве Марфа; + 30.11.1404).

Имя Анастасия носила бабушка Ивана Михайловича, которая скончалась 20 ноября 1365 г. В 1397 г. в Спасо-Преображенском соборе была погребена княгиня Анастасия, жена князя Василия Кашинского, брата Ивана Михайловича¹. Согласно преданию об основании кашинского Сретенского женского монастыря, Анастасией звали супругу князя Юрия Александровича, внука Ивана Михайловича [Баженов, с. 10–11]. Обе супруги второго внука Ивана Михайловича – великого князя Бориса Александровича именовались Анастасией: княгиня Анастасия Андреевна умерла 12 февраля 1451 г., о судьбе княгини Анастасии Александровны после падения Тверского княжества в 1485 г. сведений нет. Однако кто из княгинь принял иноческое имя Афанасия – неизвестно.

Третье имя Мария в синодиках относится к дочери Бориса Александровича и супруге Ивана III, умершей «от смертнаго зелия»² 22 апреля 1467 г. [Панова, с. 114–115].

Великую княгиню Афанасию история Тверского княжества не знает.

Светское имя Софья присуще первой жене Константина Михайловича (+ 1346) и супруге князя Всеволода Холмского (+ 1365/1366). Княгиня Анна Кашинская, в иночестве София, была развенчана на Московских соборах 1676 и 1677 гг. и не упоминалась в месяцесловах [Голубинский, с. 159–168]. Скорее всего, имя София в синодиках – это имя супруги последнего тверского князя Михаила Борисовича, скончавшейся в Твери 7 февраля 1483 г.

Имена тверских княгинь сохранились и в монастырских помянниках. В Синодике 1604 г. Малицкого Николаевского монастыря, «поновленном» в 1674 г., наряду с предыдущими ошибками искажены имена двух Марий: «Великия княгини Ксении, во иноцѣх Марии. Великия княгини Анны, во иноцѣх Софии Кашинския. Великия княгини Евдокеи 2-ж. Великия княгини-иноки Евфросинии. Великия княгини Феодосии. Великия княгини Дарии 2-ж. Великия княгини Анастасии, во иноцѣх Афанасии. Великия княгини Афанасии. Великия княгини Софии» (ТГОМ. ТвМ. НВФ-573/2. Л. 5). В Синодик 1687 г. Желтикова Успенского монастыря вписали: «Великую княгиню Марию. Великую княгиню Ксению. Великую княгиню Евдокию. Великую княгиню Евфросинию. Великую княгиню Евдокию, во иноцех Феодосию. Великую княгиню Анастасию, во иноцех Афанасию. Великую княгиню Анастасию. Великую княгиню Анну. Великую княгиню Софию» (ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1237. Л. 168 об.–169). В монастырском Синодике XVIII в. имена отредактированы: «... Благоверной княгини

¹ ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 166 (6905 г.).

² ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20. Вып. 1. С. 277 (6975 г.).

Евдокеи, во иноцех Евфросинии. Благоверной княгини Евдокеи, во иноцех Феодотии... Св. благоверной княгини Анны...» (ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1040. Л. 39 об.).

Особняком стоит Погодинский список, поминавший: «Великую княгиню *Ксению*. Великую кнегиню *Анну*. Великую княгиню *Мамелфу*. Великую княгиню *Антонеу*. Великую княгиню-иноку *Маремьяну*. Великую княгиню *Софию*. Великую княгиню-иноку *Марфу*. Великую кнегиню *Анну*. Великую княгиню *Анастасею*. Великую княгиню *Ульянею*, иноку Улею. Великую княгиню *Анну»* (Погод. 1557. Л. 60–61). Большинство упомянутых имен неизвестны. Кроме княгини-инокини Анны Кашинской других великих княгинь с именем Анна в Тверском княжеском доме не было [Гадалова, 2020]. Возможно, речь идет о тверских княгинях позднего времени или княгинях удельных княжеств.

Несомненно, открытие новых источников будет способствовать подтверждению выдвинутых гипотез или установлению истинных имен поминаемых в синодиках великих княгинь Тверского княжеского дома.

Литература

- Баженов И.* Кашинский Сретенский женский монастырь. СПб., 1893. 51 с., 6 л. ил., портр.
Гадалова Г. С. Благоверная великая княгиня Ксения Тверская. Тверь, 2011. 223 с., [4] л. цв. ил., портр.
Гадалова Г. С. Женщины Тверского княжеского дома. Тверь, 2020. 199 с.
Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1998. 597 с.
Панова Т. Средневековая Русь: яды как средство сведения счетов // Наука и жизнь. 2006. № 8. С. 110–115.
-

В. В. Газизов (Мурманский педагогический колледж)

СТРЕЛЕЦКИЙ ГАРНИЗОН КОЛЬСКОГО ОСТРОГА В КОНЦЕ XVII в. (ПО МАТЕРИАЛАМ РОСПИСНЫХ СПИСКОВ)

Стрелецкое войско Московского государства XVI–XVII вв. вызывает интерес в современной историографии. Одним из рассматриваемых аспектов является положение стрельцов в разных уездах. Немаловажное значение приобретает исследование социального статуса служилых людей, занятий, выполнения невоенных поручений, взаимоотношений с властью и разными слоями общества. Стрелецкий гарнизон Кольского острога еще не становился предметом специального исследования. В историографии есть лишь несколько работ, посвященных отдельным вопросам его истории. Наиболее полное представление об истории стрелецкого гарнизона Колы дано в работах И. Ф. Ушакова. Всестороннее изучение кольских стрельцов требует обращения к широкому кругу архивных источников.

Важным видом источников для изучения стрелецкого гарнизона Кольского острога являются росписные списки. Росписной список – это делопроизводственный документ, составившийся при вступлении воеводы в должность, фиксировавший материальное состояние острога, население, документы, хранившиеся в архиве приказной избы.

Росписные списки дают информацию о годовых доходах и расходах съезжей избы, должниках, выдаче и погашении долгов, выплате жалованья служилым людям и сборе податей. Нами использованы росписные списки кольских воевод Петра Ивановича Дубровского (1675 г.), Льва Борисовича Секирина (1678 г.), Василия Ивановича Эверлакова (1681 г.).

Источники фиксируют жалованье кольским стрельцам. И. Ф. Ушаков, обращавшийся к этому вопросу, использовал далеко не все данные, что создавало статичную картину. Так, он отмечал, что стрелецкий голова получал 25 руб., сотники – 12 руб., пятидесятники – 4 руб., десятники – 3 руб. 75 коп., стрельцы – 3 руб. 50 коп. Хлебное жалованье стрельцов составляло 2 четверти ржи, 2 четверти овса и 1 четверть ячменя.

Однако росписные списки за разные годы показывают, что размер стрелецкого жалованья не был стабильным. В 1673–1681 гг. жалованье рядовых стрельцов колебалось от 1 руб. 75 коп. до 3 руб. У сотников в 1677 г. оклад составлял 36 руб., а в 1681 г. – 26 руб. 50 коп. У десятников и пятидесятников

на протяжении всего исследуемого периода жалование не менялось: «с вершков дано пятнатцать рублев». Жалование пушкарей в рассматриваемый период могло составлять от 2 руб. до 4 руб. 25 коп.

Тем не менее выплачиваемого жалования не хватало. Об этом говорят запросы стрельцов к воеводам о выплате денег в долг. Так, в 1677 г. они просили по 1 руб. человеку, а в 1681 г. – по 1 руб. 84 коп. На жалование стрельцам выделялись крупные суммы денег: в 1675–1676 гг. – 2280 руб., в 1676–1677 гг. – 2967 руб. 50 коп.

Кроме денежного, стрельцы получали и хлебное жалование. Его выплачивали рожью, овсом и ячменем.

Стрельцы, жившие на черных землях, платили подати, как и посадские люди острога. И. Ф. Ушаков отмечает, что жалование никогда не выплачивалось полностью, часть суммы удерживали на полковые расходы, кроме того, воеводы злоупотребляли своим положением и разными способами вымогали деньги у стрельцов.

Долги стрельцов составляли не более 1,5 руб. на человека, но были и исключения. Например, стрелец Павел Ляпунов с двумя братьями должен был 127 руб. 96 коп. Причины долгов заключались в задержках доставки жалования в Кольский острог.

Таким образом, командный состав гарнизона Кольского острога был более обеспечен, о чем говорит сохранение на одном уровне жалования стрелецких десятников и пятидесятников. У рядового состава стрельцов положение было более шатким: размер их жалования колебался. Порой его не хватало, что заставляло стрельцов брать в долг у более состоятельных людей и воеводы. Неудивительно, что именно рядовые стрельцы старались выслужиться перед воеводой, участвуя в доносах, разоряя местное население в интересах главы уездной администрации. Впрочем, это поведение не было всеобщим. Среди стрельцов находились и те, кто готов был вступить в открытое противостояние с воеводой. Именно такая ситуация произошла в 1697 г., когда в Кольском остроге возник конфликт части стрелецкого гарнизона с воеводой Иваном Воронецким.

М. Гардзанити (Флорентийский университет)

ИДЕЯ ВОСТОКА В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

В раннем Новом времени были разработаны мифологические повествования о происхождении народов, в частности для Центрально-Восточной Европы – идея Сарматии, и созрели древние средневековые концепции, направленные на точные геополитические представления. В более широком смысле, была предпринята попытка ответить на необходимость очертить границу между Европой и Азией, между Западом и Востоком, между цивилизацией и варварством, что имело глубокие последствия на культурном уровне. В отличие от открытия Нового Света, в котором было легче воспринять отделение от европейского континента и инаковость нового континента, граница между Европой и Азией поставила вопрос о месте России и наследии славяно-византийского мира по отношению к Западу и в то же время потребовала пересмотра географических знаний, разработанных в древнем мире.

М. И. Давыдов (Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник)

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ В ПРИКАЗЕ БОЛЬШОГО ПРИХОДА В КОНЦЕ XVI в. (ПО ОТПИСЯМ ИЗ АРХИВА СУЗДАЛЬСКОГО ПОКРОВСКОГО ДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ)

Вплоть до конца XVI в. отписи являются сравнительно редко встречающейся разновидностью актовых источников. Впрочем, в отдельных собраниях они представлены шире, образуя своеобразные подборки. Так, в архиве Суздальского Покровского девичьего монастыря за период 1545/1546–1600/1601 гг.

всего отложилось 90 отписей; 43 из них (то есть почти половина), относящиеся к 1579–1600 гг., выданы в Приказе Большого прихода¹. Общая величина этого массива позволяет сделать ряд важных наблюдений над делопроизводственной практикой, принятой в названном финансовом ведомстве на начальном этапе его существования.

Особенно показательны в этом плане пять самых ранних сохранившихся документов (1579–1587 гг.), которые выделяются следующими специфическими особенностями формуляра: одновременный прием налоговых поступлений сразу с двух/нескольких уездов (№ 92, 106, 151) или, напротив, совсем без их географической привязки в тексте актов (№ 116; Отпись 1581 г.); фиксация факта платежа денег в казну в два приема (№ 106, 116; Отпись 1581 г.); отсутствие справки подьячего на обороте (№ 92, 106, 116; Отпись 1581 г.). Обозначенные особенности уместно трактовать не только в качестве указания на невыработанность внутри ведомства в рассматриваемый период устойчивых делопроизводственных практик, но и как свидетельство активного поиска служащими приказа рациональных подходов к оформлению учетно-регистрационной документации. В пользу второго предположения прежде всего говорит тот факт, что уже начиная с 1588 г. формуляр отписей, отложившихся в архиве обители, в целом окончательно приобрел привычную структуру; единственное исключение здесь, причем совершенно уникальное и потому заслуживающее отдельного упоминания, наблюдается в тексте одной из отписей 1590 г., на обороте которой помещены сразу две подлинные справки, то есть выполненные разными чернилами и почерками: «Правил Семейка Филипов да Назарко Ильин»².

Последний заслуживающий внимания момент – наличие в покровском архиве большого числа (всего 34 документа) «синхронных» отписей, то есть оформленных либо одновременно, либо с разницей в несколько дней. Такие «синхронные» отписи, фиксирующие прием служащими Приказа Большого прихода налоговых поступлений с монастырских вотчин во Владимирском, Суздальском и Шуйском уездах, сохранились за 1588, 1589, 1592–1598, 1600 гг.³ Вполне ожидаемо во всех актах с тождественной или предельно близкой датой выдачи непосредственными плательщиками всегда выступали одни и те же агенты монастыря⁴; очевидно, то были монастырские стряпчие и/или их помощники. Схожая картина наблюдается и с обратной стороны: «синхронные отписи» обычно заверялись одним и тем же справным подьячим, однако в отдельных случаях это правило нарушалось (ср. № 236 и 237 с № 238, а также № 311 и 312). Последнее опять-таки уместно расценивать как свидетельство отсутствия должного системного подхода в деле организации работы сотрудников рассматриваемого ведомства.

А. В. Дедук (Институт истории и археологии УрО РАН, БРЭ)

ТЕРРИТОРИЯ ЛЮБУЦКОЙ ВОЛОСТИ XV в. И ЛЮБУЦКОЙ ВОЛОСТИ-СТАНА XVII–XVIII вв.: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10159, <https://rscf.ru/project/22-78-10159/>.

Одной из наиболее распространенных проблем исторической географии является правомерность применения ретроспекции – перенесения характеристик некоего явления, известных нам по поздним источникам, на более раннюю эпоху. В частности, это касается территории административно-террито-

¹ Акты Покровского суздальского девичьего монастыря XVI – начала XVII века. М., 2019 (см. по указателю). Далее в работе в круглых скобках приводятся отсылки только к соответствующим номерам документов внутри данного издания, без повторного указания его заглавия. Текст еще одной отписи – в приеме у обители двумя платежами (13 мая и 22 июня 1581 г.) ямских и полоняничных денег за 7088 и 7089 гг. «с прибылых сох, которые прибыли ис пуста в живущее по дозорщиковым книгам» (ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 230. Л. 43; далее – Отпись 1581 г.) – в этой сводной публикации отсутствует.

² ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 100. Л. 53 об. В публикации этого источника (№ 188) чтение дефектное и частично обесмысленное: «Правил Семейка Филипов. Дана за рукой, Ильин».

³ Несмотря на в целом удовлетворительную полноту этой подборки, соответствующие материалы по Владимиру за 1592 и 1600 гг. остаются неразысканными.

⁴ Исключение составляют только два документа (№ 259 и 260), в которых имя плательщика по неясной причине не указано.

риальных единиц: совпадает ли территория волости или стана, известная нам по массовым источникам XVI–XVIII вв., с территорией предшествующих столетий?

Восточнее современного областного центра Калуги на левом берегу р. Оки располагался Любуцк. Проблеме его политической принадлежности в различные периоды посвящена обширная литература (см., например: [Гиршевич; Темушев, с. 32–34 и т. д.; Шеков, с. 78–82] и др.). Территория древнего города с 1995 г. изучается археологической экспедицией Калужского областного краеведческого музея [Болдин]. В XV столетии Любуцк был оплотом власти Великого княжества Литовского на верхней Оке [Темушев, с. 105–109]. По договору 1503 г. Любуцк отходит к Москве¹. В 1566 г. князь Владимир Андреевич обменял Ивану IV среди прочих земель «городище Любуцкое»².

К Любуцку относились волости, упоминаемые во множественном числе в посольской документации XV столетия³. Согласно родословной росписи Сатиных, поданной в 1680-х гг. в Палату родословных дел, представители рода во время службы у князя Владимира Андреевича «пожалованы были городом Любуцким и с уезды»⁴. К следам городской топографии Любуцка, сохранявшимся к моменту составления алексинской писцово-книги 1627/1628–1628/1629 гг., относятся упоминания в ней посада, превратившегося в село и розданного в поместья и вотчину, церкви Покрова Богородицы на посаде, места разрушенной Георгиевской церкви, находившегося там же⁵. Таким образом, есть все основания полагать, что Любуцк в XV–XVI вв. являлся административным центром, к которому тяготели волости, а позднее уезд. В XVII–XVIII вв. в составе Алексинского уезда известна Любуцкая волость (стан).

Но насколько территория стана XVII–XVIII вв. соответствует «любуцким волостям» XV столетия? Ответить на этот вопрос позволяет включенный в состав «книги даний короля Казимира» список сел под Любуцком⁶. Указанные в ней населенные пункты находятся вне пределов Любуцкой (волости) стана, известного по кадастровым материалам первой трети XVII в.⁷ Так, церковная земля «у Коропе», скорее всего, соотносится с селцом Суходол, Коробинское тож, Подгородного ст. Алексинского уезда. Локализация населенных пунктов, тянувших в Любуцку в XV в., позволяет скорректировать наши представления о политических границах на верхней Оке в эпоху Средневековья.

Литература

Болдин И. В. Летописные города великого стояния: Любуцк: История и археология // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: Локальные и глобальные контексты. Калуга, 2017. С. 86–98.

Гиршевич М. А. К истории города Любутска: сведения письменных источников и их отражение в нумизматических материалах // Археология русского города. М., 2016. С. 62–74.

Темушев В. Н. На восточной границе Великого княжества Литовского. Тула, 2016. 328 с.

Шеков А. В. Политическая история и география Верховских княжеств: Середина XIII – середина XVI в. М., 2018. 523 с.

С. А. Денисов (ИА РАН)

ТОПОГРАФИЯ ГОРОДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ КЁНИГСБЕРГА ГЛАЗАМИ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОГО ПОСОЛЬСТВА ПЕТРА I 1697–1698 гг.

Среди различных задач, стоявших перед Великим посольством Петра I в 1697–1698 гг., отдельное место занимает визит в городскую агломерацию Кёнигсберга. Петр прибыл в Кёнигсберг 7 мая 1697 г. под именем Петра Михайлова и находился здесь формально инкогнито до приезда основной части посоль-

¹ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35. С. 399.

² ПСРА. М., 2000. Т. 13. С. 400.

³ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35. С. 37.

⁴ Родословные росписи, поданные в палату родословных дел в конце XVII в.: выборное московское дворянство / Публ. Л. Е. Шабаева // Российская генеалогия. М., 2019. Вып. 5. С. 148.

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 2. Л. 650, 651 об.–652, 654–655 об., 656 об.–658 об., 712, 717 об.–721 об., 722 об.–723, 728–730, 733.

⁶ Литовская метрика. Книга записей 3. Vilnius, 1998. С. 42.

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 2, 3; Материалы дозоров Алексинского уезда 1610–1620-х годов / Публ. А. В. Дедука // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2020. Вып. 21. С. 300–371.

ства. Ожидая своих подданных, царь обучался в Кёнигсберге и Пиллау артиллерийскому делу у главного инженера прусских крепостей Генриха фон Штернфельда. После прибытия основной части посольства 18 мая 1697 г. начались дипломатические переговоры с Бранденбургским курфюрстом Фридрихом Вильгельмом (1640–1688), завершившиеся 2 июня 1697 г. подписанием договора о мире и добрососедских отношениях [Богословский, с. 58; Восточная Пруссия, с. 226–229; Костяшов, Кретинин, с. 165–167]. До Кёнигсберга царь посетил Ригу и Митаву, а после отправился в Голландию, что составляло традиционный путь, соединявший Западную Европу и Юго-Восточную Прибалтику.

Значение того, что посетил и увидел Петр и его приближенные в Кёнигсберге, позволяет дать дополнительную характеристику городской агломерации, показав ее ключевые участки и пути сообщения.

Предварительно следует отметить, что городская агломерация Кёнигсберга сложилась из трех городов: Альтштадт, Лёбиниخت и Кнайпхов, которые получили городские права соответственно в 1286, 1300 и 1327 гг. Все три города были окружены крепостными стенами, которые утратили свое значение к XVII в. и были разобраны, в то время как для защиты агломерации по периметру ее предградий было построено в 1626–1634 гг. Первое Вальное укрепление [Traugott, S. 18].

Одним из главных мест, которые посетил Петр I, стала крепость Фридрихсбург, являвшаяся опорным пунктом нового оборонительного пояса. Крепость Фридрихсбург была построена в 1657 г. на возвышенности левого берега р. Прегель к западу от Форштадта. Значение новой крепости заключалось в контроле водного пути из Балтийского моря по р. Прегель в центр городской агломерации Кёнигсберга. Во второй половине XVII в. здесь располагалась резиденция Бранденбургских курфюрстов [Ludewig, S. 505]. Северная часть сооружения находилась в русле реки, южная часть была окружена рвом с водой. Каменная крепость имела в плане четырехугольную форму, была окружена стеной и имела четыре бастиона. В XVII в. внутри крепости располагались каменные здания арсенала, казарм, амбаров, а также церковь, построенная в 1671 г. Во время своего визита Петр I посетил арсенал, а также поужинал в компании коменданта [Богословский, с. 57]. На стенах крепости располагались артиллерийские орудия, из которых приветствовали участников посольства 18 мая 1697 г.

В первой половине XVIII в. крепость утратила свое значение резиденции курфюрста, и позднее в ней были построены каменные здания комендантского дома¹ и тюрьмы².

Таким образом, Петр I застал расцвет данного фортификационного сооружения, интерес к которому обусловлен общим пристальным вниманием царя к строительству и функционированию крепостей.

Во время пребывания в Кёнигсберге Петр I жил на Кнайпхове, куда из Фридрихсбурга добирался по р. Прегель. В связи с тем, что Петр I проходил обучение в Пиллау, а также совершал поездки к курфюрсту, вероятно, этим речным путем он пользовался часто.

Посольство, прибывшее 18 мая 1697 г., прошло через Закхаймские ворота, затем через новую Кирхергассе, Нейзорге, Крестовые ворота и через Мюленберг к Кнайпхофу, где остановилось на Долгой улице в доме горожанина Карла фон Дроста, семейство которого владело, помимо дома, земельными угодьями в районе Тапиау³. Здесь остался Ф. Я. Лефорт, а П. Б. Возницын и Ф. А. Головин отправились в два других дома на Кнайпхофе – вдовы Гейдкаловы и Андрея Кижинка, которые также располагались на Долгой улице⁴.

Таким образом, посещение посольством агломерации Кёнигсберга показало разнообразие путей, связанное с транзитом между Востоком и Западом, проходившим через трехградье, а также новую оборонительную линию, защищавшую ее и возведенную в середине XVII в.

Литература

- Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1941. Т. 2. Первое заграничное путешествие. 624 с.
Восточная Пруссия с древнейших времен до конца Второй мировой войны. Калининград, 1996. 538 с.
Костяшов Ю. В., Кретинин Г. В. Россияне в Восточной Пруссии. Калининград, 2001. Ч. 1. Библиографический словарь. 272 с.

¹ Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz. I. HA Rep. 77, Tit. 330a 1. № 1.

² Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz. II. HA GD, Abt. 30, I, № 171.

³ Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz. II. HA GD, Abt. 33, Ostpreußen Tit. 15 Sekt. 105. Nr. 6.

⁴ Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1867. Т. 8. С. 805.

Ludewig J. P. von. Erläuterte Germania Princeps. Das Historisch-Politisch- und Rechtliche Anmerkungen über desselben Deutschen Fürsten-Staaten. Frankfurt; Leipzig, 1746. 1021 S.

Traugott E. Geschichte der Festung Königsberg / Pr. 1257–1945. Würzburg; Frankfurt am Main, 1960. 100 S.

И. В. Дергачева (МГППУ)

СИНОДИКИ И НАДГРОБНЫЕ НАДПИСИ КАК ИСТОЧНИКИ КОММЕМОРАТИВНОЙ ПРАКТИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Важнейшими коммеморативными памятниками Древней Руси являются синодики-помянники, включающие перечисление имен лиц живых и умерших, поминаемых на церковных службах. Сложность их идентификации определяется допускаемой невольной перегруппировкой лиц, вписанных для поминовения в разное время, приводящей порой к ошибочному соединению или разъединению по родам. Однако сложность дешифровки синодичных записей компенсируется их достоверностью, ибо за каждым именем, вписанным для поминовения, изначально стоит определенный вклад, направленный на спасение души поминаемого за здоровье или за упокой. Поэтому Помянник является важным источником для верификации данных летописей, актовых материалов (вкладных, кормовых книг, землевладельческих родословий и родословных записей)¹.

К настоящему времени описаны и опубликованы многочисленные списки древних синодик-помянников.

В отдельный подвид в сравнении с помянниками соборных и приходских церквей обычно выделяется монастырский «братский Помянник», содержащий особую статью поминания иноков. Существовали и родовые помянники, содержащие записи имен одного рода. В самостоятельный подвид выделяются воинские синодики-помянники.

В зависимости от размера вклада, внесенного за душу поминаемого, синодики-помянники делились на «вечные», куда имена крупных вкладчиков записывались «на века», «без выгладки доколе и монастырь стоит», и «вседенники», в которых оставались «на века» лишь имена крупных вкладчиков, а имена иных лиц вычеркивались по прошествии некоторого времени. Оба синодика читались во время церковных служб разными людьми в разное время.

Впервые помянники упоминаются в XII в.² Самый ранний из сохранившихся списков, «Вседенник святых Богородица честнаго ея Рождества»³, относится к рубежу XIV–XV вв.

Своеобразным конкордансом к помянникам можно считать «каменные синодики» или поминальные таблицы. А. Г. Авдеев определяет их как «малоизученный тип эпиграфических памятников Московской Руси и ранней Империи – так называемые “каменные синодики” или поминальные таблицы. Впервые выделяются два их типа – родовые поминальные таблицы и списки вкладчиков, не связанных родством. В соответствии с разницей в понимании вида пожертвования первый тип делится на три разновидности: а) родовые поминальные таблицы ктиторов, б) родовые поминальные таблицы донаторов и в) родовые поминальные таблицы храмоздателей с дополнительными именами» [Авдеев, с. 9].

Как и синодичные записи, «каменные синодики» перечисляют имена без отчеств, трудно поддающиеся расшифровке, однако, как и помянники, они являются важным коммеморативным источником, так как каждая запись подтверждена определенным вкладом в обитель.

Ярким примером исключительной ценности надгробных надписей и их связи с текстом рукописных помянников является история возрождения Московского Златоустого монастыря, начавшаяся в 2011 г. после неожиданной находки фрагментов шести надгробий, двух саркофагов и двух крышек от саркофагов XVI–XVIII вв. «Надписи на надгробиях свидетельствуют, что здесь были похоронены члены семьи сибирского царевича Андрея Кучумовича и младенец (девочка) из рода Стрешневых, воз-

¹ См., например, расшифровку родовой памяти Дионисия Иконника в Помяннике: [Дергачев].

² Хождение Даниила, игумена Русской земли // Книга хожений. Записки русских путешественников XI–XV веков / Сост., подгот. текста, перевод, вступит. ст. и коммент. Н. И. Прокофьева. М., 1984. С. 79.

³ РГАДА. Ф. 381. № 141.

высившегося после брака Евдокии Стрешневой с царем Михаилом Федоровичем» [Время первого камня, с. 5].

Синодик Златоустого монастыря включает синодичные предисловия, построенные по подобию Синодика патриарха Иова, но содержит не все его части, что позволяет отнести его текст к особому подвиду 2-й редакции патриарха Иова [Дергачева]. За синодичными предисловиями следуют записи имен великих княгинь и благоверных великих князей, вселенских православных патриархов, митрополитов и проч., заключает их подробный перечень родовых поминальных записей. Сопоставительный анализ синодичных поминаний и надгробных надписей, донесших до наших дней истории вкладчиков в Московский Златоустов монастырь (в том числе «золотоордынских и сибирских Чингисидов» [Кондратьев, с. 65]), представляется продуктивным направлением будущих исследований.

Литература

- Авдеев А. Г. «Каменные синодики»: методы датировки и интерпретации // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2022. Т. 40. С. 9–39. DOI 10.51255/0130-0865_2021_40_9
- Время первого камня. Страницы истории Московского Златоустовского монастыря. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2019. 70, [1] с.
- Дергачев В. В. Родословие Дионисия Иконника // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1988. М., 1989. С. 210–225.
- Дергачева И. В. Особый вид второй редакции древнерусского синодика // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 4 (90). С. 185–191. DOI 10.25986/IRI.2022.4.90.013
- Кондратьев И. И. Синодик Московского Златоуста монастыря. История в лицах. Чингисиды // Сборник докладов историко-богословской научно-практической конференции «Златоустовские Чтения». М., 2018. С. 63–76.
-

В. Д. Жуков (РГАДА)

ОТРАЖЕНИЕ ВЫКУПА ПЛЕННЫХ ИЗ КРЫМА В ГОСУДАРЕВОМ НАКАЗЕ ПОСЛАННИКАМ 1637 г.

Рубеж 30–40-х гг. XVII в. ознаменован большими переменами в русско-крымских отношениях. Это связано с взятием турецкой крепости Азов донскими казаками в июне 1637 г. [Новосельский, с. 256], в ответ на которое в сентябре 1637 г. крымский нурадын Сафат Гирей совершает набег на южную окраину Московского государства. Однако крымский хан «не смог мобилизовать больших сил», поэтому нападение не было масштабным и оказалось малоэффективным [Новосельский, с. 265]. В результате набега больше других пострадал Новосильский уезд, потерявший 1275 человек плененными. Кроме него, нападение затронуло Ливенский, Орловский, Карачевский, Болховской, Кромский уезды и Комарицкую волость. В целом указанные уезды потеряли 2281 человека, в том числе убитых 37 [Новосельский, с. 266].

Вследствие удержания Азова казаками и связанного с ним ухудшения дипломатических отношений Москвы с Бахчисараем и Стамбулом, а также последовавшего затем нападения Сафат Гирея, размена послов между московской и крымской сторонами не состоялась. Вместо нее из Москвы в Крым были отправлены посланники Семен Извольский и Савва Зверев с целью выяснить намерения хана и достигнуть предварительных договоренностей о мире [Новосельский, с. 266].

В РГАДА хранится крымская посольская книга, которая охватывает период с 1623 по 1641 г.¹ В этой книге обращает на себя внимание объемный материал, относящийся к значительному отрезку времени Азовского сидения, с 1637 по 1641 г., и связанный с оплатой заемных кабал московских посольств, находившихся в Крымском ханстве.

В данной книге мы обнаруживаем сведения и о том, что московским посланникам Извольскому и Звереву было предписано разыскивать в Крыму полоняников, попавших в плен во время набега Сафат Гирея². В наказе царя от 19 декабря 1637 г. указывались конкретные социальные категории людей, ко-

¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 22.

² Там же. Л. 76–94.

торых следовало искать, – это дворяне, дети боярские, служилые люди и государственные крестьяне³. Уточнялись и размеры окупов, о которых посланникам следовало договариваться с работорговцами. В Соборном уложении, которое было утверждено немногим более чем через десять лет после рассматриваемых нами событий, в главе VIII «О искуплении пленных» мы находим цены на разные социальные категории полоняников. За дворян и детей боярских, взятых на бою, полагалось платить с их поместных окладов со 100 четвертей по 20 руб., взятых не на бою – со 100 четвертей по 5 руб., за московских стрельцов – по 40 руб., за крестьян – по 15 руб. за человека⁴.

В наказе Извольскому и Звереву указная цена за дворян и детей боярских также складывалась из их поместных окладов – «со ста четвертей по десяти рублев»⁵. Оговаривались случаи, «если на то не уговорятца и по той мере окупу взять не похотят, а учнут просить болши»⁶. Тогда посланникам дозволялось превышать указную цену в 1,5–2 раза. Если же и тогда не удавалось договориться, полоняники должны были сами «прибавлять от себя, сколько кому мочно, и писали бы от себя ко племяни, чтоб к ним на окуп присылали»⁷.

За представителей духовенства посланникам предписывалось давать окупу от 20 до 40 руб.⁸ Здесь же уточнялось, что «прибавлять велено не вдруг, по невелику»⁹. Обращает на себя внимание тот факт, что в Соборном уложении отсутствует статья о выкупе духовенства. Вероятно, это связано с особым положением священнослужителей в русском обществе, а московские государи «мыслились верховными гарантами сохранения православия и главными оберегателями православной церкви», «не представляя без нее своей державы» [Стефанович, с. 171]. Поэтому их выкуп, вероятно, имел безоговорочный характер и не подпадал под статьи Уложения.

Московские стрельцы, согласно государеву наказу, должны были окупаться по цене от 10 до 30 руб. Максимально возможная цена окупа могла составлять 35–40 руб., «смотря по людям»¹⁰.

За государственных, «пашенных», крестьян было указано договариваться о цене по 5–8 руб. Допускалась максимально возможная цена в 10 руб.¹¹

Во время переговоров с купцами посланникам предписывалось соглашаться на выкупные цены полоняников «не вдруг, искрепко, чтоб не задорожить»¹². При этом если итоговая цена за пленного, независимо от его социального статуса, превышала указную, то эти «достаальные деньги велено им платить собою»¹³, то есть из своих средств.

В наказе указывается, что некоторые полоняники «крымским татаром давали на себя кабалы» и оформляли поручные записи, а также «сулили» за себя большой выкуп – от 90 до 200 руб.,¹⁴ чтобы работорговцы охотнее соглашались с посланниками заключать сделку по выкупу, а пленные имели большую гарантию быть вывезенными из Крыма. Деньги по этим заемным кабалам пленные должны были заплатить в Москве по приезде в Посольский приказ крымского гонца Тохтамыш-аталика¹⁵. Безусловно, такие суммы для большинства пленных были неподъемны. Но московское правительство с этим мирилось и, судя по всему, находило выход из ситуации.

На оплату кабал 15 пленников были выделены деньги «ис Приказу Болшого дворца, которые ссысканы после николского игумена Мисаила» – 880 руб. Всего было потрачено 900 руб. Максимальная цена выкупа за одного пленного составила 110 руб., минимальная – 10 руб.

Тот факт, что данный выкуп попал в посольскую книгу, говорит о том, что он имел исключительную важность для московского правительства. Его проведение происходило в начальный период

³ Там же. Л. 76.

⁴ Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 г. М., 1961. С. 89–90.

⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 22. Л. 76.

⁶ Там же. Л. 76 об.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 77.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 77–77 об.

¹² Там же. Л. 77 об.

¹³ Там же. Л. 79–79 об.

¹⁴ Там же. Л. 78.

¹⁵ Там же. Л. 78 об.

дипломатического кризиса русско-крымских отношений. В государевом наказе подробно показан механизм выкупа и возвращения пленников на родину. Его особо ценной стороной является отражение не только социальных категорий пленных, но и указных выкупных цен. Причем в Соборном уложении ценовые нормы на выкуп пленных выше, чем в статьях наказа посланникам. Выкуп 1637 г., как представляется, мог стать первым хорошо задокументированным и организованным выкупом. Во всяком случае, в документах по связям России с Крымом за более ранний период мы не встречаем столь четких указаний, регламентирующих работу русских посланников по части выкупа пленных.

Литература

Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. 448 с., 1 л. табл.

Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002. 349 с.

А. А. Калашникова

ПАШЕННОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОБЛЕМ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СНАБЖЕНИЯ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕНСКОГО ОСТРОГА В 1630–1640-х гг.)

С проблемой снабжения отдаленных острогов и зимовий русская администрация сталкивалась с самого начала освоения Сибири. В Ленский острог жалованье служилым людям не приходило годами [Калашникова, Проскурякова, с. 29]. Большие сложности с продовольственным обеспечением возникали также у сборщиков ясака, когда они отправлялись в экспедиции, и у отрядов служилых людей, путешествующих между острогами. С. В. Бахрушин так описывает экспедиции ленских служилых людей за ясаком: «во время этих командировок они нередко терпели жестокие лишения – “умирали голодной смертью”, питались травой, кореньем и сосновой корою, “души свои сквернили... и всякую скверную едь ели”» [Бахрушин, с. 28]. Путь первых якутских воевод П. П. Головина и М. Б. Глебова до Ленского волока занял больше года. В своих отписках они постоянно жаловались на голод в дороге: «И пошли мы, государь, под Ленской волокъ нужны и бедны, наги и боси»; «И многие, государь, наша братья служилые люди с тое нужи и с роботы перецынжали и перепухли»¹.

Наиболее распространенным решением проблемы снабжения было заведение хлебной пашни, однако севернее Тобольска это было сложно осуществить [Меншиков]. Н. Н. Симачкова отмечает, что в Западной Сибири стали складываться пашенные уезды (с благоприятными условиями для земледелия) – Тюменский, Тобольский, Верхотурский. Пелымский и Тарский уезды относились к малопашенным, а Сургутский, Березовский, Мангазейский, в силу неблагоприятных природно-климатических условий, вообще были «непашенными» [Симачкова, с. 6–7].

В Ленском остроге пашню также пытались завести вскоре после его основания. Уже ранние документы начала 1640-х гг. содержат челобитные с просьбами о разрешении распахать земли вдоль Лены и дела о зачислении в пашенные крестьяне служилых, торговых и промышленных людей².

Для того чтобы получить земли под пашню, нужно было обратиться к ленским воеводам с челобитной. При положительной резолюции необходимо было найти людей, готовых поручиться за новых пашенных крестьян. В результате составлялась поручная грамота, в которой детально регламентировались условия предоставления земель. Администрация острога, как правило, выделяла новым крестьянам денежные ссуды, семена, лошадей, инвентарь (серпы, косы, бороны и сохи).

Десятую часть земли, обрабатываемой промышленными или торговыми людьми, должна была составлять десятинная пашня, урожай с которой поступал в казну. При этом семена для десятинной пашни выдавались из казны.

¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 160. Д. 20. Л. 1–4.

² Архив СПбИИ РАН. Ф. 160. Д. 32.

В пашенные крестьяне Ленского острога записывались также служилые люди. В 1641 г. тобольские служилые люди Исак Максимов, Марко Микитин, Михайло Костентинов и Андрей Кирилов обязались обрабатывать земли на устье реки Куты, прежде распаханые Ерофеем Хабаровым³. В поручной грамоте, которая представляла собой контракт, оговаривалось, сколько лошадей и инвентаря получит каждый служилый человек, сколько должно быть распаханно земли, сколько засеяно ржи и пшеницы, сколько сжато, обмолочено и смолото. Кроме того, оговаривалось, что служилые люди за обработку земли будут получать жалованье, в дополнение к их служилому окладу – 20 руб. в год. Для сравнения, Г. А. Леонтьева подсчитала, что годовой денежный оклад рядового пешего казака на протяжении XVII в. составлял 5 руб. [Леонтьева, с. 81–82].

Щедрость администрации Ленского острога в предоставлении больших окладов служилым людям, согласным обрабатывать земли, а также выделение денежных ссуд, лошадей и инвентаря новым пашенным крестьянам свидетельствуют о ее большой заинтересованности в заведении пашни. Тем не менее земледелие в Якутии развивалось очень медленно, и хлеб оставался преимущественно привозным. В 1676 г. во всем Якутском округе было 106 пашенных крестьян при гарнизоне в 531 человек, в 1697 г. – 225, а служилых людей было уже 920 [Бахрушин, с. 28, 35].

Литература

- Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 2. История народов Сибири XVI–XVII вв. 380 с.
- Калашикова А. А., Проскуракова М. Е. Сбор ясака в Ленском остроге в 1630–1640-е гг.: новые материалы // Освоение Севера: от прошлого к будущему. Доклады конференции к 100-летию открытия Норильского месторождения. М., 2021. С. 24–32.
- Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012. 320 с., [2] л. ил.
- Менщиков В. В. Основные формы землепользования русского населения Зауралья в XVII–XVIII веках // Вестник Курганского государственного университета. 2010. № 3 (19). С. 41–43.
- Симачкова Н. Н. Генезис земледельческого хозяйства в Сибири // Аграрное образование и наука. 2017. № 4. С. 1–7.
-

М. В. Карпова, Ю. В. Степанова (ИВИ РАН)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТОРОПЕЦКОГО УЕЗДА В КОНЦЕ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.: ВОЛОСТИ, ПЕРЕВАРЫ, ДЕСЯТКИ

Исследование проведено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-01089.

Торопецкая земля с середины XIII в. являлась частью Великого княжества Литовского и вошла в состав Московского государства по перемирной грамоте 1503 г. Особенности территориально-административного устройства Торопецкой земли и восточных районов Литовского государства привлекали внимание исследователей со второй половины XIX в. [Довнар-Запольский; Любавский; Побойнин; Бассальго, Янин]. Наиболее детально территориально-административное деление Торопецкого уезда было охарактеризовано Л. А. Бассальго и В. Л. Яниным, которые составили карту-схему волостного деления уезда и нанесли на нее крупнейшие населенные пункты. Поселенческая структура на территории Торопецкого уезда практически не изучалась.

В задачи настоящего исследования входила характеристика территориальной организации Торопецкого уезда XVI–XVII вв., включая различные виды территориальных объединений, на существование которых в уезде указывают письменные источники.

Наиболее полно характеризуют территориальную организацию Торопецкого уезда писцовые описания XVI–XVII вв. В настоящем исследовании были привлечены писцовые книги А. Д. Ульянина

³ Там же. Л. 11.

и Т. С. Бибикова 1540 г.¹ и Д. Е. Воейкова и Ф. Протопопова 1627–1631 гг.² С использованием источников XVIII–XIX вв. была произведена локализация топонимии писцовых книг. Результатом стал электронный картографический ресурс, размещенный в открытом доступе [Веб-ГИС].

В писцовых описаниях выделяются следующие виды территориальных объединений в Торопецком уезде – волости, перевары и десятки. Перечень торопецких волостей содержится в перемирной грамоте 1503 г.: Данковская, Казаринская, Любута, Тура, Старцова, Нежелская, Дубна, Рожна и Бибирево, а также Велижская, Плавецкая, Озерская и Жижецкая волости³. В 1540 г. последние 6 волостей уже на относились к Торопцу. К старым волостям добавилась Торопецкая волость, к которой была отнесена территория вокруг самого Торопца. В XVII в. изменяется состав волостей, который включил старые и новые волости, образовавшиеся на месте перевар Торопецкой волости (Порецкая, Грядецкая, Кудинская, Струская, Ызбудецкая, Обизерецкая).

Специфическими территориальными единицами Торопецкого уезда XVI–XVII вв. были перевары. Результаты локализации поселений торопецких перевар позволяют говорить, что они являлись компактными территориями. Имеющиеся источники дают возможность сделать вывод о том, что перевары первоначально могли объединять население, поставлявшее натуральный сбор продукцией медо-/пивоварения. Актуальность выделения 15 перевар в Торопце в 1540-х гг. свидетельствует о сохранении этого хозяйства в первой половине XVI в., хотя и в состоянии упадка (упоминаются запустевшие деревни бортников). В XVII в. на территории уезда сохранялись лишь 3 перевары. На наш взгляд, принадлежность к перевару фиксировалась в это время прежде всего как топографический ориентир.

В уезде существовала децимальная организация населения. В писцовой кампани 1540 г. фиксация десятков, по-видимому, не имела существенного значения, но их названия упоминаются. В писцовой книге 1627–1631 гг. десятки охарактеризованы более подробно (Говенский, Бенецкий, Всхонский, Речанский, Псовецкий, Прудудский). Они представляли собой компактные территории, некоторые – на месте бывших перевар. Децимальная организация, имеющая общинное [Павлов-Сильванский] или княжеское [Кучкин] происхождение, в Торопецком уезде, возможно, стала более актуальной в XVII в. в связи с уходом в прошлое перевар.

Различные социально-экономические характеристики населения Торопецкого уезда нашли прямое отражение в его чисто географических особенностях. Промысловый характер крестьянского хозяйства и элементы самоуправления, существовавшие в торопецких волостях еще в домосковский период, обусловили складывание разнообразных территориальных объединений сельского населения, в свою очередь влиявших на размещение волостных границ и сохранявшихся в виде компактных территорий в продолжение раннего Нового времени.

Литература

- Бассальго А. А., Янин В. Л. Историко-географический обзор новгородско-литовской границы // Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 104–214.
Веб-ГИС «Торопецкий уезд в XVI веке» [Электронный ресурс]. URL: https://histgeo.ru/our_projects/project/2/ (дата обращения: 20.03.2023).
Довнар-Запольский М. В. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке. Киев, 1905. VI, 307, VIII, 167 с.
Кучкин В. А. Десятские и сотские Древней Руси // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 270–425.
Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С приложением текста хартий, выданных князю Литовскому и его областям. М., 1915. 401 с.
Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. 690 с.
Побойнин И. И. Торопецкая старина. М., 1902. 380 с.

¹ РГАДА. Ф. 137. Торопец. № 1. Публ.: Торопецкая книга 1540 г.; Писцовая книга Торопецкого уезда письма Александра Давыдовича Ульянина и Тимофея Степанова сына Бибикова // Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4. Писцовые книги Деревской пятины 1530–1540-х гг. / Сост. К. В. Баранов. М., 2004. С. 501–682.

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 888, 8165, 8166.

³ Сборник Императорского Русского исторического общества. 2-е изд. СПб., 1892. Т. 35. С. 400.

И. А. Кирпичников (СПбГУ)

УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДАМИ ЮЖНОГО ПОГРАНИЧЬЯ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII в.: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-18-00151 «Изменения состава и облика правящей элиты Русского государства в переломные периоды российской истории в XVI–XVII вв. (боярское правление, опричнина, Смутное время, царствования Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, регентство царевны Софьи)».

Организация управления городами южного пограничья Московского государства в досмутную эпоху до сих пор не становилась предметом систематического изучения. Исследователями сделан ряд важных наблюдений относительно структуры и состава местной администрации, причем особенное внимание уделено укрепленным центрам на «Поле» [Буганов; Глазьев; Зенченко]. Цель нашей работы – наметить некоторые перспективные направления разработки данной проблематики, основываясь на опыте анализа управления Рязанским уездом в конце XVI – начале XVII в.

Ключевым элементом предлагаемого подхода является рассмотрение южного пограничья в качестве единой системы ротации администраторов, основанной одновременно на присылке столичных воевод и широком привлечении локальных элит. Основное внимание уделяется второму уровню управления – «головам» («товарищам» воевод), службы которых носили «именной» характер и последовательно фиксировались в разрядных книгах. В качестве «голов» выступали южные выборные дворяне, среди которых доминировали выходцы из регионов с наиболее представительным и многочисленным «выбором» (Калуга, Кашира, Коломна, Рязань и Тула). Часто получая назначения в родные уезды, они при этом подвергались систематической (как правило, ежегодной) ротации. Наблюдение за траекториями этих служилых людей дает целый ряд примеров постоянных перемещений на обширном пространстве всего южного пограничья. Такой режим службы позволял представителям локальных элит не только сохранять связи со своими уездами, но и формировать контакты с другими сообществами. Участие местных выборных дворян придавало системе управления городами южного пограничья гибкость и устойчивость, которые были необходимы в условиях постоянной угрозы татарских набегов.

Литература

- Буганов В. И. Разрядные книги как источник по истории пограничной обороны Русского государства в конце XV – первой половине XVII в. // Источниковедение отечественной истории. 1979. М., 1980. С. 206–218.
Глазьев В. Н. Структура власти в городах – крепостях «на Поле» в конце XVI века // Исторические записки: Научные труды исторического факультета ВГУ. 1997. Вып. 2. С. 5–13.
Зенченко М. Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. Опыт государственного строительства. М., 2008. 223 с.

А. А. Корзинин (СЗИУ РАНХиГС, СПбГУ)

К ИЗУЧЕНИЮ СОСТАВА БОЯРСКОЙ ДУМЫ И ДВОРЦОВЫХ ЧИНОВ В ПОСЛЕОПРИЧНЫЙ ПЕРИОД (1573–1584 гг.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-18-00151.

К настоящему времени не в полной мере реконструирован состав Боярской думы и дворцовых чинов в период разделения Русского государства на земщину и Особый двор после отмены опричнины в 1572 г. Практически не исследован состав земской Боярской думы. Не проведено сравнение Боярской думы Особого двора с земской Боярской думой, дворцовых чинов Особого двора с земскими чинами в 1573–1584 гг.

В работах отечественных ученых изучен в основном Особый двор в начальный период его существования в 1573–1576 гг., в меньшей степени рассмотрена эволюция двора в 1577–1584 гг. Историки пришли к заключению о худородном составе удельного двора Ивана Грозного по сравнению с земским двором [Станиславский, с. 140; Станиславский, Мордовина, с. 158–160; Зимин, с. 40; Скрынников, с. 209].

Реконструкция состава Боярской думы Особого двора и земской думы и их сравнение позволили установить, что особая дума по численности уступала земской думе и была менее аристократичной. Боярская дума Особого двора сформировалась в 1573–1574 гг. на основе опричной Боярской думы, в то время как дума земского двора являлась непосредственной преемницей земской думы 1565–1572 гг.

После 1576 г. состав Боярской думы Особого двора увеличился за счет включения в высшее правительственное учреждение лиц, ранее служивших в опричнине, в Особом дворе и даже в земщине (Н. Р. Юрьев). Конкуренция дворовым боярам и окольными исходила от думных дворян; как правило, это были лица незнатного происхождения, которые числились только в удельном ведомстве.

Состав Боярской думы и дворцовых чинов в 1573–1576 гг.

Особый двор

Бояре князь Ф. М. Трубецкой, В. И. Умной Колычев, князь Ю. И. Токмаков-Звенигородский, князь И. П. Шуйский и, вероятно, князь П. Т. Шейдяков.

Окольные В. И. Умной Колычев, В. Г. Лошаков-Колычев, князь Б. Д. Тулупов, М. Т. Плещеев, С. В. Годунов, Д. И. Годунов (до июня 1577 г.).

Думные дворяне князь Б. Д. Тулупов (с декабря 1574 г.), А. Ф. Нагой, Б. Я. Бельский, М. А. Безнин, Д. И. Черемисинов, Б. В. Воейков, И. П. Татищев, В. Г. Зюзин и, вероятно, Р. В. Олферьев.

Печатник и казначей Р. В. Олферьев.

Дворецкий Ф. Ф. Нагой (до апреля 1577 г.).

Шатерничие С. Плушков, Г. Я. Извеков.

Земский двор

Бояре князь И. Ф. Мстиславский, князь М. И. Воротынский, князь Н. Р. Одоевский, И. В. Меньшой Шереметев, князь В. А. Сицкий, князь П. А. Булгаков-Куракин, князь В. Ю. и И. Ю. Булгаковы-Голицыны, Н. Р. Юрьев, М. Я. и П. В. Морозовы, князь П. Д. и С. Д. Пронские, князь А. И. Ногтев, В. Б. и Б. Ю. Вислоуховы-Сабуровы, В. С. Большой Собакин.

Окольные Д. А. Бутурлин, князь О. М. Щербатов, Н. В. Борисов-Бороздин, князь Д. И. Хворостинин, В. С. Меньшой и Г. В. Собакины, князь П. И. Татев, В. Ф. Воронцов, князь Д. И. Мезецкий, князь И. А. Звенигородский, Б. В. Шеин, Ф. В. Шереметев.

Дворецкие Н. Р. Юрьев, князь Ф. И. Хворостинин.

Казначей П. И. Третьяков Головин.

Печатник Б. И. Сукин.

Думные дьяки А. Я. и В. Я. Щелкаловы.

Состав Боярской думы и дворцовых чинов в 1577–1584 гг.

Особый двор

Бояре князь Ф. М. Трубецкой, князь И. П. Шуйский, Н. Р. Юрьев (с августа 1579 г.), В. Ф. Скопин-Шуйский, Д. И. Годунов, Б. Ф. Годунов (с сентября 1580 г.), князь И. М. Глинский.

Окольные С. В. Годунов, И. В. Годунов, Ф. Ф. Нагой (с апреля 1577 г.), М. Т. Петров-Соловой.

Думные дворяне Б. Я. Бельский (до августа 1577 г.), М. А. Безнин, Б. В. Воейков, А. Ф. Нагой, В. Г. Зюзин, И. П. Татищев, Д. И. Черемисинов, Р. М. Пивов.

Дворецкий Ф. Ф. Нагой.

Печатник Р. В. Олферьев.

Казначей И. П. Татищев (с марта 1582 г.).

Оружничий Б. Я. Бельский.

Кравчий Б. Ф. Годунов.

Постельничий Н. А. Хлопов.

Ясельничий Е. И. Шемякин Благой.

Шатерничие Г. Я. Извеков, Т. И. Кокорев, И. Д. Калитин, Н. Ф. Ртищев.

Думные дьяки А. В. Шерефединов, С. Ф. Фролов.

Земский двор

Бояре князь И. Ф. Мстиславский, князья И. Ю. и В. Б. Булгаковы-Голицыны, Н. Р. Юрьев, князь С. Д. Пронский, князь В. А. Сицкий, князь А. И. Ногтев, Б. Ю. и В. Б. Вислоуховы-Сабуровы, П. В. Морозов, князья Ф. И. и В. И. Мстиславские, князь П. И. Татев.

Окольничие В. Ф. Воронцов, князь П. И. Татев (до июля 1583 г.), князь Д. И. Хворостинин, Б. В. Шеин, Ф. В. Шереметев, князь Т. И. Долгоруков, князь Ф. М. Троекуров, И. П. Большой Головин.

Дворецкий Ф. И. Хворостинин.

Печатник П. И. Шетнев.

Кравчий князь Ф. И. Мстиславский (до сентября 1577 г.).

Постельничие В. А. Белого, И. П. Новосильцев.

Сокольничие И. И. Бобрищев-Пушкин, Я. Г. Наумов.

Ловчий И. М. Пушкин.

Думные дьяки А. Я. и В. Я. Щелкаловы, А. И. Демьянов.

Литература

Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. 331, [2] с.
Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 153–193.

Станиславский А. Л. Книга раздачи денежного жалования 1573 года // История СССР. 1976. № 4. С. 136–140.

Скрынников Р. Г. «Княжение» Симеона Бекбулатовича и возрождение опричнины в 1575–1576 гг. // Исторические записки. М., 1971. Т. 87. С. 174–218.

В. С. Курмановский (ИА РАН)

КОГДА ПОГОСТЫ ПРЕВРАЩАЮТСЯ В... ПОГОСТЫ? (ПО МАТЕРИАЛАМ СМОЛЕНСКОЙ ЗЕМЛИ)

Погосты – один из немногих терминов, относящихся к инфраструктуре средневековой Руси, сохранившихся с эпохи ранних этапов древнерусской государственности вплоть до Новейшего времени. Несомненно, содержание понятия «погост» с течением времени менялось. По источникам XVI–XVII вв. хорошо известны «поздние» погосты, представлявшие собой церковь с кладбищем, дворами причта и, как правило, немногочисленными дворами бобылей. В ряде случаев «поздние» погосты являлись центрами церковных приходов. При том что погосты в XVI–XVII вв. не представляли собой сколько-нибудь крупных поселений, прослеживается их корреляция с центрами территориальных образований. Ключевую роль в понимании того, что именно погосты в Смоленской земле на начало XVI в. были административными центрами волостей, играет цитата из материалов московско-литовских мирных переговоров 1503 г.: «волостей наших толко погосты оставили, а села и люди наши, и теж бояр наших села, дворы, люди, земли, воды и всякие вгодья поорубали и в них ся поввязали»¹. Система смоленских волостей с центрами-погостами не могла возникнуть в «литовский» период 1404–1514 гг. Об этом говорит упоминание смоленской волости Молохвы в сюжете, связанном с ее передачей Витовтом Мстиславлю и последующим возвращением Смоленску, отраженным в привилее Александра Смоленску 1505 г.² Кроме того, известно стремление литовских великих князей XV в. «не рушить старины», выразившееся в том числе в недопущении строительства новых православных храмов. Предшествующий период середины XIII – XIV в. для смоленских земель отмечен рядом кризисных явлений, что делает маловероятным масштабное строительство в этот период сети приходских храмов в сельской местности. Более

вероятной датировкой этого феномена представляется период середины XII – первой половины XIII в., являвшийся эпохой максимального расцвета Смоленской земли. О наличии определенной преемственности между административными центрами домонгольского периода и «поздними» погостами свидетельствуют также данные археологии. Очень часто последние имеют отношение либо непосредственно к городищам с древнерусским культурным слоем или к крупным древнерусским селищам, либо обнаружены вблизи от них. В некоторых случаях известные по источникам позднесредневековые приходские и волостные центры (например, Каспля) соответствуют пунктам, упомянутым в Уставной грамоте Ростислава Мстиславича.

Погосты домонгольской Руси, несомненно, отличались по своему облику от «поздних» погостов XV–XVIII вв. Ряд исторических погостов, известных по средневековым письменным источникам, в первую очередь в Новгородской и Псковской землях, был исследован археологически. В большинстве своем они представляли собой небольшие городища (часто городища раннего железного века, вторично использованные в древнерусское время) с прилегающими относительно крупными селищами. Таким образом, соответственно, встает вопрос: когда же и в связи с чем происходит переход от погостов-крепостей с прилегающими обширными поселениями к погостам-храмам с кладбищами и немногочисленными жилыми дворами?

В качестве рабочей гипотезы может быть высказано предположение о связи данной трансформации с более глубокой христианизацией древнерусского сельского населения и отказом от практики курганных погребений. Так, в двух документах первой трети XVI в., связанных с борьбой с языческими практиками среди, очевидно, прибалтийско-финского населения в Водской пятине Новгородской земли, в качестве правильного способа погребения для христианина называется именно погребение при храме на погосте, чему противопоставляется обычай погребения в курганах в своих деревнях. Применительно к Смоленской земле можно отметить, что наиболее поздние курганы здесь относятся к XIII в. С учетом изложенных выше соображений представляется логичной датировка формирования зафиксированной позднейшими источниками приходской структуры в сельской местности именно этим столетием.

Вместе с тем данные археологии в настоящий момент не позволяют надежно определить хронологию этого перехода. Христианские кладбища при храмах эпохи позднего Средневековья и Нового времени на древнерусских городищах, как уже отмечалось, весьма нередки, в то же время на таких памятниках редко удается определить датировку существования укреплений или, скажем, начала использования их в качестве некрополя. Примерами могут служить, в частности, входящее в состав Гнездовского археологического комплекса Ольшанское городище и городище у с. Волочек-Нахимовский Холм-Жирковского района Смоленской области. На первом, где впоследствии существовал храм Николы Ольшинского, упомянутый в документах эпохи обороны Смоленска, наиболее ранним свидетельством начала «кладбищенского» этапа на данный момент является радиоуглеродная дата из погребения, соответствующая XV в. На городище Волочек-Нахимовский ранней датирующей находкой служит серьга в виде вопросительного знака с бусиной, обнаруженная *in situ* в одном из погребений. По определению д.и.н. Н. В. Жилиной, такие серьги имеют широкую датировку в пределах второй половины XIII – XVI в. Таким образом, на сегодняшний день археологически зафиксированной ранней датой погостов «позднего» облика оказывается XV в., что, по историческим данным, определено относится к эпохе уверенного бытования «поздних» погостов. Дальнейшее изучение данного вопроса, несомненно, требует новых исследований и более широкого привлечения и глубокого анализа археологического материала.

Т. А. Опарина (РАЖВиЗ Ильи Глазунова, ИРИ РАН)

«ГРЕЧЕНИН» ПЕТР ЮРЬЕВ ЦАРЕГОРОДСКИЙ

«Греченин» Петр Юрьев Царегородский приехал в Россию в конце 1633 г. с османским посольством Муслы-аги¹. Добравшись с большими сложностями до Москвы, в Посольском приказе выходцы рассказали о своем происхождении, эта информация была подтверждена Петром Ивановым Волошениным². За выезд Петр Юрьев Царегородский получил 7 руб.³ и ткани⁴. Очевидно, он подвергся на родине исламизации, в России его возвратили через миропомазание в православие⁵. В ходе верстания Петру Юрьеву (Царегородскому) назначили поместно-денежный оклад в 250 четей и 12 рублей и поденный корм в 2 алтына⁶.

Всю группу посольства отправили в Иноземский приказ в «греческую роту», которую вскоре возглавил Юрий Трапезундский [Опарина, с. 284–315]. Петр Юрьев Царегородский исправно нес службу, регулярно выезжая на Тулу. На смотре 1641 г. он предстал «на мерине с саблею да с карабином»⁷. За заслуги ему повысили поместный оклад на 50 четей⁸. В 1642 г. Петр Юрьев Царегородский стал невольным участником конфликта двух родов: Алибеевых-Макидонских и Альбертусов-Далмацких [Опарина]. Стремясь защитить интересы Дмитрия Альбертуса-Далмацкого, его сподвижники: Петр Иванов Волошенин, Остафий Власий и Юрий Трапезундский – обратились к «гречанам» с просьбой подписать на него поручную запись. Вскоре выяснилось, что все подписи оказались на извете против Алибеевых-Макидонских. Чтобы избежать наказания, «гречане» подавали явочные челобитные. Петр Юрьев Царегородский в челобитной вместе с другими выходцами посольства Муслы-али оправдывался ссылками о своем «неведении» как в цели документа, так и в происхождении Алибеевых-Макидонских, указав, что «Турская земля велика»⁹. На челобитной за него подписался Константин Ангирский¹⁰. Во время очной ставки Петр Юрьев Царегородский полностью подтвердил свои слова¹¹ и вскоре был оправдан. Он продолжил службу в Иноземском приказе, выезжая на Тулу¹². В 1650 г. его вознаградили «за белгородскую и за яблоновскую службу и за воловое земляное дело» повышением поместно-денежного оклада до 400 четей 17 рублей¹³. 21 ноября 1651 г. Петра Юрьева Царегородского перевели в Разрядный приказ в категорию дворян-иноземцев [Белоусов, с. 425]. На смотре 1653 г. он предстал уже «на коне с парой пистолей; и с человеком на мерине с карабином»¹⁴. Можно отметить, что, хотя при выезде четверо иммигрантов посольства Муслы-аги именовались «царегородцами»: Кирилл Хрисанфов (которого вскоре будут называть Христофоровым), Дмитрий Иванов, Федор Михайлов и Петр Юрьев¹⁵, это фамильное прозвище получил лишь Петр Юрьев, причем с 1642 г.

Литература

Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. В 2 т. Казань, 2009. Т. 2. 463 с.
Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII веков. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007. Кн. 1. 383, [1] с.

¹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1634 г. № 7. Драматические обстоятельства переселения см.: [Опарина, Оборнева].

² РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1636 г. № 20. Л. 3.

³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 101. Л. 537.

⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 291. Л. 137–137 об.

⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 293. Л. 176 об.–177.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 49. Л. 136.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 848. Л. 17 об., 374.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 50. 1642 г. Л. 56.

⁹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643 г. № 1. Л. 97.

¹⁰ Там же. Л. 97 об.

¹¹ Там же. Л. 155–157.

¹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 139. Л. 423; Стб. 1054. Л. 56; Стб. 875. Л. 334; Оп. 12. Стб. 204. Л. 71; Оп. 6. Кн. 53. Л. 103.

¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 52. Л. 111–111 об.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 234. Л. 427. Сведения предоставлены М. Р. Белоусовым, за что приношу благодарность.

¹⁵ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1634 г. № 7. Ч. 2. Л. 325.

К. В. Петров (ЛГУ им. А. С. Пушкина)

ПЕРЕСМОТР СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В ДОПЕТРОВСКОЙ РОССИИ

Пересмотр судебных решений по жалобе проигравшей стороны дает возможность добиться в суде справедливости. Безусловно, вопрос о справедливости зачастую может носить субъективный характер. В юридической литературе процесс пересмотра судебных решений по жалобе заинтересованной стороны принято именовать апелляционным производством. Однако в исторической литературе господствует мнение о том, что апелляция – это рассмотрение дела другим судьей, его изучение судом высшей инстанции. Вот как данную позицию передает В. Б. Кобрин: «составлен судный список, записаны все аргументы сторон, и дело направляется к судье высшей инстанции ... докладывать судный список» [Кобрин, с. 192]. Представляется, что историографическая традиция в этом вопросе ошибочна [Петров].

Сохранившиеся судные списки и правые грамоты заставляют утверждать, что пересмотр судебных решений по жалобе проигравшей стороны (апелляция) в отечественном праве появился очень поздно. Однако это обстоятельство не означает невозможности достичь иного решения, справедливости. Судя по всему, уже в древности были выработаны способы, направленные на достижение желаемого результата. Одним из них была подача исковой жалобы по спору, уже ранее разрешенному судом. Так, между 1495 и 1499 гг. судья Андрей Перелешин рассматривал несколько исков о спорных земельных участках волостных крестьян к Троице-Сергиеву монастырю. В первом деле со стороны монастыря была представлена правая грамота. После ее оглашения судья по докладу князь В. И. Патрикеев велел отказать крестьянам. Нам неизвестно, кто в действительности был прав в отношении спорных земельных участков. Однако попытки подачи иска по решенным делам предпринимались вплоть до конца XVII в.

Вторым способом добиться иного результата в отношении предмета спора была жалоба на намеренное неправосудие судьи. В 1555 г. после вынесения решения по делу ответчики обвинили судей князя И. Д. Ростовского и подьячего Злобу Макарова в «нрядном списке», когда «речи» на суде не совпадали с текстом судного списка. Жалобу рассматривал царь Иван IV. В суд были доставлены судьи, которые в качестве доказательства своей честности были готовы целовать крест и «лезть на поле», ссылаясь при этом на «судных мужей». Последние были доставлены, опрошены и в результате 3 февраля 1557 г. в удовлетворении жалобы на неправосудие судей было отказано, решение не было изменено¹.

При рассмотрении жалоб на судей нередко возникали случаи затребования и рассмотрения дополнительных доказательств по инициативе самого суда. В подобных случаях решения могли быть пересмотрены при отсутствии жалоб сторон. Таковым является дело о наследстве гостя Г. И. Юдина, окончившееся вынесением решения и выдачей правой грамоты от 8 мая 1642 г. Позднее решение было изменено (правая грамота от 18 августа 1643 г.)². Сходным образом судьи Приказа Большого дворца поступили в деле по иску Воронцовых Вельяминовых к Московскому Богоявленскому монастырю о родовом имуществе: решение (правая грамота от 3 января 1650 г.) было пересмотрено (правая грамота от 2 января 1654 г.)³.

Итак, вплоть до 1670-х гг. в отечественном праве отсутствовала возможность подать жалобу на судебное решение, то есть апелляционное рассмотрение спора. С 1670-х гг. позиция власти стала более неопределенной в данном вопросе, начинает формироваться новая процессуальная форма. Невозможность обжалования судебного решения объясняется тем, что при решении спора судьи не нуждались в ссылаках на статьи закона; спор разрешался оценкой доказательств. В течение XVI в. указания на нормативные акты встречаются крайне редко.

Невозможность подать жалобу на судебное решение не означала отсутствие способов изменить вынесенное решение. Одним из них была подача исковой жалобы по тем же предмету и основаниям через несколько лет после вынесения решения. Однако наиболее распространенной была подача жалобы

¹ Акты, относящиеся до гражданской расправы / Собрал А. Федотов-Чеховской. Киев, 1860. Т. 1. № 70. С. 147–165.

² Там же. № 110. С. 382, 390.

³ Акты, относящиеся до гражданской расправы / Собрал А. Федотов-Чеховской. Киев, 1863. Т. 2. № 118. С. 143–184; № 122. С. 202.

на неправосудие судьи, проявлявшееся во внесении в судный список сведений, которые не оглашались в заседании. Подобные жалобы рассматривались вне зависимости от «знатности» судей.

Наконец, важной чертой рассмотрения жалоб в отношении судей было одновременное исследование решения в инициативном порядке самим судом. Эту процедуру можно назвать квазинадзорной; зачастую исследование решения в подобной процедуре приводило к изменениям решения и прямой отмене вынесенных решений.

Литература

Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. 279 с.

Петров К. В. Процедура судебного «доклада» в русском праве XV–XVI вв.: К истории формирования судебных органов в России // Государство и общество в России XV – начала XX в. Сборник статей памяти Н. Е. Носова. СПб., 2008. С. 106–115.

Н. В. Савельева (ИРЛИ РАН)

«НЕИЗВЕСТНОЕ» ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА ГЕРМОГЕНА

Вновь найденное послание, надписанное именем патриарха Гермогена, лишь условно можно назвать «неизвестным», поскольку пространная цитата из него приведена в двух сочинениях «ревнителей благочестия», посвященных вопросу о единогласном пении. Впервые эту цитату опубликовал А. В. Преображенский по тексту «Послания грешного Агафоника (Стефана Внифантьева. – Н. С.) Суздальскому архиепископу Серапиону», он же указал на включение фрагмента в так называемое «Сказание о единогласном пении» Шестака Мартемьянова [Преображенский, с. 8–10, 59–61, 75–76].

Полный текст послания патриарха Гермогена мне удалось обнаружить в составе трех сборников: ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. QJ.1101; ОР ГИМ. Собрание А. С. Уварова. № 152 (оба списка конца XVII в.); ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 4025 (последняя четверть XVIII в.). Все они содержат памятники публицистики «ревнителей благочестия» и отчасти их источники [Савельева]; в числе источников переписано и «Списание с наказанием люботрудного тщания нового исповѣдника святѣйшаго Ермогена патриарха Московскаго и всеа Русии» (Л. 56)¹. Все три списка памятника содержат единый по объему текст и имеют лишь небольшие разночтения.

Жанр обращения патриарха Гермогена к церковным служителям можно определить как окружное послание святителя. Это подтверждается отчасти и использованием в качестве источника его пре-скрипта «Поучения попам» – русского памятника, который известен по спискам в составе кормчих и разнообразных сборников начиная с XIII в.² Подлинность вновь найденного текста представляется вполне достоверной, поскольку в нем не только затрагиваются вопросы церковного пения (в чем можно было бы увидеть позднейшую фальсификацию, работающую на позицию Стефана Внифантьева и его сторонников), но и отражаются реалии приходского служения и положения приходского духовенства в России в XVI–XVII вв. [Стефанович; Беякова].

Патриарх обращается к приходским священникам; со ссылкой на сведения, полученные от «христолюбивых людей», святитель подробно пишет о нерадении в церковном служении не только мирян, но также священников и иночествующих и пространно поучает держать неизменным церковное правило и последовательность единогласного церковного пения по апостольскому преданию и уставу святых отец – именно этот пространный фрагмент послания цитируют в своих сочинениях «ревнители благочестия».

За рамками цитаты остался упрек святителя в нарушении православного церковного обряда в тех случаях, когда миряне вмешиваются в ход богослужения. Запрет служить мирянам связан с различием числа поставляемых церковных чинов в православной и католической церквях и упоминается

¹ Здесь и далее текст цитируется по списку РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 4025, который, несмотря на позднюю датировку, содержит более близкие к архетипу чтения; в скобках указаны листы рукописи.

² РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 111–116; [Корогодина, с. 531–532].

еще в «Поучении новопоставленному священнику» по списку Кормчей XIII в.: «а простым ни пети, ни чисти»³.

Упомянуто в послании о «детях духовных», под коими подразумеваются исповедники и причастники. Таким образом обозначается духовничество приходского священника по отношению к приходским в церковь людям [Белякова, с. 104–105]. Патриарх обличает церковный причт, который даже правило причастникам служит с небрежением, тем самым не давая причастнику «умилиться и проследиться», почувствовать всю значимость обряда.

Затрагивается в послании и актуальный для XVI–XVII вв. вопрос о наемных или «крестцовых» священниках, о практике «заказных обеден» [Стефанович, с. 66–67; Белякова, с. 99–100]. Патриарх эмоционально обличает и порицает эту практику, доступность которой из-за дешевизны найма ведет к «неисправному служению» и сокращению канонических предписаний.

Особое внимание и наиболее пространные рассуждения святителя посвящены вопросу взаимоотношений церковного причта, паствы и вотчинников, на землях которых находится храм. С одной стороны, патриарх порицает приходских священников за уподобление в повседневной жизни обычаям мирян, например ранней трапезе. Но наиболее пространно в послании обличаются попытки вотчинников вмешаться в церковные дела, прежде всего в богослужение. Ссылаясь на свидетельства самих приходских служителей, патриарх прямо призывает их увещивать вотчинников не посягать на церковную власть и не вмешиваться в действия причта, даже если они «сказывают за собою государевы и земския дѣла» (Л. 63). Учитывая скудость источниковой базы для анализа положения приходского духовенства в XVI – начале XVII в., вновь найденный текст служит, таким образом, достаточно ценным дополнением к изучению этого вопроса.

Датировка послания может быть предложена приблизительная, поскольку никаких прямых указаний на нее в тексте не имеется. По-видимому, послание следует датировать временем первого ополчения, учитывая исторические обстоятельства и призыв к сохранению церковного благочинного служения для спасения России от нашедших бед («... чаяти от Бога милость получитьи и от нынѣшнихъ великихъ бѣдъ свободитися...» (Л. 63)), а также то, что наиболее близким к этому посланию оказывается текст послания патриарха Гермогена, обнаруженный И. В. Корецким в составе Бельского летописца [Корецкий].

Литература

- Белякова Е. В. Об изменении статуса священников в Русской церкви в XVI веке // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 92–112. DOI 10.31518/2618-9100-2022-2-6
- Корецкий И. В. Послание патриарха Гермогена // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1975. Л., 1976. С. 22–26.
- Корогодина М. В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII века. М.; СПб., 2017. Т. 2. 646, [1] с.
- Преображенский А. В. Вопрос о единогласном пении в русской церкви XVII-го века: Исторические сведения и письменные памятники. СПб., 1904. (Памятники древней письменности и искусства. Вып. 155). 79 с.
- Савельева Н. В. О литературном наследии «ревнителей древнего благочестия» // Русская литература. 2022. № 1. С. 161–176. DOI 10.31860/0131-6095-2022-1-161-176
- Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII вв. М., 2002. 349 с.

А. А. Селин (НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург)

КОЛЫМАЖКИ, КАЛАЧИ И ВИНО. ЕЩЕ РАЗ О ВСТРЕЧЕ ПРИНЦА ХАНСА В МОСКОВСКОМ ЦАРСТВЕ

Встреча в 1602 г. датского принца Ханса, жениха царевны Ксении Годуновой, в Ивангороде и Новгороде, а также проводы его из Новгорода к Москве – хорошо документированное событие. Оно показывает важные особенности администрирования, сложившиеся к началу XVII в. в российской (московской?) культуре управления. Обратим внимание на то, как летом 1602 г. старались обеспечить передвижение и стол для датского принца.

³ РИБ. Т. 6. Стб. 105.

Готовиться к встрече в Новгороде и Ивангороде начали еще в марте 1602 г.; тогда было неясно, сколько человек приедет с принцем в Россию. Но чрезвычайные мероприятия начались в июне – июле 1602 г.

Колымажки. Для встречи принца в июле 1602 г. в Новгороде Великом собрали колымажки, возки и кочи. Именно в них принц Ханс со свитой должны были передвигаться по летнему сухому пути от Ивангорода до Новгорода.

Вопрос об использовании колесных экипажей в московской культуре разработан [Шамин]. Данные о колымажках и возках, которые были приготовлены в Новгороде, вносят некоторые коррективы в вывод о том, что «кареты стали частью повседневного быта верхушки русской знати» во второй половине XVII в. Распространение карет имело место и ранее и даже среди верхов новгородского посада; но эта традиция могла на десятилетия исчезнуть в годы Смуты. «Карета Бориса Годунова» [Англичане в Москве; Когут] появилась в Москве двумя годами позже, чем те колымажки, о которых здесь идет речь, но можно предположить, что их «современницы» были также европейского производства.

Новгородские власти смогли отыскать две колымажки у гостей Юрия Иголкина и Федора Прокофьева, а также возок на митрополичьем дворе. 20 июля 1602 г. в Новгород из Москвы прибыли три «колымажки киноваренные новые»¹, а 4 августа пять колымажек были отправлены в Ивангород². Больше никакого достойного свиты принца транспорта в Новгороде не имелось. В Ивангороде остались недовольны и тем, что удалось найти новгородским властям³.

После прихода датских кораблей в Наровское устье боярин Салтыков и думный дьяк Власьев отправили туда новгородских дворян с судами, которые должны были сопроводить принца со свитой в Ивангород. Для принца было приготовлено парадное судно, еще 30 судов предназначались для свиты. На берегу у пристани был разбит шатер, в котором принц принял Салтыкова и Власьева. После встречи, уже в приготовленном возке, принц уехал отдыхать⁴.

Когда корабль принца пристал, Салтыков и Власьев приказали новгородским властям «сделать под королевичев возок колеса восковые и, оковав железом на немецкое дело, и окрасити киноварем или суриком накрепко, а сколь велики колеса делать, и тому послали к вам меру». Для перевозки свиты принца следовало изготовить сотню легких и крепких телег, к ним 100 хомутов «с дугами и с поводы»⁵. Все это спешно готовили по образцам в колесных слободах Сольце и Мусце на Шелони⁶.

Калачи. Питание принца и многочисленной свиты было одной из самых сложных задач для ивангородских властей: часть продуктов были посланы в Новгород из Москвы, часть – были собраны в Новгороде, ивангородским же властям требовалось обеспечить датчан вином, пивом, мукой и солодом, водкой и бараниной. Все эти распоряжения были более или менее исполнены⁷. Основной груз забот упал на ивангородские власти. При этом в Ивангороде было невозможно найти хлебников, которые из особой крупчатой муки могли бы выпекать специальные крупчатые же калачи. В тексте об этом содержится почти единственное упоминание о «великом голоде»⁸. Слабая инициативность местных властей предполагала, что для печения калачей нужны особые образцы⁹.

Вино. На обиход принца требовалась поставка итальянского и рейнского вина. В Новгороде начала XVII в. вина не было. Вся имеющаяся информация об употреблении алкоголя относится к крепким напиткам, а также меду и пиву. В. Б. Перхавко показал, что виноградное вино, с середины XVI в. завозившееся англичанами, концентрировалось в Москве [Перхавко]. В 1602 г. виноградного вина не оказалось не только в Новгороде и Ивангороде, но и в Пскове и Нарве. Пришлось везти его из Москвы,

¹ Архив СПбИИ РАН. Кол. 183. Карт. 1. Д. 11; Д. 9; Д. 3; Д. 4.

² Архив СПбИИ РАН. Кол. 183. Карт. 1. Д. 16.

³ Архив СПбИИ РАН. Кол. 183. Карт. 1. Д. 44.

⁴ РГАДА. Ф. 53. 1602 г. Д. 1. Л. 91–96.

⁵ Архив СПбИИ РАН. Кол. 183. Карт. 1. Д. 28.

⁶ Архив СПбИИ РАН. Кол. 183. Карт. 1. Д. 27.

⁷ РГАДА. Ф. 53. 1602 г. Д. 1. Л. 36–40.

⁸ Там же.

⁹ Архив СПбИИ РАН. Кол. 183. Карт. 1. Д. 28.

из Приказа Большого дворца. Все рейнское вино на востоке Балтики в то время было у «московского немчина» Йоахима Смита, да и то только 20 ведер «ренского»¹⁰.

Получилось ли организовать достойный прием принца? В дневнике А. Гюльденстиерне, члена датской миссии, колымажка, в которой принц путешествовал от Ивангорода до Новгорода, описана весьма причудливо и с одобрением [Щербачев, с. 7]. От Ивангорода до Новгорода принц доехал, видимо, в ней, однако дальнейший путь в Москву совершал уже верхом. В голодный год запасов было изготовлено с избытком, каковой избыток к осени 1602 г. пришел в негодность¹¹.

Литература

Англичане в Москве времен Бориса Годунова (По документам посольства Т. Смита, 1604–1605 годов) (подгот. М. С. Арел, С. Н. Богатырев) // Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1997. С. 439–455.

Козут Е. В. Английская карета царя Бориса Годунова. М., 2015. 53, [2] с.

Перхавко В. Б. Об импорте и употреблении виноградного вина в средневековой Руси // История питейного дела и трезвеннического движения в России с древнейших времен до наших дней. СПб., 2021. С. 310–312.

Шамин С. М. Кареты в быту русской знати // Позднесредневековый город II: Археология и история. Тула, 2009. С. 206–210.

Щербачев Ю. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Россию в 1602 г. М., 1911. 63 с.

Е. Р. Сквайрс (РГБ, МГУ им. М. В. Ломоносова)

НОВГОРОДСКАЯ СКРА: ГРАМОТА – КОДЕКС – ПЕЧАТНОЕ ИЗДАНИЕ В ПРАВОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ ТЕКСТА

Устав Петрова двора в Новгороде (Новгородская скра) с XVIII в. имеет важное значение в истории его связей с Ганзой XIII–XVII вв. Изучены юридическое содержание Скры, язык и отраженная в ней жизнь Новгорода. Однако для анализа ее правового статуса и эволюции необходимо восполнить пробел в исследовании внешней формы, палеографических и кодикологических жанровых признаков, их эволюции за четыре века ее истории.

Основу этой эволюции заложила I Скра, имеющая форму канцелярского документа, близкого к грамоте и сходного с соглашением между ганзейцами на их пути в Новгород. Кодикологическими признаками ее рукописи L являются формат очень большого листа (28,5 × 52 см), текст на одной стороне, расположенный на 33 строках в ширину листа без разделения на столбцы; лист линован, пустой осталась лишь одна 34-я строка. Письмо ровное, без сокращений или попыток растянуть текст к концу. На этом этапе Скра – это канцелярский документ, а не юридический кодекс; письмо по начертанию букв соответствует канцелярскому курсиву того времени, от кодекса законов ее отличает отсутствие заглавия [Сквайрс, Мальков].

Однако в I Скре заложены признаки развития в правовой кодекс: заглавные буквы двух типов, один из которых оптически выделен увеличенными отступами. Они совпадают с началом разделов в следующих редакциях; в рукописях ПК (Копенгаген) и ПР (Рига) видно членение на разделы с постепенным развитием заголовков. Скра все больше принимает вид кодекса, появляется заглавие (*Dit is die Scra ian nougarden* – «Это Скра Новгорода» (ПК) и *Dit is dat bôc des rechtes in deme hove to Nogarden* – «Это книга закона Новгородского двора» (ПРi)), письмо прямое книжное, (двух-)цветные инициалы (в ПК с флеронне), рубрикация [Squires]. За счет новых разделов растет объем, и в XIV в. IV Скра имеет уже 29 страниц; некоторые экземпляры сохранили переплеты (ПК) или мягкую обложку (IVL).

Книгопечатание придало толчок развитию западного права, позволив фиксацию закона в утвержденной законодателем форме и предоставив способ юридической публикации (вступления закона в силу путем опубликования). Региональное право Германии по-разному встретило эти инновации,

¹⁰ РГАДА. Ф. 53. 1602 г. Д. 1. Л. 36–40.

¹¹ Там же. Л. 275.

города Ганзы отстают с переходом в печатный формат (Любек издал свое право в 1586 г., Гамбург – в 1605 г.). Правовая независимость Ганзы стала тормозом в национальной интеграции: с трудом шла реформа, недооценивалась важность печатной формы, все еще действовали рукописные кодексы, в том числе нетождественные друг другу списки [Сквайрс].

VII Скра 1603 г. имеет в официальном списке заглавие К. Дрейера, синдика Любека: *Renovirte Schrage des Contoirs zu Novogrod. 1603* («Реформированная Скра конторы в Новгороде. 1603»). Ее текст обновлен в духе римского права, а внешнее оформление отражает деление на книги, главы и параграфы: заголовки разных уровней различаются размером шрифта, украшениями, характером письма (прямого в отличие от курсива основного текста). И внешне Скра 1603 г. – типологически новый, юридически модернизированный текст. Однако ее медиальный формат (рукопись) не заменен на печатный; нет признаков, что ее вообще собирались печатать.

В. Шлютер, готовя публикацию VII Скры, имел только рукопись из архива Любека (L)¹, однако И. Марквард в 1662 г. издал другой (позднее утерянный) список², его же перепечатал в 1714 г. Й. Люниг в «Германском архиве»³. Их оригинал отличает от L «лишний» раздел о торговле льном и коноплей, исключенный в конечном варианте из-за несогласия русских. Значит, текст Маркварда – Люнига был предварительным и не целиком вошел в официальную версию Скры (L). В архиве Любека найден неучтенный список в копиарии, озаглавленный К. Дрейером *Renovirthe Schrage des Contoirs in Novogrod de 1604* и внесенный им в регистр за 1603 г. Его письмо и текст соответствуют рукописи L.

Списки VII Скры восходят к двум версиям текста (до и после переговоров), однако обе юридически признаны: Марквард считал список-проект подлинным документом наравне с рукописью L (и текстом в копиарии). Не издав Скру типографским способом в 1600-х гг., Любек не обеспечил фиксацию ее текста, и по нормам XVII в. Скра не стала юридическим кодексом, надежным в отношении текста и вступившим в силу.

Эволюция внешней формы Новгородской скры идет в русле развития права Германии, не обнаруживая связи с традицией законов Новгорода.

Литература

Сквайрс Е. Р. Книгопечатание и эволюция права городов Ганзы // Румянцевские чтения – 2022. М., 2022. Ч. 2. С. 236–241.

Сквайрс Е. Р., Мальков А. В. Новгородская скра. Издание, перевод, исследования. М., 2020. 213, [2] с., [16] л. ил., цв. ил., карт., факс.

Squires C. The Oldest Manuscripts of the Novgorod Skra: Towards the Genesis of a Central Legal Text of the Hansa // *Manuscripta saec. V–XVI in Europa Occidentali conscripta et nunc in scrinis Petropolitani asservata quomodo exploranda, describenda et digitaliter edenda sint*. СПб., 2019. С. 57–58.

Н. В. Соколова (ИСЛ РАН)

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПАТРИАРШИМИ ВОТЧИНАМИ В НАЧАЛЕ XVIII в. (О СООТНОШЕНИИ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИЙ)

В связи с введением в научный оборот описных книг патриарших вотчин 1701–1703 гг. [Соколова, 2021; Соколова, 2022] И. А. Устинова в статье «Начальный этап церковной реформы Петра I: преобразование патриарших приказов» справедливо замечает: «Наряду с экономическими преобразованиями более внимательного рассмотрения требуют в этом контексте и административные реформы, затронувшие систему патриаршего управления – патриаршие приказы». По ее мнению, «правительственные мероприятия 1700–1701 гг. нанесли серьезный урон традиционному набору властных полномочий и административно-хозяйственных привилегий патриарха», а «ситуация “уравнивания” положения

¹ Schlüter W. Die Novgoroder Skra in sieben Fassungen vom 13. bis 17. Jahrhundert. 1. Dorpat, 1914.

² Marquard J. Tractatus politico-iuridicus de iure mercatorum... Frankfurt, 1662. S. 273–281.

³ Des Teutschen Reichsarchivs... letzte Continuation... / Hg. J. Lünig. Leipzig, 1714. S. 1371–1379.

монастырского и патриаршего землевладения и даже более серьезного наступления светской власти на владения Первосвятителя является абсолютной новацией начала XVIII в.». «Произошел, – заключает исследовательница, – принципиальный пересмотр вопросов подчинения патриарших приказов, реформирована их структура, глава Церкви отстранен от управления патриаршим хозяйством» [Устинова, с. 225, 232–233]. Как это ни парадоксально, патриаршие Дворцовый и Казенный приказы в этой статье даже не упомянуты.

Очевидно, что исследование о соотношении традиции и новаций на начальном этапе церковной реформы Петра I возможно не только в рамках традиционной парадигмы, как анализ петровских указов; не менее важно изучение практики их исполнения. Описные книги владений Патриаршего дома (1701–1703 гг.) свидетельствуют, что в эти годы «новации» в большинстве патриарших вотчин были минимальны, а где-то «церковная реформа», о которой пишут историки, население описываемых сел и волостей, похоже, вообще не затронула. Переписчики по-прежнему называют их «патриаршими». Институт «посельских старцев» ликвидирован, но они и были далеко не везде. Приказчики, как и раньше, получают указы о назначении «на приказ» и «наказы», а затем и текущие распоряжения – из патриаршего Дворцового приказа и туда же посылают свои письма и доклады, хотя они и адресованы на имя царя.

Ввиду ограниченности объема настоящей работы остановимся лишь на одном аспекте заявленной темы – системе назначений «на приказ» в вотчины Патриаршего дома в начале XVIII в. Основными источниками исследования являются указы, сохранившиеся в виде черновых отпусков или в «Записной книге» указов Дворцового приказа, а также «наказы» приказчикам¹. В документах за период с 25 ноября 1701 по 13 марта 1704 г. были упомянуты в качестве приказчиков (без учета повторных назначений) 54 человека, в том числе известные по времени патриаршества Адриана (Иван Петрович Шелешпанской, четверо князей Мещерских, дворяне и дети боярские (Всеволоцкие, Лопухины, Рагозины, Сурмины, Тяпкины и др.). Зафиксировано не менее 32 «приказов» в 18 уездах Европейской России, включая те вотчины патриарха, описи которых не вошли в «патриарший» конволют из РГАДА (село Дмитровское в Звенигородском уезде, волости Чюровская и Ковская – в Белозерском уезде, Осташкова слобода – в Ржевском уезде).

Приведу один из ранних текстов: «1701-го ноября в 29 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца боярин Иван Алексеевич Мусин Пушкин с товарищи приказал отпустить на приказ в Юрьевской уезд в патриаршие дворцовые села Гаврила Лопухина на Иваново место Булгакова и дать ему наказ по указу». И. А. Мусин-Пушкин возглавлял не только Монастырский приказ, но и Патриарший Дворцовый, потому в контексте настоящего исследования важно, кем заверен документ. Указы о назначении «на приказ» в патриаршие вотчины подписаны дьяками Дворцового приказа («Таков указ за приписью дьяка Семена Черного», «Таков указ закрепил дьяк Иван Вешняков»). Полагаю, что сходство формуляра указов начала XVIII в. и августовского указа патриарха Адриана 1700 г., согласно которому «отпущен на приказ Андрей Федоров сын Возницын» во владимирскую Сенежскую волость, «и дан ему Андрею наказ по указу за приписью Семена Черного»², не случайно.

Удалось отыскать списки «наказов», которые в марте-апреле 1703 г. получили Б. Р. Владыкин и П. С. Соболев, отправляясь «на приказ», соответственно, в Багачевскую волость (Владимирской уезд) и подмосковную Берешковскую слободу. Согласно приказной помете, к обоим документам была приложена «святейшаго патриарха домовая казенная печать». Записи после первого из них позволяют предположить существование «типового наказа». Сравнительный анализ этих источников с «наказами» дворцовым приказчикам XVII в. выявил как общее, так и особенное.

Литература

Соколова Н. В. Северная война и церковная реформа Петра I // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 6. С. 153–171. DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-153-171

¹ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 80; Ф. 237. Оп. 1. Д. 351.

² Цит. по: Горчаков М. И. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. синода. (988–1738 гг.): Из опытов исследования в истории русского права. СПб., 1871. Приложение II. № 42.

Соколова Н. В. Описание владений Патриаршего дома начала XVIII века как источник по истории Русской православной церкви // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 127–140. DOI 10.31518/2618-9100-2022-2-8

Устинова И. А. Начальный этап церковной реформы Петра I: преобразование патриарших приказов // Вестник церковной истории. 2022. № 3/4 (67/68). С. 223–235.

К. Н. Станков (ИРИ РАН)

КРЕПОСТИ В «ДНЕВНИКЕ» ПАТРИКА ГОРДОНА: К ВОПРОСУ О ПРОСТРАНСТВЕ ВОЙНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

«Дневник» генерала-шотландца на русской военной службе Патрика Гордона как по своей обширности, так и по глубокой осведомленности ее автора является одним из лучших источников по роли пространства в боевых действиях в Восточной Европе во второй половине XVII в.

Если для мирного путешественника в описании пространства его главными маркерами, разнообразными природный ландшафт, являются населенные пункты, прежде всего города, усадьбы и селения, то для профессионального военного оно формуется, прежде всего, военными объектами. Таковыми были, в первую очередь, крепости.

Едва прибыв в Россию, П. Гордон приступил к описанию оборонительных сооружений первого же города, куда он въехал, – Пскова. В частности, шотландец писал, что он «окружен каменной стеной со множеством башен»¹. Отдельно П. Гордон как профессионал отмечает, что благодаря своим укреплениям город «выдержал несколько осад от шведов и поляков»².

Особенно интересно описание П. Гордоном Киева, комендантом которого он был в 1684–1685 гг.: «Киевский замок в окружности [имеет] 817 саж[ен] 2 арш[ина]; Софийский, Михайловский и Печерский [замки] составляют со всеми ретраншементами, помимо внешних укреплений, 937 сажен 1 аршин». П. Гордон не только любовался укреплениями Киева, но и сам выступил с предложениями по их улучшению³. 7 июля 1684 г. под руководством П. Гордона начата починка стены Нижнего города⁴. 21 июля 1685 г. П. Гордон с мастерами и солдатами приступил к укреплению Киевских ворот⁵.

Почти вне связи с предшествующим текстом П. Гордон писал в «Дневнике» о другом крупном городе, тогда уже находившемся во владениях русского царя, – Смоленске. Вновь Охлухрис обращает внимание только на его укрепления. Он упоминает о цитадели, защищающей город, особо подчеркивая, что она каменная. Также шотландец отмечает наличие рва в качестве первой линии обороны и общую длину укреплений в 275 сажен⁶.

Касаясь укреплений другого города на западе Московии – Орла, П. Гордон отмечает, что хорошо укреплен только замок, возведенный на северном берегу р. Оки, омывающей цитадель⁷.

В «Дневнике» имеется подробное описание укреплений Тулы. В частности, П. Гордон отмечает: «В Туле имеется изрядный городок или цитадель, построенная из камня», в то время как остальная часть города укреплена деревянной стеной. Упоминает Охлухрис и укрепление засечной черты. В частности, он описывал большой земляной вал, усиленный болверками и подходящий к самой Туле⁸.

О Сумах П. Гордон писал, что «они возведены лишь 20 лет назад, делятся на два города, старый и новый, и имеют небольшую цитадель, где живет русский воевода». Далее он описывает реки, огибающие город и усиливавшие его обороноспособность⁹.

¹ Гордон П. Дневник, 1659–1667. М., 2003. С. 102.

² Там же.

³ Гордон П. Дневник, 1684–1689. М., 2009. С. 22.

⁴ Там же. С. 26, 28.

⁵ Там же. С. 75, 78.

⁶ Там же. С. 41.

⁷ Там же. С. 155.

⁸ Там же. С. 156.

⁹ Гордон П. Дневник, 1677–1678. М., 2005. С. 13.

Проходя через Коломну в ходе Первого Азовского похода, шотландец отметил: «Стены сего города все разрушаются»¹⁰. Заметил П. Гордон и печальное состояние укреплений Переяславля Рязанского: «Поскольку сей город стоит на песчаном основании, все стены обваливаются»¹¹.

П. Гордон не только описывал укрепления русских городов, но и принимал активное участие в их строительстве. Так, крепость Самара была заложена по составленному им плану¹².

Интересны описания в «Дневнике» вражеских (турецких) крепостей. Так, в записи от 28 ноября 1687 г. во время Первого Крымского похода отмечается, что турки привезли в крепость Казы-Кермен строительные материалы и собираются усилить эту цитадель дополнительными укреплениями¹³. Через два года в ходе следующего похода русских войск под Перекоп П. Гордон вновь и на этот раз более подробно описывает эту цитадель. Согласно «Дневнику», крепость стоит на речной скале, «внизу у реки большой блокгауз», снабженный значительным количеством орудий¹⁴.

В «Дневнике» дано любопытное описание небольшой турецкой крепости Лютин. По данным П. Гордона, этот форт был целиком построен из камня, имел четыре восьмиугольных бастиона, перед которыми возведен вал и выкопан небольшой ров с водой. Пройти в Лютин можно было только через одни хорошо укрепленные ворота. Галереи обороняющихся были удобно расположены на стенах¹⁵.

Таким образом, для профессионального военного не только в XVII в., но и с глубокой древности и почти до конца Нового времени крепости были важнейшим маркером, организующим пространство, на котором велись боевые действия. Они являлись опорными пунктами как нападения на противника, так и при обороне от него.¹⁶¹⁷

А. Н. Старицын (ИНИОН РАН)

ПЕРЕПИСНЫЕ КНИГИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СТАРОВЕРИЯ

В староверческих сочинениях житийного жанра встречаются эпизодически упоминаемые второстепенные персонажи, о которых на первый взгляд ничего не известно и узнать, казалось бы, нет никакой возможности. Между тем привлечение массовых источников к изучению биографий деятелей староверческого движения позволяет восполнить скудные сведения из официальных документов или литературных произведений и осветить довольно подробно жизненный путь второстепенных житийных персонажей. Этот прием далеко не новый, к нему прибегали многие исследователи староверия (см., например: [Соколовская, 1978; Соколовская, 1999; Юхименко, с. 457–473; Старицын, 2011]). Однако использование переписных книг 1678 и 1707 гг., отражающих демографическую ситуацию эпохи раннего раскола, в сочетании с другими массовыми источниками встречается редко [Воробьева, с. 15–19; Старицын, 2022].

Рассмотрим один пример. В Житии Корнилия Выговского упоминается крестьянин Евтихий Козмин, который помогал инокам Корнилию и Сергию ставить келью для Корнилия на правом берегу Выга у порога¹. Из материалов переписей 1678, 1707 гг. и двух ревизий (I и II) выясняется, что Евтихий Козмин – это реально существовавший крестьянин Выгозерского погоста. Его отец Козьма Федотов, уроженец деревни Рев Наволок, вероятно, по примеру своего земляка инока Сергия около 1694 г. со всей своей семьей оставил мирскую жизнь и удалился в пустынное место, которое впоследствии получило название Сергиев скит². О Козьме Федотове, как выговском первопоселенце, написал староверческий писатель Иван Филиппов в «Истории Выговской пустыни», заметив, что он был похоронен

¹⁰ Гордон П. Дневник, 1690–1695. М., 2014. С. 327.

¹¹ Там же. С. 328.

¹² Гордон П. Дневник, 1684–1689. С. 163.

¹³ Там же. С. 159.

¹⁴ Там же. С. 196.

¹⁵ Гордон П. Дневник, 1696–1698. М., 2018. С. 48.

¹ Брежневский Д. Н. Житие Корнилия Выговского пахомиевской редакции (тексты) // Древнерусская книжность (по материалам Пушкинского Дома). Л., 1985. С. 92; ОР РГБ. Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). № 1968. Л. 29 об.

² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8579. Л. 240 об.

недалеко от могилы инока Корнилия¹. По данным первой и второй ревизий устанавливается, что дети Козьмы Федотова: сыновья Евтихий (1663–1722), Михаил (1666–1728), Селиверст (1674–?), дочь Наталья (1684 – после 1748 г.) – жили в Сергиевом скиту. Сын Евтихия Козмина Иван (1704 г. р.) был женат на Гликерье Васильевне (1683 г. р.), которая была старше его на 19 лет и проживала у Лопского озера, где обособленно селились семейные старoverы, не подчинявшиеся принятым в скитах правилам «чистого жития». У них были дети: дочь Матрена (1728 г. р.) и сын Тихон (1732 г. р.)². Иван Евтихив был записным старoverом, работавшим на Петровских заводах. Во время второй ревизии он выступал в роли выборного подателя сказок о жителях Выгорецкого скита, в состав которого входил Сергиев скит.

Приведенный пример иллюстрирует значимость использования писцовых и переписных книг для получения новых биографических данных о старoverах. Переписные книги не являются вновь открытыми источниками, тем не менее обращение к ним позволяет вводить в научный оборот новые сведения о различных персонажах.³⁴⁵

Литература

Воробьева С. В. Кижские крестьяне – первоначальники Выгореции // Рябининские чтения – 2007. Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 15–19.

Соколовская М. Л. Северное раскольничье общежитие первой половины XVIII века и структура его земель // История СССР. 1978. № 1. С. 157–167.

Соколовская М. Л. Крестьянский мир как основа формирования Выговского общежития // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М., 1999. С. 274–278.

Старицын А. Н. Реалии и реальные герои Кирилло-Епифаниевского житийного цикла // Рябининские чтения – 2011. Материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 458–461.

Старицын А. Н. Заселение старoverами Выговского суземка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44. № 4. С. 59–68. DOI 10.15393/uchz.art.2022.768

Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 2. 480 с.

И. А. Устинова (ИРИ РАН)

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ АРХИЕРЕЙСКОЙ ХИРОТОНИИ В XVII в.

Выбор и поставление на архиерейскую кафедру в России XVII в. нового кандидата являлись событием государственной важности, затрагивавшим первых лиц страны – царя и патриарха, а также и весь епископский корпус. Процесс от выбора кандидата до занятия им места главы епархии включал несколько этапов, каждый из которых весьма подробно документировался.

После открытия вакантной епископской кафедры при Патриаршем дворе начинался поиск подходящих кандидатур, список которых передавался на утверждение царю. Наиболее известным образцом подобного документа служат тексты докладов царю Алексею Михайловичу по вопросам избрания кандидатов на Казанскую и Псковскую кафедры в 1649–1650 гг., опубликованные С. А. Белокуровым¹. На рубеже XVII–XVIII вв. эта практика приобрела более свободные формы. Например, после смерти патриарха Адриана в письмах Алексея Курбатова царю Петру I назывались возможные кандидатуры на патриарший престол², для более позднего времени аналогичная информация обнаруживается в письмах кабинет-секретаря А. В. Макарова³. Подобные документы составлялись в царской канцелярии.

После выбора «благоволением и советом» царя кандидатуры будущего архиерея, согласно каноническим правилам, начиналась подготовка к заседанию собора епископов. Довольно часто такие во-

³ Филитов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862. С. 122.

⁴ РГАДА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 964. Л. 170–170 об.; Ф. 350. Оп. 2. Д. 2359. Л. 889 об.; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1137. Л. 300.

¹ Белокуров С. А. Два доклада царю Алексею Михайловичу об избранных Освященным собором кандидатах на архиерейские кафедры. 1649 и 1650 гг. // ЧОИДР. 1905. Кн. 3. Смесь. С. 25.

² Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4. Ч. 2. Приложение II. С. 166–168.

³ РГАДА. Ф. 9. Оп. 6. Д. 54. Л. 46. Благодарю А. В. Топычанова за указание на этот документ.

просы решались на церковном соборе одновременно с другими актуальными проблемами. Так, на Большом Московском соборе обсуждались многочисленные вопросы церковной реформы, велись судебные заседания, а также утверждались кандидатуры новых архиереев. Случались и заседания, посвященные лишь кадровым вопросам. Так, в июне 1613 г. состоялись поставление на Вологду архиепископа Охридского Нектария и перевод Псков епископа Корельского Сильвестра. В марте 1672 г. собор епископов принял решение об учреждении Нижегородской епархии и поставлении туда архиепископа Филарета¹. Решение собора фиксировалось в грамотах на места с уведомлением о поставлении нового владыки, а также в настояльных грамотах, выдаваемых архиерею. В настояльных грамотах указывался состав присутствовавших на соборе. Например, в настояльной грамоте вологодского архиепископа Симона 1664 г., поставление которого состоялось в период межпатриаршества, названы имена семи русских и греческих владык². В настояльных грамотах 1680–1690-х гг. вместо списка присутствующих для обозначения состава собора начинает использоваться формула: «наша мерность со всеми присутствовавшими архиереи в царствующем граде»³. Подготовка настояльных грамот осуществлялась, вероятно, в патриаршей канцелярии.

После избрания и утверждения кандидатуры нового архиерея наступало время совершения необходимой обрядовой части – архиерейской хиротонии. Детально эта процедура была зафиксирована в Чине поставления епископа, который регулярно обновлялся и дополнялся [Башнин, Устинова, Шамина, с. 47–67]. Наиболее сильным изменениям в короткие сроки подвергся текст Исповедания веры, или Хиротонийного обещания, представлявшего собой своеобразную присягу архиерея, произносившуюся в Успенском соборе при поставлении. Тексты Хиротонийных обещаний за личной подписью владык хранились в патриаршей канцелярии⁴. Исследование сохранившихся Хиротонийных обещаний позволяет говорить о том, что они составлялись в канцелярии нового владыки.

Таким образом, архиерейская хиротония порождала весьма обширный комплекс разнообразных по форме, содержанию и значению документов. Важно отметить, что они создавались в разных структурах светской и церковной власти и, несмотря на единство причины возникновения, никогда не составляли единого документального комплекса, в связи с чем задача по их выявлению и исследованию остается весьма актуальной.

Литература

Башнин Н. В., Устинова И. А., Шамина И. Н. Высшее духовенство в начале церковной реформы Петра I: правовой статус и имущественное положение. М.; СПб., 2022. 704 с.

К. Н. Фомин (ГМЗ «Куликово поле»)

К ВОПРОСУ О ТОПОГРАФИИ СЛОБОДЫ КАЗЕННЫХ КУЗНЕЦОВ В ГОРОДЕ ТУЛЕ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII в.

Один из наиболее значимых в научной литературе по истории г. Тулы вопросов касается изучения корпорации тульских оружейников. Этой тематике посвящено значительное количество работ тульских историков. Историография вопроса подробно разбирается в «Очерке истории» сборника документов «Тульские оружейники» [Тульские оружейники, с. 3–10].

Истоком оружейного производства в Туле принято считать создание Тульской оружейной слободы, возникшей по указу царя Федора Ивановича, который дал тульским кузнецам жалованную грамоту (1594/1595 г.), разрешавшую им отдельное от посада поселение и в свя-

¹ ГАНО. Ф. 2013. Оп. 1. Ед. хр. 12а.

² Настоянная архиерейская грамота Симона, архиепископа Вологодского и Белозерского, 1664 г. // Литов Е. В. Историческое происхождение ставленных грамот // Вологодские епархиальные ведомости. 1893. Прибавление к № 9. С. 108.

³ ОР ГИМ. Коллекция свитков Синодального собрания. № 1352, 1491.

⁴ ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 430, 1044.

зи с этим освобождавшую от посадского «тягла». Ни сама эта грамота, ни ее точные списки до нас не дошли. Однако отсылки к ней и частичное цитирование ее текста содержатся в трех последующих грамотах: царя Бориса Годунова (1599/1600 г.), Лжедмитрия (год не указан) и уже спустя столетие, в 1696 г.

В двух из этих случаев (грамоты Лжедмитрия и 1696 г.) цитирования первоначальной (1594/1595 г.) грамоты абсолютно идентичны: «Велено казенных кузнецов построить на Туле за острогом особою слободою и никоем людям опричь их, казенных кузнецов, жить и в посад ни в какие подати и в посадские земские службы выбирать их не велено». Однако это не первое упоминание о кузнецах в Туле. В писцовой книге 1587–1589 гг. говорится о двух казенных кузнецах, живущих в двух дворах «с пожару против Никитских ворот»¹.

В писцовой книге 1587–1589 гг. в острожной стене описаны двое ворот: Никитские и Одоевские. Исходя из логики топографическое нахождение Одоевских ворот может быть только в южной (юго-западной) части острога (город Одоев расположен к юго-западу от Тулы), а расположение Никитских ворот – недалеко «от церкви Никиты Христова мученика», от которой их отделяют несколько дворов. Описанные перед этим улицы Никитского конца не выходят к Никитским острожным воротам. Обращение к реконструированной топографической ситуации города Тулы показывает, что эти ворота должны располагаться в острожной стене в верховьях ручья Хомутовка, по левому берегу которой частично и построена острожная стена. Она подковой окружала всхолмление, на котором располагался Никитский конец Тульского посада [Фомин, 2007].

В той же писцовой книге 1587–1589 гг. говорится о мельнице, находящейся по берегу реки Упы за Никитским концом. Согласно логике и более позднему плану этой части города, зафиксированному состоянию застройки на вторую половину XVII в., мельница расположена на берегу реки Упы, на мысу, образованном правым берегом ручья Хомутовка. От Никитских проезжих ворот уже Земляного города, построенного в середине 1630-х гг., идет улица, застроенная с обеих сторон посадскими дворами [Фомин, 2020].

Часть этой улицы оказалась выявленной в ходе спасательных археологических исследований по ул. Войкова, д. 36². Наиболее ранний из обнаруженных в раскопе культурных слоев относится к рубежу XVI–XVII вв. В раскопе была вскрыта часть усадьбы, состоящая как из жилой постройки, в которой было обнаружено восемь монет рубежа XVI–XVII вв., так и хозяйственной постройки, в которой прослежены остатки (нижняя часть) глинобитной печи (горна).

Данная усадьба, располагавшаяся вдоль дороги, идущей в сторону реки Упы, к мельнице, просуществовала недолго и, видимо, в самом начале XVII в., вероятнее всего в период Смутного времени, прекратила свое существование. После этого территория долго пустовала. Городская застройка возобновилась на данном месте не ранее середины XVII в. И, судя по материалам археологических исследований, на этой территории больше никогда кузнечное производство не возобновлялось.

Восстановление же слободы казенных кузнецов, в чем, конечно же, была крайне заинтересована после Смутного времени государственная власть, происходит уже в 1620-е гг. в другом месте, которое «...отведена деи им на Туле за Упою рекою...» [Тульские оружейники, с. 22–26]. Видимо, перенос слободы казенных кузнецов (оружейников) с места за острогом XVI в., защищавшим в тот период только Никитский конец городского посада (расположен к востоку от Тульского кремля), в противоположный конец города, за реку Упу, в 1620-х гг. и явился причиной, по которой казенные кузнецы при разборе спорных моментов с посадскими людьми представляли на суд грамоты XVII в., отказываясь представить первую грамоту царя Федора Ивановича.

¹ Писцовые книги Московского государства XVI века. СПб., 1877. С. 1089.

² Наумова Т. В. Отчет о спасательных археологических раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «исторический культурный слой г. Тулы XVI–XVIII веков» на участке строительства жилого дома в г. Тула по ул. Войкова, д. 36 в 2017 г. // Архив ИА РАН. Р-16/н.

Литература

- Тульские оружейники. Сборник документов. М., 2003. 365, [2] с.
Фомин К. Н. Историческая топография города Тулы XVI – начала XIX веков // Позднесредневековый город: археология и история. Тула, 2007. Ч. 1. С. 37–51.
Фомин К. Н. Формирование Тульского городского посада XVI века по археологическим данным // Тульский кремль и южные рубежи России. М., 2020. С. 243–267.
-

Н. П. Чеснокова (ИВИ РАН)

ГРЕЧЕСКИЕ КУПЦЫ XVII в. В МОСКВЕ: ИВАН ЮРЬЕВ РЕПЕТА

Купец Иван Юрьев Репета достаточно хорошо знаком историкам и историкам искусства хотя бы по одному эпизоду греческо-русских связей XVII в. – привозу ко двору царя Алексея Михайловича в 1662 г. из Константинополя царских регалий, державы и барм. Он упоминается во многих архивных материалах РГАДА. Иван Репета приезжал в Москву по своим торговым делам, как порученец восточных патриархов, с выкупленными пленными и т. д. Несмотря на многочисленные архивные данные о тесных контактах Ивана Юрьева с Россией, в историографии он иногда называется ювелиром [Матасова, с. 68–71]. Документы по истории константинопольских барм царя Алексея Михайловича определенно свидетельствуют, что Иван Репета не мог быть автором этой царской регалии. В нашей недавней публикации было показано, что ювелиром, изготовившим бармы, является константинопольский мастер по имени Мануил [Чеснокова].

Основная сложность в изучении биографии Ивана Юрьева, впрочем, как и других иноземцев, действовавших в Москве, заключается в русификации его имени, ведь в архивных документах встречается немало Иванов Юрьевых. Хотя наш купец часто упоминается в источниках с родовым именем Репета, нельзя однозначно утверждать, что выявлены все факты, имеющие отношение к обширной деятельности Ивана Юрьева в России. Архивные источники зафиксировали его контакты с александрийским, антиохийским и иерусалимским патриархами, а также русским посланником в Константинополе. По документам прослеживаются тесные деловые и личные связи Ивана Репеты с русскими и греческими купцами в Москве.

На примере Ивана Юрьева Репеты отчетливо видно, что источники из отечественных архивных собраний не имеют аналогов для изучения просопографии греческого купечества XVII в. Эти документы касаются не только деятельности иноземных торговых людей в России, но и обстоятельств их жизни в Османской империи, сведения о которых либо сохранились весьма фрагментарно, либо не сохранились вовсе. Сопоставление документов Посольского приказа с другими архивными материалами из собрания РГАДА, несомненно, позволит расширить наши представления о пребывании в России греческих купцов, и не только их привилегированной части.

Литература

- Матасова Т. А. Русские посланники в Венеции на рубеже XV–XVI столетий (по известиям Марино Сануто) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2 (52). С. 64–74.
Чеснокова Н. П. Константинопольские бармы царя Алексея Михайловича: еще раз об источниках // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 5 (103). DOI 10.18254/S207987840015990-8. URL: <https://history.jes.su/s207987840015990-8-1/> (дата обращения: 24.07.2021).

П. В. Чеченков (НГТУ им. Р. Е. Алексеева)

ОБ ИЗУЧЕНИИ ПЕРСОНАЛЬНОГО СОСТАВА НИЖЕГОРОДСКИХ СЛУЖИЛЫХ ИНОЗЕМЦЕВ 20-х гг. XVII в.

Первые массовые перемещения иноземцев в Нижегородский уезд прослеживаются со времен Ивана Грозного. В 1565 г. им был произведен «вывод» городской верхушки Юрьева Ливонского (Дерпта) в центральные уезды, в том числе Нижегородский. От 70-х гг. XVI в. сохранились отрывочные данные о значительном наделении здесь поместьями «панов» и «литвинов» [Чеченков, 2005, р. 140]. В результате к началу XVII в. иноземцы стали заметной составляющей как населения Нижнего Новгорода, так и уездного служилого сообщества. О. В. Скобелкин, изучая нижегородских «немцев», отметил, что самые ранние известия о численности и персональном составе иноземцев, служивших по Нижнему Новгороду, относятся к концу 1630 г. Исследователь подразумевал списки, составленные в Нижнем Новгороде в связи с приездом нового головы нижегородских иноземцев И. Ф. Тыркова, позднее отправленные в Иноземский приказ. Изучение этих списков позволило составить свод персональных данных о западноевропейцах Нижегородского уезда конца 20-х гг. XVII в. [Скобелкин]. Представляется, что разработка этого вопроса может быть продолжена. Во-первых, в распоряжении исследователей есть более ранние списки. Во-вторых, имеет смысл сместить угол зрения и рассмотреть не только западноевропейское («немецкое») присутствие в уезде, но и в целом иноземцев как часть нижегородских служилых людей.

Список поместных иноземцев содержит десятины по Нижнему Новгороду 1622 г. Ее соответствующий раздел включает 47 человек, в том числе: 16 – «литва», 21 – «немцы», 7 – вдовы «немецкие», 3 – недоросли «немцы»¹. Всех удалось найти в синхронных писцовых книгах по Нижегородскому уезду и, таким образом, собрать дополнительную информацию о материальном положении данной группы. Кроме того, среди записных книг Московского стола Разрядного приказа сохранилась окладная книга денежного и хлебного жалованья нижегородских иноземцев 1628/1629 г.² Нам уже приходилось отмечать тот факт, что данные о служилых людях в документах, составленных в разных инстанциях даже в близкое время, могут заметно различаться. Окладная книга максимально близка и в значительной части совпадает со списком Тыркова, и, тем не менее, сравнивая состав «немцев», обнаруживаем, что в ней упомянуты 14 человек, отсутствующие в списке (не считая двоих умерших к моменту составления окладной). И наоборот, в списке есть 11 человек, которых не находим в окладной.

Всего в окладной есть данные о 257 иноземцах. В связи с тем, что были неучтенные, эта цифра сопоставима с количеством дворян и детей боярских нижегородцев, которых в то время было несколько более трех сотен [Чеченков, 2017]. «Немцы» поместные (включая недорослей) насчитывали 15 человек, кормовые – 103, «литва» поместная – 13, кормовая – 115, «новокрещены, что были крымские татаровья» – 11. По сравнению с 1622 г. число поместных иноземцев сократилось на 16 человек. При этом персональный состав и поместные оклады почти не изменились. Характерно, что кормовые «немцы», «литва» и татары, поместий не получавшие, все равно расписаны по поместным окладам (за исключением 16 «немцев» и 28 «литвы», для которых оклад неведом) с параллельным указанием денежного и хлебного жалованья. Это лишний раз подтверждает наблюдения, согласно которым поместный оклад в те годы давно перестал быть формой фиксации землевладения, а превратился лишь в способ ранжирования служилого населения. Размеры этих окладов, по данным десятины 1622 г. и окладной книги 1628/1629 г., кажутся не очень большими даже на уровне нижегородской корпорации, не отличавшейся своей статусностью. Лишь 16 иноземцев имели оклад 400 и 450 четей (около 6%), остальные – меньше. При этом в русской части десятины 1622 г., насчитывающей почти три с половиной сотни человек, оклады от 400 до 800 четей имели 60 служилых людей. Это почти одна шестая часть ее состава. Надо полагать, что «немцев» ценили несколько выше, чем «литву», присваивая им более высокие оклады: из указанных 16 человек – лишь 2 литвина, 2 татарина, а остальные «немцы».

¹ Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века. М., 2015. Ч. 2. С. 749–753.

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 6А. № 68. Л. 393–488.

Собранные данные прямо и косвенно свидетельствуют о продолжающемся пополнении состава нижегородских иноземцев. После основного текста окладной книги добавлены данные о выезде, верстании и направлении в Нижний Новгород еще четверых человек. Также обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Отсутствуют крупные семьи. В окладной редко можно увидеть фамилии, повторяющиеся более трех раз. Поместные иноземцы, прибывающие в меньшинстве, кажутся более укорененными на местной почве. У них чаще встречаются отчества и более русифицированные фамилии. Но и для них проследить связь с первыми испомещениями не получается. Лишь две фамилии встречаются с 1588 г., а остальные и того позднее.

Кроме того, интересные данные дает сопоставление полученных сведений с писцовой книгой 1620-х гг. по Нижнему Новгороду. Так, никто из «немцев» и «литвы» не имел дворов в Нижегородском кремле, но там могли иметь дворы служилые татары. Поместные «немцы» и «литва» в основном располагали дворами на посадах, а кормовые – в пригородной слободе. Для многих внесенных в списки, дворов в городе найти не удавалось. И наоборот, значительный контингент городских иноземцев, порой прямо называемых «служилыми», отсутствует в изучаемых списках.

Литература

Скобелкин О. В. Нижегородские «немцы» в конце 20-х гг. XVII в. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 4 (1). С. 212–216.

Чеченков П. В. Персональный состав нижегородского дворянства и управление Нижегородским краем в середине XV – середине XVI в. // Cahiers du monde russe. 2005. Vol. 46. No. 1–2. P. 133–145.

Чеченков П. В. Численность и структура нижегородской служилой корпорации по разборным спискам 1630 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 163–164.

КУЛЬТУРА ВРЕМЕНИ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ

К. В. Акинин

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЗАМЫСЛА ДЕРЕВЯННОГО ДВОРЦА ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА В КОЛОМЕНСКОМ

Первоначальная структура Коломенского дворца (1667–1671 гг.) представляет собой строго иерархическую композицию, ядром которой является центральный корпус. Несмотря на его императивно главенствующее положение, тут были покои не царя, а царицы [Беляев, Панова, с. 40–51]. Противоречие налицо, на что указывают и другие особенности.

Основной пластический мотив главного фасада – контрастное сочетание монументальной протяженной плоскости, которая завершается активно выступающим монолитным объемом башни, – почти дословная цитата структуры главного фасада кремлевской резиденции. Там тянувшийся от Благовещенского собора протяженный фасад подклетов Средней Золотой палаты завершается резко выступающим за его линию монолитным объемом Грановитой палаты, который на фоне приземистости подклета выглядит почти как вертикаль. Ощущение топографической тождественности кремлевской площади в Коломенском усиливает расположение домово́й церкви. Она стоит по отношению к главному фасаду центрального корпуса так же, как в Кремле по отношению к фасаду царского дворца находится главный храм государства – кафедральный Успенский собор.

План жилой части¹ центрального корпуса – подробная аналогия основного этажа Теремного дворца: анфилада из трех телескопически уменьшающихся покоев, в начале которой расположены обширные сени-вестибюль, а в окончании – блок помещений личного использования (кабинет, уборная и т. д.). Но если в Теремном дворце весь сложный набор функций зарегулирован во внешне монолитный (что больше соответствует традиции² и климатической специфике), упорядоченный и симметричный объем, то в Коломенском всё наоборот – функции «распаковываются», каждая из них приобретает самостоятельную объемную оболочку с «говорящей» формой кровли: парадные сени (первоначально – крупнейшее помещение парадной части дворца, которое могло задумываться как тронный зал) накрыты восьмигранным шатром – аналогией завершения царского места в Успенском соборе; следующая за ними анфилада – килевидной «бочкой», создающей образ роскошных чертогов, а башня с рабочим кабинетом – монументальным квадратным шатром с гербом страны. По сравнению с уравновешенным монолитным объемом Теремного дворца, облик которого проникнут эстетикой Ренессанса [Пилявский Тиц, Ушаков, с. 224; Тарабарина, с. 207, 209], в Коломенском объемные формы обостренно функциональны, создают очень пластичную композицию и полны скорее готической экспрессии и вертикализма.

Внешнее оформление жилого этажа центрального корпуса в Коломенском имеет буквальное сходство с основным этажом Теремного дворца – сплошной ряд больших оконных проемов, украшенных одинаковыми пышными наличниками, по три на каждый покой анфилады. Среди них выделяется центральное окно среднего покоя с особым наличником-балдахином – явная реплика «Челобитного окна» Теремов (о нем см.: [Тарабарина, с. 209, 225, 232–233, примеч. 96]).

Восточный корпус Коломенского дворца фактически занимали покои царя [Беляев, Панова, с. 8–31]. Он имеет идентичный с центральным структурно-планировочный сценарий, габариты основных помещений, кровли и систему оформления главного фасада. Судя по плану контрольных обмеров,

¹ Его южную продольную половину занимала изолированная анфилада крупных помещений. Учитывая ее проходной характер, наличие мелких выгородок, уборной и проходов в подсобные помещения, эта анфилада первоначально могла предназначаться для размещения основной части имущества царской семьи, гардероба и т. д.

² Дворец в любецком замке был также предельно компактен [Рыбаков, с. 96, 132].

снятому в процессе строительных работ 1667 г. (опубл.: [Топычканов, с. 47])³, это его изначальная особенность. В то же время корпус содержит ряд знаковых отличий: основной ход парадной анфилады состоит не из трех, а из двух покоев, у него отсутствует третий этаж («чердак»), обязательный компонент всех остальных жилых корпусов дворца. Все это существенно снижает представительность восточного корпуса, указывая на его твердое второе место в структуре замысла ансамбля.

Почему произошла «рокировка» жильцов двух крупнейших жилых корпусов дворца? Тут перед нами целый спектр взаимодополняющих причин. Пока шла отделка дворца, изменилась семья: умерли царица Мария Ильинична (1669 г.) и наследник престола царевич Алексей (1670 г.), царь сочетался вторым браком с Натальей Нарышкиной (1672 г.). Есть и бытовые причины; ввиду северо-восточной ориентации главного фасада в центральном корпусе, очевидно, наблюдались недостаток инсоляции и ограниченность видовых перспектив⁴. Наконец, перемещение покоев царицы в центральный корпус создало компактную женскую половину дворца, а также сместило основной трафик контактов с внешним миром в восточную периферийную зону комплекса, что исключило возможность появления случайных лиц внутри дворцовой территории.

Литература

- Беляев А. А., Панова Т. Р. Дворец царя Алексея Михайловича XVII века. Историко-художественная реконструкция. 4-е изд., испр. и доп. М., 2022. 56 с.
- Пилявский В. И., Тиц А. А., Ушаков Ю. С. История русской архитектуры. М., 2003. 512 с.
- Рыбаков Б. А. Замок // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. (Археология СССР). С. 94–96, 132.
- Тарабарина Ю. В. Теремный дворец Московского Кремля. Проблемы изучения и памятники его круга // Московский Кремль XVII столетия. Древние святыни и исторические памятники. В 2 кн. М., 2019. Кн. 1. С. 189–245.
- Топычканов А. В. Иван Грозный и Алексей Тишайший: диалог сквозь время. М., 2015. 64 с.
-

Г. С. Баранкова (ИРЯ РАН)

МОНАШЕСКИЕ ПРАВИЛА, ПОУЧЕНИЯ И ЕПИТИМИЙНИКИ В СОСТАВЕ КОРМЧЕЙ РАННЕЙ РУССКОЙ РЕДАКЦИИ

Как известно из трудов И. И. Срезневского, В. Н. Бенешевича, Я. Н. Щапова, М. В. Корогодиной, Е. В. Беляковой и других ученых, Ранняя русская редакция Кормчей, старший сохранившийся список которой – Новгородская кормчая 1282 г. ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 132 (далее – С), составлялась в несколько этапов. Она представляет собой компиляцию из Древнеславянской и Сербской кормчих с толкованиями к правилам и канонам. Одним из ее источников был протограф Устюжской кормчей. Ранняя русская редакция пополнилась разнообразными статьями, в том числе древнерусского происхождения. Существует две группы этой редакции – Новгородско-Варсонофьевская и Волынская.

Епитимийники и монашеские правила были включены в Новгородско-Варсонофьевскую группу Ранней русской редакции Кормчей на втором этапе ее составления, они отсутствуют в Волынской группе, отражающей более раннюю стадию ее развития.

В Новгородско-Варсонофьевскую группу вошли следующие статьи и правила, регламентирующие жизнь монахов: «Правила черноризцем», «О черноризыцѣхъ правила», Устав Иоанна Пантеллерийского, «Св. Василия о епитимьяхъ», «Феодора игумена Студийского о останцѣхъ церковныхъ», «Поучение новопоставленному священнику», «Правила иерѣомъ, иже

³ По вопросу датировки и назначения плана в 1990-е гг. развернулась дискуссия (Н. В. Пиотух и Д. Г. Желудков), хотя содержание плана вполне однозначно – зафиксирован явно незавершенный комплекс клеток в процессе их строительства в 1667 г.

⁴ Вероятно, стремлением исправить этот недостаток можно объяснить большой поворот осей центрального корпуса к востоку, чем у остальных построек дворца.

не облачаются въ всѣсвященныя ризы», «Чин, како подобает погребати братию по уставу монастыря Студийскаго», Поучение Иоанна Златоуста, «Сказание о черноризском чине» Кирилла Туровского и др. Дальнейшему пополнению подвергся Варсонофьевский список Кормчей XIV в. – ОР ГИМ. Чудовское собрание. № 4 (далее – Ч), в который были включены дополнительные статьи: «Поучение св. отец к черноризцемъ», «Заповедь уным чернцемъ в кельи» и другие произведения. В Тихомировский список Кормчей – ГПНТБ СО РАН. Собрание М. Н. Тихомирова. Р-539, XV–XVI вв. (далее – Т), – входящий в ту же текстологическую группу, что и С и Ч, эти статьи не вошли.

Епитимийники и правила монахам, содержащиеся в Ранней русской редакции Кормчей, представляют интерес для рассматриваемой темы с разных сторон: содержательной, свидетельствующей о монастырском быте, дисциплинарной, источниковедческой и языковой.

Источники правил во многом были определены отечественными учеными. Два епитимийных текста («О останцѣхъ церковныхъ» и «О черноризцѣхъ правила» представлены в старших древнерусских сборниках XII–XIII вв., в их числе ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 330 и ОР РГБ. Ф. 304/1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 12. Отмечается общность ряда статей Новгородской и Устюжской кормчих. Проведенное исследование показало, что составители этих Кормчих использовали одни и те же протографы памятников, при этом тексты рассматриваемых епитимийников и монашеских правил представлены в Новгородской и Устюжской кормчих и близких им списках в одних и тех же переводах. Об этом свидетельствуют как языковые, так и структурные особенности текстов (наличие одних и тех же правил, расположенных в одинаковой последовательности, в ряде случаев отличающейся от порядка следования правил в греческом оригинале, выборка правил и их сокращение по сравнению с греческим оригиналом).

Важным вопросом является сопоставление текста источников правил, которыми пользовались при создании Ранней русской редакции ее составители, с отредактированными текстами правил и епитимийников, вошедшими в нее. Переводной характер большей части епитимийников позволяет судить о принципах их редактирования и говорить о большей или меньшей близости к греческому тексту, то есть дает представление о том, как редактировались монашеские правила для русских монастырей. То же относится к текстам правил, взятым из древнерусских сборников. Так, существенному редактированию подверглись «О черноризцѣхъ правила»: исключались те из них, которые не имели практического значения для монахов, устранялись правила, дублирующие одно и то же положение.

В текстах правил разночтения внутри Новгородско-Варсонофьевской группы многочисленны, хотя в с отмечают ошибки и искажения. Текст Т в случаях расхождений чаще ближе к С, чем к Ч, что свидетельствует о дополнительной правке, проведенной в Ч.

Вопрос о происхождении переводов епитимийников и правил остается малоизученным. Перевод Устава Иоанна Пантеллерийского мог быть выполнен в Восточной Болгарии, его лексика близка Супрасльской рукописи и древнейшим церковнославянским памятникам. Чин погребения монахов по уставу Студийского монастыря имеет разнообразные древнерусские особенности (*октениа, до бороды, по оболочении, въ головахъ, голову, въкша копытыце, калигы, поюче* и др.). Вероятно, также древнерусское происхождение имеет «Поучение новопоставленному священнику», в котором наблюдается большое число морфологических русизмов (*не носи кутью, без волъ, развъ великыи нужъ, духовныи дѣти* (вин. мн.), *мнѣчеса, съхраниши, оузриши, переступиши, приимеши*), полногласий (*бес пороха, скоротити, голову*).

В рассматриваемых сочинениях представлен богатый лексический материал, который широко отражает бытовую жизнь монахов, предметы их обихода. Значительная часть этих слов имеет первую фиксацию по Новгородской кормчей. Особенно интересна лексика, называющая монахов по роду их занятий: *вратарь, градарь, дворометарь, скотарь, хльбарь, клепачь, сокачь, Оусмошьвьць, древодѣла, калиграфъ, книгохранитель, рукодѣлатель*.

С. И. Баранова (РГГУ, ПСТГУ)

ПОСЛЕ МОНОГРАФИИ: В ПОИСКАХ СЛЕДОВ ДВОРЦА В КОЛОМЕНСКОМ

Работа над коллективной монографией [Баранова, Беляев, Топычканов] обнаружила в фонде П. Д. Барановского (ГНИМА им. А. В. Щусева) документы о его активном поиске подлинных вещей из дворца в Коломенском (особенно в 1923–1933 гг., до ареста) и борьбе за их остатки в 1960-е гг. Разыскивая предметы из дворца, Петр Дмитриевич изучил музейные вещи, выделив группу предметов, возможно связанных с Коломенским (например, «стул резной деревянный, обитый золоченой кожей XVII в.» с № 2357 по описи «Румянц. музея»; в музей поступил в 1930 г. из ГИМ с припиской: «происходит из Коломенского дворца», ранее находился в Оружейной палате Московского Кремля).

Уникальное подлинное свидетельство дворца «Дом Кошкина» (с. Коломенское, Большая ул., д. 119) сохранялось до сноса в 1969 г. Дом был построен, по легенде, в 1767–1768 гг. из бревен дворца царя Алексея Михайловича смотрителем дворца К. Д. Брыкиным. Его срубы сохраняли старые бревна 40 см в диаметре, половицы шириной 60 см, железные ручки XVII в. Эти бревна не сохранились, но в коллекции музея часть предметов все же попала.

История борьбы за «Дом Кошкина» хранит ряд сведений об этом сооружении. В развернувшейся переписке П. Д. Барановского с «инстанциями» сообщается, что «дом двухэтажный, срубленный из бревен необычной толщины... выстроен в 1766–1768 гг. как раз в то время, когда строился каменный дворец императрицы Екатерины 2-ой и когда разбирался знаменитый деревянный дворец XVII в. ...»¹, бревна в нем толщиной «в аршин» и больше, а сохранность хорошая.

Для обоснования доводов П. Д. Барановский привлек историка архитектуры П. Н. Максимова. В записке «о доме Кошкиных в селе Коломенском» (27.07.1966) ученый показал, что дом ставили из бревен вторичного использования. Второй этаж сложен из двух готовых срубов: «южного более широкого и длинного, связочного возможно во избежание выпучивания продольных стен врубленными в них бревнами (одно внизу и два наверху), и северного, более узкого и короткого»². Бревна мелкослойной сосны толщиной 35–40 см, одинаковой сохранности на обоих срубах. Венцы имели нумерацию насечками: «прямыми длинными на западном фасаде, прямыми короткими на северном, косыми на восточном и точечными на южном»³. Нет венцов с одной и двумя насечками – вероятно, их удалили после переборки, их заместил подклет из кирпича (6 × 11–11,5 × 24–25 см) и крестовая кладка с подрезкой швов, все это типично для второй половины XVII – начала XVIII в. («как и закладка белокаменных плит под железные подставки для дверей и ставней»⁴). Для уточнения соотношения срубов дворца и дома П. Н. Максимов предлагал сравнить его обмеры с чертежами дворца в Коломенском, глубже изучить в натуре оконные проемы, части верхних стропил «брыкинского» и более позднего времени, разные доски на чердаке и поперечные бревна, связывающие стены южного сруба.

На основе этих заключений Научно-методический совет по охране памятников культуры просил у министра культуры РСФСР принять меры к сохранению дома и взять его под государственную охрану, а Инспекция по государственной охране памятников архитектуры г. Москвы предложила ГИМ включить дом в экспозицию Коломенского филиала музея. Но дом разобрали (акт о разборке 1969 г. свидетельствует о попытке спасти хотя бы часть материалов). Сохранялась тогда в обороте и группа металлических предметов, явно связанных с дворцом. Археолог А. В. Никитин отметил: «Во дворе дома Порфирия Кошкина оказались три железные дверные ручки, причем одна из них в виде круглой скобы, укрепленной на подвижном шарнире, аналогичная ручкам из церкви Ивана Предтечи в Ярославле (1687 г.) и церкви Георгия Неокесарийского (1669 г.). Две другие в виде прямоугольной вертикально поставленной скобы, крепленной железным щитком, аналогичны ручке, найденной в Белгороде – па-

¹ ГНИМА. Р XIV. Оп. 3. Д. 62. Л. 20. Начальнику управления внешнего благоустройства и озеленения г. Москвы о д. Кошкина в Коломенском. 5 апреля 1965 г. Подпись П. Д. Барановского.

² ГНИМА. Р XIV. Оп. 3. Д. 62. Л. 6.

³ Там же.

⁴ Там же.

мятнике, датированном 1593–1638 гг. Все ручки имеют очень типичный насечной орнамент, характерный для памятников XVII в. Есть основания предполагать, что после разборки Коломенского дворца отдельные вещи от него осели в домах села Коломенского» [Никитин, с. 169].

Судя по материалам, попавшим в музеи из крестьянских усадеб Коломенского в XX в., избы села при перестройках и особенно после разборки стали «депозитарием» для остатков дворца. Впрочем, раскопки территории самого дворца уже ввели в науку подлинные предметы, требующие внимания более пристального, чем удалось уделить им в монографии.

Литература

Баранова С. И., Беляев Л. А., Топычканов А. В. Резиденция Петра I в Коломенском: комплексное историко-археологическое исследование. М., 2022. 376 с.

Никитин А. В. Железные украшения Коломенского дворца XVII в. // Культура древней Руси. М., 1966. С. 168–172.

Л. А. Беляев (ИА РАН)

ПОСЛЕ МОНОГРАФИИ: УРОКИ АРХЕОЛОГИИ И ДВОРЕЦ В КОЛОМЕНСКОМ

Работа выполнена в рамках плановой темы НИОКТР 122011200385-1.

В недавно закончившемся проекте, посвященном истории дворца царя Алексея Михайловича в Коломенском как резиденции Петра I, существенную роль играли материалы археологии [Баранова, Беляев, Топычканов]. Для их анализа пришлось пересмотреть коллекции находок, которые хранятся в Московском Объединенном музее-заповеднике, обширные отчеты из архива Института археологии РАН, а также письменные и графические материалы в других архивах (прежде всего фонд П. Д. Барановского в архиве Музея архитектуры им. А. В. Щусева). При этом выяснилось, что полевые сезоны (включая сравнительно недавний период начала 2000-х гг.) не полностью отражены в отчетах. Зато в архивах обнаружился неизвестный ранее комплекс документации по работам 1923–1930 гг. Он позволяет адекватно представить себе организацию и методику работ, а также атрибутировать имеющиеся в хранении, но недостаточно привязанные к месту и времени находки материалы. Пробел в документации 2000-х гг. вскрылся уже на первых этапах работы, и его удалось частично решить путем поиска полевых материалов в организациях, проводивших полевые исследования. Архивы 1920–1930-х гг. и более позднего времени обнаружались только в последний год работы по гранту, при анализе их удалось учесть, но лишь частично использовать в книге, по ним исследование продолжится. Но это только источниковедческая часть работы. В области же интерпретации и анализа уроки исследования представляются более серьезными.

Выяснилось, что при работах 1920–1930-х гг. П. Д. Барановским были поставлены те же самые задачи, которые мы собирались решить в вышеупомянутом исследовании. Прежде всего, известный реставратор полагал возможным отождествить отдельные помещения, известные по планам и описям дворца, с открываемыми на местности участками, которые он именовал в соответствии с теми экспликациями, которые имелись на планах (о достоверности графического материала, которым располагали в 1920-е гг. ученые, нужно говорить отдельно). Далее, он считал возможным выяснить на основании анализа находок характер интерьера каждой из «палат», особенно их изразцовых печей, металлической фурнитуры и иных предметов, которые могли сохраниться в слое.

В возможности этого Петра Дмитриевича убеждал собственный опыт архитектурно-археологических исследований, полученный им начиная с 1923 г. в ходе тотальной реставрации (включавшей слом поздних частей зданий) комплекса Передних ворот с примыкавшими к ним Приказными и Полковничьими палатами, Фряжскими погребями и Сытным дворцом: находки в них оказались достаточно обильными и яркими.

В 1930 г. П. Д. Барановский провел «медленные» и хорошо организованные в части фиксации раскопки небольшой палаты на юго-восточном углу деревянного дворца, в царской половине комплек-

са. Использовался специально составленный землемером план, для привязки построили особые реперы-пирамиды из кирпича. Но П. Д. Барановский был разочарован: в палате не оказалось печи, слой был плохо стратифицирован и беден вещами. Похожими оказались результаты позднейших работ, которые проводили молодые (но в будущем очень известные) археологи: идентификация помещений на местности была условной и зависела от архивных планов.

К сожалению, работы 2000-х гг. дали результаты чуть ли не худшие: применявшаяся методика не позволила разобраться ни в слоях, ни в планиметрии участков. Вскрытия были широкими, но очень быстрыми. В работах принимало участие недостаточное количество ученых (их заменяли техники). Рабочие (студенты-практиканты непрофильных вузов) не прошли специального инструктажа и не стремились овладеть методикой полевой работы. Определенный результат получили лишь благодаря тому, что деревянные стены дворца имели опорные кладки 1720-х гг., хотя бы грубо обрисовавшие план; вписать в него основания печей с изразцами можно только в редких случаях.

Причина не только в недостатках методики, но и в формировании самого объекта археологии. На протяжении недолгой (всего столетие) жизни дворец постоянно перестраивали – причем по крайней мере один раз полностью и капитально, с подведением каменных фундаментов и, вероятно, переборкой печей. Текущие ремонты дворца следовали чуть ли не каждые десять лет. В их ходе многие печи вновь перебирали, меняя также дверные приборы, ремонтируя окна, двери, обивку стен. Ремонты перешли в разборки помещений (известно по меньшей мере два этапа капитального сноса здания). Получаемый материал собирали для продажи, вторично использовали в каменных зданиях дворца и в домах прилегающего села. Выделить эти «периоды», связав их с определенными этапами разборки конкретных помещений, – задача, вряд ли имевшая решение. Но она дала ценную для археолога модель, которая будет представлена в докладе.

Литература

Баранова С. И., Беляев Л. А., Топычканов А. В. Резиденция Петра I в Коломенском: комплексное историко-археологическое исследование. М., 2022. 376 с.

Е. В. Белякова (ИРИ РАН)

«ИЗБРАНИЕ ОТ ЗАКОНА МОИСЕЕВА» В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ

«Избрание от Закона Моисеева», или «Избрание от закона, Богом данного Израилю», или *Nomos Mosaikos* (далее – ИЗМ), принадлежит к числу малоизученных памятников. Этот текст представляет собой выборку («эклогу») из книг Ветхого Завета. Изучение памятника значительно продвинулось благодаря совместным работам С. Трояноса и Л. Бургманна. Исследователи указали 39 греческих списков памятника XI–XVI вв., опубликовали греческий текст и сделали важные наблюдения по его составу и распространению [Burgmann, Troianos].

Впервые в славянской традиции ИЗМ появляется в составе перевода Кормчей Сербской редакции. Как 67-я глава текст входит в состав сборника *Vatic gr. 1167* (XIV в.), который Бургманн рассматривал как антиграф Сербской редакции Кормчей.

Древнейшая славянская рукопись, содержащая ИЗМ, – Иловицкая Кормчая 1262 г. В ней текст помещен как глава 48. Как и в греческих рукописях, текст состоит из 50 глав. Каждая глава имеет заглавие и указание на источник.

Отечественные исследователи обращались к ИЗМ в связи с изучением Закона Судного людям. М. Н. Тихомиров отмечал тесную связь этих памятников. Историк также увидел «яркие черты русского происхождения» в списках, входящих в Новгородскую и в Варсонофьевскую Кормчие, и писал, что «это произведение уже в Новгородской кормчей 1280 г. рассматривалось как своего рода пособие для русских судов» [Закон, с. 16–17].

В Устюжской Кормчей ИЗМ отсутствует. Отсутствует оно и в Пушкинском сборнике, хотя в его описании на сайте РГАДА указано: «4) Выдержки из ветхозаветных Законов Моисеевых, в Кормчих книгах помещаемых под заглавием “Избрание от Закона, Богом данного израильтяном Моисеом”, без заголовка (стр. 81–97)». Неточность в описании Пушкинского сборника была допущена еще М. Н. Тихомировым, отождествлявшим ИЗМ и статью Пушкинского сборника «Месяца 3-го ишествие сынов Израилев от земля египетския». Эта статья представляет собой выборку из Книги Исход, сделанную независимо от ИЗМ. Она содержит главы 19: 1–9; 20: 1, 12, 15, 21–26; 21; 22: 1–28 и кончается словами «не рци зла». Последняя фраза не имеет отношения к данному тексту и взята из другого источника. Выборка из Книги Исход в Пушкинском сборнике и в ИЗМ частично совпадает по составу. В ИЗМ также имеется глава 20: 12–17, но перевод текстов восходит к разным традициям.

Древнейшим восточнославянским списком, содержащим ИЗМ, является список Новгородско-Синодальный. Но, как предполагал Я. Н. Щапов, группа списков Владимиро-Волынской редакции отражает более раннюю стадию работы над Русской редакцией Кормчей. Это подтверждают и новейшие исследования [Баранкова, Белякова; Корогодина, Дилигул]. Сопоставление текстов ИЗМ Новгородско-Синодального списка с Кормчими Сербской редакции (Иловицкой, Рязанской) и Владимиро-Волынской редакции (Арадским списком) показывает значительное количество разночтений. 1) В ряде случаев отражены особенности Рязанского списка, в том числе и ошибочные чтения (главы 27, 47). 2) Пропущены заглавия, начиная с главы 3, оставлены только указания на библейские книги. 3) Древнерусский редактор сокращал Сербскую редакцию. Эти сокращения общие для Новгородско-Синодальной и Владимиро-Волынской редакций только в главах 1, 3, 6, 9. 4) Дальнейшие сокращения в главах 12, 16, 17, 18, 19, 21–25, 48, 49 представлены только в Новгородско-Синодальной группе. 5) Эти сокращения носят иногда не вполне обычный характер: текст не просто опускается, но иногда заменяется на обобщения: «всю ниву или виноград попасет» заменяется на «все попасено будет» (18), «юнец или осля» на «скотину» (19), «мужа или жену» на «человека» (21). Последовательно проведена в Новгородско-Синодальной группе замена «свидетель» на «послух» в главах 48, 49.

Объяснить имеющиеся разночтения можно двумя способами: 1) отражением во Владимиро-Волынской группе первого этапа редактирования, в то время как в Новгородско-Синодальной группе отражен уже второй этап; 2) обращением редактора Владимиро-Волынской группы к Кормчим Сербской редакции.

Софийская редакция Кормчей в главе 1 ИЗМ не содержит тех сокращений, которые имеются в Арадском и Новгородско-Синодальном списках, а передает текст в Сербской редакции. Глава 12 также дана по Сербской редакции. Но все остальные главы ИЗМ даны в Новгородско-Синодальной редакции. Это заставляет предположить, что составитель Софийской редакции обращался не только к списку Новгородско-Синодальной группы, но и к Сербской редакции или имел протограф, несколько отличающийся по составу.

В списках канонических сборников архангельской группы [Белякова] помещена только выборка из ИЗМ (главы 1, 8, 9, 4, 5, 6, 2.5, 2.10, 35, 42, 43), сделанная по Сербской редакции. Главы 8 и 5 сохранили заглавия, но при этом все отсылки к книгам Ветхого Завета опущены.

ИЗМ было широко распространено в восточнославянской письменности в составе Кормчих и анонимических сборников и оказало значительное влияние на русскую средневековую правовую традицию. Памятник перешел и в Новое время, отразившись в Соборном уложении 1649 г. Он был включен и в состав печатной Кормчей. Предлагаемые в нем нормы смертной казни, несмотря на отмену их в Новом Завете, продолжали восприниматься как действующие, что способствовало ужесточению наказаний и нравов.

Литература

- Баранкова Г. С., Белякова Е. В. К вопросу о происхождении Кормчей Ранней русской редакции // Славянское и балканское языкознание. М., 2020. Вып. 20. С. 13–29. DOI 10.31168/2658-3372.2020.1.01
- Белякова Е. В. Церковно-канонические сборники архангельского типа XV–XVII вв.: проблема состава и функционирования // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 4 (90). С. 218–235. DOI 10.25986/IRI.2022.4.90.014

Закон Судный людем пространной и сводной редакции / Под ред. М. Н. Тихомирова, Л. В. Милова. М., 1961. 286 с.

Корогодина М. В., Дилигул Е. С. «Разумные» правила Кормчей книги: принципы формирования // Годичник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Център за славяно-византийски проучвания «Иван Дуйчев». София, 2021. Т. 101 (20). С. 35–48.

Burgmann L., Troianos Sp. Nomos Mosaikos // Forschungen zur Byzantinischen Rechtsgeschichte. B. 4. Fontes Minores III. Frankfurt am Main, 1979. S. 126–167.

И. В. Вернер (ИсЛ РАН)

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ИЗДАНИЙ НА МОСКОВСКОМ ПЕЧАТНОМ ДВОРЕ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ АРГУМЕНТОВ ГЛАВ В ЕВАНГЕЛИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Аргументы, или суммы, евангельских глав – краткие содержания, располагающиеся перед каждой главой, – не входят в традицию как старопечатных изданий Библии (Острожской 1581 г., Московской 1663 г., Елизаветинской 1751 г.), так и русского Синодального перевода. Однако в истории церковнославянской Библии есть прецедент включения в текст евангельских аргументов: начиная с изданного на Московском печатном дворе в 1657 г. Евангелия они присутствуют во всех позднейших изданиях четвероевангелий XVII и первой половины XVIII в.

Издание 1657 г. обладает рядом особенностей, которые разделяют московские богослужебные тетроевангелия на изданные до 1657 г. и после [Ostapczuk, Wysoczański, Maciuszko, Tofiluk, p. 129]. Это первое кириллическое издание, в котором имеется соответствующее современному разделению на главы и стихи, а перед каждым из евангелий приведены перечень евангельских глав, тексты кратких житий евангелистов и аргументы глав. Появление этого справочно-поискового аппарата в церковнославянском Евангелии следует увязывать с обращением московских книжников к практике европейских библейских изданий.

Включение житий евангелистов в московские издания свидетельствует о знакомстве сотрудников Печатного двора не только с греческими, но и с латинскими библейскими изданиями. Атрибуция одного из двух житий Марка и Иоанна Иерониму Стридонскому указывает на знакомство московских книжников с текстами Эразма Роттердамского: в четырех из пяти его греко-латинских изданий Нового Завета автором латинских житий указан Иероним, тогда как в греческой традиции неизменно присутствуют лишь указания на Софрония, переведившего жития на греческий. Размещение житий перед каждым из евангелий, а не в начале изданий, как у Эразма, позволяет предполагать и известность на Печатном дворе Editio Regia P. Этьенна 1550 г. в 1670–1680-е гг. обращение к Editio Regia прослеживается в справе Нового Завета Евфимием Чудовским [Вернер].

Аргументы во всех московских изданиях (в XVIII в. и в киевских) располагаются списком для всех глав перед каждым из евангелий. Единственный известный нам текст, в котором идентичные печатным аргументы находятся перед каждой главой, – Новый Завет 1670–1680-х гг. Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского. Этот перевод, дошедший до нас в виде двух последовательно правившихся греко-славянских рукописей (ОР ГИМ. Синодальное греческое собрание. № 472 и 473), остался незавершенным. Аргументы присутствуют только в славянском, но не в греческом тексте диглотт; в третьем сохранившемся списке перевода, лишенном греческого текста (ОР РГБ. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 1291), аргументы устранены. Установлено, что источником аргументов в Апостоле и Апокалипсисе является польский Новый Завет Я. Вуйка 1593 г. [Пентковская]. Происхождение же евангельских аргументов осталось открытым: их не удалось связать ни с одним из католических польских или латинских изданий, ни с рукописными новозаветными переводами, выполненными в Великом княжестве Литовском.

Языковой анализ аргументов старопечатных евангелий позволяет атрибутировать их авторство Епифанию Славинецкому. В тексте присутствуют характерные для его переводов композиты (*дѣтубіеніе, пѣтелоглашеніе, первосѣданіе, любопреніе, стоначалникъ, второпервый, воднотрудноватый*),

отыменные предикативные формы (*умздивый, одесагтвующий, одеждимса*), в том числе глаголы с суффиксом *-ств-* (*сокровищствовати, немогтствовати, рыболовствовати*), глаголы с префиксами, избыточно калькирующими греческие приставки (*возпосылаеть, воспроизрають, совопрошааса*), нехарактерный для церковнославянского порядок слов (*хрѣта вечерающаго въ виваніи нозѣ помазуетъ маріа*). Во многих случаях чтения аргументов совпадают с чтениями Нового Завета в переводе Епифания, правленном позднее Евфимием; однако некоторые чтения явно указывают на латинский оригинал (*лунствуемый – lunaticus*).

Структура аргументов обнаруживает ориентацию на латиноязычные суммы, впервые появившиеся во второй половине XVI в. в протестантских изданиях (в 1575 г. вышло первое издание латинского новозаветного перевода Т. Безы с аргументами, а затем латинские аргументы включались не только в греко-латинские издания, но и в греческие). Во многих случаях следуя обозначению стихов и содержанию латинских аргументов, Епифаний также модифицирует их текст, добавляя номера стихов или объединяя несколько стихов из латинского аргумента. В отличие от дословно переведенных Евфимием с польского аргументов к Апостолу и Апокалипсису в Новом Завете 1670–1680-х гг., суммы Епифания представляют собой некоторую переработку латиноязычного образца. Созданные в середине 1650-х гг. в процессе работы над Новым Заветом, евангельские аргументы оказались малой опубликованной частью библейского проекта Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского.

Литература

- Вернер И. В. К вопросу о европейских источниках перевода Нового Завета Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского (1670–1680-е гг.): греческие рукописи и печатные издания // Slověne. 2023. Т. 12. № 2 (в печати).
- Пентковская Т. В. Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого и польская переводческая традиция XVI в.: перевод аргументов к Апостолу // Русский язык в научном освещении. 2016. № 1 (31). С. 182–226.
- Ostapczuk J., Wyszczanski W., Maciuszko J. T., Tofiluk J. Краткие жития евангелистов в кириллических старопечатных евангелиях тетр и их происхождение (Short Lives of Evangelists in Early Cyrillic Printed Liturgical Tetraevangelions) // Konštantínove listy. 2020. Vol. 13. No. 1. P. 126–143. DOI 10.17846/CL.2020.13.1.126-143

К. В. Вершинин (ИРИ РАН)

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПЕРЕВОД СКАЗАНИЙ АНАСТАСИЯ СИНАИТА О ДОСТОИНСТВЕ СВЯЩЕННИКОВ (ВНГ 1322v, ВНГ 1444x)

В сборнике середины XV в. ОР ГИМ. Собрание Е. В. Барсова. № 234 читается ряд примечательных памятников, в том числе раритетных для славянской книжности. Здесь находим старший из известных списков вопросов-ответов Феодорита Кирского на первые четыре книги Ветхого Завета (Л. 261–335)¹, «Слово о различных образах спасения» Анастасия Синаита с интерполяцией повести о чародее Месите (Л. 225 об.–235 об.)², а также главы 1–23 «Богословия» Иоанна Дамаскина (Л. 105 об.–168) с полным оглавлением (Л. 105; начало утрачено), включающим заголовок «Слова о зазирании» (фрагмент Златоустовых «Андриант»). Главы 24–55 и уникальный список названного «Слова» содержатся в Софийском сборнике XV в. [Антология, с. 25]. Очевидно, Барсовская и Софийская рукописи восходят к древнему списку «Богословия», расплетенному на две части.

В настоящей работе мы обратимся к небольшим *opuscula*, которые в рукописи следуют за «Словом» Анастасия. На л. 236–237 об. читается текст под заглавием: «Тогоже указания, яко велии ангельский санъ святительское стайрѣшинство (sic!)...» (начало: «Въ церковнѣмъ списании Филона любомудреца и обрѣтох что таково...») – рассказ о том, как рака с телом мученика сама собой исходила из

¹ О них см.: [Вершинин, с. 58–59].

² Вторая половина текста совпадает с той версией повести о Месите, что читается в Прологе Пространной редакции [Грицевская, Литвиненко, р. 454–464].

церкви при литургии, пока епископ не «разрешил» запрещение, наложенное на того при жизни. Этот текст (ВНГ 1322v) бытовал и в отдельном виде как каноническая статья (часто под именем Анастасия Антиохийского), включаясь в этом качестве в Номоканоны. Прежде он был известен в двух различных переводах – в Древнеславянской и Сербской Кормчих [Каталог, с. 100; Бенешевич, с. 637–640]; в нашем случае речь идет о третьем. Перевод этот носит следы древности (употребляются слова: *люженинь*; *чьститель* = ἱερεύς). Некоторые сходства с другими переводами могут объясняться сравнительной простотой греческого оригинала.

Вновь найденный перевод интересен не только как пример неоднократного обращения книжников к одному и тому же греческому памятнику. В Барсовском списке, в отличие от версий текста в Кормчих, следом помещен еще один рассказ (ВНГ 1444x; см.: [Novum Auctarium, p. 345]) о том, как младенец, умерший в церкви, властью священника был воскрешен и после крещения «успе о Господи» (начало: «Лавдикии градецъ есть ко горѣ Ливаньстѣи прямо Гавсифону...»)³.

Заметим, что наши тексты (а также «Слово о различных образах спасения») помещены за выборкой (Л. 205–225 об.) из вопросоответов Анастасия в «перевод А», который, согласно В. Федеру, был сделан с греческого «собрания D» [Федер, с. 21]. Однако в последнем отсутствуют повести о достоинстве священников, а равно и сюжет о Месите. «Собрание В» содержит как тексты ВНГ 1322v и ВНГ 1444x, так и повесть о чародее, включенную здесь в состав одного из дополнений – App. 18 [Richard, Munitiz, p. 196–204]. Между тем в нашей рукописи читается и это дополнение, хотя повесть о Месите перенесена оттуда ниже – в «Слово».

Если рассматривать названные памятники в Барсовском списке как единое целое с вопросоответами, то не будет лишено вероятия предположение, что перевод восходит к рукописному «родственнику» «собрания В», где рассказ о Месите, подвергнутый редактуре, развился в самостоятельное «Слово о различных образах спасения» (которое в таком виде, но приписанное Иоанну Златоусту, встречается в группе западнорусских списков XV–XVII вв., включая описанный В. Федером Мелецкий сборник [Федер, с. 26]). При этом (судя по яркому русизму *синьць* ‘эфиоп; бес’ в «Слове») нельзя исключать раннее русское происхождение перевода.

Литература

- Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в. Софийский сборник / Изд. подгот. Г. С. Баранкова, Н. В. Савельева, О. С. Сапожникова. М.; СПб., 2013. 538, [1] с.
- Бенешевич В. Н. Древне-славянская Кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1907. Т. 1. VI, 840, [4] с.
- Вершинин К. В. О некоторых источниках Изборника XIII в. // Славянское и балканское языкознание. 2020. Вып. 20. С. 52–73. DOI 10.31168/2658-3372.2020.1.03
- Грицевская И. М., Литвиненко В. В. Повесть о юноше и чародее в славянской книжности // Studia Ceranea. 2022. Vol. 12. P. 437–464. DOI 10.18778/2084-140X.12.27
- Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (рукописные книги) / Сост. Д. М. Буланин. СПб., 2014. 942, [1] с.
- Николова С. Патеричните разкази в българската средновековна литература. София, 1980. 425 с.
- Федер У. Р. Авва Анастасий Синайски. Въпроси и отговори. Велико Търново, 2011. Т. 1. 249 с.
- Bibliotheca Hagiographica Graeca. Troisième édition. Bruxelles, 1957. Т. 2. 322 p. [ВНГ]
- Novum Auctarium Bibliothecae Hagiographicae Graecae. Bruxelles, 1984. (Subsidia Hagiographica. № 65). 430 p.
- Ruchard M., Munitiz J. A. Anastasii Sinaitae Quaestiones et Responsiones. Turnhout; Leuven, 2006. (Corpus Christianorum: Series Graeca. Vol. 59). LXI, 286 p.

³ Другой перевод сказаний ВНГ 1322v и ВНГ 1444x имеется в составе Сводного Патерика [Николова, с. 323–324].

О. Н. Глазунова, А. А. Максимова (ИА РАН)

ПОСУДА НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ: КОМПЛЕКСЫ КЕРАМИКИ ИЗ КЕЛИЙ

Работа выполнена в рамках плановой темы НИОКТР 122011200385-1.

При работах Новодевичьей экспедиции ИА РАН (руководитель член-корреспондент РАН Л. А. Беляев) было изучено несколько участков, на которых в XVI–XVII вв. стояли деревянные кельи. Одна из них, видимо, принадлежала знатной инокине, которых в монастыре было по-настоящему много. Комплекс стоял к северо-востоку от Смоленского собора. Это был крупный двухэтажный (?) дом с подполом, керамическим полом, изразцовыми печами, вероятно, черепичным коньком на крыше и двором с хозяйственными постройками. Здесь собран яркий набор посуды – не только обычной в Москве бытовой, но и сделанной на заказ (трехчастный сосудик) [Глазунова, Максимова, с. 324], а также привозной, например поливной с рельефным декором. Здесь еще довольно много фрагментов керамики с владельческими граффити. Совокупность вещей и керамики указывает на время бытования – конец XVI – начало XVII в. Комплекс, судя по всему, погиб в пожаре 1611 г. [Беляев, Глазунова, Григорян, Елкина, Шуляев, с. 284].

Шесть остальных раскопанных келий находятся к юго-западу от собора.

Довольно крупная постройка (№ 5) также погибла в пожаре. Пол ее выстлан ангобированными плитками. Плитки небольшие (сохранившаяся длина стороны 10,0 см, толщина различна: в основном 3,0–4,0 см, но встречены и толстые фрагменты – до 7,0 см). Возможно, печь в постройке была изразцовой, хотя ниже горелого слоя изразцов не встречено. Скорее всего, начало жизни в постройке относится к середине или даже первой половине XVI в. В нижней части котлована собрана ангобированная пятнами и ангобированная сплошь, красноглиняная гладкая и красноглиняная грубая керамика. Отметим, что красноглиняная керамика отличается от традиционных московских типов такой посуды. Помимо обломков белоглиняных грубых кувшинов в постройке находилось несколько однотипных чернолощеных сплошь кувшинов среднего размера с широким шарообразным туловом, украшенных рифлением по плечу и прорезанными двурядными линиями по низу тулова. Есть белоглиняные гладкие горшки. На трех из них граффити. Столовая посуда преимущественно поливная, декорированная разнообразными рельефными подглазурными узорами. К сожалению, она довольно сильно обгорела. Скорее всего, она была белоглиняной с поливой зеленого цвета.

К этому же типу строений можно отнести постройку № 3. Там найдены обломок красноглиняной плитки пола и некоторое количество красных широкорамочных печных изразцов, позволяющих предположить наличие печи в наземной части постройки. Комплекс посуды выделяется изделиями из стекла и обломком поливного сосуда восточного происхождения с подглазурной росписью. Имеются здесь обломки поливных белоглиняных сосудов, украшенных рельефными поясками. Полива – желто-коричневая. Глина – запесоченная, кремового цвета. Эта посуда совершенно иного облика и происхождения, нежели поливная белоглиняная керамика из постройки № 5. Чернолощеная керамика, помимо кувшинов, представлена столовыми мисками, горшками и флягами. Присутствуют и обычные белоглиняные гладкие горшки с многорядным линейным орнаментом по венчику, белоглиняные грубые кувшины, немного ангобированной керамики и красноглиняной немосковского облика.

Остальные кельи гораздо скромнее.

Небольшая постройка под номером 4, перекрывающая постройку № 5, скорее всего, была погребом. Состав керамического комплекса определяется сосудами для хранения продуктов – корчагами, крупными белоглиняными гладкими горшками с многорядным линейным орнаментом по венчику, крупными белоглиняными грубыми кувшинами. Чернолощеные кувшины здесь среднего размера со сплошным зональным лощением (верх и низ – вертикальным, плечико и верхняя часть тулова – горизонтальным). Рельефного орнамента на них нет.

Постройка № 6 содержит преимущественно обломки крупных белоглиняных грубых кувшинов XVI в. Помимо кувшинов найдено два небольших белоглиняных гладких горшочка с многорядным ли-

нейным орнаментом по венчику и с конусообразными крышками также с линейным орнаментом. Глина желтоватого оттенка. Один из них покрыт пятнами овара. В верхнем слое имеется три обломка краснолощеного кувшина. Постройка, по всей видимости, была разобрана. Следов пожара не обнаружено. Это единственная постройка, содержащая исключительно типичную для городского слоя Москвы керамику.

Керамика постройки № 2 характеризуется наличием значительного количества грубой красноглиняной керамики немосковского облика. Остальная посуда обычная: белоглиняные гладкие горшки с многорядным линейным орнаментом по венчику, белоглиняные грубые кувшины и чернолощеное посуда, представленная обломками кувшинов, мисок, горшков и кумгана.

В постройке № 1 интересной находкой стали обломки поливной чернильницы и небольшого поливного кувшинчика (оба обгоревшие). Комплекс остальной посуды аналогичен комплексу из постройки № 2. Найдены чернолощеное плитка пола и обломки светлоглиняной лотковой черепицы.

Таким образом, можно констатировать, что на фоне массы обычной для Москвы белоглиняной и чернолощеной керамики в ряде построек присутствуют нехарактерная поливная столовая посуда и нетипичные формы красноглиняных горшков.

Литература

Беляев А. А., Глазунова О. Н., Григорян С. Б., Елкина И. И., Шуляев С. Г. Археология Московского Новодевичьего монастыря: первые итоги // Российская археология. 2019. № 4. С. 177–192. DOI 10.31857/S086960630007225-6
Глазунова О. Н., Максимова А. А. Тройной сосуд конца XVI – I половины XVII в. из Новодевичьего монастыря // Краткие сообщения института археологии. 2020. Вып. 257. С. 320–326. DOI 10.25681/IARAS.0130-2620.257.320-326

Д. Г. Давиденко (ИА РАН)

ХРАМ СВ. НИКОЛЫ НА СТОЛПАХ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Работа выполнена в рамках плановой темы НИОКТР 122011200385-1.

В Москве на месте здания по адресу Армянский пер., д. 4, до 1930-х гг. находился храм Св. Николы на Столпах, священник которого отмечен в документе от 1576/1577 г.¹ Согласно «Строельной книге» 1657 г., церковь была каменной², однако в Ведомости 1722 г. датой возведения назван 1668/1669 г.³, что, возможно, связано с реконструкцией.

В РГАДА среди документов 1670 г. имеется столбец сложного состава, фиксирующий некоторые мероприятия, связанные с А. С. Матвеевым⁴. Дело на л. 101–108 говорит о поставке белого камня к церкви Николы на Столпах летом 1670 г., что отчасти подтверждает данные Ведомости 1722 г. о капитальных строительных работах, имевших место более чем за 50 лет до ее составления.

На л. 11–14 поименно названы живописцы, работавшие в храме в октябре 1670 г. Бригадиром был Леонтий Кислянский, выходец из Польши (или из Дорогобужа), в будущем изыскатель полезных ископаемых и государственный администратор в Сибири [Словарь, с. 333–334]. Роспись храма Николы на Столпах – старейший известный мне датированный эпизод деятельности Л. Кислянского.

Деньги живописцам были выданы по приказу А. С. Матвеева. Его дом находился рядом с храмом, в котором А. С. Матвеев и был погребен [Снегирев, с. 19–21]. Опись имущества А. С. Матвеева, составленная 9 июня 1677 г., отмечает живописные произведения и заморские предметы [Писа-

¹ Акты Российского государства. Акты московских монастырей и соборов. М., 1998. С. 21. № 4.

² Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. М., 1891. Ч. 2. Стб. 121.

³ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1879. Т. 2. Ч. 1. Стб. 634–635, DXVII (Прилож. XLVII).

⁴ РГАДА. Ф. 141. 1670 г. Д. 486.

ревский, с. 12–13]. Таким образом, эстетические вкусы А. С. Матвеева, вероятно, и обусловили привлечение именно живописцев, а не иконников к храмовой росписи, что для рубежа 1660–1670-х гг. было явным новаторством. Как раз в эти годы у А. С. Матвеева начинается стремительный карьерный взлет, и он, вероятно, получает широкие ктиторские возможности. Видимо выстроенный в традиционной русской архитектуре, храм в 1670 г. был расписан под его наблюдением на западный манер бригадой во главе с приезжим живописцем.

Неизвестно, как выглядела и сколь долго сохранялась роспись Л. Кислянского и его товарищей; судя по описаниям храма И. М. Снегирева, к середине XIX в. ее уже не существовало [Снегирев, с. 16]. Но в столбце специально оговорено, что роспись велась «аспидным письмом», то есть, вероятно, с имитацией камня.

Дело на л. 96–100 говорит, что краски в с. Измайлово, а также к церквям Св. Григория Неокесарийского и Св. Николы на Столпах приобретались у одного продавца примерно за полтора года до составления челобитной, помеченной 4 апреля 1671 г. в синодике храма Св. Николы на Столпах был записан «род каменных дел подмастерья Ивана Козмина (то есть Ивана Кузнечика. – Д. Д.), которой строил церковь Николая Чудотворца»⁵. Он же участвовал и в строительстве храма Григория Неокесарийского и в возведении ряда хозяйственных построек и храма Покрова в царской резиденции в с. Измайлово [Датиева, с. 80–82]. Храм Св. Николы на Столпах был украшен изразцами. В 1672 г. А. С. Матвеевым от имени царя был заключен подряд на украшение изразцами собора Покрова в Измайлово [Баранова, с. 19]. Живописцы Федор Свищерский и Василий Пузыревский, расписывавшие осенью 1670 г. храм Св. Николы на Столпах, позднее, в 1679 г., были заняты в храме Покрова в Измайлово [Словарь, с. 520, 591]. Очевидно, существовала комплексная бригада зодчих, живописцев и иных художественных специалистов, задействованная и в храме Николы на Столпах, и в Измайлово, куратором которой в первой половине 1670-х гг. мог выступать А. С. Матвеев. Возможно, первые художественные опыты в храмо-строительстве (в том числе и привлечение живописцев на храмовые росписи) сначала были реализованы в постройках царских приближенных, а затем дошли до государственной усадьбы.

Храм Николы на Столпах был одним из первых видных художественных произведений, созданных по инициативе и при активном участии А. С. Матвеева. Возведение храма предшествовало иным мероприятиям А. С. Матвеева в области культуры и искусства: постановке «Артаксерксова действия» в 1672 г. и созданию в том же году иллюстрированных рукописей «Титулярника» и «Книги об избрании на царство».

Литература

- Баранова С. И. «Золотой век» московского изразца. Об изразцовом декоре в старомосковской архитектуре // Московский журнал. 2010. № 7. С. 11–28.
- Датиева Т. Н. Покровский собор в Измайлово // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Города. Ансамбли. Зодчие. М., 1985. С. 71–92.
- Писаревский Г. Опись имущества боярина Артемона Сергеевича Матвеева // ЧОИДР. 1900. Кн. 2. Отд. V. С. 9–21.
- Словарь русских иконописцев XI–XVII вв. М., 2009. 1102, [2] с., [119] с. ил.
- Снегирев И. М. Церковь св. Николая в Столпах // Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. Изд. 3-е. Год первый. М., 1852. С. 11–21.

⁵ Диомидов И. М. Синодик церкви св. Николая в Столпах XVII в. М., 1911. С. 14 (Л. 42).

И. И. Елкина, Л. А. Беляев (ИА РАН)

ОГРАДЫ НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ: КОНЕЦ XVI – КОНЕЦ XVII в.

Работа выполнена в рамках плановой темы НИОКТР 122011200385-1.

Когда мы говорим о стенах Новодевичьего монастыря, в памяти всплывает хрестоматийно известный красно-бело-золотой ансамбль 1680-х гг. с огромной колокольней, башнями с ажурными завершениями, многоглавыми надвратными храмами. Он построен в правление царевны Софьи Алексеевны, до 1689 г., когда она потеряла власть и была заточена в свой монастырь.

Перестройка трансформировала раннюю структуру обители. Ее восстановление стало важнейшим вкладом археологии в историю монастыря 1520–1670-х гг. (примерно полтора столетия). В материалах исследований выделяются три главных сюжета: (а) погребальные комплексы XVI–XVII вв. с некрополем в подклете Смоленского собора; (б) жилая и хозяйственная застройка (особенно дворы с кельями в центральной части монастыря, сгоревшие в 1611 г.) и (в) остатки первой каменной ограды 1580–1590-х гг. (?).

Каменная стена изображена на Сигизмундовом плане Москвы, отмечена описью третьей четверти XVII в. и другими документами. Архитекторы-реставраторы с середины XX в. безуспешно искали ее остатки вблизи кладок ныне существующего обвода или внутри него.

Линия ограды была впервые обнаружена только в 2017 г., в ходе работ Новодевичьей археологической экспедиции ИА РАН (руководитель Л. А. Беляев). Наши представления о ее конфигурации нельзя назвать полными в первую очередь потому, что до сих пор не засечена западная полоса. Зато имеющихся данных достаточно для того, чтобы охарактеризовать детали этого сооружения и прохождение, как минимум, двух стен ограды. Об этой стене мы уже сообщали [Беляев, Глазунова, Григорян, Елкина, Шуляев, 2019; Беляев, Глазунова, Григорян, Елкина, Шуляев, 2020; Беляев, Елкина, Фролов; Максимова], но важно представить картину целиком, включив в нее данные работ последних лет, а также исправить, благодаря новым натурным работам, неточности прежних публикаций.

Древний периметр достаточно аккуратно вписывается в современный, но с очень значительным отступом: южная стена отодвинута строителями эпохи царевны Софьи на 28 м к югу от древней, причем проходит вполне параллельно ей. Восточная поставлена несколько ближе к древней – возможно, сказала близость кладбища Новодевичьей слободы, на крайние могилы которого встала внешняя линия новой стены.

Северные стены могли идти не вполне параллельно друг другу. Следует думать, что и западную стену сдвинули наружу на значительное расстояние. Это был прямоугольник (или, как и современная стена, пятиугольник).

Нам известны точки угловых башен северо-восточной (исключительно на уровне целиком выбранного фундаментного рва), юго-восточной (также по рву, но с остатками заполнения и частью упавшей стены) и предположительно юго-западной (следы незначительны). Промежуточных башен обнаружить не удалось, но, возможно, они существовали.

Прясла стен засекали по целиком заплывшему рву, участкам свайного поля и подошве каменных конструкций. Такие участки бывали довольно протяженными и всегда прямыми. На юго-западном отрезке общая длина стены достигла 56 м. Стена шла с небольшим (5°) отклонением к востоку от оси Ирининских палат. Внутри церкви Св. Амвросия Медиоланского, по северному фасаду палат и далее к западу, до предполагаемой угловой башни (где участок очень сильно поврежден кладбищенскими перекопами), кладки сохранились лучше, поэтому участок важен для характеристики технологических особенностей стены.

Строя новые стены в 1680-х гг., старую разбирали до основания, засыпая ров мусором разборки, сверху проливая толстым слоем извести. Следы линии разрушали кладбищенские перекопы, фундаменты новых сооружений и подземная инфраструктура. Кладки в юго-западной части монастыря сохранились потому, что рельеф здесь сильно «падает».

Монастырь был при основании существенно меньше, так что открытие старой стены во многом меняет представления об архитектурной топографии и хронологии многих его каменных построек.

Литература

- Беляев Л. А. Новодевичий монастырь: археология для истории (по материалам исследований 2016–2020 годов) // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2019. М., 2020. С. 162–180.
- Беляев Л. А., Глазунова О. Н., Григорян С. Б., Елкина И. И., Шуляев С. Г. Археология Московского Новодевичьего монастыря: первые итоги // Российская археология. 2019. № 4. С. 177–192. DOI 10.31857/S086960630007225-6
- Беляев Л. А., Глазунова О. Н., Григорян С. Б., Елкина И. И., Шуляев С. Г. Исследования 2017–2018 гг. в Новодевичьем монастыре (Москва) // Археологические открытия за 2018 год. М., 2020. С. 116–121. DOI 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-326-8.116-121
- Елкина И. И., Фролов В. С. Конструкция стен Новодевичьего монастыря XVI века: юго-западный участок // Московская Русь: археология, история, архитектура. М., 2023. С. 159–167.
- Максимова А. А. Ранние укрепления в северо-восточной части Новодевичьего монастыря // Московская Русь: археология, история, архитектура. М., 2023. С. 150–158.
-

А. А. Максимова (ИА РАН)

ДЕРЕВЯННЫЕ КЕЛЬИ НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в. (ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

Введение в научный оборот материалов археологических раскопок, проведенных на территории Новодевичьего монастыря, необходимо для получения полной картины жизни в одной из самых крупных обителей Москвы. Данные письменных источников содержат общие сведения о получении земель монастырем, о его функционировании, однако данных о формировании застройки и ее изменении практически нет. Исторические планы дают нам лишь общую информацию о развитии монастырской застройки во второй половине XVII – начале XVIII в.

В ходе работ на территории Новодевичьего монастыря в 2017–2020 гг. были вскрыты обширные площади. В юго-западной, южной и юго-восточной частях обители были выявлены остатки деревянной бытовой застройки.

В южной и юго-восточной частях монастыря к середине XVII – первой половине XVIII в. относились остатки трех построек. В юго-восточной части наибольший интерес представляет сооружение № 3 из раскопа 1 (2017–2018 гг.). Примечательно то, что здесь сохранились остатки наземной деревянной постройки. Она имела прямоугольную форму размером не менее 18,8 × 4,9 м. Центральная ось постройки совпадает с направлением современных монастырских стен, возведенных в конце XVII в. Постройка значительно повреждена кирпичным сооружением второй половины XIX в., в котором располагались живописная и золотошвейная мастерские, а также кельи монахинь. Деревянная постройка была разделена на помещения разного размера – побольше и поменьше. Ширина центральной линии помещений составляла порядка 3 м. Протяженность варьировалась от 3,6 до 5 м. В юго-восточной части сооружения обнаружена небольшая клеть шириной порядка 1,6 м, длиной – не менее 2,8 м. Сохранившиеся контуры сооружения позволяют говорить о том, что существовало как минимум три продольных ряда помещений. Находок в заполнении сооружения немного. Хорошо сохранился развал печи с изразцами в северо-западном помещении. Размеры печи составили 350 × 240 см. Печь была сложена из красного кирпича размером 28 × 14 × 7 см. В заполнении пространства печи собран разнообразный материал: монеты, комплекс элитной столовой керамики, изделия из цветного и черного металла. Найдено большое количество полихромных изразцов. Очень похожая печь сохранилась на первом этаже Лопухинских палат, сложена она была в начале XX в., но с применением подлинных изразцов [Шиманова, с. 7]. Хотя, конечно, есть некоторые отличия в рисунке. Керамика представлена муравленой, чернолощеной, белоглиняной шероховатой столовой посудой. Особенно обращает на себя внимание

тонкостенный светлолощенный сосуд-братина, украшенный четырьмя штампами-«дракончиками» (или «василисками»). Также стоит отметить большое количество фрагментов керамики с граффити. Вообще, это одна из самых заметных деталей быта Новодевичьего монастыря [Беляев, Глазунова, Григорян, Елкина, Шуляев, с. 188].

В центральной части сооружения сохранилось несколько котлованов от подклетов. Особый интерес представляет наиболее крупный из них. Его размеры составили 446 × 280 см, глубина от уровня выявления – порядка 120 см. В заполнении собрано 1718 фрагментов керамики, относящихся к середине XVII – первой половине XVIII в. Наиболее массово представлена белоглиняная шероховатая керамика. Белоглиняные гладкие горшки относятся к типу, характерному для конца XVII в. Разнообразен ассортимент чернолощеной посуды, значительно количество крупных форм (корчаг и кувшинов).

В западной части постройки выявлен небольшой хозяйственный погреб с дощатыми стенками. Размеры котлована составили 190 × 140 см. Керамика представлена как чисто московскими формами, так и специфическими формами (муравленые сковородки-триподы, горшочки с ручкой западноевропейского типа). Кроме этого, в яме содержалось много осколков стекла, рельефные изразцы от печного панно конца XVII в. и обломки полихромной черепицы.

Два других погреба по своим конструктивным особенностям и собранному материалу практически не отличаются от вышеописанного. По всей видимости, под каждым помещением располагался небольшой хозяйственный погреб.

Еще один интересный комплекс обнаружен в южной части монастыря, в 2 м от южной стены. Здесь сохранились остатки деревянной наземной постройки, деревянный колодец, а также обширный подклет. К сожалению, остатки наземной конструкции весьма фрагментарны, что не позволяет нам восстановить ее размеры. Однако мы можем судить о размере котлована подклета. По форме он приближен к квадрату, его размеры составили 415 × 407 см. В нижней части выявлены столбовые ямы диаметром 19 см. В южной части постройки обнаружены остатки желоба, перекрытого досками. Желоб вел в деревянный колодец, северная стенка которого была порядка 135 см длиной. Колодец был заглублен от уровня древней поверхности на 120 см.

Материал постройки представлен в основном белоглиняной гладкой, чернолощеной и муравленой красноглиняной керамикой. Керамический комплекс интересен наличием в нем значительного количества посуды западноевропейского типа. Кроме того, собран комплект рельефных полихромных изразцов обкладки печи конца XVII в. В заполнении котлована также обнаружены фрагменты керамики с граффити. В верхней части заполнения собрано несколько монет ручного чекана – «полушек».

Так с расширением монастыря меняется и его облик. Наряду с новыми каменными кельями существуют деревянные.

Литература

Беляев А. А., Глазунова О. Н., Григорян С. Б., Елкина И. И., Шуляев С. Г. Археология Московского Новодевичьего монастыря: первые итоги // Российская археология. 2019. № 4. С. 177–192. DOI 10.31857/S086960630007225-6
Шиманова М. А. Изразцовые печи XVII–XIX вв. Новодевичьего монастыря в Москве: проблемы сохранения // Журнал Института наследия. 2018. № 1 (12). С. 1–13.

Н. А. Мерзлютина (НИИТИАГ)

АРХИТЕКТУРНЫЙ АНСАМБЛЬ НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ В КОНЦЕ XVII СТОЛЕТИЯ. РАСЦВЕТ ПОСЛЕДНЕГО ДРЕВНЕРУССКОГО СТИЛЯ

Исследование выполнено в рамках Плана фундаментальных научных исследований РААСН и Минстроя России на 2023 год, тема 1.1.2.3.

В период регентства царевны Софьи Алексеевны (1682–1689) по ее инициативе в Новодевичьем монастыре развернулось активное строительство, которое привело к созданию великолепного художествен-

ного ансамбля, ознаменовавшего собой расцвет нового стиля московской архитектуры, фактически завершившего историю древнерусского зодчества.

Репрезентативный архитектурный ансамбль обладает стилистическим единством и демонстрирует гармоничное сочетание традиционных схем с новаторскими объемно-пространственными решениями и новой системой декоративного убранства, в которой уже имеются ордерные элементы. Среди новаторских форм: подчеркнутая высотность построек, центричность и ярусность, открытые галереи-гульбища, граненые формы постаментов, алтарей, притворов и барабанов глав. В отличие от построек периода «узорочья» белокаменный декор свободно накладывается на плоскость стены, фланкируя грани и обрамляя оконные проемы. В оформлении используются колонны с коринфскими или тосканскими капителями, гермовидные пилястры, клювовидные кронштейны, разорванные завершения наличников, парапеты, филенчатые вставки, фиалы и раковины. Новый декор уравнивает традиционные и новаторские постройки и придает целостный облик ансамблю. Каждое сооружение имеет свою иконографическую предысторию и является ключевым памятником своей типологической линии внутри нового стиля, а в дальнейшем становится образцом для подражания.

Трапезный комплекс с Успенской нижней и Свято-Духовской верхней церквями (1685–1687 гг.), первоначально увенчанными пятью главами¹, продолжает традицию монастырских трапезных церквей и непосредственно повторяет подобное сооружение Симонова монастыря, начатое царем Федором Алексеевичем и завершенное царевной Софьей к 1685 г.

Преображенская церковь над Святыми воротами (1688 г.) продолжает линию надвратных пятиглавых храмов XVII в., таких как Петропавловская церковь Иосифо-Волоцкого монастыря (1679 г.), и при этом является первым памятником традиционной типологии, в котором черты нового стиля проявились в яркой и законченной форме. Крупные раковины венчающей части восходят к убранству царской усыпальницы – Архангельского собора (1505–1508 гг.), что может быть трактовано как сознательное желание заказчика подчеркнуть свое царственное происхождение [Мерзлютина, Седов].

Покровская надвратная церковь (1683–1688 гг.) – один из первых примеров трехчастных композиций в русском зодчестве этого периода. Появление подобных церквей на русской почве обычно связывается специалистами с влиянием зодчества Левобережной Украины. Однако московской знати в этот период могли быть знакомы памятники Западной Украины – трехчастные храмы Галичины и Волыни. Кроме того, невозможно исключить роль собственной традиции, учитывая распространение в предшествующий период трехшатровых храмов, а также надвратных храмов с пониженными боковыми прямоугольными притворами, таких как церковь Рождества Иоанна Предтечи Богоявленского монастыря в Китай-городе (около 1672 г.; разобрана в 1905 г.) и храм Феодора Стратилата Успенского Александровского монастыря (около 1682 г.)².

Архитектура столпообразной колокольни (1690 г.) с храмом Свв. Варлаама и Иоасафа в первом ярусе восходит к памятникам XVI в.: звоннице Ивана Великого и Распятской церкви Александровской слободы. При этом в ее облике наблюдается сходство с голландскими постройками, в частности с амстердамской башней Монтелбансторен (XVI – начало XVII в.)³, изображение которой могло быть известно заказчику по голландской гравюре 1682 г. [Alle de voornaamste gebouwen, л. 62].

Стены монастыря, украшенные «ласточкиными хвостами», и башни, оформленные ажурным белокаменным декором, носят подчеркнуто декоративный характер. Сходство с ренессансными памятниками восточных районов Польши позволило специалистам предположить участие белорусских и волынских мастеров в их возведении [Микишатъев, 2005, с. 216]. Завершения башен повторяют убранство Кутафьей башни Московского Кремля (1685 г.) и воспроизводят характерную форму польского парапета [Аронова, с. 293–294].

Автором художественной программы архитектурного ансамбля могла быть сама царевна Софья, воспитанница Симеона Полоцкого, а также князь В. В. Голицын – один из самых образованных людей своего времени.

¹ в частности, церковь изображена пятиглавой на офорте Яна Бликландта «Вид Новодевичьего монастыря» (1708–1709 гг.).

² Автор выражает благодарность К. В. Акинину, указавшему на этот памятник.

³ Влияние этой постройки уже отмечалось исследователями [Микишатъев, 1993, с. 34–35, ил. 1, 2].

Архитектурные памятники Новодевичьего монастыря демонстрируют вхождение нового стиля во второй половине 1680-х гг. в фазу расцвета, наступившего после заключения Вечного мира с Польшей в 1686 г. [Седов]. В постройках наблюдается последовательная ориентация на собственную художественную традицию, планомерное соединение традиционных и новаторских форм, пришедших с Украины, из Белоруссии и Голландии, а также заимствование декоративных элементов из арсенала западноевропейских стилей, прежде всего из Польского ренессанса. Стиль Вечного мира демонстрирует осознанное желание встроиться в мировой художественный процесс со своим архитектурным «лицом». Оформившийся в памятниках Новодевичьего монастыря последний древнерусский стиль находится в рамках средневекового строительства по образцу, а генератором идей в этот период еще выступает заказчик, а не зодчий. После государственного переворота 1689 г. Петром I и его родственниками Нарышкиными легко заимствуются архитектурные идеи, выработанные в кругу Милославских, в результате чего новый архитектурный стиль получил у специалистов наименование нарышкинского.

Литература

- Аронова А. А. Польский парапет и его отражение в русской архитектуре позднего XVII века // Искусствознание. 2013. № 1–2. С. 287–305.
- Мерзлютина Н. А., Седов Вл. В. Тема раковины в русской архитектуре конца XVII в. (о судьбе знака царской власти) // Архитектура в истории русской культуры. М., 1999. Вып. 4. Власть и творчество. С. 87–91.
- Микишатев М. Н. Голландия и Россия: к вопросу отражения культурных контактов в русской архитектуре конца XVII – начала XVIII века // Архитектура мира. М., 1993. Вып. 2. С. 31–38.
- Микишатев М. Н. «Нарышкинский стиль» и русская архитектура конца XVII века (к проблеме «переломов» в общественном и художественном развитии) // Архитектура в истории русской культуры. М., 2005. Вып. 6. Переломы эпох. С. 196–236.
- Седов Вл. В. Стиль Вечного мира, или Польский ренессанс в Москве // Проект Классика. М., 2004. № XII–MMIV. С. 140–147.
- Alle de voornaamste gebouwen der wijtvermaarde koopstad Amsterdam, cierlijk in ,t koper afgebeelt, en kortbondig beschreven, ten dienste van alle de genen die begeerig zijn om de zelve te bezichtigen: Volume 1. Amsterdam, 1682. By Hieronymus Sweerts, Jan Bouman, en Aart Oossaan.

А. А. Мирясова (ИА РАН)

НЕПОЛИВНАЯ ЧЕРЕПИЦА ИЗ КОМПЛЕКСА ДВОРА XVI – НАЧАЛА XVII в. НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ

В последние годы была осознана и артикулирована необходимость уделять больше внимания такому археологическому материалу, как черепица. Она, безусловно, изучалась и изучается, но относительно мало вводится в научный оборот, и зачастую в отчетах о раскопках эта категория находок учитывается лишь обобщенно. Аккумуляция конкретных материалов позволит более уверенно проследить историю черепицы, которая отличается известным своеобразием на территории России [Беляев, Баранова, с. 264–266]. Определенно особого внимания заслуживают целые экземпляры, имеющие археологический контекст.

При раскопках в Новодевичьем монастыре в 2018 г., в яме, являющейся частью большого усадебного (келейного) комплекса XVI – начала XVII в., сгоревшего в пожаре, вероятно, 1611 г. [Беляев, Глазунова, Григорян, Елкина, Шуляев, с. 284], найдено три целые однотипные черепицы. Черепица обнаружена в нижнем слое засыпки ямы, где также собрано 289 фрагментов керамики конца XVI – первой половины XVII в. и 181 обломок красных широкорамочных изразцов, аналогичных изразцам других построек двора (и клеящихся с ними). По всей видимости, это был погреб, засыпанный за ненадобностью тем, что осталось после проведения ремонтных работ на усадьбе. Стратиграфия ямы указывает на то, что изразцы и черепица попали туда до пожара.

Это чернолощенная коньковая черепица, она применялась для перекрытия переломов кровель, коньков, ребер шатров. Образцы такой черепицы найдены на Яузской слободе [Рабинович, с. 98], по-

добная черепица обнаружена при реставрации Архангельского собора Московского Кремля [Меркелова, с. 79], известны и другие образцы коньковой неполивной черепицы (правда, несколько отличающихся пропорций) [Хворостова, с. 210].

Найденная черепица представляет собой прямоугольные пластины, изогнутые в форме полуцилиндра, суженного к одному концу, с лощением по выпуклой стороне. Они лишены каких-либо отверстий, закраин или выступов для крепления. Такая черепица укладывалась широким концом на узкий соседней и крепилась на известь. Два экземпляра (№ 1, 2) имеют следы извести по вогнутой стороне и по выпуклой с узкого края, один экземпляр (№ 3) имеет следы извести по всем поверхностям.

При минимальном отличии в длине все три экземпляра различаются диаметром изгиба, шириной и высотой, толщиной пластины (в таблице дан диапазон от узкого края к широкому). Все экземпляры были изготовлены в разных формах.

№ п/п	Длина, см	Ширина, см	Высота, см	Диаметр (прибл.)	Толщина пластины, см	Вес, кг
1	34,1	12,5–15,0	6,3–6,7	12,5–15,5	1,8–2,0	1,9
2	34,5	14,5–16,8	7,0–7,6	15,0–18,0	2,2–2,4	2,2
3	34,5	15,0–18,0	6,2–5,9	16,0–21,5	2,2–2,4	1,9

Лощение на № 1 имеет серебристо-серый цвет. Лощение на № 2, при общем сходстве (продольное лощение полосами, плотное), имеет интенсивно-черный оттенок. Это объясняется различными условиями обжига [Розенфельдт, с. 29]. Лощение на № 3 практически стерлось, а сам черепок имеет на изломе красный цвет. Очевидно, условия «восстановительной среды» при обжиге этого экземпляра не были соблюдены. Черепица № 3 к тому же оказалась самой хрупкой. Различаются черепицы и в аккуратности исполнения. При том, что все три экземпляра сделаны из сходного теста (красная глина с примесью песка) и по одной и той же технологии, можно утверждать, что они относятся к разным партиям.

Помимо целой, в яме обнаружены фрагменты еще двух черепиц того же типа, одна из которых имеет хорошее лощение по вогнутой стороне и лишена лощения по выпуклой. Ширина по узкой стороне – 14,5 см, толщина пластины – 2,0–2,2 см. Такое лощение и параметры имели водометы. Известны случаи, когда из водометов делалось покрытие ограниченных участков крыши [Розенфельдт, с. 41].

Чернолощенная черепица применялась в том числе и на крышах деревянных домов [Розенфельдт, с. 39]. Найденная черепица могла быть использована для кровли большого дома усадьбы. Это многокамерный дом с большим подполом, который отапливался изразцовой печью, а полы в доме были выстланы чернолощенными плитками. Данная черепица могла составлять конек керамической кровли. Возможно предположить комбинированное покрытие (например, с лемехом на скатах). Такой вариант мог использоваться как для надежности в критических точках конструкции, так и для украшения дома и удовлетворения особых запросов заказчика. Материал, собранный при раскопках усадьбы, указывает на высокий статус хозяйки, предметный мир тяготеет к роскоши [Беляев, Глазунова, Григорян, Елкина, Шуляев, с. 188]. На наличие особых запросов указывают уникальный набор изразцов и неординарный состав посуды двора [Глазунова, Максимова, с. 324].

Литература

- Беляев Л. А., Баранова С. И. О керамических кровлях Москвы рубежа XV–XVI веков // Русь в XII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории. М., 2021. С. 264–277. DOI 10.25681/IARAS.2021.978-5-91674-655-6.264-276
- Беляев Л. А., Глазунова О. Н., Григорян С. Б., Елкина И. И., Шуляев С. Г. Археология Московского Новодевичьего монастыря: первые итоги // Российская археология. 2019. № 4. С. 177–192. DOI 10.31857/S086960630007225-6
- Глазунова О. Н., Максимова А. А. Тройной сосуд конца XVI – И половины XVII в. из Новодевичьего монастыря // Краткие сообщения института археологии. 2020. Вып. 257. С. 320–326. DOI 10.25681/IARAS.0130-2620.257.320-326
- Меркелова В. Н. К реконструкции фасадов Архангельского собора // Искусство Москвы периода формирования Русского централизованного государства. М., 1980. (Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 3). С. 76–86.

Рабинович М. Г. Московская керамика // Материалы и исследования по археологии Москвы. М.; Л., 1949. Т. 2. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 12). С. 57–105.

Розенфельдт Р. Т. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М., 1968. (Археология СССР. Свод археологических источников. Е 1-39).

Хворостова Е. А. Керамические покрытия кровель XV–XVII веков (Москва и Московская область) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2002. Вып. 4. С. 204–214.

А. В. Морохин (ННГУ им. Н. И. Лобачевского, ИРИ РАН)

О ЛЕЧЕНИИ МОСКОВСКИХ ЦАРИЦ В XVII в.

Повседневная жизнь московских цариц XVII столетия, казалось бы, неплохо изучена в первую очередь благодаря замечательной работе И. Е. Забелина [Забелин]. Вместе с тем, несмотря на существование столь фундаментального труда, не потерявшего своей научной значимости и в наши дни, представляется, что вопрос о лечении жен русских государей указанного периода остается малоизученным.

В российском средневековом обществе бытовали представления о лечении недугов при помощи молитв и укрепления веры в Бога. В знаменитом памятнике XVI в. «Домострое», содержащем правила жизни человека, в этой связи говорилось: «Аще Бог пошлет на кого болезнь, или какую скорбь, ино врачеватися Божиею милостию, да слезами и молитвою, постом и милостынею к нищим, да истинным покаянием... и молебны пети, и вода святити честным Животворящим Крестом, и со святых мощей и с чудотворных образов, и маслом свящатися, да и по чудотворным по святым местом обещеватися, и приходяще молитися со всякою чистою совестью. тем цельба всяким различным недугом от Бога получити»¹. Эти представления о лечении продолжали оставаться доминирующими в российском обществе и в XVII столетии.

Принято считать, что русские царицы в XVII в. практически не пользовались услугами профессиональных медиков – сотрудников Аптекарского приказа. Во многом это связано с тем закрытым образом жизни, который вели женщины – представительницы правящей династии, и чрезвычайными мерами по их охране. Царицы и царевны до такой степени оберегались от посторонних глаз, что даже медицинская помощь оказывалась им зачастую заочно. Я. Рейтенфельс оставил свидетельство о том, что «когда им (врачам. – А. М.) приходится лечить царицу или кого-либо из царских дочерей, то им не дозволяют осматривать больную, но они обязаны на основании показания некоей старухи или приближенной какой-либо служанки определить болезнь и назначить лекарство»².

Лишь в некоторых случаях жен монархов лечили при помощи кровопусканий. Сохранились сведения, что неоднократно такие процедуры делала царица Евдокия Лукьяновна в 1630-х – первой половине 1640-х гг. Различные методы лечения использовала царица Мария Ильинична. Когда в начале февраля 1648 г. жена царя Алексея Михайловича заболела кровавым поносом, то она сначала принимала лекарства, составленные ей по рецептам 5 и 14 февраля, а между приемами лекарств, 8 февраля, в хоромы царицы была взята Казанская икона Богородицы, которую принес ее отец И. Д. Милославский³. Кроме того, Мария Ильинична пользовалась и изготовляемыми в Аптекарском приказе мазями. Одну из таких мазей ей предписывалось в том же 1648 г. «мазати под лошкою маслом мушкатным колко похочет, а то масло смешено с мятным маслом»⁴. Лечилась царица и при помощи кровопусканий.

Благодаря второй жене царя Алексея Михайловича, Наталье Кирилловне, которая вела себя «с большею свободою», нежели ее предшественницы, происходят серьезные изменения в лечении женской половины царского дворца. Наталья Кирилловна оказалась первой царицей, которая стала допускать к себе «на свои очи» лечивших ее врачей. В частности, речь идет о «гортанном мастере» Иване Губине, который регулярно выписывал ей лекарства. Другим лечащим врачом Натальи Кирилловны в 1680-е гг. был С. Зоммер. Судя по сохранившимся документам, царица часто болела простудными

¹ Домострой / Изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. 3-е изд. СПб., 2007. С. 13.

² Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. М., 1905. С. 98.

³ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. № 72А. Л. 1; № 72В. Л. 1.

⁴ РГАДА. Ф. 143. Оп. 2. № 72А. Л. 2.

заболеваниями и ей часто выписывали «сыроп от кашлю». Надо полагать, регулярные проблемы со здоровьем заставляли Наталью Кирилловну активизировать контакты с врачами. В 1676 г. доктора официально получают доступ в хоромы царицы «с лекарствами».

Регулярно общалась с медиками и супруга царя Федора Алексеевича Агафья Семеновна, которая оказала большое влияние на серьезные изменения в быте царской семьи. В сохранившихся рецептах Аптекарского приказа есть весьма любопытная запись о том, что 17 марта 1681 г. изготовленное для Федора Алексеевича лекарство «великий государь... принять не изволил, а изволила... царица», после чего последовало распоряжение «тот рецепт беречь для взятия по тем лекарствам впредь»⁵. В апреле 1681 г. супруге царя дважды готовили лекарства, которые «изволила государыня принимать»⁶.

Таким образом, с 1670–1680-х гг. начинается более активное привлечение медиков-иностранцев для лечения цариц. В дальнейшем эта практика становится еще более регулярной и характерной для остальных женщин – членов царской семьи.

Литература

Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1869. Т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. VIII, 670, 178 с., [8] л. ил.

М. В. Николаева (НИИ теории и истории изобразительных искусств РАН, РГАДА)

«ИНОЗЕМНЫЕ» РЕЗЧИКИ И СТОЛЯРЫ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ – ОБИТАТЕЛИ МОСКОВСКОЙ БРОННОЙ СЛОБОДЫ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII в.

В Москве во второй половине XVII в. существовало несколько мест более или менее компактного проживания резчиков, столяров, плотников – это Бронная, Мещанская, Оружейная, Станочная и Плотничная слободы, в которых мастера селились в соответствии или с учетом профессиональной специализации.

Дворцовая Бронная слобода, располагавшаяся между Никитскими и Тверскими воротами в Земляном городе, в середине XVII в. активно заселялась оружейными мастерами, которые по призыву Оружейной палаты прибывали из Речи Посполитой в Москву. В мае 1660 г. в числе бронников из Витебска выехали столяры Давыд Павлов с женой и дочерью и Якуб Погорельский с женой, сыном, двумя дочерьми и свояченицей, а также токари по кости – Кирилл Толкачев с «товарищами», 5 человек (трое из них в сопровождении жен и детей). Мастера сразу по приезду вступили в русскую службу в Оружейную палату и заселились в пустовавших слободских дворах (значительная часть дворовых владений Бронной слободы опустела в «моровое поветрие» 1654 и 1656 гг.).

Сведения о составе обитателей Бронной слободы содержит переписная книга 1663 г., но гораздо более подробную картину слободской жизни дают исковые дела, возникавшие по поводу конфликтов мастеров с дворовладельцами, соседями, между собой.

Костяного дела мастеров Оружейная палата разместила на бывшем дворе иноземца Федора алмазника в Пестенковой улице; дворовое владение Семена Емельянова сына Прокофьева в приходе церкви Иоанна Богослова в его отсутствие отдали предположительно резчикам по дереву – Павлову и Погорельскому. В искомом деле, инициированном в 1663 г. Прокофьевым против неких безымянных иноземных «токарей», речь могла идти о Павлове и Погорельском, которых в документах 1660-х гг. неоднократно называли именно таким образом, других же приезжих токарей, кроме еще упомянутых Толкачева с «товарищами», в эти годы в материалах Оружейной палаты не встречается.

В августе 1663 г. Прокофьев жаловался челобитной, что иноземные токари, поставленные из Оружейной палаты на его дворе, этот двор, «не проча себе, розорили и садишко вырубил», и просил или выселить («сослать») их со двора, или выкупить его за 120 рублей серебром (!) в казну. Хотя на дворе длиной в 35 м и шириной порядка 9,5 метра из хором имелась только «черная» изба с сенями,

⁵ РГАДА. Ф. 143. Оп. 3. № 33. Л. 10 об.

⁶ Там же. Л. 23 об., 24 об.

крыльцо «с верхом», а также колодец и сад. Исход дела не известен, но не ранее ноября 1663 г. «иноземец» Оружейной палаты токарь Давыдка (Павлов) владел в Бронной слободе половиной бывшего двора Осипа Иванова, огнивщика, который умер в эпидемию чумы.

Так называемые «поляки» – токарного, резного и столярного дела мастера, оказавшиеся в России в 1650–1660-е гг., – поддерживали между собой довольно тесные личные отношения, хотя празднование семейных событий порой заканчивалось перепалкой, как это случилось в 1668 г. предположительно в Бронной слободе на крестинах у Герасима Окулова и его супруги Степаниды. Об этом свидетельствует иск резчика по кости Ивана Дракулы к «товарищам» по ремеслу – Даниле Кокотке и Самуилу Богданову – «в бое и увечье» его жены Арины.

в доме Окулова в числе гостей, которые стали невольными свидетелями драматических событий, были «иноземные» резчики Клим Михайлов сын Доманский с сыном Данилой и Яков (возможно, Яков Иванов, который приехал с отчимом резного дела мастером иноземцем Максимом Михайловым из Витебска) с женой Агафьей, а также Степан Зиновьев «сницарь» (его имя встречается в документах с 1657 г.).

Сам Г. Окулов, родом из Дубровны, выехал в Россию в 1654–1655 гг., затем 12 лет прожил в Иверском Валдайском и Воскресенском Новоиерусалимском монастырях, а в Москве оказался при наступлении опалы патриарха Никона в 1666 г. и был взят в Оружейную палату. В 1670 г. он писал в челобитной, что своего жилья не имеет – «скитаецца по чюжим дворам». Очевидно, практика отвода Оружейной палатой жалованным мастерам пустующих дворов в подведомственной ей Бронной слободе в эти годы себя исчерпала.

В августе 1670 г. Окулов обнаружил на Константиновской улице Бронной слободы в приходе церкви Воскресения Христова дворовое место иноземца ствольного мастера Ивана Лукьянова Маленкова, которое после пожара лежало «впусте». Решение о передаче владения Окулову последовало 28 августа 1670 г., но купчая на него была оформлена лишь в 1677 г., когда сторож Оружейной палаты Борис Семенов стал Окулова со двора, на котором тот успел возвести «хоромы со всяким строением», выживать («истеснять»).

Один из гостей на крестинах у Г. Окулова – «сницарь» Степан Зиновьев – в феврале 1668 г. обращался в Оружейную палату с челобитной сходного содержания: делает он в Палате «государевы резные дела беспрестанно», а своего двора не имеет – «скитаецца з женишкою и з детишки меж двор»; далее он сообщал, что ранее по приказу боярина и оружейничего Б. М. Хитрово велено было ему «приискать» двор за 200 рублей или больше и он нашел в Бронной слободе в приходе церкви Иоанна Богослова двор торгового человека Федора Васильева сына, ветошника, на котором стояла новая изба, сени «с верхом», клеть и сарай, городьба – заборы со створчатыми воротами, имелись огород и сад; Зиновьев сторговал дворовое владение за 90 рублей, но ему самому, сетовал он в челобитной, «того двора оплатить нечим – человек бедной», и просил дать деньги из казны. 19 февраля 1668 г. двор с дворовым строением был отдан С. Зиновьеву, а деньги заплачены из Оружейной палаты.

Повседневную жизнь иноземных мастеров в Бронной слободе ярко иллюстрируют события, случившиеся в связи с девиациями в поведении и поступках проживавших в их домах учеников. В 1666 г. Давыд Павлов обвинял своего ученика в краже денег; 24 мая 1683 г. ученик Клим Михайлова учинил пожар в доме, с огнем боролись соседи – дворовладельцы Быковой и Большой Бронной улиц.

Говоря о московских слободах, в которых жили во второй половине XVII в. мастера по дереву, отметим, что станочники компактно селились в дворцовой Станочной слободе, ведомства Оружейной палаты (располагалась в Земляном городе в районе Ружейного переулка); состав дворовладельцев известен в связи с пожаром, случившимся 27 августа 1685 г., в котором погорело более 50 дворов. Пустые земли за Смоленскими (Арбатскими) воротами Белого города были отведены под «селитьбу» дворцовым плотникам по указу царя Михаила Федоровича; мастера, проживавшие там «исстари», образовали дворцовую Плотничную слободу.

В Мещанской слободе, основанной в 1671 г. для «устройства в Москве переселенцев из-за польского рубежа», по данным переписной книги 1676 г., жил из числа иноземных мастеров по дереву лишь один плотник, в 1684 г. – 16 плотников, столяр Мартын Иванов из Полоцка, резчики – смолянин Евсей Леонтьев и Никита Яковлев сын Петров, а также один станочник.

Т. В. Пентковская (МГУ им. М. В. Ломоносова)

«ОГЛАВЛЕНИЕ БИБЛЕЙНОЕ»: К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ И МЕСТЕ СОСТАВЛЕНИЯ

Указатель библейских имен и предметов «Оглавление библейное, которое вещи сия, о нихже в святой Библии кажда, в своей главе держащая, zde по алфавиту собранная, малою краткостию содержит» находится в рукописях ОР РГБ. Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 431, XVIII в., и ОР РГБ. Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцева). № 18, XVIII в. В. М. Ундольский выделил в этом тексте «малороссийские диалектизмы»: жаль вместо ревнование, баляя вместо волахвы [Ундольский, с. 315–318]. Т. А. Исаченко, принимая гипотезу о югозападнорусском происхождении перевода, связала его появление в Москве с периодом активной деятельности ртищевского братства (до 1685 г.). По ее предположению, данный текст появился в рамках книжной sprawy 1670–1690-х гг., имевшей целью подготовку нового перевода полной Библии [Исаченко, с. 20, 157].

В. М. Ундольский определил, что «Оглавление библейное» восходит к сочинению «Index biblicus, qui res eas, de quibus in Sacris Bibliis agitur, ad certa capita, alphabeti ordine digesta, revocatas, summa brevitate complectitur», которое, по его мнению, появилось в XVII в. [Ундольский, с. 315–318]. Однако оно возникло раньше. Его составителем является голландский иезуит, гебраист Йохан Виллемс (Иоганнес Харлемиус). Индекс известен как в виде самостоятельной книги, так и в составе изданий Лувенской Вульгаты, в ревизии которой Йохан Виллемс принимал участие. Издание 1583 г. послужило основой Сикстинской Библии 1590 г. Здесь, впрочем, рассматриваемого индекса нет. Но он включается в издания Климентовой Вульгаты – переработки Сикстинской Библии 1592 г. В третьем издании 1598 г. начало индекса совпадает с его началом в Лувенской Библии. В основе церковнославянского перевода лежит версия индекса Лувенской Библии и, соответственно, Климентовой Вульгаты. Это проявляется, в частности, во вступительной статье: в семъ библейномъ оглавленїи внимательный читателю, первое число значитъ книги главъ. Ближе предлежаща числа знаменуютъ стихи в' главѣ. Аще обращеши между числами знаменїе † с' числомъ, то раздѣлїе тожде книги иннѣю главъ изобразѣтъ предлежащимъ себѣ единымъ числомъ, прочїа числа паки знаменуютъ стихи главныа къ лѣшемъ выражмѣнїю. Зри в семъ словѣ. Аранъ, исходъ .д. дї. си .л. † е. .а. † с. гї. † з. .а. в. Читай такъ исх^д. глава д̄. сти^х д̄. сти^х сӣ. сти^х .л̄. Паки глава с̄, сти^х г̄, глава з̄, сти^х .а̄. в̄. (Унд. 431. Л. 1) – In hoc Bibliorum Indice, Candide Lector, primus numerus, libri caput denotat; proxime deinde sequentes vsque ad hoc signum †, vel (si hoc signum non adfit) ad proximam vsque sequentis libri citationem, sunt vsuum in eodem capite signatorum notæ. Exemplis gratia in voce AARON, Exod. 4, 14. 16, 30 † 5, 1 † 6, 14 † 7, 1, 2. legendum est: Exodi capite 4. vsu 14. vsu 16. et vsu 30. Item cap. 5. vsu 1. cap. 6 vsu 13. cap. 7. vsu 1. et 2 (Vulgata Clementina 1598. P. 1231 (то же Biblia Vulgata Iovaniensis 1583)).

Нижней границей появления перевода служит издание Лувенской Библии. О верхней границе можно судить по сохранению чтения *келевей* в Мф 10: 3, которое отмечается уже в Маринском Евангелии, сохраняется в Острожской Библии и Московской Библии 1663 г., но отсутствует в Елизаветинской Библии. Составитель славянской версии индекса отмечает расхождение в нумерации глав и стихов между Вульгатой и церковнославянской Библией. Следовательно, перевод рассматриваемого индекса мог быть совершен в той среде и при подготовке такого проекта, для которого было актуально деление именно на главы и стихи.

Разметка не только по главам, но и по стихам присуща уже изданиям Киево-Печерской лавры первой четверти XVII в. (Беседы Иоанна Златоуста на Послания и Деяния апостолов 1623 и 1624 гг., толковый Апокалипсис 1625 г.). Однако ни в Острожской Библии, ни в Московской Библии 1663 г. деления на стихи нет, текст разделен только на главы и зачала. Разбивка на главы и стихи появляется в рукописном Новом Завете 1670–1690-х гг., подготовленном под руководством Епифания Славинского и Евфимия Чудовского. Она сохраняла свою актуальность и при подготовке нового издания Би-

блии, начатой в 1712 г. повелением Петра I комиссией во главе с Софронием Лихудом и Феофилактом Лопатинским.

В докладе будут рассмотрены три основные возможности появления перевода «Оглавления библейного»: в кругу югозападнорусских книжников первой четверти XVII в. (вероятно, в Киево-Печерской лавре), в книжном кругу Епифания Славинецкого и при исправлении Библии в первой четверти XVIII в. Отметим, что юго-западные лексические регионализмы могли войти в текст перевода во всех трех случаях.

Литература

Исаченко Т. А. Вера и противление в ответах и обличениях 80–90-х гг. XVII в. Новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М., 2015. 384 с.

Ундольский В. М. Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания с № 1 по № 573. М., 1870. 468 с.

Г. А. Пожидаева (ВГУ им. М. С. Щепкина)

МУЗЫКАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ МОСКОВСКОЙ И НОВГОРОДСКОЙ ШКОЛ XVI–XVII вв.

Региональная стилистическая атрибуция произведений средневекового искусства широко применяется в искусствоведении при изучении архитектуры, иконописи, фресковой росписи, в литературоведении. В певческом искусстве Московской Руси стилистический подход оказывается возможным благодаря начальному исследованию стиля монастырских напевов. При их изучении мною было выделено две основные школы – северная и среднерусская. При этом исторически сложилось так, что монастырское пение никогда не было полностью изолировано от ведущих певческих школ: новгородская школа окормляла не только монастыри своего города, но и множество близлежащих северных обителей, а московская школа также питала своими достижениями более консервативную монастырскую культуру, оказывая влияние на близлежащие монастыри центральной Руси. Следовательно, возможна и обратная проекция: особенностей монастырских школ на немонастырское пение (общерусской традиции). По этим признакам на начальном этапе можно определить региональную принадлежность песнопений новгородской или московской школе.

Для *среднерусской* монастырской традиции и *московской* школы пения характерны: разнообразный состав кокиз и мелолексем; относительно широкий диапазон их звукоряда (от кварты до сексты); использование терцовых и квартовых скачков в напеве; терцовая и квартовая ладопеременность микроладов; разнообразие ритмического движения, включая дробные, пунктирные и синкопированные ритмы.

Нормы *северной* монастырской традиции и *новгородской* школы: ограниченный круг кокиз и мелолексем; их узкий диапазон, широкое варьирование по ритму, ладу и интонации; только поступенное движение напева; секундовая ладопеременность микроладов; замедленный пунктирный ритм.

Стилистический подход с позиций региональной принадлежности песнопений дает интересные результаты на материале разных типов пения: *силлабического*, *силлабо-мелизматического* и *мелизматического (пространного)*. Были проанализированы выборочно знаменные песнопения этих трех типов.

В качестве материала *силлабического* пения был взят цикл подобнов по списку конца XVII в. ОР РГБ. Ф. 379 (Собрание Д. В. Разумовского). № 19 (далее – Раз. 19). Л. 74–78. Цикл восходит к Подобникам Типографского кондакаря конца XI – начала XII в. ГТГ. К-5349. Л. 117 об.–123 об. Источник имеет северное – псковско-новгородское – происхождение и отражает старшую редакцию знаменного распева. Несколько самоподобнов Раз. 19 – четыре из пятнадцати – обладают характеристиками, совпадающими с северной школой, – это секундовая ладопеременность и исключительно поступенное интонационное движение. Эти качества являются общими для старшей редакции знаменного распева

и северного монастырского пения, следовательно, они должны быть характерны и для северного пения в целом, и монастырского, и немонастырского, то есть новгородского.

Силлабо-мелизматический тип пения был рассмотрен на примере стихир «Приидите, ублажим Иосифа» 5-го гласа, малого знаменного распева, по списку последней четверти XVII в. ОР РГБ. Ф. 379 (Собрание Д. В. Разумовского). № 18. Установлена принадлежность песнопения к московской школе пения, так как стилевые черты его совпадают со среднерусской монастырской традицией.

Далее была проанализирована знаменная *мелизматика* на примере трех стихир *большого распева*. В двух из них – «Видящи Тя тваре» напева Федора Крестьянина и «Божества Твоего, Спасе» напева Федора Крестьянина (?) или московской школы – выявлены стилевые признаки московской школы.

Третья стихира «Приидите, ублажим Иосифа» 8-го гласа несет явные признаки северной – новгородской – школы. Наряду с этим, в напеве есть элементы, позволяющие предположить его более позднюю редакцию, выполненную на основе московской школы. Это вкрапление дробных ритмов, редкие мелодические скачки. Напев, изначально имеющий явно северное происхождение, вероятно, в более позднее время был отредактирован и вобрал в себя некоторые черты, свойственные более поздней традиции московской школы.

В этом песнопении особенно интересно преобладание лицевого распева, что дает новый взгляд на общую тенденцию в развитии пространного пения.

Развитие новых пространных распевов известно с последней четверти XV в. – они пришли на смену мелизматике кондакарного пения. Их преемственность по отношению к кондакарному пению проявлялась в типе распева – и путевой, и демественный распевы были основаны на *лицевом* типе. Логично предположить, что и большой распев развивался таким же образом. То есть *лицевой* тип распева должен был предшествовать *фитному* и представлять *старшую* редакцию всех видов пространного пения. В путевом и демественном пении так и было, большой путевой и большой демественный распевы появились позднее основных, лицевых редакций. Наше песнопение, основанное на *лицевом* типе распева, представляет собой *старшую* редакцию *большого* распева, это *новгородская* редакция по своему происхождению. *Младшая* редакция *большого* распева, основанная на *фитном* типе распева, возникнет позднее, уже в последней четверти XVI в., как редакция *московская* по своему происхождению. Московская редакция завершила развитие *большого* распева в русской монодии, представляя его вершину.

И. А. Поляков (СПбГУ, РНБ)

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА В КНИЖНОМ СОБРАНИИ КНЯЗЕЙ РОМОДАНОВСКИХ XVII – НАЧАЛА XVIII в.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда Грантов Президента Российской Федерации в рамках научного проекта № МК–4091.2022.2 «Князья Ромодановские в составе правящей элиты Русского государства XVI – начала XVIII в.: генеалогия, землевладение, стратегии поведения» (Соглашение № 075–15–2022–394).

Библиотека князей Ромодановских является одним из самых крупных из известных светских книжных собраний Московского государства раннего Нового времени. В конце XVII – начале XVIII в. во владении представителей старшей и младшей ветвей рода князей Ромодановских находились не менее 200 книг, из которых до настоящего времени сохранилось, как минимум, 35 рукописей [Поляков, с. 24]. Со смертью последнего мужского представителя рода князя И. Ф. Ромодановского в 1730 г. библиотека перестала существовать как единое целое, а рукописные книги перешли в собрания других аристократических фамилий, фонды государственных учреждений, коллекции собирателей книжных редкостей. На сегодняшний момент рукописи князей Ромодановских обнаружены в 10 архивохранилищах России и Литвы.

В XVII – начале XVIII в. в составе рукописного собрания князей Ромодановских находились богатый комплекс богослужебных книг, разрядные и родословные материалы, памятники духовной и исторической литературы, оригиналы и списки записных, верстальных и описных книг с различных воеводств и многие другие документы. В диссертационном исследовании, посвященном истории рода кня-

зей Ромодановских и их библиотеке, нами были подготовлены краткие научные описания выявленных рукописей и проанализирован ряд исторических сборников, родословных и разрядных книг. Рукописи духовного содержания привлекались к работе фрагментарно и детально не были исследованы. В рамках настоящей работы предпринимается попытка рассмотреть некоторые книги, принадлежавшие князю Василию Григорьевичу Меньшому Ромодановскому (1599–1671)¹, определить их состав, происхождение и, следовательно, круг сюжетов, интересовавших членов рода в XVII – начале XVIII в.

Сведения полистных владельческих записей князя и сохранившийся на первом листе рукописи из собрания Н. П. Румянцева краткий перечень рукописных книг духовного содержания (ОР РГБ. Ф. 256. № 154. Л. 1) указывают на то, что к концу 1660-х гг. князь Василий Меньшой располагал, как минимум, 12 рукописями духовного содержания.

Книги, отмеченные в реестре, по-видимому, не дошли до нашего времени, однако их частичный состав можно установить по названиям в источнике: «Житие в тетратех преподобного Макария Желтоводскаго и Унжескаго», «Житие преподобного Димитрия Вологодцкаго, в другой книзе», «Житие преподобного Корнилия Комелскаго Вологодцкаго чудотворца, особная ево книга», «целая другая книга преподобного Варлаама Новгородскаго игумена Хутына монастыря», «особливая книга Макария Колязенскаго, есть в осмуху» (ОР РГБ. Ф. 256. № 154. Л. 1). Под одним переплетом в библиотеке князя Василия Меньшого бытовал и комплекс произведений, связанных с почитанием Саввы Сербского: Служба святому Феодосия Хиландарца, Житие святого Саввы и Похвала (ОР РНБ. Собрание А. А. Титова. № 3705). По классификации Л. К. Гаврюшиной, памятники относятся ко второму варианту первой группы пространной редакции, однако были написаны в разное время: список Жития, согласно писцовой записи (Л. 299 об.), был изготовлен 5 декабря 1601 г., а Служба и Похвала добавлены позднее [Гаврюшина, с. 76]. В 1624 г. в книжном собрании князей Ромодановских появился один из шедевров русской рукописной культуры – сборник со «Сказанием святого Прохора о жизни и чудесах Иоанна Богослова» и лицевым «Апокалипсисом» (ОР ГИМ. Епархиальное собрание. № 736), включающим 70 миниатюр и представляющим ранний список редакции, сложившейся в 1610-е гг. [Грибов].

Особый интерес при исследовании читательских вкусов князя В. Г. Меньшого Ромодановского и его сыновей князей Дмитрия и Степана представляет анализ состава пяти дошедших до нашего времени сборников духовного содержания, попавших в библиотеку князя в 1620–1660-е гг. (ОР РГБ. Ф. 37 (Собрание Т. Ф. Большакова). № 313; Ф. 256. № 154; НИОР БАН. П I А. № 33, 34; ОР ГИМ. Собрание Е. В. Барсова. № 1464). Данные рукописи никогда не рассматривались в комплексе, научное описание имеют только три из них [Библиотека Петра I, с. 42, 65–67; Смирнова, приложение, с. 10], а сборник-конволют из собрания Е. В. Барсова впервые вводится в научный оборот. В них содержится богатый набор житий, служб, сказаний, слов и поучений, связанных преимущественно с новгородскими святыми и церковными событиями. Наиболее ценной для исследования книжных интересов князей Ромодановских является рукопись из собрания Е. В. Барсова, составленная из различных частей, созданных в первой половине – середине XVII в., и содержащая многочисленные читательские маргиналии.

Литература

- Библиотека Петра I: Описание рукописных книг. СПб., 2003. 431 с.
Гаврюшина Л. К. Русская рукописная традиция Жития Саввы Сербского // Советское славяноведение. 1984. № 1. С. 68–82.
Грибов Ю. А. Иоанна Богослова Откровение (Лицевые рукописи) // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 24. С. 740–745.
Поляков И. А. Род князей Ромодановских в XVII в. и их книжное собрание. АКД. СПб., 2020. 26 с.
Смирнова А. Е. Творчество гимнографа XVI века Маркелла Безбородого. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 301 с.

¹ Подробнее о биографии князя см.: [Поляков, с. 92–100].

Свящ. Кирилл Прихотько (МДА)

СУЗДАЛЬСКИЙ СЛЕД В ЖИТИИ СТЕФАНА МАХРИЩСКОГО: ЧТО СКРЫВАЕТ ОСНОВНАЯ РЕДАКЦИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ?

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00174, <https://rscf.ru/project/22-18-00174/>, ИРЛИ РАН.

Написанное по заказу царя Ивана Грозного и благословиению свт. Макария, митрополита Московского, агиографом макарьевского круга Иоасафом, игуменом Данилова монастыря в 1560–1563 гг. [Ключевский, с. 279], Житие известно сегодня в 26 списках, причем в 23 из них читается Основная редакция произведения. Чуть больше половины списков (15) созданы до середины XVII в., из которых старшими являются дефектный список в конволюте НИОР БАН. Архангельское собрание. Д.159 40-х и 60-х гг. XVI в. [Описание, с. 211] и два списка конца XVI – начала XVII в. ОР РГБ. Ф. 304/1 (Главное собрание Троице-Сергиевой лавры). № 692 (далее – ТСЛ 692) и Ф. 236 (Собрание А. Н. Попова). № 94.

Житие прп. Стефана Махрищского (далее – ЖСМ) неоднократно становилось объектом исследования различных ученых. О нем писали В. О. Ключевский [Ключевский, с. 278–280], свящ. Н. Коноплев [Коноплев, с. 24–30], И. У. Будовниц [Будовниц, с. 131–137], В. И. Охотникова [Охотникова] и др. Собрать все известные сведения о ЖСМ и провести его анализ предпринимал попытку в кандидатской диссертации Д. Клыгин [Клыгин]. Однако нужно отметить, что вопросов текстологии памятника ни один из перечисленных авторов не касался. При этом история текста ЖСМ скрывает интереснейшую загадку: наличие в ряде списков поучения прп. Стефана, адресованного Константину Дмитриевичу перед его монашеским постригом, читающееся также в Житии свт. Иоанна Суздальского [Усачев, с. 26, 43]. Что перед нами? Интерполяция или оригинальный текст? На этот и другие вопросы мы попытаемся дать ответ в нашем докладе.

Уже старшие списки Жития являются свидетелями разных рукописных традиций памятника: Троице-Сергиевой лавры, севера Руси (Сольвычегодск, Вологда, Авнежский и Сийский монастыри) и Кирилло-Белозерского монастыря.

Результаты текстологического анализа известных списков позволяют говорить об устойчивости состава Основной редакции. В Житии выделяются следующие части: пространное вступление с историей создания памятника, историко-биографическая часть, посмертные чудеса святого и послесловие. В большинстве списков Основной редакции имеется 12 посмертных чудес, однако известны списки с их усеченным количеством (2 чуда – ОР РНБ. Собрание Общества любителей древней письменности. F.189, ОР ГИМ. Собрание Е. В. Барсова. № 672; 9 чудес – ОР РГБ. Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). № 154).

Помимо лексических и синтаксических разночтений главным отличием рукописной традиции Троице-Сергиевой лавры являются, во-первых, отсутствие чтения *но иже вездѣ сыи и вса исполнаа прѣтны и всесилныи животвораціи дхъ, иже съ оцѣмъ в кѣпѣ и с сѣомъ вынѣ*¹ в чуде *W оумноженіи потребнѣ пища же и питїа*, возникшее в результате купюры в списке ТСЛ 692², во-вторых, пропуск в этой группе списков части текста с поучением прп. Стефана Константину Дмитриевичу, появившийся предположительно в результате гаплографической утраты. И напротив, наличие этих чтений является характерной особенностью списков, бытовавших на севере Руси, которые, на наш взгляд, являются первичными.

Отметим, что рукописная традиция ТСЛ закрепилась в минейных сводах XVII в. Основная редакция ЖСМ читается в июльском томе миней четьи иером. Германа Тулупова (ОР РГБ. Ф. 304/1 (Главное собрание Троице-Сергиевой лавры). № 679), непосредственным антиграфом для которого послужил список ТСЛ 692, а также в июльской минее свящ. Иоанна Милютина (ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 807) [Прихотько].

Предположительно в начале XVII в. в Кирилло-Белозерском монастыре складывается своя уникальная рукописная традиция Жития, выделяемая нами как Кирилловский вариант ЖСМ. В настоящее

¹ Цит. по: ОР РНБ. Собрание Новгородского Софийского собора. № 466. Л. 399.

² См.: ТСЛ 692. Л. 721 об.

время известно 2 списка этого варианта ЖСМ: ОР РНБ. Собрание новгородского Софийского собора. № 466 и ОР РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 734.

Литература

- Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI веках (по «житиям святых»). М., 1966. 392 с.
- Клыгин Д. Житие преподобного Стефана Махрицкого: история текста, церковно-историческое значение. Дис. ... канд. богосл. Сергиев Посад, 2000. 191 с.
- Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. 509 с.
- Коноплев Н. Святые вологодского края. М., 1895. 131 с.
- Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии Наук СССР. Исторические сборники XV–XVII вв. Л., 1965. Т. 3. Вып. 2. 362 с.
- Охотникова В. И. Агиограф Иоасаф, игумен Данилова монастыря, и его творчество // Шестые Лихачевские чтения. Международная научная конференция «Петербургская текстологическая школа: традиции и развитие». Тезисы докладов. СПб., 2021. С. 86–90.
- Прихотько К. Д. Житие прп. Стефана Махрицкого в миниатюрах XVI–XVII вв. // Сборник тезисов докладов Международной научной конференции «Духовное и культурное наследие монастырей Русской Православной Церкви. К 500-летию Московского Новодевичьего монастыря». М., 2019. С. 162–165.
- Усачев А. С. Житие святого Иоанна, епископа Суздальского // Вестник церковной истории. 2008. № 2 (10). С. 5–56.
-

А. Б. Сукина (ИПС им. А. К. Айламазяна РАН)

ИЗОБРАЖЕНИЯ КНЯЖЕСКИХ И ЦАРСКИХ ИНСИГНИЙ НА ДИНАСТИЧЕСКИХ ДРЕВАХ XVII в.

Древа царского родословия, различные иконографические схемы которых использовались для репрезентации самодержавной власти при первых Романовых, конструировали не родовые, а династические отношения [Сукина]. Поэтому все элементы их композиций имели важное символическое значение. В отдельную группу таких деталей, нагруженных определенным смыслом, следует выделить княжеские и царские инсигнии, к каковым относятся одеяния, головные уборы и другие внешние знаки принадлежности к высшей государственной власти.

Мы рассмотрим изображения инсигний на древах XVII в., фиксирующих «царское родословие» как Рюриковичей, так и Романовых, продолжавших развивать династическую концепцию, сформировавшуюся еще в предыдущем столетии [Сиренов]. Круг визуальных источников нашего исследования составляют: «Древо святых князей Древней Руси» в Синодике ярославского Спасо-Преображенского монастыря 1656 г. (Ярославский музей-заповедник. № 15585. Л. 104 об.); икона Симона Ушакова «Похвала иконе “Богоматерь Владимирская”» («Древо государства Московского») 1663 г. (ГТГ. Инв. 28598); гравюра «Род правых благословится» из книги Лазаря Барановича «Меч духовный» (Киев, 1666); миниатюра «Изображение степеней» из Степенной книги 1670 г. (ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 4288. Л. 61 об.); миниатюра «Древо князей и царей» из Синодика Воскресенского Новоиерусалимского монастыря начала 1680-х гг. (ОР ГИМ. Собрание Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. № 66. Л. 76); прорись с образа «Похвала иконе “Богоматерь Владимирская”» 1680-х гг. (Москва, частное собрание); фреска «Родословное древо Рюриковичей» в Спасо-Преображенском соборе московского Новоспасского монастыря 1680-х гг. Все они недавно были опубликованы в хорошем качестве при нашем участии [Родословные древа русских царей].

Во всех рассматриваемых композициях и князья, и цари облачены в платно, служившее неотъемлемой частью парадного костюма русских государей XVII в., в том числе в церемонии венчания на царство. При этом князей изображали еще и в плащах (корзно). Великих князей и царей династии Рюриковичей могли также показать в накинутой поверх платна шубе. Принявшие перед смертью монашеский постриг князья (Александр Невский, Даниил Московский, Иван Калита, Иван III, Василий III) и царь

Иван Грозный на миниатюрах из Степенной книги и Синодика Новоиерусалимского монастыря изображены в куколях. В данных случаях демонстрируется символическое преимущество статуса инока.

Наиболее существенны различия в головных уборах, в которых строго соблюдается соответствие властному статусу. Князья изображены в круглых шапках с меховой опушкой. Цари старой династии тоже в шапках, но иной формы. Наиболее разнообразны головные уборы династии Романовых. В разных композициях мы можем видеть их и в царских шапках, форма которых соответствует хранящимся в собрании Оружейной палаты, и в коронах фантазийных форм, заимствованных у других царских и императорских изображений, служивших образцами художникам. В царских венцах изображены также князь Владимир Святой и княгиня Ольга, которые в Степенной книге позиционировались как «предтечи» царского рода. В подобии царской короны представлен и князь Владимир Мономах – легендарный первый владетель византийских «императорских» инсигний.

В династических древах XVII в. впервые появляются царевичи, сыновья Алексея Михайловича, как наследники отцовской власти. На иконе Симона Ушакова статус каждого из них обозначен только платном. На гравюре из книги Лазаря Барановича «Меч духовный» головы царских сыновей увенчаны коронами (в семантике данной композиции символика короны играет определяющую роль).

Впервые на древах как члены правящей семьи представлены и женщины. На головах цариц Марии Ильиничны Милославской и предположительно Натальи Кирилловны Нарышкиной – царские венцы, что определенно показывает их статус и роль в системе государственного устройства.

Определяющее значение в выборе и способах изображения княжеских и царских инсигний в композициях древ XVII в. играли имевшиеся в распоряжении заказчиков и художников визуальные образцы. К тому времени уже сложилась традиционная иконография князя Владимира Святого, а также князей Бориса и Глеба. Но на изображение Владимира, лежащего у корня дерева, несомненно, повлияла и западная традиция визуальных родословий. Художники пользовались разными источниками, в том числе книжными гравюрами, попадавшими в Россию XVII в. из Европы во все большем количестве, откуда заимствовали детали. Так, на ранних древах князья и цари изображены с пустыми руками, а на более поздних у них появляются жезлы.

Литература

- Родословные древа русских царей XVII–XVIII веков / Сост. А. В. Сиренов. М., 2018. 166, [1] с.
Сиренов А. В. Концепция династической монархии в России XVII – первой половины XVIII в. // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства. М., 2017. С. 345–357.
Сукина Л. Б. Воображаемое древо: как первые Романовы изобретали для себя царскую родословную. М., 2022. 128 с.

А. В. Топычканов (МГУ, ИРИ РАН)

ПОСЛЕ МОНОГРАФИИ: НОВОЕ О РЕЗИДЕНЦИИ В КОЛОМЕНСКОМ

Выход монографии «Резиденция Петра I в Коломенском: комплексное историко-археологическое исследование» [Баранова, Беляев, Топычканов], подводя промежуточные итоги в многолетнем изучении дворца в Коломенском, дает возможность наметить перспективы дальнейших историко-архивных исследований.

Во-первых, критический анализ корпуса источников позволил прояснить множество вопросов по истории дворца. Менее изученной остается деятельность на территории Коломенского различных приказов, помимо Приказа Большого дворца и Оружейной палаты, а также документация о перемещении и ремонте различных предметов во дворце. Монографическое исследование Коломенского дворца подготовило почву для его сравнения с другими дворцами последней трети XVII – первой четверти XVIII в., которые еще ждут своих монографических исследований.

Во-вторых, в результате исследования теперь иначе воспринимается пространство этой резиденции. В ее состав входили не только церкви и ансамбль Государева двора с дворцом, но и Государев двор в селе Дьякове, Потешный двор на пустоши Кречетове, Потешная крепость на Дьяковском городище и Кожуховская крепость, а также различные временные постройки. Необходимо понять, как функционировали и взаимодействовали эти элементы пространства.

В-третьих, изучение функционирования дворца в Коломенском позволяет уделить больше внимания отношениям между членами династии Романовых. Приведенные в монографии примеры говорят о том, что одновременно сосуществовали различные практики взаимодействия между членами семьи. Например, можно наблюдать и официальные празднования царем Иваном Алексеевичем своих именин в Коломенском, на которых нередко присутствовали представители всей царской семьи, и совместные потехи Ивана и Петра, и совместные поездки в Коломенское Ивана и Софьи. Это свидетельствует о более активной роли царя Ивана Алексеевича в политической жизни 1680-х гг. [Морохин]. Анализ действий каждого члена царской семьи в дальнейшем позволит прояснить структуру царской семьи и определить роль всех ее представителей.

Например, в монографии основное внимание уделялось Петру I, однако значительную роль в восстановлении дворца в 1719–1724 гг. сыграла и царица Екатерина Алексеевна, роль которой постепенно усиливалась [Marker; Курукин]. Петровский указ о восстановлении дворца в Коломенском датируется 5 января 1719 г. В этот день решался вопрос о судьбе московских и новгородских деревень царевны Екатерины Алексеевны, которые было велено «приписать ко Дворцу»¹. Если в 1719 г. деревни умершей царевны Екатерины Алексеевны были переданы в Приказ Большого дворца, минуя царицу Екатерину Алексеевну, то при распределении владений других царевен в мае 1722 г. императрице Екатерине Алексеевне были даны Александрова слобода и село Тайнинское (Танинское), бывшие за царевной Натальей Алексеевной, а также село Покровское, бывшее за царевной Марией Алексеевной². К этому времени императрица уже проявляла явный интерес к Коломенскому. Она несколько раз побывала в этой резиденции, а ее «штаб-квартира» 22 июня 1722 г. показал дворец герцогу Карлу Фридриху Гольштейн-Готторпскому³. Строительные работы планировалось завершить к коронации Екатерины Алексеевны, после которой она посетила Коломенский дворец и остановилась в нем, несмотря на то что строительные работы так и не были завершены.

Поскольку восстановление дворца в Коломенском было связано с династической политикой Петра I [Топычканов], участие Екатерины Алексеевны в этом процессе говорит о ее интересах в решении династического вопроса и ее важной роли в «возвращении... кремлевской культуры» [Погосян, с. 35].

Литература

- Баранова С. И., Беляев Л. А., Топычканов А. В. Резиденция Петра I в Коломенском: комплексное историко-археологическое исследование. М., 2022. 376 с. DOI 10.25681/IARAS.2022.978-5-91674-670-9
- Курукин И. В. Екатерина I. М., 2016. 400 с.
- Морохин А. В. Цари Иван V и Петр I: к истории взаимоотношений братьев-соправителей // Труды Санкт-Петербургского Института истории РАН. СПб.; М., 2022. Вып. 7. Российское государство в XVI – начале XVIII века. Сборник статей к 70-летию А. П. Павлова. С. 422–442. DOI 10.51255/978-5-907169-68-5_2022_7(23)_422
- Погосян Е. А. Петр I накануне петровских реформ // Лотмановский сборник. М., 2004. Вып. 3. С. 13–40.
- Топычканов А. В. «Починить против прежнего, без всякой отмены»: восстановление старых подмосковных дворцов в контексте мемориальной и династической политики Петра I // Российская история. 2022. № 2. С. 47–56. DOI 10.31857/S0869568722020054
- Marker G. Imperial Saint: The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. DeKalb, 2007. XVII, 307 p.

¹ РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.

² РГАДА. Ф. 1451. Оп. 1. Д. 13. Л. 408–408 об.

³ Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721 по 1725 год. В 4 ч. / Пер. И. Аммон. М., 1860. Ч. 2. 1722 год. С. 166.

Н. В. Трофимова (МПГУ)

О ЛИТЕРАТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ «МАЗУРИНСКОГО ЛЕТОПИСЦА»

«Мазуринский летописец» – памятник позднего русского летописания, источники которого выявлены, а основные идеи и личность автора Сидора (Исидора) Сназина установлены работами историков [Богданов, с. 3–82]. Многочисленность источников и их разнообразие свидетельствуют о компилятивности свода, но отбор текстов и своеобразие их переработки позволяют обнаружить некоторые литературные предпочтения летописца.

На первом плане в летописи христианская история Руси, продолжающая историю раннего христианства. Принятие новой религии Русью, с точки зрения Сидора Сназина происходящее поэтапно, а затем события, связанные с утверждением, защитой и отстаиванием православия, трактуемые как результат божественного покровительства Руси и ее правителям, церковное строительство, деятельность иерархов Русской церкви занимают важнейшее место в повествовании. Значительный интерес летописца вызывают деяния духовных лиц эпохи крещения Руси и московских митрополитов, последовательно приводятся сведения о посмертных чудесах русских святых.

Деятельность русских князей и царей изображается в соответствии с важнейшей темой летописи. Относительно многих упомянуты лишь отдельные факты: чаще всего вступление на престол, строительство храмов, кончина. Правители, которые внесли особый вклад в жизнь православного государства, представлены в ряде повествовательных фрагментов, в развернутых характеристиках, с помощью тропов. Особое внимание уделено летописцем крестителю Руси Владимиру, а затем московским князьям и царям XIV–XVII вв. Пространны и рассказы о князьях, с которыми связаны чудесные явления, даже если они не занимали великого стола, а их деяния не показаны в летописи как значимые для судьбы Руси (например, Дмитрий Красный).

Основная жанровая форма в составе «Мазуринского летописца» – погодные записи, среди которых есть и краткие, и более пространные, но в любом случае они содержат сжатую концентрированную информацию. Широкое использование этой формы свидетельствует о традиционности повествования, особенно тесно связывая его с новгородским летописанием.

Жанр воинских повестей представлен значительно меньшим количеством текстов, чем в летописях предшествующих веков. Большинство их не рассказывает подробно о ходе военных действий, за исключением больших воинских повествований (например, «Повести о разорении Рязани Батыем»), включенных в свод; редко используются воинские формулы; в отличие от предшественников, Сназин почти не обращается к дидактическим суждениям, трактуя военные события.

Наряду с воинскими есть в летописи исторические повести разнообразной тематики, как правило сокращенные по сравнению с источниками: о посольствах, поездках князей в Орду, еретических движениях и их обличении и проч.

Множество фрагментов представляют собой символические жанры видений и чудес, связанных с деятельностью святых и чудотворными иконами, а также знамений. Они заимствованы летописцем из разных источников (предшествующих летописей, житий, Степенной книги) с целью подчеркнуть покровительство Божье Руси как хранительнице истинного христианства. В текстах, принадлежащих к этим жанрам, появляются конкретные детали, яркие изобразительные картины. Особенно живописны знамения, последовательно приводимые летописцем и часто содержащие толкование значения природных явлений.

Обращая преимущественное внимание на события русской истории, Сназин иногда включает в летопись погодные записи или краткие рассказы, касающиеся событий в мире, чаще всего происходящие из хронографа. В древнейший период это пересказ фактов из библейской истории, а затем записи о церковных событиях в Византии и Сербии, рассказы о еретическом посте Арцы Урцьева, о преступлении и чудесном наказании епископа, который сжег нищих в голодный год, о Ферраро-Флорентийском соборе. Особняком стоит обширное повествование 7001 г. о путешествии римлянина Людвига-Логина

к мусульманским святыням, сопровождающееся рассуждением летописца о пророке Мухаммеде и его религии. Оно напоминает жанр хождений и содержит множество конкретных деталей.

В сравнении с летописями предшествующих столетий в «Мазуринском летописце» редко и с более узким кругом функций используются библейские цитаты и аналогия, в том числе к минимуму сводится эмоционально-выразительная их функция, что связано с единичным цитированием Псалтири, в предшествующих сводах бывшей одним из основных источников заимствований.

Из нескольких сохранившихся в источниках рассказов об одном событии летописец выбирал достаточно подробный, но не содержащий избыточной риторики и тропов. В его повествовании нет обширных речей персонажей, пространных дидактических рассуждений от первого лица, но зачастую вводятся поясняющие детали.

Перерабатывая источники, Сидор Сназин, видимо, стремился к краткости, информативности и доступности изложения. Он часто упрощал лексику, менял порядок слов, приближая тексты к разговорному языку, и очень редко прибегал к противоположному способу переработки: риторическому усложнению текста и введению дополнительных тропов.

Литература

Богданов А. П. Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2019. 216, [1] с. DOI 10.23681/495856

Б. А. Шапиро (РГГУ)

МАТЕРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ М. В. СКОПИНА-ШУЙСКОГО. К ИСТОКАМ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

Каковы механизмы формирования культурной памяти? Как известно, память описывает историю прошлого нации (культуры) избирательно, формируя ее символы. Она может храниться и в объектах материальной культуры, чьи символические сюжеты декора наполняют вещи новым смыслом: аллегорическая образность превращает узко-прикладное в ритуально значимое.

Чем же интересен начальный период формирования культурной памяти о Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском (1586 – 23 апреля 1610 г., Москва)? Михаил Васильевич – князь, представитель одного из самых знатных в XV–XVII вв. семейств России. Талантливый военачальник; первые победы одержал в 19 лет (поражение численно превосходящих войск Болотникова в битве на Пахре). Национальный герой Смутного времени, освободитель Москвы. Умер в разгар празднований, при странных обстоятельствах; согласно молве – от отравления. Версия подтвердилась исследованиями его костных останков (отравлен комбинированным ядом из соединений ртути и мышьяка) [Панова, Дмитриев, Борзаков, Храмо, с. 118, 123].

Кумир русского народа при жизни, Скопин-Шуйский остался им и после смерти. По требованию москвичей, под народный плач и крик он был захоронен в Архангельском соборе Московского Кремля – фамильной усыпальнице мужской половины правящей династии. Погребение располагалось в приделе Иоанна Предтечи (единственное захоронение в этой части храма). Придел был украшен портретом князя, а саркофаг – белокаменной резной плитой с эпитафией и надгробным покровом.

Согласно общепринятой практике оформления древнерусских аристократических некрополей (захоронения государей, иерархов церкви), надгробные покровы выполнялись «неизобразительными» (то есть нелицевыми), в виде прямоугольного плата, состоявшего из средника с изображением Голгофского креста [Преображенский, с. 129–130] и каймы со «словами большими книжными», то есть с надписями молитвенного характера. Не таков покров Скопина-Шуйского, где оформление средника традиционно (красный бархат, украшенный крестом из 38 чеканных серебряных дробниц), но кайма крайне нехарактерна.

Она выполнена из турецкой обьяри второй половины – конца XV в. с рисунком чинтемани (чинтамани, тур. *çintemani*). Мотив состоит из трех кругов, расположенных в форме равностороннего треугольника (тамги Тимура, великого завоевателя), и сдвоенных полос в форме волн. Это один из самых распространенных османских узоров, очень ранний, известный уже в XV в. Он трактовался как узор из леопардовых пятен и тигровых полос [Gürsu, с. 57, 180], шкуры этих хищников считались традиционным атрибутом османских воинов и правителей, символизируя их силу, власть и доблесть [Sonoc, с. 465]. Турецкие ткани с таким узором в Москве встречаются нечасто. Два образца имеются в Государственном музее Востока¹, в том числе фрагмент бархатного кафтана легендарного завоевателя Константинополя султана Мехмеда II времени его второго вступления на османский престол (1451–1481 гг.).

Покров на раку Скопина-Шуйского из турецкой ткани был выполнен в мастерских Московского Кремля². «Все русские ремесленники превосходны... что все... сработают столь хорошо... в особенности Турецкие вещи», – замечал участник московского похода, литовский офицер Маскевич в 1610 г. – году смерти Скопина-Шуйского³. Есть основания предполагать, что символическое значение узора чинтемани сохранялось и в Московии. Таким образом, учитывая, что изготовление надгробного покрывала зачастую связывалось с начальным этапом формирования культа [Преображенский, с. 128], можно допустить, что надгробие безвременно ушедшего любимца москвичей далеко не случайно было оформлено тканью с характерным узором, несущим вполне конкретно понимаемую современниками символично-смысловую нагрузку.

Литература

Панова Т. Д., Дмитриев А. Ю., Борзаков С. Б., Храпко К. Анализ содержания мышьяка и ртути в человеческих останках XVI–XVII вв. из некрополей Московского Кремля методом нейтронного активационного анализа на установке ИРЕН и реакторе ИБР-2 ЛНФ ОИЯИ // Письма в журнал «Физика элементарных частиц и атомного ядра». 2018. Т. 15. № 1 (213). С. 117–124.

Преображенский А. С. Надгробные покровы русских святых: к вопросу об иконографии, происхождении и функциях // Церковное шитье в Древней Руси. Посвящается памяти Л. Д. Лихачевой (1937–2001). М., 2010. С. 101–144.

Gürsu N. The Art of Turkish Weaving: Designs Through the Ages. North Springfield, 1988. 199 p.

Sonoc A. G. Some Remarks on the Leopard and Tiger Pelts in the Turko-Iranian and Indian Imagery and on the Origin of the Chintamani Motif // Acta Musei Brukenthal. 2021. Vol. 16. Issue 2. P. 465–499.

¹ Кулманда М. В. Художественный текстиль Османской империи XVI – начала XX в. М., 2007. С. 24.

² Покров на раку князя М. В. Скопина-Шуйского. 234 × 132 см. Москва, мастерские Кремля, начало XVII в. (см.: Вишневецкая И. И. Драгоценные ткани. Сокровища Оружейной палаты. М., 2007. С. 64–65).

³ Дневник Маскевича 1594–1621 // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. СПб., 1859. Ч. 2. Маскевич и дневники. С. 47.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РУСИ XI–XV ВВ.

С. В. Алпатов (МГУ)

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭПИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА СЕМАНТИКИ НАДПИСИ НА СТЕРЖЕНСКОМ КРЕСТЕ

Поставленный на берегу озера Стерж каменный крест содержит надпись: «В л(ѣт)о 6641 м(ѣ)с(а)ца июля 14 д(е)нь почахъ рыти рѣку сю азъ Иванко Павловиць и кр(е)сть съ поставихъ», рождающую многолетние дискуссии как о ее семантике, так и о цели самого акта сооружения памятника.

Уже в конце XIX в. сформировалась устойчивая традиция буквального понимания фразы «почахъ рыти рѣку» как начала проведения работ по углублению русла либо запруживанию верховьев Волги, а водружение креста как знак личных административных амбиций будущего новгородского посадника [Колосов]. Полярная концепция опирается на сведения о ритуалах «пахания реки» с целью вызывания дождя и приписывает кресту магическую функцию [Толстая]. Компромиссная точка зрения, сопоставляющая Стерженский монумент с поклонными крестами Северо-Запада России, объединяет рациональный (гидротехнический) компонент семантики с символическим (обетным), призванным обеспечить благополучное завершение начатых работ [Яшкина].

Признавая потенциальное наличие в надписи каждого из трех указанных компонентов функциональной семантики водружения Стерженского креста, укажем на невозможность выбора в пользу какой-то одной из перечисленных теорий [Алпатов, с. 387–388]. Первая концепция, как видится, излишне модернизирует средневековую ситуацию, приписывая ее участникам понимание роли наружной рекламы и пиар-акций в политической борьбе внутри либо вне Новгорода. Вторая теория, наоборот, предельно архаизирует сознание средневекового политического лидера (представитель власти – «шаман», управляющий небесными стихиями) и предлагает ему пассивную роль медиатора между человеческой общиной и космосом, противоречащую выразительной первоначальной грамматике надписи. Наконец, вотивная теория также предполагает коллективную репрезентацию предпринятого подвига: «1707 года месяца августа 7-го дня поставлен сей образ святого креста на Орлеце по обещанию работных людей, которыя ломали камень на малую Двину в новую крепость радением Михаила Волкова. Резал капитан Иван Воронцов» [Яшкина, с. 337].

Баланс интерпретаций, как кажется, удастся соблюсти, если привлечь еще один не учтенный ранее тип контекстов, а именно средневековые восточноевропейские предания (зафиксированные Аврелием Виктором в сочинении «О цезарях», а также Повестью временных лет) и эпические тексты (Слово о полку Игореве, духовный стих о Егории Храбром, баллада об Авдотье Рязаночке), содержащие мотивы упорядочивания природного ландшафта путем спуска воды, с одной стороны, и эпические угрозы типа «Волгу веслы раскропяти, а Донь шеломы выльяти», с другой стороны. Тем самым водружение Стерженского креста может быть понято не только как символическое воплощение объективных, социально значимых результатов деятельности по преобразованию природного ландшафта, но и как субъективный акт эпической саморепрезентации средневекового мужчины и вождя. Дополнительными аргументами в пользу выдвигаемого тезиса служат регулярные сюжетные параллели как в мировом фольклоре об исторических лицах – преобразователях водного ландшафта¹, так и в отечественных преданиях XIX–XX вв. об Иване IV, Петре I, Екатерине II, прп. Пафнутии Боровском [Ахметова] и прочих локальных деятелях, пытавшихся демонстративно запрудить знаковую реку либо спустить по искусственному каналу святое озеро.

¹ См. подробнее раздел С7 «Потоп: разрушенная преграда» (Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 15.04.2023)).

Литература

- Алпатов С. В. К интерпретации фольклорной составляющей древнерусской бытовой письменности // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2008. Сб. 13. С. 387–396.
- Ахметова М. В. Легенда о происхождении гидронима Текижа: фольклор, агриография, краеведение // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 2010. С. 175–182.
- Колосов В. И. Стерженский и Лопастницкий кресты в связи с древними водными путями в верхнем Поволжье. Тверь, 1890. [2], 20 с., 1 л. ил.
- Толстая С. М. Пахание реки, дороги // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 18–20.
- Яшкина (Панченко) В. Б. Средневековые каменные кресты в традиционной культуре XIX–XX вв. // Канун. СПб., 1998. Вып. 4. Антропология религиозности. С. 336–374.
-

М. Ю. Андрейчева (ИРИ РАН)

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭЛЕКТРОННОЙ НАУЧНОЙ ПУБЛИКАЦИИ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Необходимость разработки электронных научных публикаций источников и создания на их базе электронных стандартов уже не раз обсуждалась исследователями [Бородкин; Валетов, с. 144–146, 149; Гарскова, с. 152; Петров, с. 160; Юмашева, с. 155–156], работающими в рамках исторической информатики, занимающейся внедрением компьютерных технологий в решение источниковедческих проблем. Однако глобального шага в этом направлении так и не было сделано.

Не вызывает сомнений, что создание модели электронной научной публикации источников должно зиждиться на археографических правилах книгопечатания, трансформированных в новые технологически удобные формы. Разработка модели также не может быть абстрактной, ибо археография, как известно, всегда стояла на службе источниковедения, которое исследует специфику тех или иных источников. А своеобразие последних оказывало решающее влияние на практику их репрезентации. Отсюда представляется необходимым разработать модель, выбрав за основу нарративный памятник, который наилучшим образом продемонстрирует особенности целого комплекса источников, а с другой стороны, достаточно хорошо изученный, чтобы показать на его примере детальную проработку источниковедческих возможностей создаваемого образца электронного издания.

Таким памятником может стать Повесть временных лет (далее – ПВЛ). Она входит в состав ряда летописных сводов, что соответствует заявленному выше требованию репрезентации комплекса источников, в данном случае – летописного. Источниковедчески и текстологически летопись хорошо изучена и неоднократно издавалась в соответствии с археографическими правилами научной публикации. Однако в наступившую цифровую эпоху стало очевидно, что темп изучения памятника (накопление новых интерпретаций, обнаружение новых источников летописного текста, разработка текстологических стемм) существенно опережает темп появления его новых комментированных изданий. Отсюда возникает острая необходимость осуществить издание текста ПВЛ (во всех его списках и переводах) в новом цифровом формате, который помог бы в наиболее полном и одновременно удобном и наглядном виде представить всю накопленную информацию о памятнике – его археографическом, источниковедческом и текстологическом изучении. Важно также отметить, что разработка электронной модели позволит сделать публикацию ПВЛ не завершенной, а открытой, то есть ее раз за разом можно будет пополнять новыми данными об истории летописного текста.

Основой такой публикации должен стать гипертекст памятника, то есть текст, включающий систему внутренних гиперссылок, позволяющих наглядно репрезентовать его списки, переводы и оригинальный рукописный вид, его стратификацию в текстологических стеммах, а также текстовые и семантические пересечения с другими памятниками изучаемой эпохи. Таким образом, электронная научная

публикация Повести временных лет должна явиться своеобразной базой данных обо всех достижениях научных исследований памятника.

После разработки рабочей модели ее можно будет апробировать и на других видах источников. Полноценным итогом работы над проектом может стать создание конструктора электронных публикаций различного уровня (научных, научно-популярных и проч.).

Литература

Бородкин А. И. Глобальная информатизация и проблемы репутации // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2000. № 26/27. С. 139–141.

Валетов Т. Я. О проблемах использования электронных публикаций и других применений компьютерных технологий в гуманитарной науке // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2000. № 26/27. С. 144–149.

Гарскова И. М. Историческая информатика: Методологические и историографические аспекты развития. Дис. ... д-ра истор. наук. М., 2018. 618 с.

Петров М. И. Глобальная информатизация гуманитарной науки: опасности или временные трудности? // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2000. № 26/27. С. 159–162.

Юмашева Ю. Ю. «Предупрежденный – вооружен» // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2000. № 26/27. С. 150–159.

Т. И. Афанасьева (ИРЯ РАН)

О ЛИТУРГИЧЕСКИХ НОВОВВЕДЕНИЯХ В РУССКИХ БОГОСЛУЖЕБНЫХ КНИГАХ СУТОЧНОГО КРУГА В XIII в.

Принято считать, что полномасштабная литургическая реформа была начата на Руси лишь в самом конце XIV в., когда появляется новоисправленный корпус богослужебных книг по Иерусалимскому уставу. Деление всех литургических рукописей на студийские и иерусалимские стало общим местом в научной литературе. Несомненно, что такое деление справедливо, но оно не всегда отражает процессы исправления отдельных богослужебных книг. Предметом нашего рассмотрения является литургическая реформа XIII в., мало описанная специалистами. Нам представляется, что она началась во второй половине XIII в., но не охватила всего корпуса, а затронула в основном богослужебные книги суточного круга.

В конце XIII в. появляется новый Евхологий – переведенный в южнославянской среде так называемый Евхологий Саввы Сербского, лучше всего представленный в требнике ОР РНБ. Собрание А. Ф. Гильфердинга. № 21 и служебнике из собрания Хиландарского монастыря на Афоне № 314 [Афанасьева]. В него входили в основном службы Требника: чины крещения, венчания, исповеди, монашеских постригов, освящения храма. Последования Служебника были переведены частично, не подверглись исправлению только три литургии, их русские списки не похожи на южнославянские. Вечерняя и утреня, а также новая для славян служба суточного круга, практиковавшаяся в Евергетидском монастыре, – панихида – появились в русских служебниках с конца XIII в. Об этом свидетельствует полное совпадение текстов молитв, а порой и рубрик с сербскими списками.

Кроме Евхология на Русь пришел новый тип Псалтири – келейная Псалтирь. Она содержала покаянные тропари и молитвы после каждой кафизмы и зависела от «Устава о пении Псалтири», который был составлен свт. Саввой Сербским в последнее десятилетие XII в. [Савић]. Эта богослужебная книга не была столь однородной и имела разнообразные формы. Наиболее ранней рукописью следует признать псалтирь ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. Q.п.1.37 первой половины XIII в., в которой тропари и молитвы после каждой кафизмы расположены по структуре часа: покаянные тропари поются после кафизмы и перед Трисвятым и «Отче наш» по аналогии с исполнением тропарей на часах в савваитском часослове. В дальнейшем распространяются псалтири, в которых тропари и молитвы по кафизмам расположены по структуре междочасия: покаянные тропари и молитвы помещаются

после Трисвятого и «Отче наш» по аналогии с исполнением тропарей и молитв на междочасиях Часослова [Шугаев, с. 151–152]. Такой тип Псалтири отражен всеми южнославянскими псалтирями начиная со второй половины XIII в. – самый ранний список Радомирова псалтирь из Зографского монастыря. Некоторые древнерусские псалтири содержат «Устав о пении Псалтири» с заголовками, в которых упоминается Святая гора, например, «Уставъ стѣя горы како подобаеть испѣвати псалтръ» (РГАДА. Ф. 381. № 32), «Псалтръ о бзѣ починаемъ по оуставоу стѣя горы сказаниѣ хотащемоу держати псалтръ съ млтвами» (ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. Qп.І.1). Это позволяет предположить, что данный тип Псалтири пришел на Русь с Афона.

И наконец, еще одна богослужебная книга, которая претерпела серьезные изменения, – это Часослов, в который были добавлены междочасия – особые келейные последования к основным часам дня. Это привело к трансформации старой редакции Часослова и к его разнообразным формам.

Все перечисленные богослужебные книги демонстрируют обновление старой богослужебной практики, которое весьма интенсивно шло на Русь через славянский юг. При этом не было какого-то заметного южнославянского влияния в сфере орфографии, усваивались новые тексты, но не их орфографическое оформление.

Литература

- Афанасьева Т. И. «Евхологий Саввы Сербского» и его рецепция в Древней Руси XIII–XIV вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 144–156. DOI 10.25986/IRI.2019.78.4.011
- Савий В. Устави Светога Саве // Летопис Матице српске. 2020. Књ. 505. Св. 4 (април). С. 513–530.
- Шугаев Илья, свц. Древнерусские богослужебные сборники XIV в. Историко-литургический анализ. Дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 1999. 169 с.
-

Н. В. Баинин (СПбИИ РАН)

ИВАН III И ЕПИСКОП ПЕРМСКИЙ И ВОЛОГОДСКИЙ ФИЛОФЕЙ

Согласно П. М. Строеву, в 1467 г. Филофей упоминается как игумен Ферাপонтова монастыря, затем он 2 ноября 1471 г. хиротонисан в епископа Пермского. Среди епископов Пермских и Вологодских П. М. Строев первым помещает Филофея [Строев, стб. 55, 82, 729].

Н. К. Никольский обратил внимание на то, что у игумена Кирилло-Белозерского монастыря Нифонта была «брань» с архиепископом Ростовским Вассианом около 1478 г. [Никольский, с. 28]. За спиной игумена находились белозерский князь Михаил Андреевич и митрополит Геронтий, а за ростовским владыкой встал великий князь Иван III. Спор был решен в пользу архиепископа Ростовского Вассиана после великокняжеского вмешательства [Никольский, с. 28–31]¹. При прежнем ростовском архиепископе Трифоне (с 14 марта 1434 по апрель 1448 г. – игумен Кирилло-Белозерского монастыря; затем спасский архимандрит; с 13 мая 1462 по август 1467 г. – архиепископ Ростовский [Никольский, с. 111; Строев, стб. 55, 331]) игуменом Кирилло-Белозерского монастыря был его родной брат Филофей, который подчинялся ростовскому владыке и получал от него жалованные грамоты. Однако князь Михаил Андреевич игумена Филофея «велел поимати и оковати, да и монастырь велел у него отняти и игуменити ему не велел» и поставил вместо него Кассиана [Никольский, с. 30, 111–113; Шibaев, с. 48, 142 и др.]. Таким образом, Кассиан был игуменом с 11 апреля 1448 по апрель 1465 г., затем игуменом был Филофей один год, до апреля (?) 1466 г., после чего игуменом опять стал Кассиан до 1471 г. [Никольский, с. 112–113; Грязнов, с. 255, 416 и др.]. Согласно П. М. Строеву, в 1470 г. Филофей был игуменом Кирилло-Белозерского монастыря (в 1471 г. его сменил Игнатий), с чем нельзя согласиться. Г. В. Семенченко предложил другую датировку игуменства Филофея – весна 1462 г. [Семенченко, с. 124]. С. Н. Кистерев не согласился с Г. В. Семенченко и предложил датировать пребывание Филофея во главе монастыря 1463–1464 гг. [Кистерев, с. 336]. Здесь принята точка зрения Н. К. Никольского. Дополни-

¹ АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 315.

ные аргументы: 1) в 1467 г. в Ферапонтовом монастыре игуменом стал Филофей; 2) в 1501 г. Филофей ушел с Пермской кафедры в Кириллов и затем в Ферапонтово.

После ареста Филофея белозерским князем и, очевидно, вмешательства в дело великого князя или архиепископа Трифона инок был отпущен на свободу и назначен в Ферапонтово обитель [Грязнов, с. 255]. Затем 6 июня 1471 г., после смерти епископа Пермского Ионы, он был возведен на северную кафедру.

Итак, суммируем сведения о будущем пермском владыке Филофее: он был постриженником Ферапонтова монастыря, его брат Трифон был игуменом Кириллова монастыря, поддержавшим Василия II, затем стал архиепископом Ростовским и назначил Филофея кирилловским игуменом, после этого Филофей возглавил Ферапонтов монастырь, откуда попал на Пермскую кафедру. Принципиальным фактом является поддержка двумя братьями московских князей – Василия II и Ивана III.

Поставление Филофея «в Пермь Великую» произошло в контексте ряда связанных между собой событий². 1 сентября 1471 г. Иван III вернулся в Москву из похода в Новгород [Алексеев, с. 83–84]. Осенью этого же года митрополит Филипп повелел заложить каменный собор Успения Богородицы. 8 ноября 1471 г. «поставлен Перми епископ, Филофей именем, митрополитом Филипом». 30 ноября пришел в Москву «ставитися» на новгородскую архиепископию Феофил. 8 декабря был хиротонисан в епископа Рязанского архимандрит Чудова монастыря Феодосий, на поставлении которого были архиепископ Ростовский Васьян, епископ Суздальский Евфимий, епископ Коломенский Геронтий, епископ Сарский Прохор и епископ Пермский Филофей. Только после этого события, 15 декабря, названными выше владыками, архимандритами, протопопами, игуменами и всем освященным собором был возведен на Новгородскую кафедру Феофил³. Воеводой во главе войска, отправленного в Пермь Великую, был назначен князь Федор Давидович Пестрый, который вскоре вместе с устюжанами «Пермскую землю взял, за великого князя привел, а рать вся цела»⁴.

Из совокупности этих событий видно, что поставление Филофея на Пермскую кафедру было одним из элементов усиления великокняжеской власти на севере и северо-западе: приведение к покорности Новгорода и Перми, назначение лояльных великому князю церковных иерархов, которые осуществляли дипломатическую связь между Москвой и местными жителями.

Литература

- Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. 239, [1] с.
- Грязнов А. Л. Белоозерские акты XIV–XVI вв.: исследование и перечень. Вологда, 2019. 603 с.
- Кистерев С. Н. Лабиринты Ефросина Белоозерского. М.; СПб., 2012. 405, [1] с.
- Никольский Н. К. Кирилло-Белоозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века. (1397–1625). СПб., 2006. Т. 2. Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение / Подгот. изд. З. В. Дмитриева, Е. В. Крушельницкая, Т. И. Шаблова. 434 с., [1] л. портр.
- Семенченко Г. В. Церковно-политическая борьба на Белоозере в 60-х годах XV в. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 год. М., 1989. С. 122–128.
- Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. X с., 1064, 68 стб., 1 л. факс.
- Шибяев М. А. Рукописи Кирилло-Белоозерского монастыря XV века. Историко-кодикологическое исследование. М.; СПб., 2013. 479 с.

² Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихийская) летопись (публ. П. Г. Доронина) // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 262.

³ ПСРА. М., 2006. Т. 26. С. 242–243.

⁴ ПСРА. Л., 1982. Т. 37. С. 47–48.

Н. Н. Бедина (САФУ им. М. В. Ломоносова)

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ДРЕВНЕРУССКИХ ХОЖДЕНИЯХ

Древнерусские хождения включены в восточнохристианскую традицию паломничества, в которой сосуществуют две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, со времен Константина Великого и императрицы Елены наблюдается устойчивый интерес к сакральной топографии, с другой – начиная с той же эпохи развивается отрицательное отношение к увлечению паломнической практикой как противоречащей аскетической и духовной жизни, поскольку мир не делится больше на пространство священное и профанное, а все «освящено во Христе Иисусе» (Кол 1: 2) [Шмеман, с. 206–207]. Эсхатологическое восприятие пространства и времени, характерное для ранней русской книжности, в «Хожении» игумена Даниила в Святую землю (начало XII в.) – древнейшем из русских описаний паломничества – примиряет обе эти тенденции и проявляет себя в общей структуре текста. Здесь можно выделить три смысловые части (не считая вступления):

- путь в Святую Землю, описание Иерусалима и окрестных земель (Священная и церковная история);
- путь по святым местам около Тивериадского моря: Тивериада, Фавор, Назарет (чудеса и таинства Преображения и Благовещения);
- описание службы Великой субботы: «о свете небесном».

Внутренняя эсхатологическая (а не хронологическая или топографическая) логика повествования – от смерти к воскресению. Конечно, тема Воскресения Христова является центральной во всем тексте «Хожения», однако до главы «О море Тивериадском» Святая Земля маркируется игуменом Даниилом не только памятью о событиях Священной истории, но и наличием на этой земле многочисленных святых гробов. Весь путь от Константинополя до Иерусалима обозначен могилами святых апостолов, мучеников и святителей. Пространство Иерусалима и окрестные земли освящены местами смерти и погребения ветхозаветных праотцев, пророков и христианских святых отшельников и преподобных. Центром этого грандиозного некрополя, конечно, является Гроб Господень в храме Воскресения. Но чем ближе паломнический путь игумена Даниила к своему окончанию, тем реже звучит в его повествовании мотив смерти.

После «эпилога», завершающего обозначенную выше первую часть, мы почти не встречаем далее в тексте упоминаний о святых гробах, зато с той же насыщенностью перечисления игумен Даниила называет места евангельских чудес. Основное внимание паломника сосредоточено на горе Фавор и совершившемся здесь Преображении, а заканчивается этот смысловой отрезок описанием мест, связанных с Благовещением. Начиная с возгласа архангела Гавриила «Радуйся, обрадованная, Господь с тобою!» мотив радости больше не уходит со страниц «Хожения». Чудеса и таинства второй части в согласии с богословской и литургической традициями выступают в сочинении игумена Даниила предвестием Искупления и Преображения мира, Великая суббота в последней части текста – его провозглашением. Связь между Фаворским светом во второй части и образом Благодатного огня в третьей проводится игуменом Даниилом на основании не только византийской богословской идеи света, принятой и в русской традиции, но и личного опыта и впечатлений паломника.

Созданные далее древнерусские хождения и проскинитарии так или иначе ориентируются на сочинение игумена Даниила и в том числе через него усваивают особенности литургического (эсхатологического) восприятия пространства. Большинство последующих текстов до конца XIV в. ограничиваются паломничеством в Константинополь, центром которого является храм Святой Софии. Следуя традиции, Царьград и прилегающие к нему территории авторы изображают огромным святым некрополем, где в каждой церкви «лежит в теле» тот или иной святой¹.

Этот грандиозный пантеон имеет внутреннюю концентрическую структуру, организованную с помощью оппозиции центра и окружающего его пространства. В книге «Паломник. Сказание мест святых во Царьграде Антония, архиепископа новгородского, в 1200 году» таким центром является ал-

¹ Здесь, конечно, находит отражение и богословие храма, получившее каноническое утверждение решением VII Вселенского собора.

тарь великий Святой Софии. В его описании нет указания на святые мощи, зато здесь паломники становятся свидетелями чуда, побудившего автора к размышлению о неизбежном нравственном преображении. Вокруг же этого эпизода весь текст наполнен памятью упокоившихся святых, последним из которых назван св. Василий Новый. Имя святого вновь вызывает в финале, как и у игумена Даниила, размышления об эсхатологической радости Преображения.

В таких текстах, как «Анонимное хождение в Царьград» (конец XIII – начало IV в.), «Из странствия» Стефана Новгородца (1348–1349 гг.) и даже «Хождение Игнатия Смольнянина в Царьград» (1389–1391 гг.), считающееся первым светским русским хождением [Малето], сам храм Святой Софии является центром эсхатологически осмысленного пространства, и чем дальше от храма отходит паломник, тем концентрированное становится перечисление честных гробов. Стефан Новгородец в финале «Странствия» сравнивает Константинополь с дубравой великой, процветшей церквями и монастырями, в основании которых лежат святые мощи. В этих текстах не прослеживается литургическая логика от смерти – к воскресению, но осмысление храма и особенно алтаря как провозглашения жизни будущего века отражает христианскую эсхатологическую идею.

Литература

Шмеман Александр, протопр. Введение в литургическое богословие. Париж, 1961. 248 с.

Малето Е. И. Антология хождений русских путешественников XII–XV века. Исследования, тексты, комментарии. М., 2005. 437 с.

А. М. Введенский (СПБНИИ РАН, НИУ ВШЭ)

ИСТОЧНИКИ ТВЕРСКОГО ЛЕТОПИСНОГО СБОРНИКА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Тверской летописный сборник (далее – Тв), написанный в 1534 г., сохранился в двух украинских рукописях второй четверти XVIII в. [Клосс].

Текст Тв близок к тексту Львовской летописи (далее – Льв), что дало возможность исследователям постулировать общий для этих летописей источник – свод 1518 г.

Текст Тв можно разделить на две части. Первая часть начинается с сотворения мира (о русской истории со статьи 854 г.) и заканчивается на статье 1255 г. Вторая часть содержит летописные записи с 1248 по 1499 г. На участке с 1248 по 1375 г. в Тв читается текст тверского свода 1375 г. с добавлением текста Ростовского владычного свода. С 1374 по 1486 г. Тв содержит тверские известия, а с 1486 по 1499 г. – московские.

Нас будет интересовать первая часть Тв, рассказывающая о событиях с IX по середину XIII в. В историографии было выявлено шесть источников первой части Тв. Первый из них – текст Радзивилловской летописи (далее – Р) в части до 1206 г. [Шахматов, 1902, с. 47–49]. Второй – ростовский летописный свод, извлечения из которого были незначительными [Шахматов, 1899, с. 201–204]. Третий – список Софийской первой летописи (далее – С1), основной для Тв/Льв в части до 1078 г. [Шахматов, 1899, с. 208–209]. Четвертый – небольшие добавления из Московского свода 1479 г. (1480 г. по А. А. Шахматову) [Шахматов, 1900, с. 141]. Пятым источником первой части Тв/Льв является какой-то южнорусский источник, к которому составитель Свода 1518 г. прибежал нечасто [Шахматов, 1899, с. 209–210]. Последний, шестой источник – новгородская владычная летопись, которую составитель Тв начал использовать со статьи 1078 г. [Шахматов, 1900, с. 136]. Т. В. Гимон в своей докторской диссертации показал, что в Тв отразился вариант владычной летописи 1397 г. [Гимон, с. 56–58]. Новгородская владычная летопись является источником лишь Тв, а не свода 1518 г., поэтому и не отразилась в тексте Льв. Таким образом, за основные источники первой части Тв в историографии приняты: Р, Новгородская владычная летопись и С1.

Как кажется, предположение А. А. Шахматова о различии третьего и четвертого источников можно скорректировать. Так как в Эрмитажном списке свода 1479 г., наряду с Ермолинской летописью

стью, лучше всего отразился текст свода 1472 г., а основным источником свода 1472 г. являлась как раз С1 (свод 1418 г.), то очевидно, что источником свода 1518 г. был как раз свод 1472 г. или список с него, а не, как предполагал А. А. Шахматов, одновременно и С1, и свод 1479 г. При анализе той части текста Тв/Льв, которая была заимствована из свода 1472 г., хорошо видно, что существуют чтения, сближающие текст Тв/Льв как с С1, так и с Эрмитажным списком свода 1479 г., что говорит в пользу нашей интерпретации.

Р, безусловно, являлся источником свода 1518 г., но нам представляется, что на участке с 854 по 983 г. в своде 1518 г. из Р заимствований не было. Все чтения, которые в историографии относят к Р на данном участке текста свода 1518 г., следует относить к Троицкой летописи (далее – Т), которая сгорела в московском пожаре 1812 г.

Текст Т близок к Р, но еще ближе он к Лаврентьевской летописи (далее – Л). При сравнении текста Тв/Льв с текстами Л, Т, Р с начала повествования до середины статьи 907 г. (именно до этого места текст Т был издан) можно убедиться, что в своде 1518 г. отразились чтения Т. В статье 882 г. только Т и Тв сообщают, что Олег взял воинов «с собой». В статье 885 г. в Т и Тв вместо *с умичи* читается искаженное *посуличи*. Под 898 г. находим отсутствующую в Л и Р фразу: «И вьсташа нѣции на ня ропщу-ще». Под 907 г. и в Т, и в Тв читается *дань емлють*, а в Р – *слюбное емлют*.

После статьи 907 г. сравнение текста Тв с Л и Р, а также с выписками Н. М. Карамзина из Т свидетельствует, что заимствованный текст ближе к Л и карамзинским выпискам, нежели к Р, что говорит о том, что составитель свода 1518 г. использовал текст Т. Последним уверенным примером заимствования Тв из Т является статья 983 г. После этого года материал для сравнения текста Тв с Л и Р дает «Речь философа» под 986 г., где чтения Тв сближаются уже с Р, а не с Л. В тексте Тв за XI и XII вв. заимствования из Т нами пока не выявлены.

Вывод. Следует пересмотреть наши представления об основных источниках первой части свода 1518 г. (Тв/Льв). Вместо С1 следует считать одним из главных источников свода 1518 г. – свод 1472 г. На участке же за вторую половину IX в. – 980-е гг. источником Тв/Льв являлся текст Т, а не Р.

Литература

- Гимон Т. В. Новгородское летописание XI – середины XIV в. как социокультурное явление. М., 2014. 426 с.
Клосс Б. М. Предисловие // ПСРА. М., 2000. Т. 15. С. V–VIII.
Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обзорение летописных сводов Руси северо-восточной» // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1899. С. 103–236.
Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV–XV вв. // ЖМНП. 1900. Ч. 332. С. 135–200.
Шахматов А. А. Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи // Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902. [Ч.] 2. Статья о тексте и миниатюрах рукописи. С. 18–114.
-

А. Ю. Виноградов (НИУ ВШЭ)

«ТИТУЛЬНЫЕ» ЭПИТЕТЫ РУССКИХ КНЯЗЕЙ ДОМОНГОЛЬСКОГО ПЕРИОДА

Титулы русских князей, особенно домонгольской эпохи, изучались очень избирательно. Отмечалось, что князья этого периода часто носят эпитеты, связанные с Богом, Христом, верой и благочестием, но не были выявлены ни их частотность и степень устойчивости, ни титульность их характера [Рорре; Vodoff].

Домонгольские письменные источники (летописи, акты и литературные произведения), а также надписи и записи в рукописях дают нам следующую картину. Чаще всего к князьям прилагался эпитет «благодарный» – 68 раз (и лишь 2 – к иерархам), а также 17 раз – в сочетании «благодарный и христоролюбивый» (1 – с добавлением «Богом честимый»). Остальные эпитеты встречаются значительно реже: «христоролюбивый» – 14 раз, «богостролюбивый» – 10 (при 7 случаях у новгородских архиепископов и игумена), «благочестивый» – 8 (и 2 – у епископов Новгородского и Смоленского («богочестивый»)), «правотверный» – 3 (и 1 – у архиепископа Новгородского), «богостролюбивый и христоролюбивый» – 1 раз.

вый» – 2. По разу употребляются эпитеты «боговерный», «богохранимый», «благоверный и боголюбивый», «благочестивый и боголюбивый», «правоверный и христолюбивый».

На первый взгляд, тут прослеживается параллель с титулатурой византийских императоров, где такие эпитеты были неотъемлемой ее частью, тем более что нерелигиозные эпитеты у домонгольских князей крайне редки: 7 раз встречается «благородный» (еще 2 – в сочетании с «благоверным» и «христолюбивым»), а остальные – лишь по разу. В отдельных летописях прослеживаются даже устойчивые «кластеры» христианских эпитетов. Так, Повесть временных лет с 1087 по 1103 г. именует всех князей «благоверными».

Но ближайшее рассмотрение распределения таких эпитетов в летописях создает иную картину. Так, на всем протяжении Киевской летописи они употребляются без всякого порядка, и один князь (Андрей Боголюбский) может именоваться то «благоверным боголюбивым», то «правдивым благоверным», то «христолюбивым», то «благоверным», то «благоверными христолюбивым», причем в пределах одной фразы. В Суздальской летописи, начиная с Андрея Боголюбского, вроде бы формируется узус именования любого князя «благоверным» (10 случаев из 14 за 1157–1177 гг.), тогда как в 1187–1211 гг. господствует сочетание «благоверный и христолюбивый» (8 из 12). Но в 1212–1218 гг. Константин Всеволодович именуется преимущественно просто «христолюбивым» (6 из 8) – если воспринимать эти эпитеты как часть официального княжеского титула, непонятно, почему Константин сократил титул своего отца. А в 1223–1239 гг. в таких эпитетах царит полный разнобой, и не помогает сравнение с разницей в титулах одного византийского императора: она всегда имела функциональный характер и зависела от адресата (см.: «О церемониях» II, 48). Итак, употребление христианского (как и иного) эпитета князя было узусом не его канцелярии, а летописца (пусть даже княжеского). Действительно, в Новгородской владычной летописи мы видим, что подобные эпитеты прилагаются к местным архиепископам, а не к князьям.

Ключевой же аргумент против титульного употребления такого рода эпитетов – практика самих князей домонгольского периода. Их нет в княжеских надписях (например, на шлеме Ярослава Всеволодовича или в надписи на кресте Святослава Всеволодовича, который в Суздальской летописи именуется «благоверным» и «христолюбивым»). Нет их и на княжеских печатях, и не по недостатку места: митрополит Константин II смог уместить там слова «милостью Божьей», Всеволод Ярославич – «всей Руси», а Владимир Мономах вписывал в поле печати либо два своих имени, либо родовое имя Мономах и эпитет «благороднейший» (которым он отмечен и в летописи), либо благопожелание «на многое лето». Отсутствуют эпитеты и в княжеских законах и актах (светских и церковных) (см.: [Каштанов 1976]) – показательно, что в уставной грамоте Смоленской епископии эпитеты «благородный и христолюбивый», «благоверный и христолюбивый» употребляет не князь Ростислав, а епископ-грек Мануил.

Итак, христианские эпитеты домонгольских князей не использовались ими самими как часть титула, но прилагались к ним церковными книжниками как *epitheta ornantia* (ср.: [Толочко, с. 130]). Происходя из Византии, они утратили на Руси не только характер обязательных титулов, но и свою роль в религиозном освящении власти. Показательно и переосмысление эпитетов «боголюбивый» и «христолюбивый»: если в Византии они означали «любимый Богом/Христом», то в славянском варианте – «любящий Бога/Христа», то есть перешли из области сакрализации власти монарха в сферу его личного благочестия.

Литература

- Каштанов С. М. Интитуляция русских княжеских актов X–XIV вв. (Опыт первичной классификации) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. 8. С. 69–83.
- Толочко А. П. Князь в Киевской Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. 224 с.
- Porre A. Le prince et l'Église en Russie de Kiev depuis la fin du Xe siècle jusqu'au début de XIIe siècle // Acta Poloniae Historica. 1969. Т. 20. P. 110–111.
- Vodoff V. La titulature des princes russes du Xe au début du XIIe siècle et les relations extérieures de la Russie Kievienne // Revue des études slaves. 1983. Т. 55. P. 139–150.

М. А. Гиршевич (ООО «Столичное археологическое бюро»)

ДВА МОСКОВСКИХ МОНАСТЫРЯ И ПРОБЛЕМЫ ИХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ

Топография города Москвы в контексте ее исторического развития до сих пор имеет ряд неразрешенных вопросов. До настоящего времени проблемной является начальная история Рождественского монастыря с церковью Рождества пресвятой Богородицы и Сретенского монастыря с церковью во имя встречи иконы Божьей Матери из Владимира.

Богородице-Рождественский монастырь на Рождественском бульваре до начала 20-х гг. XIX в. вел свою историю со времен Ивана IV. После публикации Н. М. Карамзиным «Истории государства Российского» стало принято считать, что монастырь основан во второй половине XIV в. серпуховской княгиней Марией Андреевной [Карамзин, примечания, с. 147]. До последней четверти XX в. история создания обители не ставилась под сомнение, но отсутствие археологического материала, хронологически совпадающего с летописными известиями, заставило пересмотреть время устройства монастыря в этом месте.

Наиболее раннее упоминание о первом в Москве Рождественском монастыре встречается в Рогожском летописце¹. После строительства в Москве в 1393 г. еще одного храма с посвящением Рождеству Пресвятой Богородицы² в летописных текстах возникает необходимость в пояснении, о каком храме конкретно идет речь. Так появляются топографические привязки в их названиях. Для храма и монастыря, основанного Марией Андреевной, где она была похоронена, топографическим ориентиром было выбрано указание «на рве»³.

Местоположение церкви Рождества Пресвятой Богородицы на рве с монастырем локализуется благодаря духовной грамоте князя Ивана Юрьевича Патрикеева, датируемой раньше февраля 1499 г.⁴ Обитель находилась у Фроловских (Спасских) ворот при выходе из Кремля, за рвом, на Большой улице с правой стороны у вымола (возвышенности), где позже был построен собор Покрова Пресвятой Богородицы.

В конце XV в. одновременно с этим монастырем сосуществовал Рождественский монастырь за пушечными избами⁵. После 1570 г.⁶ Рождественский монастырь, что на рве, был упразднен, а его начальную историю со временем перенял оставшийся единственным Рождественский монастырь, что за пушечными избами, на Рождественском бульваре.

В схожей ситуации оказалась и история Сретенского монастыря. В 80-е гг. XV в. в городе одновременно сосуществовали два храма с одним посвящением – встречи иконы Владимирской Божьей Матери. Первая церковь была построена «близ града», на месте встречи иконы Богородицы из Владимира в 1395 г. Об этом событии повествует «Повесть о Темир Аксаке». Поздний текст повести, включенный в Типографскую летопись, уточняет местоположение храма «на Коучковъ полъ»⁷. По мере разрастания городского посада этот храм, перестроенный в камне псковскими мастерами в 1474 г., оказался «на посаде». В 1485 г. его будет расписывать «мастер Долгат иконник»⁸.

Вторая каменная церковь была построена «на полъ» в 1482 г., на месте встречи иконы Владимирской Божьей Матери, состоявшейся в лето 1480 г. В тот год в Москву для отстроенного Успенского собора в Московском Кремле из Владимира вновь была принесена икона Богоматери [Щенникова, с. 266]. И осенью того же года произошло событие, называемое «стоянием на Угре», финал которого был назван «чюдо святыя Богородица»⁹.

¹ ПСРА. М., 2000. Т. 15. Вып. 1. Стб. 157.

² Там же. Стб. 164.

³ ПСРА. СПб., 1859. Т. 8. С. 60.

⁴ ДДГ. № 86. С. 347, 348.

⁵ ПСРА. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 334.

⁶ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. М., 1998. Т. 2. № 284. С. 253.

⁷ ПСРА. Пг., 1921. Т. 24. С. 165.

⁸ ПСРА. М., 2001. Т. 6. Стб. 321.

⁹ ПСРА. Т. 24. С. 200.

Одновременное сосуществование двух церквей во имя встречи иконы Божьей Матери из Владимира прослеживается в описании московских пожаров 1488 и 1493 гг.¹⁰ в последний раз в письменных источниках монастырь с церковью Сретения иконы, что на Кучкове поле, на посаде, упоминается в 1518 г.¹¹, после чего его дальнейшая судьба не прослеживается.

К началу XVII в. в Москве, внутри городских стен Деревянного города, осталась только одна церковь во имя встречи иконы Владимирской Божьей Матери. К церкви, построенной в 1482 г. на поле за посадом, по всей видимости, была переведена монастырская братия, которая первоначально находилась при одноименном храме на Кучкове поле. Со временем из исторической памяти горожан исчезла информация о первом месте встречи Владимирской иконы в 1395 г. Уже к середине XVII в. местоположение единственного храма в городе стало ассоциироваться с Кучковым полем [Тихомиров, с. 12].

Современное местоположение Рождественского и Сретенского монастырей показывает степень освоения пригородных земель в конце XV столетия.

Литература

Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1819. Т. 5. 412, 288 с.

Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. 181, [3] с.

Щенникова Л. А. Чудотворная икона «Богоматерь Владимирская» // Чудотворная икона в Византии Древней Руси. М., 1996. С. 252–286.

С. В. Городилин (ИРИ РАН)

СТАТЬЯ «НАЧАЛО КНЯЗЕЙ РУСКИХ» ИЗ ЛЕТОПИСНОГО СБОРНИКА ОР РГБ. МУЗ. 3841 И ЕЕ ПОЛИТИКО-ДИНАСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Статья «Начало князей Русских» (далее – НКР) из сборника, хранящегося в ОР РГБ. Ф. 178 (Музейное собрание). № 3841 (далее – Муз. 3841), издана А. Н. Насоновым в приложении к своду XV в., применительно к которому закрепилось название «Летописец Русский» (далее – ЛР) [Насонов, 1955, с. 320–321]. Публикатор определил ее как «родословную статью, кончающуюся белозерскими князьями Василием Федоровичем Согорским и Василием Юрьевичем Белосельским» [Насонов, 1955, с. 278; Насонов, 1969, с. 413].

А. Н. Насонов отметил, что часть рукописи, включающая «Летописец вскоре патриарха Никифора» (далее – ЛВПН), «каталог византийских императоров», статью НКР и ЛР (Л. 289–312 об.), имеет филигранные, отличные от прочих частей, написана одним почерком, а ее текст «представляет как бы одно целое» [Насонов 1955, с. 279; Насонов 1969, с. 413]. В дальнейшем основное внимание ученых было обращено к летописной составляющей этой части сборника, обсуждаемая же статья специально не исследовалась. С. Н. Кистерев посвятил крупную работу «каталогу» императоров, установив, что его текст был переведен с греческого оригинала между 1399 и 1425 гг., получив название «Цари царствующие в Константинограде» (далее – ЦЦ), позже войдя в новую редакцию ЛВПН. Указав, что Муз. 3841 является конволютом и вопрос о происхождении содержащей ЛВПН, наиболее ранний список ЦЦ, НКР и ЛР части рукописи и составляющих ее текстов остается открытым, ученый, однако, рассмотрел лишь ЦЦ и судьбу его и включившей его редакции ЛВПН в книжности середины – второй половины XV в., связанной с Кирилло-Белозерским монастырем. Об НКР сказано только, что ее перечни составлены при жизни упомянутых там последними князей и, учитывая даты смерти Василия Дмитриевича Московского и Ивана Михайловича Тверского, не позже февраля 1425 г. [Кистерев, с. 177, 199, 257].

Укажем, что НКР наравне с перечнем «Сице родословятся великие князи русские» из статей перед Новгородской I летописью, доходящим уже до сына Василия Дмитриевича Василия, представляют

¹⁰ ПСРА. Т. 6. Стб. 324, 325, 339.

¹¹ ПСРА. Т. 8. С. 264.

самые ранние примеры этого жанра. Ее текст, утратив оригинальное заглавие и с отредактированным разделом о московских князьях, но сохранив ряд особенностей (порядок перечисления, где за московскими идут ростовские, тверские и белозерские князья, и структуру, когда отчество князя стоит перед именем), отразился в ряде памятников конца XV – XVI в. Это добавляет актуальности изучению контекста создания НКР. К тому же, кроме собственно перечисления князей с «первого князя в Руси» Рюрика, авторские отступления в статье и выбор конкретных ветвей и линий выражают своеобразную концепцию. Называются лишь прямые предки князей, завершающих перечни. Первый из них доходит до Всеволода Большое Гнездо, и затем указано количество колен от него до Рюрика. Далее отдельно идут линии его потомков: московские, ростовские и тверские князья. У всех названо число колен до Рюрика и до Всеволода. Завершен текст ветвью ростовских князей – белозерскими, у них посчитаны лишь колена до Рюрика. Перечни каждой линии начинаются единообразно: «А от того же Всеволода московские (ростовские и т. д.) князи». Между ростовскими и тверскими помещено авторское отступление: «Тъи великий князь Всеволод Юрьевич Володимерьский, внукъ Володимеръ Манамаховъ, а брат Андрѣвъ Боголюбьскаго. И владѣ всею землею Рускою лѣт 40 бес трех, а всѣх лѣт жил 60 без трех». В конце после белозерских еще одно: «А вси князи Залѣшья земли: Суждальския и Ростовьския, по ою страну рѣкы Оки, то все колѣно Всеволода Юрьевича. а се его сынове: старѣишии Костянтинъ Ростовьский, Юрьи Володимерьский, его же оуби царь Батыи, Ярославъ, Святославъ, Володимеръ, Иоанъ кроткий» (Л. 300).

Как видим, в памятнике явно подчеркнута единство и равенство линий, идущих от Всеволода, и ни у тверских, ни у московских князей не упомянуты их великокняжеские титулы. Ростовские же, не являвшиеся великими, оказываются в особом положении: они стоят сразу за московскими и выше тверских великих князей, и подчеркнута, что их предок Константин Ростовский – старший сын Всеволода. Отсутствие ярославских князей – родичей ростовских и белозерских, и их ближайших соседей (в схожем наборе, включая князей Москвы, Твери, Ростова, Ярослава и Белоозера, родовые помянники представлены в Ростовском соборном синодике) объяснимо: они не восходят к Всеволоду. Суздальские князья, тоже бывшие Всеволодичами, видимо, опущены, так как ко времени создания перечня уже лишились стола. Это позволяет датировать его временем после 1414 г. Последним в ростовской части стал Андрей Александрович (1404 – после 1454 г.). Но в первые десятилетия XV в. этот князь из младшей, Борисоглебской ветви княжил не один, а вместе с Федором Андреевичем из старшей, Сретенской ветви. Эта ветвь лишается власти в Ростове в самом конце великого княжения Василия Дмитриевича, и Федор – последний из ее князей, известный как правивший. Молчание НКР о нем вынуждает отнести создание памятника к концу 1410-х гг. или даже, вероятнее всего, уже ко времени незадолго до конца зимы 1425 г.

Литература

- Насонов А. Н. Летописный свод XV века (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. 2. С. 277–321.
- Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. 555 с.
- Кистерев С. Н. «Цари царствующие в Константинограде» в русской книжности XV века // Летописи и хроники. Новые исследования. 2015–2016. М.; СПб., 2017. С. 172–305.

Н. А. Демичева (ИМЛИ РАН)

ОСАДНЫЙ ГОЛОД В ПРОСТРАННОЙ ПОВЕСТИ О ВЗЯТИИ ИЕРУСАЛИМА ТИТОМ

Осада Иерусалима римскими войсками под началом Тита в 70 г. н. э. является значимым сюжетом в древнерусской литературе. В текстах, посвященных этому событию, возникает тема голода в осажденном городе. Особенно ярко она раскрывается в пространной повести о взятии Иерусалима Титом, которая содержится в Тихонравовском хронографе и в Летописце Еллинском и Римском 2-й редакции и восходит к средневековому еврейскому памятнику «Иосиппон» [Анисимова, с. 66–70; Творогов, с. 90–93].

Указание на голод в Иерусалиме играет важную роль в мотивации персонажей и развитии сюжета. В речах Тита к его войнам подчеркивается, что их противники обессилены, находятся в более слабой позиции; с помощью этого, а также апелляции к чувствам адресатов и нравственным категориям (см. лексемы «срамота», «похоулити ся», «стоуд») аргументируется необходимость не отступить и продолжать осаду: «... дондеже изомьроуть гладом»¹; «... велика боудеть срамота ваша, еже ся хотите похоулити пред гладными людьми, иже не могоуть стати на ногах своих»²; «... не лѣпо нам есть бежати пред гладными людьми, да боудеть троуд нашъ и оусиліе наше въ стоуд и въ тщетоу...»³.

Голод в повести представлен в качестве причины некоторых действий обороняющихся. Жители Иерусалима выбирались из осажденного города для того, чтобы добыть еду, что приводило к вооруженным столкновениям с римлянами: «... егда ся сконча вься кормля от глада, и отверъзаше врата малая назади града, и выидоша тоудѣ татбою и идоша на гороу красти скота; а римляне стояхоу около Ероусалима, и жидове заняше скота много. И оуслышаше римляне голкоу сечьбою во становище, и текоша на сѣчю»⁴.

В композиции произведения значительное место занимают развернутые картины голода. По отношению к нему применяется эпитет «силень» (в Тихонравовском хронографе также использовалась лексема «великъ»⁵, в Летописце Еллинском и Римском 2-й редакции – выражение «... такоже нѣсть было никогдаже»⁶, указывающее на исключительность события). Внимание акцентируется на том, как в ситуации голода обострились внутренние конфликты между жителями Иерусалима: часть людей, охарактеризованная номинациями «насилници», «злонасилници», «злии», «нечистивии», занимается грабежами и убийствами.

Два пространных фрагмента повести посвящены описанию бедствий и унижений, испытанных людьми из-за голода («... иніи неоустроеноу едяхоу пшеницю...»⁷, «... иніи же срамех прикасающися, скверноу скотиноу отмывающіи пяхоу, и после же поясы жвахоу и сапоги, и кожи щитъныя ядяхоу здирающіи»⁸), их агрессии по отношению друг к другу («... братія на братію и оужики на оужики, съ оружіемъ в дом их врыскахоу, друогу друога пищю исхищахоу...»⁹). При этом акцент делается на жесточенности жителей осажденного города, утрате ими человеческого облика, особенно это проявляется в указании на причинение вреда старикам, женщинам и детям («... и старци моучахоу, ... жены, за власы емши, растерзающіи, и младенца о землю разбивахоу...»¹⁰, «... и злѣишее матери исхищахоу от дѣтищъ изъ оустъ пищюу и не пощадыахоу възлюбленных чадъ...»¹¹), что, вероятно, было направлено на достижение эмоционального отклика у читателя.

Квинтэссенцией является эпизод с поеданием женщиной собственного сына, в котором приводится диалог матери и умирающего от голода ребенка с обоснованием ее поступка, описывается ее конфликт с мародерами за его мясо.

В тексте сообщается об эмоциональной реакции Тита («оужасеся») и приводится его молитва, в которой с римлян снимается ответственность за эту ситуацию: «... не въсклади на мя греха сего и на царство мое, еже сниде жена вдова дѣтище свое. еже ты казниши люди за грехи их, а еще не хотятъ сломити сердцець своих»¹². При этом в повести указывается на то, что римский военачальник проявляет заботу о голодающих, приказывает кормить их.

Таким образом, упоминание и описание голода в Иерусалиме имеют существенное значение для композиции и идеи повести. Благодаря контрасту между указанием на милосердие Тита и описанием

¹ Анисимова Т. В. Тихонравовский хронограф. Исследование, публикация текста. Ч. 2 // Летописи и хроники. Новые исследования. 2015–2016. М.; СПб., 2017. С. 130.

² Там же. С. 135.

³ Там же. С. 141.

⁴ Там же. С. 137.

⁵ Там же. С. 138.

⁶ Летописец Еллинский и Римский. СПб., 1999. Т. 1. Текст. С. 235.

⁷ Анисимова Т. В. Тихонравовский хронограф. Исследование, публикация текста. Ч. 2. С. 138.

⁸ Там же. С. 139.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 138.

¹¹ Там же. С. 139.

¹² Там же. С. 140.

жестокости, античеловечности того, что совершают друг с другом жители осажденного города во время голода, подчеркивается вина иудеев перед Богом, римляне представлены как орудие Божественной кары.

Литература

Анисимова Т. В. Индивидуальные источники Тихонравовского и Рогожского хронографов в Еллинском летописце 2-й редакции // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. 2021. Вып. 67. С. 61–82.

Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. 320 с.

О. И. Дзярнович (Институт истории НАН Беларуси)

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНЦЫ В ЛИТВЕ XI–XIV вв.: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

В последние два десятилетия археологическое изучение территории исторической Литвы XI–XIII вв. совершило прорыв. Можно утверждать, что среди балтоязычного языческого населения Литвы в XI–XIII вв. археологическими методами зафиксировано присутствие славянских поселенцев. Следы восточнославянского присутствия выявлены в значительных региональных центрах (Гольшаны [Кенько, 2011, с. 55; Кенько, 2015, с. 23], Крево [Дзярнович, с. 406–411], Кернаве [Лухтан, с. 49; Лухтан, Сазонов, с. 38; Велюс, с. 76], Вильнюс [Jonaitis, p. 265; Йонайтис, с. 314]). Это население оказывало влияние на торгово-экономическую жизнь и конфессиональную панораму региона. «Литва до Миндовга» предстает перед нами не как однородный и этнически однородный регион.

Серьезной исследовательской проблемой остается вопрос этнического происхождения поселенцев – были ли это собственно славяне или рутенизированные балты? По крайней мере, можно утверждать, что присутствовали и первая, и вторая составляющие. Легендарная история о трех Виленских мучениках при дворе князя Ольгерда показывает, что древние литовцы, в том числе среди дружинной элиты, были достаточно активными и сознательными в принятии восточного христианства в то время, когда многие из их соотечественников еще были язычниками.

Кроме того, можно утверждать, что древняя Литва («Литва до Миндовга») в XI–XIII вв. имела более сложную пространственно-социальную структуру, чем это представлялось ранее. На территории Литвы, по крайней мере, с XII в. стали возникать поселения, которые можно охарактеризовать как поселения раннегородского типа. Эти раннегородские поселения, помимо экономических и оборонительных, имели четко очерченные административные и сакральные функции.

На примере Крево и Кернаве видно оформление региональных центров Литвы, первый из которых уже в XIV в. станет доменом Ольгерда и Ягайло, а второй – в конце XIII – начале XIV в. – резиденцией князя Тройдена и, возможно, Витена. Гольшанское городище будет родовым владением князей Гольшанских, а местечко (малый город) Гольшаны раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.), как и Крево, будет развиваться в соответствии с процессами урбанизации. Крево, Кернаве и Вильно можно охарактеризовать как сакральные центры балтов. Чтобы нивелировать былое языческое значение Крево, Ягайло в 1387 г., совершая крещение языческой Литвы, основал в Крево костел – один из первых семи костелов в Великом княжестве Литовском. Кернаве оставалась значительным религиозным центром язычников до разрушения этого раннего города во время рейда рыцарей Немецкого ордена в 1390 г. Символическое значение Вильно, вероятно, нашло свое отображение в предании о совершении там похоронного ритуала сожжения литовских князей и знати, о чем свидетельствует легенда о Свинтороге.

Как ранние города, эти поселения были центрами торговли и ремесел. В Крево, Гольшанах и Кернаве, а также в Вильно действительно прослеживаются торговые и ремесленно-производственные функции. И тут имеется важное уточнение – характер материальной культуры во всех четырех упомянутых центрах древней Литвы, а также обнаруженные христианские кладбища XIII–XIV вв.

в Кернаве и Вильно позволяют считать, что торгово-ремесленные функции обеспечивали славянские поселенцы. Они поддерживали торговые отношения с восточнославянскими городами от Полоцка до Киева, а также привнесли новые технологии в керамическое производство (гончарный круг) и металлообработку. Всё же этническое происхождение населения городов ранней Литвы остается проблемным вопросом. Наличие элементов смешанного погребального обряда (например, в Гольшанах) говорит в пользу того, что многие из жителей этих центров имели балтских предков и рутенизовались после принятия христианства восточного обряда.

Можно говорить о биэтничности древней Литвы, которая имела явную социальную градацию. Славяне занимали нишу торгово-ремесленного населения в ранних литовских городах и обеспечивали торговые связи региональных центров Литвы с цивилизационными центрами Восточной Европы (Руси). В Восточной Литве (исторической Виленщине) в XII–XIV вв. могло присутствовать и сельское славянское население. Таким образом создавался тот культурно-экономический контекст, который в конце концов стал определяющим для возникновения Великого княжества Литовского.

Литовские правители довольно рано, по крайней мере с XII в., располагали различными этнокультурными сообществами в своих владениях. Первые протогорода Литвы в значительной степени имели славянский («русский») характер. Образно можно сказать, что для подошедшего к Новогрудку Миндовга облик этого города не был совсем «экзотическим» и неожиданным – со славянским населением он был знаком уже в своих владениях. Миндовга мог впечатлить масштаб Новогрудка – этого феномена средневекового Понеманья.

Сделанные наблюдения позволяют нам взглянуть на возникновение Великого княжества Литовского под ракурсом экономических интересов литовских элит и сотрудничества различных этнических сообществ. Литва как государство возникла не на разломе культур, а на пространстве культурного и экономического взаимодействия.

Литература

- Велюс Г. Могильник XIII–XIV вв. в Кернаве (Кривейкишкис): этническая принадлежность погребенных // Археология Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. Вильнюс, 2013. Т. 2. С. 59–79.
- Дзярнович О. И. Восточная Литва XI–XIII вв.: проблема этнокультурных и социокультурных характеристик поселений раннегородского типа // Балто-славянские исследования – XXI. М., 2021. С. 406–425.
- Йонайтис Р. Об одном сюжете из истории моды в Литве (по материалам погребений горожанок XIII–XIV вв.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. М.; Псков; СПб., 2015. Вып. 30. С. 309–316.
- Кенько П. Археологические исследования в Гольшанах в 2007–2009 гг. // Ашмяншчына: праблемы рэгіянальнай гісторыі Беларусі. Мінск, 2011. С. 38–55.
- Кенько П. Археологические исследования в Гольшанах в 2010–2013 гг. // Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі: Ашмяны і Ашмянскі рэгіён. Мінск, 2015. С. 21–56.
- Лухтан А. Кернаве в свете письменных и археологических источников // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1985. С. 49–50.
- Лухтан А., Сазонов Ю. В. Строительство в Кернаве в I и первой половине II тысячелетия н. э. // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1988. Псков, 1989. С. 36–38.
- Jonaitis R. Civitas Rutenica in Early Vilnius in the 14th and 15th Centuries. The Socio-Cultural Aspect // Archaeologia Baltica. 2012. Т. 18. Р. 256–269.

Е. Е. Иванова (ГИМ)

РУССКАЯ ДАТЬ И ОРДЫНСКИЙ ВЫХОД. К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ И СИСТЕМЕ ВЗИМАНИЯ

В период ордынского господства в казну хана с русских земель поступали разного рода выплаты, главной из которых была дань и/или выход. В историографии предложено несколько вариантов их соотношения: 1) дань и выход – одно и то же; 2) выход – часть русской дани, основного налога с населения русских земель, выплачиваемого князю; 3) выход – часть ордынской дани, включавшей и другие

налоги; 4) дань и выход – самостоятельные выплаты, являвшиеся поземельным и подушным налогами соответственно.

По нашему мнению, следует согласиться с предположением С. М. Каштанова, что выход был частью дани – подати, собираемой русскими князьями с населения [Каштанов, с. 7]. Дань – основной налог в пользу государства – существовала до монгольского нашествия и после. Именно в данном качестве она зафиксирована во многих дошедших до нас актах, где-то с конкретным указанием принадлежности князю – «моя дань»¹. В духовных грамотах великих князей, в докончаниях с удельными князьями² и с Великим Новгородом³ предназначавшаяся хану сумма фиксировалась именно как выход, указывались доли контрагентов в выходе и условия его выплаты.

Из контекста грамот ясно следует, что выход – это часть дани. Так, например, во второй духовной грамоте Дмитрия Ивановича, в соответствующей части, сначала указываются собранные с уделов суммы для передачи великому князю, а затем идет знаменитый пассаж «А переменит Б(о)г Орду...», позволяющий сыновьям Дмитрия Ивановича, в случае отсутствия необходимости платить выход, всю собранную дань оставить себе⁴.

В пользу того, что ордынский выход являлся частью русской дани, косвенно свидетельствует отсутствие упоминаний о нем в жалованных грамотах, выданных великими князьями частным лицам, в то время как дань там упоминается постоянно. Объяснить это можно тем, что люди на местах выплачивали князю одну подать – дань и в регламентации выплат двух податей просто не было необходимости.

Размер выхода, по некоторым данным, мог составлять десятую часть дани.

Что касается системы взимания, то большинство исследователей сходятся во мнении, что в первые десятилетия своего господства монголы на Руси практиковали систему откупов, так же как и во многих других завоеванных государствах. На данном этапе, нестабильном и неопределенном, такая система была наиболее рациональной. Она, во-первых, обеспечивала надежное поступление серебра в казну, а во-вторых, позволяла не задействовать в сборе большой штат ордынских чиновников. В источниках указывается, что выплаты в Орду откупщики собирали сами.

После отказа от системы откупов, осуществление которой осложнилось в связи с сопротивлением местного населения, монголы, как и в большинстве завоеванных государств, стали использовать традиционную для местного населения систему взимания налогов. Практически взимание дани могло выглядеть следующим образом. Она собиралась по территориальному принципу. Налогоплательщики, единица налогообложения (участок земли) и сумма налога, вероятно, были зафиксированы в списках. В источниках есть отсылки к сверткам, дефтерям, духовным грамотам, описям, спискам, данским книгам, сотницам, десятницам⁵. В составлении этих списков, скорее всего, принимали участие сотники, дворские, пятидесятники и десятники. Они же раскладывали повинности. Все эти категории чиновников жили на местах и, вероятно, происходили из местных.

Собранную дань забирали данщики, представители владельца территории. Данщики или представленные к ним писцы фиксировали суммы сбора в своих списках. Великий князь Михаил Ярославич, отвечая на обвинения в невыплате дани, ссылался на то, что все зафиксировано – «все бо исписано имяше»⁶. Собранная на местах дань отвозилась в казну великого князя. Туда же удельные князья привозили свою долю в выход. И уже из великокняжеской казны выход с русских земель отвозился в Орду.

Взимавшие дань чиновники были русскими. На каком-то этапе их могли контролировать ордынские. В источниках нет свидетельств участия ордынских чиновников во взимании чего-либо на территории Руси.

Литература

Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. 246, [2] с.

¹ АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 30. С. 41.

² ДДГ № 13. С. 38; ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 41.

³ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 350.

⁴ ДДГ № 112. С. 35–36.

⁵ АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 283. С. 299; М., 1958. Т. 2. № 386; *Беренников Я. И.* Записка об открытых в Московском Кремле древностях. (С шестью чертежами.) (Читано 13 ноября 1843.) // Bulletin de la Classe historique-philologique de l'Academie imperial des sciences de St.-Petersbourg. St.-Petersbourg, [1844]–1845. Tome deuxieme. № 4, 5 (28, 29). Col. 49–60. Стб. 55–56.

⁶ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 163.

Ю. Н. Кежа (Полоцкий государственный университет им. Евфросинии Полоцкой)

РАЗОРЕНИЕ КНЯЗЬЯМИ РЮРИКОВИЧАМИ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ В XI – СЕРЕДИНЕ XIII в. (ПО ЛЕТОПИСНЫМ ДАННЫМ)

Работа подготовлена в рамках проекта БРФФИ «Политическая коммуникация на территории Восточной Европы (конец X – XIII в.)», договор № Г23ИП-005.

В восточнославянских летописях упоминаются многочисленные случаи разорения древнерусских городов в ходе конфликтов между князьями Рюриковичами. Согласно анализу летописного материала, описание действий агрессора (войск князей Рюриковичей) при разорении древнерусских городов встречается: в 1021 и 1066/1067 гг. (походы полоцких князей на Новгород)¹; в 1067 г. (поход князей Ярославичей на Менск)²; в 1094 г. (разорение Чернигова войсками Олега Святославича)³; в 1097 г. (поход братьев Василько и Володаря Ростиславичей на Всеволожа)⁴; в 1116 и 1119 гг. (поход менского князя Глеба Всеславича на Слуцк и ответные походы на Менск Владимира Мономаха)⁵; в 1135 г. (разорение городов Переяславской земли войсками князей Ольговичей)⁶; в 1152 г. (разорение Городца Остёрского войсками Изяслава Мстиславича, Изяслава Давыдовича и Святослава Всеволодовича)⁷; в 1169 г. (разорение Киева Мстиславом Андреевичем)⁸; в 1177 г. (разорение села Боголюбова рязанским князем Глебом Владимировичем)⁹; в 1178 г. (разорение Торжка и Волока Ламского войсками владимирского князя Всеволода Юрьевича)¹⁰; в 1187, 1207 и 1208 гг. (походы Всеволода Юрьевича на Рязань)¹¹; в 1203 г. (разорение Киева коалиционными войсками под командованием Рюрика Ростиславича)¹²; в 1235 г. (поход на Киев Изяслава Владимировича и Михаила Всеволодовича)¹³.

Можно выделить применение следующих форм насилия во время осуществления агрессии: сожжение городов и сел¹⁴, уничтожение населения¹⁵, пленение населения¹⁶, уничтожение посевов¹⁷, угон скота¹⁸, разорение имущества горожан или князя¹⁹.

Во многих случаях князья в качестве дополнительной силы использовали половцев, что во второй половине XI – XII в. являлось распространенной военной практикой²⁰. Помимо половцев при разорении земель в союзниках русских князей могли выступать берендеи, торки и черные клобуки²¹.

Известно, как минимум, о восьми случаях разорений христианских храмов древнерусскими князьями в ходе междоусобных войн XI – начала XIII в.: разграбление новгородского Софийского собора полоцким князем Всеславом Брючиславичем в 1066/1067 г.²²; разорение церкви Вознесения во владениях Святослава Ольговича и сожжение церкви Святого Георгия в родовых землях Игоря Ольговича в 1146 г.²³; разорение монастырей в предместьях Киева войсками Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича в 1151 г.²⁴; сожжение церкви Святого Михаила в ходе конфликта между

¹ ПСРА. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. Стб. 146; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПА). М.; Л., 1950. С. 17.

² ПСРА. Т. 1. Вып. 1. Стб. 166.

³ Там же. Стб. 226.

⁴ Там же. Стб. 267.

⁵ ПСРА. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 282, 285.

⁶ ПСРА. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. Стб. 303.

⁷ ПСРА. Т. 2. Стб. 446.

⁸ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 354; Т. 2. Стб. 545.

⁹ ПСРА. Т. 2. Стб. 282, 285.

¹⁰ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 386–387.

¹¹ Там же. Стб. 407, 434; НПА. С. 249.

¹² ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 418–419; НПА. С. 240.

¹³ НПА. С. 284.

¹⁴ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 303, 361; Т. 2. Стб. 487, 491, 506; НПА. С. 227.

¹⁵ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 381; Т. 2. Стб. 296; НПА. С. 281, 220.

¹⁶ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 314, 361, 386, 469; НПА. С. 214, 227; ПСРА. Т. 2. Стб. 739, 746, 770, 772, 774.

¹⁷ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 310, 378; Т. 2. Стб. 332.

¹⁸ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 361; Т. 2. Стб. 309, 643.

¹⁹ ПСРА. Т. 2. Стб. 333, 361; НПА. С. 220.

²⁰ ПСРА. Т. 1. Вып. 1. Стб. 226; Т. 1. Вып. 2. Стб. 303, 418–419; НПА. С. 240, 284.

²¹ ПСРА. Т. 1. Стб. 332; Т. 2. Стб. 698.

Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким в 1152 г.²⁵; разграбление церквей и монастырей Киева во время похода 1169 г.²⁶; разграбление храма Рождества Богородицы в Боголюбове рязанским князем Глебом Владимировичем в 1177 г.²⁷; разорение Десятинной церкви, Софийского собора и монастырей Киева во время похода Рюрика Ростиславича в 1203 г.²⁸

Военные походы Рюриковичей внутри древнерусских земель осуществлялись главным образом в контексте борьбы за власть и сферы влияния. Результатом военных нападений становились захват рабов, скота и продовольствия, что позволяло нападающей стороне существенно пополнить свои материальные ресурсы. В ряде случаев военные кампании сопровождались истреблением местного населения. Некоторые походы являлись актом отмщения правителю за опустошенные территории или за несоблюдение ранее заключенных договоренностей. Ряд нападений можно трактовать как месть изгнанных князей горожанам, когда разорение городов и городских окрестностей предусматривало нанесение максимального ущерба сообществу, которое лишало князя власти. Помимо типичных актов насилия и грабежа (уничтожение и пленение населения, захват ценностей), в ряде случаев действия нападающих князей носили выраженный символизм, когда войска Рюриковичей разоряли городские храмы и монастыри, тем самым десакрализуя и символически опустошая городское пространство неприятеля.^{29 30}

А. Ю. Козлова (ГСГУ)

АЛЕКСАНДРО-НЕВСКАЯ РЕДАКЦИЯ ТОЛКОВОЙ ПАЛЕИ: ИСТОРИЯ ТЕКСТА В КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Списки Толковой Палеи в соответствии со структурными особенностями и разночтениями можно разделить на три редакции: Толковую, Александро-Невскую и Промежуточную.

Александро-Невская редакция названа по списку Толковой Палеи из библиотеки Александро-Невской лавры¹. В старших списках редакции отсутствует библейская история Авраама вместе с апокрифом «Откровение Авраама», поэтому неизвестно, в каком виде в них находился апокриф: в полном (как в Промежуточной редакции) или в кратком (как в Толковой редакции). Но заметим, что в Александро-Невском и Уваровском² списках полная иллюстрированная версия апокрифа «Откровение Авраама» следует в составе сборников за Палеей.

I. Первый этап развития текста

Александро-Невский список представляет первый этап развития текста редакции. Для него характерны: расширенный физиологический трактат из Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского, являющийся переводом сочинения Аристотеля «Historia animalium», лакуна при передаче Книги Чисел, лакуна на месте апокрифа «Откровение Авраама», присутствие «Чуда Георгия о змии», Пророчеств Давида, отсутствие нескольких заключительных листов памятника.

II. Второй этап

Структурные особенности:

- 1) присутствуют расширенный физиологический трактат из Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского, «Святое сказание о Луне и Солнце», «Круг угорский»;
- 2) отсутствуют календарные таблицы;

²⁵ Там же. Стб. 446.

²⁶ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 354.

²⁷ Там же. Стб. 383.

²⁸ Там же. Стб. 418–419.

¹ ОР РНБ. Собрание Санкт-Петербургской духовной академии. А.І/119 (вторая половина XIV или начало XV в.), окончание - РГАДА. Ф. 381. № 53.

² ОР ГИМ. Собрание А. С. Уварова. № 1304/85 – 1^о (первая половина XVI в. (1520-е гг.)).

- 3) обнаруживается лакуна на месте апокрифа «Откровение Авраама»;
- 4) отмечается лакуна при передаче Книги Чисел;
- 5) списки имеют заглавие: «Книгы бытиискыя рекомыя Палея, с Богомъ начинаемъ, Господи, благослови, Отъче».

К спискам этого этапа развития текста можно отнести три рукописи:

1. ОР ГИМ. Музейское собрание. № 1197 (начало XVI в.);
2. ОР ГИМ. Собрание А. С. Уварова. № 1304/85 – 1^о (первая половина XVI в. (1520-е гг.));
3. ОР РГБ. Ф. 299 (Собрание Н. С. Тихонравова). № 725 (XVII в.).

III. Третий этап

Общность с составом списков предыдущего этапа:

- 1) присутствие расширенного физиологического трактата из Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского, «Святое Сказание о Луне и Солнце»;
- 2) лакуна при передаче Книги Чисел;
- 3) отсутствие календарных таблиц.

По сравнению со структурой списков предыдущего этапа добавлены:

- 1) текст, передающий библейскую историю Авраама;
- 2) полная версия апокрифа «Откровение Авраама»;
- 3) вставка в текст, передающий Диалоги псевдо-Кесария, о поминании в третий, девятый и сороковой день после смерти;
- 4) вставки в палейный Физиолог.

В отличие от предшествующих, в списках данного этапа отсутствует «Круг угорский».

Списки третьего этапа подразделяются на две ветви.

Ветвь А: ОР РНБ. Собрание Соловецкого монастыря. № 711/653 (конец XVI – начало XVII в.); № 654 (1718 г.).

Ветвь Б: ОР РНБ. Собрание П. П. Вяземского. Q.190 (далее – Вязем. Q.190) (XVI–XVII вв.); ОР РГБ. Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). № 1097 (далее – Егор. 1097) (70-е гг. XVII в.); ОР РГБ. Ф. 209 (Собрание П. А. Овчинникова). № 446 (далее – Овчин. 446) (XVII–XVIII вв.).

В ветви Б присутствуют некоторые изменения по отношению к ветви А: списки заканчиваются на передаче Книги Руфь, есть концовка: «конец книзе глаголеми Палеи» (Вязем. Q.190. Л. 772 об.); в Егор. 1097 и Овчин. 446 обнаруживается сокращенная передача «Чуда Георгия о змии».

IV. Четвертый этап

В основу текста положен текст 2-го типа собственно Толковой подредакции [Козлова, с. 138-139]. Добавления: из какого-то списка Александро-Невской редакции позаимствованы расширенный физиологический трактат из Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского, «Святое Сказание о Луне и Солнце», «Круг угорский», вставка в текст, восходящий к Диалогам псевдо-Кесария.

Так как в основе текста списка находится текст 2-го типа собственно Толковой подредакции, в нем присутствуют календарные таблицы, отсутствует лакуна при передаче Книги Чисел.

Эти особенности обнаруживаются в трех списках: ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 548 (начало XVII в.); РО ИРЛИ. Древлехранилище. Собрание В. В. Величко. № 12 (XVII в.); Псковский музей-заповедник. № 443 (начало XVIII в.).

V. Пятый этап

Этот этап представлен только в одной рукописи – РГАДА. Ф. 357. № 6 (вторая четверть (середина?) XVI в.).

В основе списка лежит текст Промежуточной редакции, поэтому в расширенном варианте апокрифа «Откровение Авраама» повествование в начале апокрифа идет от 1-го лица. Из Александро-Невской редакции заимствованы «Святое сказание о Луне и Солнце», отрывки из апокрифа «Галеново на Гиппократе», добавлены сведения из семитысячников, цифровая азбука.

Краткий очерк развития Александро-Невской редакции показывает, что ее текст неоднократно редактировался с помощью включений естественнонаучных сведений. Это свидетельствует о большом интересе, который привлекал этот памятник в книжности Древней Руси.

Литература

Козлова А. Ю. К вопросу о редакциях Толковой Палеи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 2 (88). С. 130-146. DOI 10.25986/IRI.2022.88.2.011

А. М. Колоколов, А. А. Преображенская (НИУ ВШЭ)

ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕКРОПОЛЕЙ XII–XIV вв. РАЙОНА КУЛИКОВА ПОЛЯ В КАЧЕСТВЕ МАРКЕРОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНО- АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЕДИНИЦ ЮГО-ЗАПАДНЫХ ЗЕМЕЛЬ РЯЗАНСКОГО КНЯЖЕСТВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-01491 «Куликово поле: административная и церковная структура южных территорий Великого княжества Рязанского в XIII–XIV вв. (археологические и письменные источники)».

Исторический статус и административно-церковное устройство юго-западного пограничья Рязанского княжества, включавшего район Куликова поля, остается привлекательным объектом исследования как для археологов, так и для историков и филологов. Основной проблемой изучения региона является малое количество сохранившихся деловых текстов, а с точки зрения филологии – проблема достоверности литературных памятников [Бегунов; Памятники Куликовского цикла, с. 5, 134, 302].

Вопрос об административной отнесенности района Куликова поля не раз оказывался в центре внимания историков (см.: [Лаврентьев, с. 5–6, 29–30, 32–33; Хорошкевич, с. 94–97]). Присутствующие в литературных памятниках Куликовского цикла указания на границы и принадлежность земель (образующие топосы, по всей вероятности, фольклорного происхождения) представляют собой не более чем литературно-идейное осмысление реальных фактов (см.: [Хорошкевич, с. 97, 103]) и не позволяют определить территориальную принадлежность Поля. Преувеличенной представляется и «пустота», ненаселенность интересующей нас территории: по данным археологии, район Куликова поля был заселен христианским населением уже к концу XII – началу XIII в. Не подлежит сомнению, что и земли княжества, и совпадающая с ним в границах Рязанская епархия, основанная за 100 лет до Куликовской битвы, должны были иметь некоторое внутреннее деление, важнейшим источником по устройству которого являются археологические материалы христианских некрополей – грунтовых могильников.

На территории Куликова поля выявлено 7 могильников конца XII – XIV в.: у с. Бутырки и д. Селезневка (конец XII – середина XIII в.); в с. Монастырщино (конец XII – четвертая четверть XIV в.); у д. Устье и д. Исаковские Выселки (конец XII – третья четверть XIV в.); у д. Федоровка (XIV в.) и у д. Лупишки (XII–XIV вв.). На 6 из них проводились раскопки, всего было исследовано 680 погребений [Гоняный, с. 124–133; Андреева]. Подавляющее их большинство являются типичными безынварными христианскими захоронениями XIII–XIV вв. Все перечисленные некрополи расположены в бассейне р. Дон, каждый из них связан с группой синхронных селищ – от 2 до 17 памятников.

При попытке использования этих могильников в качестве маркеров территориально-административных единиц возникает ряд трудностей. Основная – недостаток оснований для их датирования ввиду отсутствия вещей в подавляющем большинстве захоронений. В качестве *terminus post quem* в ряде случаев выступают крайне немногочисленные погребения с украшениями «вятического круга», маркирующие наиболее ранний этап функционирования могильников – конец XII в. [Гоняный, с. 125]. Верхний же хронологический предел их бытования определяется на основании датировки ближайших селищ. В связи с этим возникает трудность при разработке хронологии погребальных памятников для исследуемого региона в целом. Необходимо учитывать также явное несоответствие количества откры-

тых на сегодняшний день погребальных памятников и числа известных древнерусских поселений Куликова поля, вызванное сложностью выявления грунтовых могильников при проведении археологических разведок.

При раскопках древнерусских памятников Куликова поля следов христианских культовых сооружений выявлено не было. Исключение составляет округлая, не занятая погребениями площадка ($D \approx 15$ м) в центральной части могильника у д. Исаковские Выселки, которая могла быть местом расположения кладбищенской часовни [Заидов].

Возможные пути преодоления озвученных проблем заключаются в попытке построения церковной структуры управления Рязанской епархии на основе историко-филологического анализа письменных источников и наложения ее на современную археологическую карту региона Куликова поля XII–XIV вв.

Литература

- Андреева М. С. Работы на грунтовом могильнике у деревни Лупишки // Археологические исследования в Центральном Черноземье. 2021. Липецк; Воронеж, 2022. С. 158–159.
- Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М., 1966. С. 477–523.
- Гоняный М. И. Археологические памятники региона Куликова поля (конец XII – третья четверть XIV в.) // Куликово поле и Донское побоище 1380 г. М., 2005. (Труды ГИМ. Вып. 150). С. 95–162.
- Заидов О. Н. Древнерусский грунтовый могильник у д. Исаковские Выселки в бассейне верхнего Дона // Историко-археологические чтения памяти Н. И. Троицкого. Тула, 1997. С. 28–29.
- Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. М., 2011. 243, [1] с., [1] л. к.
- Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. 410, [2] с.
- Хорошкевич А. А. О месте Куликовской битвы // История СССР. 1980. № 4. С. 92–105.
-

М. В. Корогодина (БАН)

РЯЗАНСКАЯ КОРМЧАЯ И МЕЖСЛАВЯНСКИЕ СВЯЗИ XIII в.

Первоначальная русская редакция Кормчей книги была создана между 1262 и 1280 гг. на основе Древнеславянской и Сербской редакций Кормчей книги, а также ряда других источников, в том числе древнерусских. В изучение состава и этапов складывания этой важнейшей для Русской церкви канонической компиляции наиболее весомый вклад внесли Г. Розенкамф, И. И. Срезневский, В. Н. Бенешевич, С. В. Троицкий, Я. Н. Щапов; в последние годы к изучению Кормчей книги обратились Е. В. Белякова и автор этих строк [Белякова, Мошкова, Опарина; Корогодина], а также Г. С. Баранкова и И. И. Макеева. Одним из ключевых списков для истории создания русского сборника церковных и гражданских законов является Рязанская Кормчая (1284 г., ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. Ф.п.П.1; далее – Ф.п.П.1), относящаяся к Сербской редакции и представляющая собой копию рукописи, легшей в основу Первоначальной русской редакции Кормчей книги.

Как было установлено Я. Н. Щаповым, толчком к созданию новой канонической компиляции стала присылка митрополиту Кириллу II Сербской редакции Кормчей книги, список которой был подготовлен в Видине по повелению деспота Иакова Святослава, происходившего, по мнению большинства исследователей, из русских князей. Неизвестно, о чем именно просил митрополит Кирилл Иакова Святослава; в ответном письме последний сообщает, что высылает митрополиту книгу «Зонар», хотя это название соответствует другому по составу каноническому сборнику. Именно сборник «Зонар» получил впоследствии наибольшее распространение в Болгарии, в то время как неизвестно ни одного болгарского списка Кормчей книги Сербской редакции. Это заставляет сомневаться в том, что Иаков Святослав мог получить у тырновского патриарха, в подчинении которого находилась Видин-

ская митрополия, копию Сербской редакции Кормчей книги для переписки. Более вероятно, что Кормчая была найдена в Сербской архиепископии, где она и была составлена за 40 лет до этого.

О подготовке нового сербского перевода Кормчей книги около 1219 г. известно из Жития прп. Саввы. Наиболее ранний список Сербской редакции (Иловицкий) относится к 1262 г. – тому же году, когда в Видине был выполнен список для отправки в Киевскую митрополию. Как доказала Л. Цернич, в создании Иловицкой Кормчей принимал участие новгородский писец [Цернић]. Синхронная переписка недавно появившегося перевода в Иловице и в Видине заставляет сомневаться, что создание новых копий является случайным совпадением, особенно учитывая близость состава Иловицкой и Рязанской Кормчих, в отличие от более поздних южнославянских списков Кормчей.

Рязанская Кормчая, восходящая к видинскому списку, имеет ярко выраженные южнославянские черты в почерках и сербизмы в языке [Блохина]. Кроме того, в Рязанском списке на поле сохранилась помета с датой 6727 (1219) г. (Ф.п.П.1. А. 25). На помету обратил внимание Г. И. Вздорнов, однако не нашел ей объяснения [Вздорнов, № 13]. Запись отличается испорченной графикой, восходящей к южнославянским почеркам, и могла появиться лишь как копия записи в более ранней книге того же состава – в Кормчей. Возможно, дата восходит к сербскому списку, использованному в Видине для копирования, и указывает на время составления перевода Кормчей прп. Саввой. Это позволяет связать события 1262 г. в единое целое: вероятно, ранний список Кормчей был найден в Иловице, центре Зетской епископии, и перед отправкой рукописи в Видин епископ Неофит заказал для себя список, в изготовлении которого принимал участие новгородец, возможно бывший одним из посланцев митрополита Кирилла. Можно предположить, что ранний список Кормчей прп. Саввы имел указание на время перевода, которое было скопировано в Видине и позднее – рязанскими писцами, но не было воспроизведено в Иловицком списке.

В Видине Кормчая получила дополнение: в нее был добавлен болгарский перевод постановления Константинопольской патриархии о перемещениях епископов. Вероятно, сочинение было получено в Видине из Тырновской патриархии.

Таким образом, судьба Кормчей книги свидетельствует о непрекращающихся межславянских контактах на протяжении XIII в., в том числе с русскими княжествами в период монгольского нашествия.

Литература

Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т. А. Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М.; СПб., 2017. 495 с.

Блохина Э. Д. Палеографическое и фонетическое описание Рязанской кормчей 1284 г. АКД. А., 1970. 26 с.

Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV веков. М., 1980. 551 с.

Корогодина М. В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII века. М.; СПб., 2017. Т. 1. Исследование. 600 с.; Т. 2. Описание редакций. 648 с.

Цернић Л. Нека запажања о писарима Иловицке крмчије // Археографски прилози. 1981. Књ. 3. С. 49–54.

Д. М. Котышев (МБОУ «Лицей № 13», г. Троицк Челябинской области)

«ПРИЧАСТИЕ» В СИСТЕМЕ МЕЖДУКНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СЕРЕДИНЫ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XII в.

Особое значение среди способов институционализации конфликтов в княжеской среде занимает практика «части» или «причастия». О ней впервые упоминается под 1149 г., во время конфликта Юрия Долгорукого с Изяславом Мстиславичем.

Под 6656 г. Ипатьевская летопись сообщает о приходе Ростислава, сына Юрия Долгорукого, к Изяславу Мстиславичу. Ростислав заявил Изяславу, что «ѡць ма перешбидиль. И волости ми не даль. И пришель есмь нарекъ Ба̄ и тебе. зане ты еси старѣи наѣ Володимирихъ вноуцѣхъ а за Рускою землю

хочю страдати. И подлѣ тебе ѣздити»¹. В ответ Изяслав указал на то, что «вси^х на^с старѣи^и вѣщ^ь твои. но с нами не оумѣть жити. а мнѣ даи. Бѣ^в ва^с бра^тю. свою всю имѣти. И весь родъ свои. въ правдоу»².

В следующем, 6657 г. Изяслав Мстиславич, вернувшись из Новгорода в Киев, по навету недоброжелателей Ростислава Юрьевича отнял у последнего все пожалования и выслал из Русской земли к отцу: «и тако ведше всадиша и в насадѣ. съ^д ми штрокы. а дружиноу его изоимаша. а товаръ ѡ^таша»³.

По свидетельству летописца, реакция Юрия была резкой и незамедлительной: «Гюрги же в соромѣ сна своего сжаливъ собѣ ре^с тако ли мнѣ части нѣтоу в Роуской земли. И моимъ дѣтемъ. скоупивъ силоу свою Половци и поиде надѣяса на Бѣ^в. м^сца июла въ к^д. и иде на Ватичѣ»⁴. Начались военные действия, которые в конечном счете привели к поражению Изяслава Мстиславича и потере им киевского стола.

Чем была вызвана такая реакция суздальского князя? Для ответа на этот вопрос следует сначала определиться, что же понималось под частью в Русской земле. Летописцем эта часть определяется вполне конкретно. Речь идет о Божеске, Межибожье, Котельнице и еще двух неназванных городах.

Современными исследователями летописный Божеск отождествляется с городищем у с. Сусловцы Хмельницкой области [Терещук, с. 174; Куза, с. 207; Кучера, 1999, с. 210]. Межибожье локализуется на городище близ пос. Меджибож Летичевского района Хмельницкой области. Летописные Котельницы на сегодняшний день связывают с городищем около с. Старая Котельня на юге Житомирской области [Терещук, с. 173; Куза, с. 169; Кучера, 1999, с. 197].

Все три упомянутых города располагались на юго-западной территории древлянских земель, прилегающих к Волини. Эта территория являлась частью исторического ядра Русской земли, включенной в ее состав в середине – второй половине X в. вместе с остальной территорией Древлянской земли.

Какое значение имело для Юрия Владимировича пожалование данных земель его сыну? Об этом говорит сам Юрий, обращаясь к Изяславу Мстиславичу под стенами Переяслава: «се брате на ма еси приходиль. и землю повоевалъ. и старѣишнство еси с мене сналъ. ны^с же брате и сноу Роускыа дѣла земля и хр^стыанъ дѣла. не пролѣвие крови хр^стыаньскы. но даи ми Переяславъ. ать посажу сна своего оу Переяслави. а ты сѣди цр^ствоуа в Киевѣ...»⁵.

Юрий предлагал Изяславу своеобразный размен: Ростислав Юрьевич занимает переяславский стол, а взамен Юрий Владимирович признает за старшим Мстиславичем право распоряжаться Киевом. Переяславъ, таким образом, рассматривался как часть Русской земли, наравне с Божеском и прилегающими к нему городами.

Интересно, что после вокняжения Изяслава Мстиславича в Киеве, а Мстислава Изяславича – в Переяславе⁶ [Рапов, с. 157; Кучера, 1975, с. 130] Юрий Владимирович ничем не выражает своего неудовольствия. Причина такого поведения – появление в Русской земле Ростислава Юрьевича. Получение Ростиславом «части» в виде пяти городов при одновременном признании «старейшинства» его отца рассматривалось самим Юрием как подтверждение его династических прав на Русскую землю наравне с Мстиславичами. «Часть» была компромиссом между Владимировичами и Мстиславичами. Как только этот компромисс в 1149 г. был нарушен, Юрий тут же выступил против Изяслава.

При этом добывание Киева на являлась для Юрия самоцелью; это следует из обращения суздальского князя к своему союзнику Святославу Ольговичу: «снѣвецъ мои Заславъ на ма пришедѣ. волость мою повоевалъ. и пожегъ. и еще и сна моего выгналъ из Русьской земли. и волости ему не даль. и соромъ на. ма възложилъ»⁷. Выход из сложившейся ситуации Юрий видел двояко: «а любо соромъ слоужю и земли своеи мыщю любо ч^сть свою налѣзу пакы ли а голову свою слоужю»⁸.

«Сором» для Юрия Долгорукого заключался в «снятии» с него старейшинства Изяславом Мстиславичем. Воспроизводилась ситуация 1132 г.: лишение Ростислава «части» в Русской земле

¹ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 367.

² Там же.

³ Там же. Стб. 373.

⁴ Там же. Стб. 374.

⁵ Там же. Стб. 380.

⁶ Там же. Стб. 359–360.

⁷ Там же. Стб. 375.

⁸ Там же. Стб. 375–376.

означало для него, его отца и всех Юрьевичей отлучение от общеродового достояния и наступление изгойства.

Исправить ситуацию можно было двояко. Способ первый – возвращение значимой «части», каковой являлся Переяславль. Способ второй – овладение киевским столом. Юрий предлагал своему племяннику первый вариант, но отказ Изяслава и его последующее поражение в битве под Переяславлем привели Юрия Долгорукого на киевский стол.

Подводя итоги, можно сказать следующее. «Часть» (или «причастие») являлась инструментом разрешения внутридинастических конфликтов в среде потомков Мономаха (Мстиславичей и младших Мономашичей). «Часть» в Русской земле воспринималась современниками как владение, олицетворявшее собой причастность всех потомков Владимира Всеволодовича к общеродовому владению Русской землей.

Литература

- Куза А. В. Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996. 254, [1] с.
Кучера М. П. Переяславская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 118–143.
Кучера М. П. Слово'яно-руські городища VIII–XIII ст. між Саном і Сіверським Дінцем. Київ, 1999. 252 с.
Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. 261 с., 2 л. схем.
Терецук К. І. До питання про локалізацію Болохівської землі // Дослідження з слово'яно-руської археології. Київ, 1976. С. 164–175.
-

Д. Ю. Кривцов («Просветительский центр «Логос»»)

СПАСЕНИЕ МИТРОПОЛИТА АЛЕКСЕЯ ОТ БУРИ НА ЧЕРНОМ МОРЕ – АГИОГРАФИЧЕСКИЙ ТОПОС ИЛИ РЕАЛЬНЫЙ ЭПИЗОД БИОГРАФИИ СЯТИТЕЛЯ?

Биография митрополита Алексея (ок. 1300 – 1378 г.), в отличие от биографий многих иных русских средневековых церковно-политических деятелей, выглядит хорошо известной и плотно насыщенной фактами и событиями. Но при строгом научно-критическом подходе большая часть этих фактов оказывается, по меткому выражению Л. А. Беляева, «под подозрением» у исследователей [Беляев, с. 402–403, 408, примеч. 10]. Связано это с тем, что многие факты известны нам лишь из сочинений агиографического характера и либо не находят подтверждения в летописях и актах, либо даже вступают в противоречие с летописными и актовыми материалами. В качестве подобного «подозрительного факта» выступает и случай чудесного спасения Алексея от бури во время плаванья по Черному морю. Эпизод с «утишением» бури по молитве святителя Алексея впервые появляется в тексте тех редакций Жития Сергия Радонежского, которые были написаны Пахомием Сербом в конце 30-х – первой половине 40-х гг. XV в. В 50-х гг. XV в. Пахомий, работая над составлением Жития митрополита Алексея, перенес данный эпизод и в это сочинение.

Чудесное прекращение бури святым, плывущим на корабле, является широко распространенным агиографическим топосом, относящимся к жанровой разновидности «морских чудес / чудес о спасении утопающих на море» [Стародумов, с. 11, 12; Рыженков, с. 211–212]. В древнерусской письменности этот топос встречается как в переводных житиях – Николая Мирликийского, Саввы Сербского, так и в житиях русских святых – Кирилла Белозерского, Зосимы и Савватия Соловецких, Михаила Клопского, Василия Блаженного, Ефрема Перекомского и других, усмиряющих бури не только на море, но и на реках и озерах. Усмирение бури митрополитом Алексеем, описанное Пахомием Сербом в житиях Сергия Радонежского и самого святителя Алексея, является хронологически первым случаем использования данного топоса в связи с русским святым. Обращает на себя внимание предельная лаконичность этого эпизода в описании Пахомия: после начала бури святитель лишь молится и дает обет построить церковь в случае спасения корабля, и буря прекращается 16 августа. Здесь нет многочисленных чудесных подробностей, известных по житиям иных святых, – Алексей не ходит по волнам, не берет на себя управление кораблем, не извлекает из пучины смытых за борт спутников. Для прекращения бури

ему не приходится даже совершать простейших символических действий – простирать свою мантию над волнами, подобно Зосиме Соловецкому, или хотя бы осенять стихию крестным знаменем, как это делали Савва Сербский и Кирилл Белозерский. Такой подчеркнутый «реализм» описания черноморской бури не связан ли с тем, что агиограф в данном случае описывал реальное историческое событие, а не сочинял литературную фикцию?

Против историчности этого эпизода, на первый взгляд, свидетельствуют летописные известия, согласно которым возвращение митрополита Алексея на Русь из двух поездок в Константинополь в 1355 и 1356 гг. приходилось на осень (а по некоторым летописям, даже на зиму). И тогда выходит, что святитель не мог пересекать Черное море в августе [Евсеева, с. 61]. Однако август, воспринимаемый ныне как последний летний месяц, в Средневековой Руси мог восприниматься как первый месяц осени. Так, в Новгородской первой летописи младшего извода под 6621 (1113) г. указано: «А на осень представися Олегъ, сынъ Святославъ, августа в 1»¹. В Софийской второй и Львовской летописях под 6978 (1470) г. сообщается: «Тое же осени августа в 1 день, в 2 час дни, загореся град Москва и погоре весь, еднии три дворы ошастася. Тое же осени, на третей день по пожаре, распадеся церковь Петр святыи»². Следовательно, 16 августа, когда закончилась буря, заставшая митрополита Алексея на Черном море, могло относиться к осеннему времени. А значит, снимается мнимое противоречие между житийными и летописными текстами, что позволяет смотреть на черноморское приключение святителя как на реальное историческое происшествие.

Литература

Беляев А. А. Собор Богоявленского монастыря за Торгом и Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры (Историко-художественные параллели) // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 400–409.

Евсеева Л. М. «Нерукотворный образ Христа» митрополита Алексия (1354–1378) в контексте эсхатологических идей времени // Спас Нерукотворный в русской иконе. М., 2008. С. 61–81.

Рыженков Алексей, свящ. Посмертные чудеса святых в житийных «постскриптумах» первой половины XVII века // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2021. № 3 (15). С. 207–214.

Стародумов И. В. Жанровая специфика повествований о посмертных чудесах святых подвижников в составе древнерусской агиографии. АКД. Омск, 2009. 20 с.

А. В. Лаушкин (МГУ им. М. В. Ломоносова)

«НА ПАМЯТЬ СВЯТАГО ИМЯРЕКЪ»: ЕЩЕ РАЗ О МЕСТЕ ИМЕНИН В КАЛЕНДАРНОЙ ПРАКТИКЕ ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ

Почитание древнерусскими князьями своих небесных покровителей – тема, к которой исследователи обращались неоднократно. Выявлены факты возведения наследниками Владимира храмов в честь тезоименитых святых, отмечен их интерес к реликвиям, связанным с этими угодниками Божиими, описаны случаи торжественного празднования князьями своих именин, обнаружены признаки их почтительного отношения не только к собственным патрональным святым, но и к святым своих предков и ближайших родственников (что, в частности, нашло выражение в сфрагистике, календарной практике, памятниках декоративно-прикладного искусства и проч.). Был поставлен вопрос о возможных родовых коннотациях в почитании князьями отдельных святых. Выдвинута гипотеза о так называемой «агиографической контаминации» – особом отношении князей не только к тому святому, в честь которого каждый из них был наречен в таинстве крещения, но и ко всем тезкам этого святого, упоминаемым в месяцесловах и минеях. Уже нет сомнения, что названная тема затрагивает значимые грани княжеской культуры и поэтому заслуживает дальнейшего изучения.

¹ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 204.

² ПСРЛ. М., 2001. Т. 6. Вып. 2. Стб. 169; М., 2005. Т. 20. С. 282.

Один из ее аспектов – приурочение князьями к собственным именинам или именинам своих родственников важных политических и церковных церемоний. Примеры таких приурочений не раз описывались в литературе ([Горский, с. 16; Литвина, Успенский, 2008, с. 131–134; Литвина, Успенский, 2015, с. 220, 228–229; Лаушкин, 2013, с. 97–98; Лаушкин, 2014, с. 47–53, 56–57; Лаушкин, 2019, с. 54–56; Лаушкин, 2020, с. 160–162; Лаушкин, 2021, с. 8–9, 12–13]; и др.), что позволяет делать некоторые общие наблюдения. В частности, – о том, при планировании каких именно церемоний у их организаторов особенно заметно проявлялось желание соотнести грядущее событие с княжескими «днями ангела», то есть прибегнуть к своего рода «именинной стратегии» его назначения. Конечно, сохранившиеся данные домонгольского времени во многом отрывочны и не позволяют видеть в них репрезентативные выборки. И тем не менее они могут указывать на некоторые интересные тенденции.

Из семи датированных с точностью до дня случаев ритуализированного возвращения князей из победоносных походов (каковые события неизменно приурочивались к важным датам церковного календаря) хронологическая связь с рассматриваемыми именинными днями не обнаруживается ни разу [Лаушкин, 2022, с. 7–10]. Проявления «именинной стратегии» слабо заметны и при назначении княжеских съездов, которые, так же как и военные «триумфы», тщательно планировались по месяцеслову и триоди. Из 14 датированных случаев лишь однажды событие произошло за два дня до именин близкого родственника участников съезда – отца одного и дяди двух других, а в другой раз многодневный «снем», приуроченный к празднику Троицы, включил и день тезоименитства одного из его участников. Нечасто к именинам Рюриковичей оказывались приурочены даже княжеские интронизации. Из более чем полусотни датированных случаев всего лишь пять – менее десятой части – обнаруживают интересующую нас связь. Только однажды вокняжение было привязано к именинам самого садыщегося на «стол» князя (причем данный пример может быть подвергнут сомнению), еще раз – к именинам отца обретающего власть, а в трех оставшихся случаях – к общим именинам Владимира Святого и Владимира Мономаха.

На таком фоне контрастно выглядят две другие княжеские церемонии: торжественные выходы на войну и постриги. Из 19 датированных с точностью до дня выходов шесть, то есть почти треть, пришлись на княжеские именины – самого полководца (два случая) либо его сыновей или родных братьев (четыре случая). Удельный вес княжичьих постригов, соотнесенных с памятьми тезоименитых святых, еще выше. Из пяти зафиксированных источниками датированных случаев (все они относятся к потомкам Всеволода Юрьевича) в одном церемония была хронологически соотнесена с совпадающими именинами постригаемого мальчика и его отца, в другом – с именинами мальчика, а в третьем хотя и была приурочена к памяти местного святого (свт. Леонтия Ростовского), но вместе с тем произошла всего за два дня до именин одного из двух братьев, проходивших тогда обряд.

Интересно, что обе рассмотренные церемонии маркировали переход участников в новое состояние. В первом случае – опасное состояние войны с его коннотациями Суда Божьего, во втором – открывающее дверь во взрослую жизнь состояние относительной правоспособности, превращающее малыша-княжича в политическую фигуру. Как можно думать, в моменты таких судьбоносных перемен князья с особой силой желали заручиться помощью святых, покровительствующих им лично или их семье. И если в открывающееся «окно возможностей» попадала подходящая вежа литургического года, они обращались к этим святым и посредством церковного календаря.

Литература

Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского средневековья. Очерки. М., 2001. 175 с.

Лаушкин А. В. Выбор дней для княжичьих постригов в Древней Руси // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2013. Вып. 3. С. 93–99.

Лаушкин А. В. К проблеме почитания княгини Ольги и князя Владимира в домонгольское время // ТОДРА. СПб., 2014. Т. 63. С. 45–57.

Лаушкин А. В. «Праздничные выходы» на войну в домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 53–57. DOI 10.25986/IRL.2019.75.1.0013

Лаушкин А. В. Церемонии ростовского князя Константина Всеволодовича: выбор дней // Восстанет цесарь в опустевшей земле: люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н. С. Борисова. СПб., 2020. С. 156–165.

Лаушкин А. В. «Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день»: княжеские съезды домонгольской поры в зеркале церковного календаря // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2021. № 3. С. 3–21.

Лаушкин А. В. Устраивали ли триумфы русские князья домонгольского времени? // Российская история. 2022. № 3. С. 3–14. DOI 10.31857/S0869568722030013

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Кирилло-мефодиевский след в поставлении на митрополию Климента Смолятича (1147 г.) // *Miscellanea Slavica*: Сборник статей к 70-летию Б. А. Успенского. М., 2008. С. 130–149.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Именины в пространстве летописного нарратива // *Slověne*. 2015. Т. 4. № 1. С. 218–239.

А. В. Левшуиун (Минский государственный лингвистический университет)

«ТОЛМА БЫСТЬ ЛЮБЯЩИ УЧЕНИЕ»: ИЗОБРАЖЕНИЯ СТОЛПНИКОВ В СПАССКОМ ХРАМЕ. О КРУГЕ ЧТЕНИЯ ПРЕПОДОБНОЙ ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ

Агиобиограф преподобной Евфросинии Полоцкой так характеризует ученость подвижницы: с раннего детства ее «душа Святаго Духа наполняешся», и отроковица «толма бысть любящи учение, якоже чудится отцу ея о толице любви». Но собственно круг чтения преподобной реконструируется лишь на основании общих сведений о корпусе книжности, с которым мог познакомиться начетчик в XII в. Более точно очертить состав книг, известных преподобной полоцкой игуменье, не представлялось возможным, пока не были раскрыты и изучены фрески Спасского храма, возведенного в Сельце. И поскольку, по мнению искусствоведов, не приходится сомневаться в деятельном участии игуменьи в составлении иконографической программы всей декорации Спасской церкви, изучение фресковой росписи дает нам надежный материал для научной реконструкции круга чтения преподобной, в частности известной ей житийной книжности.

Здесь речь пойдет об изображениях святых столпников. Всего их в Спасском храме сохранилось пять, три из них идентифицированы, одно характеризуется как «изображение неизвестного столпника», одно мы попытаемся здесь идентифицировать, но наверняка было и еще одно, как мы покажем ниже, утраченное, однако имя столпника, чье изображение утрачено, восстановимо исходя из логики «столпнической программы» росписи.

Прежде всего, в эту программу входят фигуры столпников, размещенные в верхних частях боковых апсид: Симеона-столпника († 459) в жертвеннике и его ученика и последователя Даниила-столпника († ок. 490) в диаконнике. Причиной тому, что именно этих столпников повелела изобразить Евфросиния, являются некоторые значимые для преподобной детали, обнаруживаемые в житиях этих подвижников. В частности, келья на столпе Симеона была капеллой, как и молельни на хорах Спасского храма. А столп Даниила находился в непосредственной близости от храма, так что подвижник мог участвовать в Литургии, не покидая затвора.

Изображения еще двух столпников обнаружены в алтаре Спасского храма, на южной и северной гранях восточной подпружной арки. В их житиях также отыскиваются параллели с Житием Евфросинии, но особенно важны обстоятельства и характер их подвижания. Один из них, безусловно, Давид Солунский, что подтверждается специфической иконографией. Столпничество он совершал, находясь на дереве, стоявшем по правую сторону от церкви, и, так же как и Даниила, мог, не покидая своего затвора, участвовать в Литургии.

Этих трех подвижников – Симеона, Даниила и Давида – кроме того, что они были первыми в истории Церкви столпниками, объединяет то, что, приняв подвиг столпничества, они продолжили активное общественное служение: к ним обращались за молитвой, советом и содействием византийские патриархи и императоры. И всякий раз испрашиваемое неизменно осуществлялось. Совмещение

столпнического и общественного делания было очень близко и преподобной Евфросинии, о чем свидетельствует ее Житие.

Напротив Давида Солунского находится изображение «неизвестного столпника». Однако специфическая иконография позволяет предположить, что это Алипий Столпник († 640), подвизавшийся в Пафлагонии. Алипий со своего столпа управлял так называемым двойным, мужско-женским, монастырем, впервые совместив столпническое и игуменское служения, как то соделала и преподобная Евфросиния.

Пятый столпник изображен в молельне Евфросинии. В. Д. Сарабьянов предположил, что это Симеон Дивногорец († 592), который по типу подвизания примыкает к Симеону, Даниилу и Давиду. Однако если учитывать специфику затвора Алипия Пафлагонского – совмещение столпничества и игуменского служения, то в капелле Евфросинии изображен, вероятнее всего, Лазарь Галисиот, столпник Эфесский († 1053), являвшийся игуменом трех монастырей – Спаса, Богородицы (заметим – как и в Сельце!) и Воскресения. Столп Лазаря, примыкая к церковной стене, имел оконце, выходившее в основное пространство храма, так что Лазарь, как и Даниил, Давид и Алипий, мог участвовать в богослужении, не покидая столпа.

Точно так же были устроены и молельни Евфросинии и Евпраксии. Возможно, и сама идея такого устройства капелл на хорах была взята преподобной Евфросинией из столпнических житий.

Если наши предположения верны, то в росписях Спасского храма должно было быть изображение еще одного столпника-игумена – Тимофея Евергетидского (XI в.). И логично предположить его «зеркальное» по отношению к изображению Лазаря Галисиота расположение в левой капелле на хорах Спасова храма, росписи которой не сохранились. Тимофей составил Типикон и богослужебный Синаксарь Евергетидского монастыря, в которых были зафиксированы результаты адаптации именно галисийской традиции. Сам же Евергетидский монастырь находился под покровительством семьи Дуков, и поэтому евергетидская традиция была избрана в качестве образца для константинопольских императорских монастырей Христа Человеколюбца и Богородицы Благодатной, на которые, по мнению исследователей, ориентировалась Евфросиния, воссоздавая монастырский комплекс в Сельце.

Таким образом, анализ изображений столпников в Спасском храме позволяет реконструировать часть книжного собрания преподобной Евфросинии Полоцкой, в житийной его части, откуда она черпала «книжную премудрость».

П. В. Лукин (ИРИ РАН, РАНХиГС)

ОРЕХОВЕЦКИЙ ДОГОВОР 1323 г. И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ НОВГОРОДА

12 августа 1323 г. в построенной незадолго до этого крепости на Ореховом острове в истоке Невы был заключен «вечный мир» между Новгородом и Швецией¹. Его текст дошел до нас не в оригинале, а в нескольких более поздних списках (самый ранний – латинский XV в.), но зато сразу на трех языках: латинском, русском и шведском. В отечественной историографии за редким исключением используется русский текст, однако латинский текст считается как минимум не менее достоверным [Толстикова, с. 5]. Сопоставление текстов позволяет прийти, между тем, к весьма важным и принципиально новым выводам.

1. В преамбуле договора русская сторона характеризуется так: «Се язъ князь великий Юрги с посадникомъ Алфоромѣемъ и с тысяцкимъ Авраомъ, съ всѣмъ Новымъгородомъ...»; «Ego rex magnus Jwrghe cum borggrævio Alfarmio cum duce Abraham, cum tota communitate Nogardie...»; «Jach mykle konungher Jurgher med borgegreffuenom Alforneo, med hertugh Abraham och med allom almogepom aff Nouogorde...»². Выясняется, что на латинском языке специфическое для новгородской поли-

¹ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 97, 339.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. № 38. С. 67 (русский текст); Sverges traktater med främmande magter / Utg. O. S. Rydberg. Stockholm, 1877. Del. 1. S. 442 (латинский текст); S. 447 (шведский текст). Благодарю за консультацию по шведскому тексту А. В. Толстикова (Петрозаводск).

тической культуры обозначение политического сообщества («политического народа») этого времени «весь Новгород» передается как *tota communitas Nogardie* («вся общность/сообщество/коммуна Новгорода»), по-шведски как *alla allmoge aff Nouogorde* («весь народ / все люди Новгорода»). Шведский перевод свидетельствует о понимании особенностей новгородского политического языка, но еще более важен перевод латинский – он однозначно и четко подтверждает то, к чему автор этих строк пришел на основе сравнительно-исторического анализа [Лукин, с. 30–88]: обозначение «весь Новгород» было полным и точным аналогом латинского понятия *commune/communitas*, и именно так понималось западными соседями Новгорода.

2. В литературе обращалось внимание на то, что в Ореховецком договоре Юрий Данилович назван «великим князем», хотя великим князем владимирским на тот момент был тверской князь Дмитрий Михайлович «Грозные Очи» [Шаскольский, с. 110; Горский, с. 90]. Отсюда делается вывод, что Юрий вопреки воле ордынского хана либо продолжал считать себя «верховным главой общерусской государственности» (И. П. Шаскольский), либо, по крайней мере, «сохранял за собой часть великокняжеских прерогатив» (А. А. Горский). Обращение к латинской и шведской версиям соглашения позволяет разъяснить этот вопрос: в них Юрий Данилович назван не просто «великим князем», но также «великим князем Новгорода» (*magnus rex Nogardie, mykle kunungen aff Nogard*)³. Интерпретация этого обозначения – отдельная тема. Возможны разные варианты: от нежелания Юрия отказываться от титула «великий князь» даже при утрате полномочий «великого князя всея Руси» до попытки создания альтернативного великого княжества с центром в Новгороде. Выясняется, однако, что на статус «верховного главы общерусской государственности» Юрий Данилович все же – во всяком случае, открыто – в это время не претендовал.

Литература

Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская...»: Личности и ментальность русского средневековья. Очерки. М., 2001. 175 с.

Лукин П. В. Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. СПб., 2022. (Res Publica. Вып. 15). 302 с.

Толстиков А. В. Северо-западная граница Новгородской земли и Московской Руси в XIV–XVI вв.: от Ореховецкого мира до Тязвинского. Лекция. Петрозаводск, 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю. Л., 1987. 174, [2] с.

А. Б. Мазуров (ГСГУ, СФИ), Д. Н. Перышков (ГСГУ)

КНЯЗЬ АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ МОЖАЙСКО-БЕЛОЗЕРСКИЙ

Князь Андрей Дмитриевич Можайско-Белозерский, третий сын Дмитрия Донского, – фигура малоизвестная. Московский придворный летописец сохранил точную дату его появления на свет – 14 августа 1382 г., буквально за несколько дней до начала осады Москвы Тохтамышем. Крестил его игумен Федор Симоновский – племянник Сергия Радонежского. Свое публичное имя князь получил в честь Андрея Стратилата (память 19 августа). Молитвенное его имя было Максим.

После смерти Дмитрия Донского, согласно его завещанию (апрель 1389 г.), семилетнему княжичу Андрею выделялся собственный удел. Он получал свою долю на Москве, но основное ядро княжества составлял Можайск с волостями. С юга к нему примыкали так называемые отъездные волости, позднее тяготевшие к Верее и Верейскому уделу. Еще дальше на юго-запад лежали Тов и Медынь, когда-то бывшие частью Смоленского княжества. Наконец, самыми южными были Калуга и Роща, расположенные в бассейне верхней Оки. Полноценный город на этой территории был один – Можайск. В Белозерском княжестве в руки Андрея Дмитриевича переходили бывшие земли старшего белозерского князя (младшие потомки ветви белозерских князей свои владения сохраняли). Это были территории по течению

³ Sverges traktater med främmande magter. Del. 1. S. 442, 447.

реки Шексна, важный по своим путям район Словенского и Порозбицкого озер, выход к Заволочью через озера Воже и Лаче, земли по рекам Суда и Ухра.

Однако по малолетству на удел князь Андрей был отпущен гораздо позднее конца мая 1389 г. 1 февраля 1394 г. с родными братьями он присутствовал на освящении белокаменного храма Рождества Богородицы в Московском Кремле, выстроенном по почину и на деньги вдовой великой княгиней Евдокией Дмитриевной. Можно полагать, что почти все 1390-е гг. Андрей жил в Москве при матери и старшем брате – великом князе Василии I. В историографии дискутируется время отпуска его на удел. Даты варьируются от 1389 до 1401–1402 гг. Считаем, что это произошло не позднее осени 1398 г., когда Василий I принял решение направить Андрея Дмитриевича в качестве великокняжеского наместника в Новгород (куда он прибыл 26 марта и где пробыл до 1 сентября 1399 г.). Здесь князь Андрей выступит как самостоятельный и дееспособный представитель московского княжеского дома. Предполагаем, что отпуск на удел был приурочен к 16-летию князя (август 1398 г.). В последние годы XIV в. он начал самостоятельную монетную чеканку в Москве и Можайске.

Права и обязанности Андрея Можайского как удельного правителя были определены позднее в его совместном с Петром Дмитриевским договоре с великим князем Василием I 1401–1402 гг. В 1402 г. в московско-рязанском договоре он провозглашался «молодшим братом» великого князя рязанского Федора Ольговича. 8 октября 1403 г. Андрей Дмитриевич в 21 год женился в Москве на дочери стародубского князя Александра Патрикеевича из Гедиминовичей.

Князь поддерживал тесные связи с преподобными Кириллом и Ферапонтом Белозерскими. Дошел целый ряд грамот, выданных белозерским вотчичем основанным ими монастырям. Умирая, преподобный Кирилл приказал свой монастырь князю Андрею Дмитриевичу.

Первейшей задачей удельного державца было обустройство собственного центра – Можайска. Здесь Андрей Дмитриевич проявил себя в полной мере. Во-первых, реконструкции подверглась городская цитадель, обретшая (единственная из московских уделов!) белокаменные ворота. В крепости был возведен Никольский собор, а на посаде основан Иоакимо-Аннинский монастырь также с каменным храмом. Наконец, в ближайшей округе города в 1408 г. по инициативе князя, пригласившего к себе преподобного Ферапонта Белозерского, появился Богородице-Рождественский Лужецкий монастырь, с каменным собором, ставший позднее архимандритией. В 1413 г. основывается Успенский Колоцкий монастырь. Обретаются почитаемые святыни – статуарное изображение небесного патрона удельной столицы Николы Можайского и Колоцкая икона Божией Матери. После кончины в 90-летнем возрасте преподобный Ферапонт стал почитаться как местночтимый святой-чудотворец, общерусская канонизация которого состоялась в 1547 г. Все это говорит о том, что Можайск при князе Андрее Дмитриевиче совершил качественный скачок в своем развитии.

Во время московско-литовской войны 1406–1408 гг. князь со своими военными ресурсами, несомненно, принимал участие в боевых действиях. В 1406 г. литовцы воевали близ Можайска. Скорее всего, был он и в стоянии на реке Угре в 1408 г. в конце лета 1408 г. Можайский удел затронуло моровое поветрие. В конце этого года под руководством Владимира Храброго Андрей Дмитриевич участвовал в обороне Москвы от Едигея. В это же время разорению от татар подвергся Можайск с волостями.

В условиях противостояния с галицко-звенигородским князем Юрием Дмитриевичем можайско-белозерский князь был верным вассалом и союзником великого князя Василия I. Он был душеприказчиком последнего во всех трех завещаниях главы московского дома Калитовичей. При последнем из них (вторая половина 1423 – первая половина 1424 г.) сохранилась печать князя Андрея. О его приятельных отношениях с Василием I свидетельствуют факты работы великокняжеских денежников над удельными монетами, а также так называемые «союзные деньги».

В 1425 г. вместе с Василием II и своими братьями Андрей Дмитриевич выступил к Костроме против Юрия Дмитриевича, а затем командовал преследованием последнего до Нижнего Новгорода и реки Суры 11 марта 1428 г. Затем князь участвовал в заключении договора Василия II и Юрия Галицкого. В начале 1429 г. Андрей Дмитриевич возглавил рать против татар, взявших «изгоном» Кострому. Скончался летом 1432 г. и похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля. Еще при жизни он выдал свою дочь Анастасию за великого князя тверского Бориса Александровича. Сыновья Иван и Михаил унаследовали разделенную между ними вотчину.

А. В. Майоров, Ф. Н. Веселов (СПбГУ)

НА СЛУЖБЕ ВЕЛИКОГО ХАНА: ТЫСЯЦКИЙ ДМИТР И ДРУГИЕ ХИЛИАРХИ

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 21-18-00166.

В летописном рассказе об осаде и штурме Киева монголами в 1240 г. наше внимание привлекает эпизод пленения русского тысяцкого Дмитра, хорошо известный, но пока еще не вполне оцененный историками. Между тем он иллюстрирует один из характерных приемов, которые монголы неоднократно использовали в своем грандиозном предприятии по завоеванию мира.

В Галицко-Волынской летописи сообщается, что Даниил Романович, отняв Киев у Ростислава Мстиславича, посадил в нем своего воеводу Дмитра, впоследствии называемого тысяцким, «объдержати противу иноплемьныхъ Азыкь». Дмитр руководил драматической обороной города и был ранен, а после взятия Киева монголы «изведоша Азвена и не оубиша его моужства ради». Захватчики не только сохранили жизнь русскому тысяцкому, но и сделали его одним из военных советников своего главнокомандующего. Видя «землю гибноущоу Роускою», Дмитр посоветовал Бату поскорее оставить русские земли и направить свои войска на завоевание Венгерского королевства¹.

Привлечение сведений восточных источников, относящихся к истории монгольских завоеваний, позволяет высказать некоторые предположения, касающиеся судьбы тысяцкого Дмитра.

Уже с самого начала завоевательных войн монголы разными путями стремились переманить и использовать часть своих врагов. Победив и жестоко истребив множество татар, монголы сохранили жизнь некоторым из них, впоследствии ставшим видными полководцами в Монгольской империи [Togan, p. 74]. Еще до начала завоевания Китая к монголам, при их активном содействии, начали присоединяться китайцы, кидани и чжурчжени, недовольные своим положением в Цзиньском государстве [De Rachewiltz, p. 104–106]. Во время завоевания Хорезма монголы активно вербовали военачальников и крупных чиновников из числа подданных хорезмшаха, в большом количестве переходивших на службу к новым хозяевам [Jackson, p. 90]. Подобную картину можно наблюдать и во время завоевания Ирана [Manz, p. 15 f.].

Кроме добровольных коллаборантов, не участвовавших в столкновениях с завоевателями, были и те, кто, сражаясь с монголами, потерпел поражение, но за личное мужество, проявленное в бою, получил предложение служить Великому хану [De Rachewiltz, p. 106]. Именно так к монголам попал Чанг Чжоу (1190–1268), руководитель местной самообороны в Северном Китае, который был ранен в сражении и пленен, но восхищенный его мужеством монгольский военачальник предложил Чжоу служить Великому хану с сохранением должности и всех боеспособных воинов отряда. Впоследствии Чжоу стал одним из самых влиятельных китайских полководцев Монгольской империи [Hsiao, p. 47]. Этот случай не был исключением: того, кто присоединялся к монголам, ждала служба на такой же иерархической позиции, а иногда и существенное повышение. Во время подчинения Хорасана некий военачальник (сарханг) добровольно присоединился к монголам, которые повысили его в звании до малика и поставили его во главе катапульта и пеших воинов [Manz, p. 13]. Иностранцев военачальников, принимавших сторону монголов, ждала служба на командных должностях в основанной на десятичном принципе кочевой иерархической структуре сотников, тысяцких и темников [De Rachewiltz, p. 130–132]. С 1230-х гг. на основе «тысяч» строилась военно-административная система управления и комплектации армии на всех завоеванных территориях [Mote, p. 650].

После завершения военных действий монгольские хилиархи оставались на имперской службе. Это правило действовало и в отношении коллаборантов: принявший сторону монголов иностранный военачальник мог рассчитывать на продолжение службы в мирное время с сохранением своего статуса. Уже упомянутый нами Чанг Чжоу после окончания военных действий был назначен администратором в Хубэе, подобную судьбу повторил Ти Шун (1183–1256) и многие другие китайские военачальники [Hsiao].

¹ ПСРА. М., 1998. Т. 2. Стб. 782, 785, 786.

По такой же траектории, очевидно, развивалась карьера и киевского тысяцкого Дмитра. Сохранивший свою должность на монгольской службе, он оставался тысячником и после завершения Великого Западного похода, вновь появившись в летописи под именем Дмитра Ейковича, державшего Киев теперь уже от лица великого князя Ярослава Всеволодовича². Именно Дмитра, вероятнее всего, упоминает в качестве киевского тысячника (*millenarius*) брат Иоанн (Джованни дель Пано Карпини), папский посланник к монголам, дважды проезжавший через Киев в 1246 и 1247 гг.³ Галицко-Волынская летопись называет Дмитра боярином князя Ярослава, так как последний, признав себя ханским вассалом, получил Киев под свое управление. Перейдя на службу к завоевателям в конце 1240 г., киевский тысяцкий Дмитр стал монгольским тысячником и сохранял эту должность в последующие годы независимо от того, кому из русских князей формально принадлежал киевский стол.

Литература

- De Rachewiltz I.* Personnel and Personalities in North China in the Early Mongol Period // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1966. Vol. 9. P. 88–144.
- Hsiao C. Shin T'ien-Tse* // *In the Service of the Khan. Eminent Personalities of the Early Mongol-Yüan Period (1200–1300)*. Wiesbaden, 1993. P. 27–45.
- Jackson P.* The Mongols and the Islamic World. From Conquest to Conversion. New Heaven; London, 2017. XXIV, 614 p.
- Manz B. F.* Nomads and Regional Armies in the Middle East // *Nomad Military Power in Iran and Adjacent Areas in the Islamic Period*. Wiesbaden, 2015. P. 1–28.
- Mote F. W.* Chinese Society under Mongol Rule // *The Cambridge History of China*. Cambridge, 1994. Vol. 6. Alien Regimes and Border states, 970–1368. P. 616–664.
- Togan I.* The Early Mongol State // *The Mongol World*. London; New York, 2022. P. 68–86.
-

К. А. Максимович (ИРИ РАН, МГУ, Университет Иоганна Гутенберга)

СВЯЗИ РУСИ И АФОНСКОГО МОНАСТЫРЯ ХИЛАНДАРЬ В XV в. ПО ДАННЫМ АНТРОПОНИМИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРБСКОГО ПОМЯННИКА COD. NIL. SLAV. 519, XV в.)

Исследование проведено в рамках проекта «Mount Athos in Medieval Eastern Mediterranean Society» (MAMEMS) под эгидой Университета Иоганна Гутенберга (г. Майнц, ФРГ).

С самого начала истории Св. Горы как монашеского центра во второй половине X в. этнический состав монашествующих там был неоднородным. Уже первые общежительные монастыри Афона были основаны не только греками (Великая лавра, Зограф, Хиландарь), но и грузинами (Ивирон) [Thomson, p. 310–311, 314, 335; Pavlikianov, 2001, p. 51–58 (Ивирон), 83–84 (Великая лавра); Pavlikianov, 2002, p. 32–37, 38–39; Pavlikianov, 2017]. Что касается славян вообще и восточных славян (русских) в частности, то в этом вопросе наши источники содержат неоднозначную информацию. Так, «монастырь Руса» (τοῦ Ῥῶς), упомянутый в греческом акте Великой лавры от 1016 г. [Thomson, p. 324–326 (с литературой); Maksimovich, p. 183–184 (с литературой)], не может служить доводом в пользу раннего поселения русских монахов на Афоне, поскольку «русскими» византийцы в то время могли называть и варягов (скандинавов), служивших в дворцовой страже византийских императоров¹. Тем не менее уже в 30-е гг. XI в. можно говорить о ясных следах присутствия (южно)славянских монахов на Св. Горе [Pavlikianov, 1997; Pavlikianov 2002, p. 23–31]. Таким образом, в первой половине XI в. к греческим и грузинским монахам Афона добавились славянские.

² Там же. Стб. 803.

³ *Иоанн де Пано Карпини.* История монголов: Текст, перевод, комментарии. М., 2022. С. 97–98 (текст), 173 (перевод), 310–311 (комментарий).

¹ Ср. в договоре Игоря с греками (944 г.): [Максимович, с. 174].

Проект MAMEMS по исследованию афонской ономастики, в частности антропонимии, в рамках которого было проведено данное исследование, работает под эгидой Университета Иоганна Гутенберга (г. Майнц, ФРГ; руководитель проекта – американский византист, историк церковного права и институтов Византийской церкви З. Читвуд)². Материалом для ономастических и просопографических исследований служат так называемые помянники или синодики – поминальные списки различных лиц, имена которых оглашались во время литургии. Эти списки включали в себя не только правителей, иерархов, монахов и церковнослужителей, но и мирян, причем обоюбого пола, и даже супружеские пары. В списках фигурируют также имена ктиторов монастырей, благотворителей и их родственников, за поминание которых монастыри получали материальные пожертвования. Целью проекта является комплексное изучение этнической принадлежности упоминаемых в помянниках лиц в увязке с социальными и экономическими данными, а также проведение на этом материале гендерных исследований средневекового общества Балкан. В качестве научного «выхода» предусмотрены научные комментированные издания ряда афонских поминальных списков на греческом, древнегрузинском и церковнославянском языках, а также исследование османских документов, имеющих отношение к Афону.

Нашей задачей в рамках данного проекта является подготовка к изданию древнейшего сербского помянника в кодексе *Nil. slav. 519*³. Кодекс представляет собой конволют из помянников XV–XVII вв. К изданию предназначена древнейшая часть кодекса (Л. 1–72 об.), относящаяся к XV в. и написанная правильным полууставом. Как правило, на одном листе выписаны 24 имени для поминания (по 12 на 1 странице). Соответственно, общее число имен близко к полутора тысячам, однако в реальности их в несколько раз меньше, поскольку многие из них повторяются, иногда десятки раз. Имена обычно снабжены указанием на статус носителя – его священный сан, монашеский или мирской чин. Разумеется, в сербском помяннике большинство упомянутых лиц – сербы. Однако лингвистический (фонетический, морфологический и этимологический) анализ несербских имен позволил установить, что среди поминаемых лиц присутствуют, помимо сербов, представители не менее 10 других этнических групп. Есть среди них также лица с именами русского происхождения.

Данные о русских именах в древнейшем помяннике Хиландарского монастыря любопытны в том отношении, что они относятся ко времени почти полного прекращения русско-сербских связей, обусловленного глубоким упадком русских земель после монгольского нашествия. Даже в русском Пантелеимоновом монастыре в это время подвизаются почти исключительно сербы. И тем не менее, как видим, русские поминаются за литургией в Хиландаре, причем эти лица имеют явно мирской статус (их имена сопровождаются эпитетами «раб божий», в одном случае речь идет также о «презвитере», то есть белом священнике). Ни одного русского монаха в этом списке нет. Иными словами, в Хиландаре поминались не афонские русские монахи, а русские люди из собственно Руси. Это обстоятельство позволяет сделать вывод, что даже в условиях упадка культурных связей между русскими и сербами в XV в. в Хиландаре сохранялась традиция духовного, молитвенного поминания русских единоверцев немонашеского звания.

Литература

- Максимович К. А. Договоры Руси с Византией X в.: проблемы датировки, языка и традиции текста // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXIV Международному конгрессу византистов. СПб., 2022. С. 165–201.
- Maksimovich K. A. Russo-Serbian Cultural Contacts on Mount Athos (Twelfth – Seventeenth Centuries) // 5th International Hilandar Conference: Love of Learning and Devotion to God in Orthodox Monasteries. Selected Proceedings. Belgrade; Columbus, Ohio, 2006. Vol. 1. P. 183–190.
- Pavlikianov C. The Monastery of Zelianos, the First Slavic Monastic Institution on Mount Athos // Byzantina Symmeikta. 1997. T. 11. P. 37–48.
- Pavlikianov C. The Medieval Aristocracy on Mount Athos. The Philological and Documentary Evidence for the Activity of Byzantine, Georgian, and Slav Aristocrat and Eminent Churchmen in the Monasteries of Mount Athos from the 10th to the 15th Century. Sofia, 2001. 222 p.
- Pavlikianov C. Σλάβοι μοναχοὶ στὸ Ἅγιον Ὄρος ἀπὸ τὸν I' ὡς τὸν ΙΖ' αἰῶνα. Thessaloniki, 2002. 363 σ.
- Pavlikianov C. Georgian Monastic Presence on Mount Athos from 970 to 1100 // Bulgaria Medievalis. 2017. T. 8. P. 55–62.
- Thomson F. J. The Origins of the Principal Slav Monasteries on Athos: Zographou, Panteleëmonos and Chelandariou // Byzantinoslavica. 1996. T. 57. P. 310–350.

² См. страницу проекта в Интернете: <https://mamems.uni-mainz.de/>.

³ Электронная копия рукописи была любезно предоставлена для издания Хиландарским исследовательским центром (Hilandar Research Center) при Университете г. Коламбус (Огайо, США).

С. А. Маслова (ИРИ РАН)

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МОНГОЛЬСКИХ ПЕРЕПИСЕЙ НА РУСИ

Переписи – один из важнейших инструментов монгольского управления покоренными регионами. В середине XIII в. великий хан Мунке (Менгу) санкционировал проведение крупномасштабных переписных мероприятий по всей территории Монгольской империи. В 1252 г. перепись прошла в Китае, 1253 г. – в Иране, в 1254 г. – в Армении. Цель мероприятий – упорядочение системы сбора дани [Allsen, p. 116–143]. В русских землях переписи были проведены в середине – второй половине XIII в. Сведения источников позволяют сделать выводы о наименовании должностей лиц, ответственных за мероприятия, и их административной принадлежности.

О первой монгольской переписи на территории Руси, проведенной в 1245–1246 гг. в Киевской земле, повествует Плано Карпини: «Так, когда мы были в Руси, был туда послан один наместник-сарацин от Гуюк-хана, как говорили, и от Батыея; и этот наместник, как нам потом рассказывали, у каждого человека, имевшего троих сыновей, забирал одного... Остальных же по своему обычаю они пересчитали...»¹. Мероприятие прошло под руководством «наместника». «Наместниками» в своем труде Плано Карпини называет баскаков: «В земли тех, кому они позволяют вернуться, они назначают баскаков, или своих наместников...»². Наместник-баскак, руководивший переписью, относился к администрации великого хана Гуюка, при этом действовал он с согласия улусного хана Бату, которому отошли покоренные русские земли.

Зимой 1257–1258 гг. состоялась перепись на Северо-Востоке Руси: «Тое же зимы приехаша численници, исщетоша всю землю Сужальскую, и Рязаньскую, и Мюрюмскую...»³. Мероприятие провели численники. «Численники» – русское именование чиновников, по-монгольски называвшихся «*tovāčī*». Термин происходит от монг. *to'a* – «число». Так назывался инспектор войск, который должен был контролировать численность, характер и состояние армии, подчиненной хану, и передавать его приказы [Doerfer, S. 260–264]. Если в задачи переписи входила не только организация взимания дани в пользу монголов, но также оценка возможности набора войск из местного населения, то вполне уместен приезд на Русь монгольских чиновников, чья деятельность была тесно связана с контролем войсковых подразделений.

В тексте Лаврентьевской летописи нет информации о том, кто именно отправил на Русь численников – великий хан или улусный правитель. Китайская летопись «Юань-ши» сообщает о назначении в 1257 г. великим ханом Мунке «Китая, сына зятя каана Лачина, даругачи по умиротворению и охране порядка у русских, в связи с чем пожаловал ему 300 коней и 5000 овец»⁴. Приезд монгольского чиновника Китая русские источники не фиксируют. Остается неизвестным, каким образом Китай выполнял свои обязанности и где именно он находился – на территории Руси или в Монгольской империи.

Зимой 1259–1260 гг. монгольская перепись прошла в Новгороде. Новгородская первая летопись сообщает: «Тои же зимы приѣхаша оканьнии Татарове сыроядци Беркаи и Касачикъ с женами своими, и инѣхъ много»⁵. В городе начались волнения, монголы обратились за помощью к Александру Невскому. Вмешательство князя позволило предотвратить восстание, и новгородцы «яшася по число... и почаша ѣздити оканьнии по улицамъ, пишюче дома христьяньския... и отѣхаша оканьнии, взявше число»⁶. Новгородская первая летопись не сообщает название должностей и административную принадлежность Берка и Касачика. Согласно «Юань-ши», в 1253 г. писец (битекчи) Берке «внес в реестр количество дворов и населения русских»⁷. Однако перепись в Новгороде прошла не в 1253 г., а в 1259–1260 гг. Действия некоего Берке/Берка в русских землях в 1250-е гг. источники русского происхождения

¹ Иоанн де Плано Карпини. История монголов: Текст, перевод, комментарии. М., 2022. С. 160. См. также: [Горский, с. 64].

² Иоанн де Плано Карпини. История монголов: Текст, перевод, комментарии. С. 161.

³ ПСРА. М., 1997. Т. 1. Стб. 474–475.

⁴ Золотая Орда в источниках. М., 2009. Т. 3. С. 195.

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 82.

⁶ Там же. С. 82.

⁷ Золотая орда в источниках. Т. 3. С. 190.

ния не фиксируют. Наименование должности ответственных за перепись в Новгороде лиц содержится в рассказе Лаврентьевской летописи: «Тое же зимы и приехаша численици в Володимерь. И поидоша численици и князи к Новугороду Великому Александръ, Андрѣи, Борис, ищтоша и поехаша опять в Володимерь»⁸. Проведение переписи находилось под контролем не только представителей великого хана, но также улусных правителей. Следовательно, можно предположить, что один из чиновников представлял интересы великого хана Мунке, а другой – правителя Золотой Орды Берке.

В 1273 г. на Руси состоялась повторная перепись, детали которой источники не раскрывают. Эта перепись прошла без участия чиновников Монгольской империи. В середине 1260-х гг. Золотая Орда вышла из состава Монгольской империи. Для того чтобы наладить выплаты в свою пользу, а не в пользу Каракорума, ордынский хан Менгу-Тимур отдал приказ об организации повторной переписи русских земель. В дальнейшем подобные мероприятия не проводились.

Литература

Горский А. А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. 2014. Т. 10 (157). С. 58–79.

Allsen T. Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and Islamic lands, 1251–1259. Berkeley, 1987. 278 p.

Doerfer G. Türkische und Mongolische elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963. Bd. I. Mongolische elemente im Neupersischen. 557 S.

Е. А. Мельникова (ИВИ РАН)

ОТ ЛЮБШИ ДО НОВГОРОДА: К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ВОЛХОВСКО-ИЛЬМЕНСКОЙ ПОЛИТИИ (VII–X вв.)

На протяжении четырех столетий на Волхове и в северном Приильменье формируется полития, которая получает название Новгородская земля и которая, входя в состав Древнерусского государства, сохраняет самобытность политического строя, хозяйственного уклада, социальной организации и культуры. Важнейшими предпосылками ее становления были общеевропейские геополитические и экономические сдвиги VII–VIII вв., в результате которых в системе коммуникаций образовалась «северная дуга» [McCormick] – трансъевропейская магистраль, которая к концу VIII в. соединила Западную Европу с арабским Востоком через Балтийское море и речную сеть Восточной Европы [Коновалова, Мельникова]. Связующую роль между Западом и Востоком – в силу их географического положения и военной активности – играли скандинавы. Их колонии на восточном побережье Балтики возникают уже в V в., в VII в. прокладываются пути вглубь страны, прежде всего через Финский залив и Неву в Ладожское озеро: плавание из Средней Швеции мимо Аландских островов в Финский залив было практически каботажным.

Наиболее важным стратегическим пунктом на этом пути было низовье Волхова – ключ к речной системе Восточной Европы. Именно здесь, в устье Волхова (ныне – в 13 км от него), на мысовом возвышении при впадении в Волхов р. Любши в конце VII – начале VIII в. на месте уничтоженного пожаром финского древо-земляного укрепления отстраивается каменно-земляная крепость, техника строительства которой имеет аналогии у западных славян [Рябинин, Дубашинский]. Присутствие, с одной стороны, неволинских (прикамских) поясов и других предметов уже на финском поселении и, с другой стороны, скандинавских ладейных заклепок свидетельствует об участии Любшанского городища в системе торговых контактов между Прикамьем, Южным Приладожьем, Финляндией и Средней Швецией [Голдина, Голдина]. Возведение Любшанской крепости было первой попыткой обеспечить контроль над плаванием вверх по Волхову.

⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 475.

К середине VIII в. (возможно, несколькими десятилетиями раньше [Кирпичников, Курбатов]) в 2 км выше по течению Волхова возникает поселение в устье речки Ладожки – на Земляном городище в современной Старой Ладоге. Основанное скандинавами, оно знаменовало пролонгацию «северной дуги» на восток и стало крупнейшим торгово-ремесленным центром уже к концу VIII в.: древнейшие клады арабских монет в Ладоге и ее округе датируются 780–790-ми гг. (тогда же первые клады дирхемов появляются на Готланде и в Средней Швеции), свидетельствуя о сложении к этому времени сквозной магистрали от Северного моря до средней Волги (Булгарии), а затем и до Каспийского моря. До середины IX в. Ладога не имела укреплений. Возможно, функция охраны пути лежала на Любшанской крепости. Она прекратила свое существование в середине IX в., с чем, можно полагать, связано строительство первой деревянной крепости в Ладоге в 870-е гг. Археологический материал из самого поселения говорит прежде всего о торговой и ремесленной деятельности населения, которое составляли по преимуществу славяне и скандинавы. На протяжении VIII–IX вв. прослеживаются связи центра с округой: обмен (торговля?) пушнины на предметы производства ладожских ремесленников. До середины IX в. Ладога остается единственным (если не считать Любши) протогородским центром на Волхове [Новое в археологии Старой Ладоги, 2018; 2022]. Масштабная торговля и широкие международные связи Ладоги закладывают экономические и социальные основы будущей Волховско-Ильменской политики.

О ее возникновении, вероятно, можно говорить в связи с основанием в середине IX в. или несколько ранее поселения (на месте более раннего славянского) у истоков Волхова из оз. Ильмень – «Рюрикова» Городища. Это был военный форпост со скандинавским гарнизоном, который осуществлял контроль над выходом из Волхова в разветвленную речную сеть Восточной Европы. В самом начале его существования были возведены мощные древо-земляные укрепления, а в археологическом материале присутствует значительное количество предметов военного снаряжения, импортов, арабских (три клада), византийских и западноевропейских монет и следов ремесленного производства [Носов, Плохов, Хвоцинская]. Одновременно ниже по течению Волхова, на р. Веряже и в северном Приильменье вырастает ряд поселений (Холопий городок, Георгий, Сергово и др.), служивших стоянками для кораблей, участвовавших в обслуживании торгового пути и связанных с Городищем [Носов, Горюнова, Плохов]. Возникает и цепь поселений по Волхову вплоть до Ладоги. Тем самым во второй половине IX в. вокруг Городища формируется территория с трехуровневой иерархией поселений: само Городище как центр власти и Ладога как средоточие торгово-ремесленной активности; поселения, вовлеченные в торговую деятельность; и рядовые селища, что является показателем возникновения предгосударственного политического образования.

Спустя столетие в 4 км ниже по Волхову появляется новый центр, который совмещает военно-административную, торговую и культовую (после принятия христианства) функции – Новгород. Именно он и становится к концу X в. столицей сложившегося государственного образования – Новгородской земли.

Литература

- Голдина Р. Д., Голдина Е. В. Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н. э. // Шведы и Русский Север. Киров, 1997. С. 5–23.
- Кирпичников А. Н., Курбатов А. В. Новые данные о происхождении Ладожского поселения и о появлении славян в Поволховье // *Stratum plus*. 2014. № 5. С. 129–138.
- Коновалова И. Г., Мельникова Е. А. Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций. М., 2018. 276 с.
- Новое в археологии Старой Ладоги: Материалы и исследования. СПб., 2018. (Труды ИИМК РАН. Т. 53). 536 с., 171 ил.; СПб., 2022. Т. 2. (Труды ИИМК РАН. Т. 60). 732 с.
- Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городища под Новгородом и поселения северного Приильменья (Новые материалы и исследования). СПб., 2005. (Труды ИИМК РАН. Т. 18). 402, [1] с., [4] л. ил.
- Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В. Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб., 2017. (Труды ИИМК РАН. Т. 49). 285, [2] с., [16] л. цв. ил.
- Рябинин Е. А., Дубашинский А. В. Любшанское городище в Нижнем Поволховье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 196–203.
- McCormick M. *Origins of the European Economy. Communications and Commerce AD 300–900*. New York, 2001. xxviii, 1101 p.

Л. В. Мошкова (РГАДА), А. Л. Грязнов («НИЦ «Древности»)

ОБ ОДНОЙ ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЙ ОШИБКЕ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯХ

В своей работе, посвященной анализу копийных книг Троице-Сергиева монастыря, С. М. Каштанов отождествил два почерка (VII и X), присутствующие в одной из копийных книг¹, с почерками, которыми написан подлинник докладного судного списка от 7 июня 1536 г.² (см.: [Каштанов, 1982, с. 16]). На основе этого отождествления им было предложено следующее описание процедуры оформления указанного акта: «один троицкий писец, имевший отношение к бежецким делам, записал “протокол” суда первой инстанции. Список свидетелей он поместил на обороте последнего листа... Но и после того как дело попало на рассмотрение суда высшей инстанции, делопроизводство велось силами монастыря. Другой троицкий писец записал (вероятно, в Москве) приговор, вынесенный от лица великого князя, а затем снял копию со всего документа» [Каштанов, 1982, с. 16–17]³.

Проведенное нами сравнение почерков грамоты № 1179 и троицкой копийной книги показало, что VII почерк копийной книги и почерк, которым написана лицевая сторона подлинного акта, различаются общим обликом письма, наклоном, манерой написания титла и некоторых графем. И это, даже с учетом отнесения обоих почерков к одному типу письма – беглому полууставу, решительно препятствует атрибуции их одному человеку (тем более, что С. М. Каштановым подчеркивается написание обоих документов с небольшим временным интервалом). Другой (X) почерк копийной книги еще значительно отличается от почерка, которым записано великокняжеское решение на обороте грамоты: можно сказать, что это две разновидности беглого полуустава. Особенно бросаются в глаза несходный общий облик и разная плотность письма.

Из этого следует, что отождествление почерков, на котором базировался сделанный С. М. Каштановым вывод о процедуре оформления акта, не соответствует действительности и вывод должен быть предан забвению. Однако именно он лег в основу сформулированных позднее С. М. Каштановым положений.

По мнению исследователя, существовал «такой тип государственного делопроизводства, когда государь пользовался услугами отдельных дьяков и писцов, не входивших в состав какого-либо особого учреждения», а «княжеской “канцелярии” как учреждения в России X–XVI вв. не было» [Каштанов, 2014, с. 11]. В одной из недавних статей сказано: «С. М. Каштанов убедительно доказал тождество почерков писцов ряда актов, выданных Троице-Сергиеву монастырю в середине XVI в., с почерками писцов Троицких копийных книг. Последнее позволяет думать, что практика составления грамот самим получателем... имела место и в Древней Руси и просуществовала в России по крайней мере вплоть до второй половины XVI в.» [Каштанов, Столярова, с. 112–113]. Однако ссылка на само исследование отсутствует. В качестве непреложной истины данное положение было повторено Л. В. Столяровой в выступлении на конференции «История письма европейской цивилизации» в 2022 г.⁴

Столь радикальное утверждение, хоть и основывающееся, по словам авторов, на анализе источников, вступает в противоречие с нашими наблюдениями (см., например: [Грязнов, Мошкова; Gryaznov]), и для утверждения о том, что княжеские грамоты составлялись в монастырях силами их дьяков и писцов, нет никаких оснований. Рассмотренный казус показывает не только важность обращения к подлинным документам, но и критическую значимость корпуса сравнительного материала и репрезентивности используемой выборки.

¹ ОР РГБ. Ф. 303/1. № 518.

² РГАДА. Ф. 218. № 1179.

³ Надо отметить, что судный список – не самый показательный пример: разбирательство велось «на земле» с участием представителей монастыря, поэтому в экстраординарной ситуации монастырский служитель мог оформить приговор суда первой инстанции. Но великокняжеское судебное решение должен был писать подьячий великого князя, а не посторонний человек.

⁴ URL: <https://www.youtube.com/live/AnYJmQyuTKY?feature=share> (дата обращения: 15.04.2023).

Литература

- Грязнов А. Л., Мошкова А. В. Канцелярия угличского князя Андрея Большого // История и культура Ростовской земли. 2020. Ростов, 2021. С. 29–45.
- Каиштанов С. М. По следам троицких копийных книг XVI в. (Погодинский сборник 1846 и архив Троице-Сергиева монастыря) // Записки Отдела рукописей / ГБЛ. М., 1982. Вып. 43. С. 4–37.
- Каиштанов С. М. Исследования по истории княжеских канцелярий средневековой Руси. М., 2014. 673, [1] с.
- Каиштанов С. М., Столярова А. В. Скриптории и протоканцелярии в структуре домонгольского города: к вопросу о взаимодействии // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние этапы урбанизации. XXXI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2019. С. 112–113.
- Gryaznov A. Moscow Clerical Culture of the 14th–15th Centuries: Development Trajectory // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92. Suppl. 5. P. S407–S418. DOI 10.1134/S1019331622110065
-

А. В. Носов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Архив РАН)

К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ ОСНОВАНИЯ МОНАСТЫРЕЙ В XIV–XV вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖИТИЙ ПРЕПОДОБНЫХ)

Важным аспектом русской церковной истории XIV–XV вв. является определение точки отсчета создания средневекового монастыря. Процесс монастырского строительства существенно уточняется свидетельствами житий преподобных основателей монастырей.

М. С. Серебрякова связывает основание новых обителей с возведением церкви, которое может дополняться определенной последовательностью действий (поселение преподобного, строительство братских келий и храма). Эта точка зрения была обоснована на житиях преподобных XIV–XV вв., прежде всего на Житии Ферапонта Белозерского [Серебрякова, 2001, с. 35–36; Серебрякова, 2006, с. 186].

По мнению М. Н. Шаромазова, в Житии преподобного Ферапонта не указывается на основание монастыря в результате образования монашеской общины и возведения храма. Согласно памятнику, монастырь возникает только после поставления игумена [Шаромазов, с. 28–30]. Мы подтвердили эту точку зрения, а также существенно уточнили свидетельства ряда источников (как учтенных, так и не рассмотренных М. С. Серебряковой), которые также связывают основание обители с появлением церкви [Носов, 2023, с. 20–24]. Однако данный «сценарий» основания монастыря не восходит к определенной агиографической или монашеской традиции.

А. Е. Тарасов критически рассмотрел концепцию М. С. Серебряковой на примере житийных известий о создании Иосифо-Волоцкого монастыря. По его мнению, агиографы начинают использовать понятия «обитель» и «монастырь», когда община обзаводится различными монастырскими постройками, однако они не указывают прямо, с какого момента начинается бытование монастыря [Тарасов, 2019, с. 168].

Исследователи также обращали внимание на необходимость получения санкции архиерея и урегулирования поземельных отношений для создания обители [Романенко, с. 30–31; Кузьмина, с. 169–193]. Земельный вопрос нечасто освещается в житиях. Тем не менее, в отдельных памятниках говорится о пожаловании земель князьями (Житие Дионисия Глушицкого [Башнин, с. 34]), местными жителями (жития Димитрия Прилуцкого, Пахомия Нерехтского), новгородскими посадниками (жития Саввы Вишерского, Александра Ошевенского) [Носов, 2022; Романенко, с. 30–31]. В этих и других житиях появление обители мыслится невозможным без оформления прав на землю.

В житиях преподобных сообщается о получении архиерейского благословения и антими́нса на создание первого храма будущей обители и его освящение. Нормы канонического права не допускали создание церкви и монастыря без разрешения иерарха [Тарасов, 2021, с. 8–10]. В ряде памятников санкция епископа открывает преподобным возможности заручиться материальной поддержкой церкви и вотчинников (жития Зосимы и Савватия Соловецких, Александра Ошевенского), хотя канонические правила предполагали получение антими́нса лишь в случае обладания землей и средствами для строительства.

Мной было рассмотрено основание монастыря на примере житий Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского. В этих сочинениях создание обители представлено как длительный и сложный процесс, подразумевающий получение санкции епископа и земли, соби́рание братии, строительство церкви и других монастырских зданий [Носов, 2021]. В значительном количестве памятников агиографии появление монастыря описано схожим образом (жития Зосимы и Савватия Соловецких, Авраамия Галичского, Сергия Нуромского, Александра Ошевенского, Стефана Махрицкого, Лазаря Муромского, Ионы Климецкого, Сказание о Валаамском монастыре). При этом четких текстологических связей между ними не было выявлено. Все это позволяет говорить о том, что именно такой порядок основания обители был характерен для представлений многих агиографов и восходил к реальным практикам монастырского строительства XIV–XV вв.

Литература

- Башнин Н. В. Дионисий Глушицкий: черты к портрету древнерусского святого // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. 2009. № 5. С. 32–38.
- Кузьмина М. К. Канон преподобнического жития сквозь призму библейских цитат. М., 2017. 399 с.
- Носов А. В. Жития Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского об основании новых монастырей // История и культура Ростовской земли. 2020. Ростов, 2021. С. 151–158.
- Носов А. В. Агиографы XV–XVII вв. об участии новгородских посадников в основании общежительных монастырей // Материалы IV Научных чтений памяти профессора В. А. Паутина. История России, русской культуры и русской церкви в IX–XVIII столетиях. М., 2022. С. 50–57.
- Носов А. В. Об одном аспекте основания русских монастырей в XIV–XV вв. // Человеческий капитал. 2023. № 2 (170). С. 19–26. DOI 10.25629/НС.2023.02.02
- Романенко Е. В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002. 327 с.
- Серебрякова М. С. О дате основания Ферапонтова монастыря // История и культура Ростовской земли. 2000. Ростов, 2001. С. 32–38.
- Серебрякова М. С. Житие преподобных Кирилла и Ферапонта как исторический источник сведений об основании Белозерских монастырей // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 180–189.
- Тарасов А. Е. Иосифо-Волоколамский монастырь и проблема основания русских обителей в XV веке // Novogardia. № 4. 2019. С. 162–171. DOI 10.25797/NG.2019.4.4.005
- Тарасов А. Е. Еще раз о правовых основаниях создания монастырей на Руси // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2021. № 4 (25). С. 6–13.
- Шаромазов М. Н. Антиминс 1409 года из собрания Кирилло-Белозерского музея-заповедника и начальный период истории Ферапонтова монастыря // Ферапонтовский сборник. М., 2002. Вып. 6. С. 25–32.

А. А. Пауткин (МГУ им. М. В. Ломоносова)

ПОТОМКИ КНЯЗЯ РОМАНА МСТИСЛАВИЧА В ОЦЕНКЕ КНИЖНИКОВ XIII в. (К ПРОБЛЕМЕ СТРАТИФИКАЦИИ ВОЛЫНСКОЙ ЛЕТОПИСИ)

Летописание Юго-Западной Руси XIII в. последовательно и с различной степенью подробности отразило деятельность трех поколений Романовичей. Сам Роман Мстиславич начиная с фрагмента его поэтической похвалы на всех этапах местного летописания упоминается с особым пиететом и почтением («добродѣяныа в вѣкы свататъса»¹). Оценки того или иного правителя неслучайны. За переменами в отношении создателей текста к фигуре князя могут стоять важные события в организации летописной работы. Классическим примером служит принимаемая многими исследователями граница между галицкой и волынской частями, где заметно проявление сдержанности повествователя в оценке личности Даниила Романовича, представленного прежде комплиментарно, а парное изображение Даниила и Василька являет собой воплощение идеала братских отношений [Пауткин, с. 31–38].

Показательна фигура старшего сына Даниила Льва Даниловича (Иракий упоминается лишь однажды при перечислении потомков²), прожившего долгую жизнь и унаследовавшего многие богатые

¹ ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 836.

² Там же. Стб. 732.

земли. Как участник событий, он впервые упоминается под 1245 г. («так ни во бои емоу внити младоу соущоу»³) и весьма противоречиво характеризуется в дальнейшем повествовании вплоть до финала сохранившейся Волынской летописи. При жизни отца поступки Льва оцениваются всецело положительно. В начале Волынской летописи, то есть во время княжения во Владимире-Волынском его «стрия» Василька Романовича, лояльное отношение ко Льву сохраняется. Разительные перемены в оценках происходят под пером летописца его двоюродного брата Владимира Васильковича. Неприятие поступков Льва нарастает, достигнув своего апогея в рассказе о болезни волынского князя и борьбе за его наследство.

Переломным событием оказывается убийство Львом «обрусевшего» [Любавский, с. 127] литовского князя Воишелка. Вчерашний язычник, крестившись и приняв монашество, передает свои владения шурину Шварну Даниловичу, что вызывает зависть у Льва [Кибинь]. В свое время Воишелк в Галиче крестил сына Льва Даниловича Юрия. Свое кошунственное преступление против кума Лев совершает на Светлой седмице в монастыре. В этом описании, несмотря на его краткость, содержится ряд мотивов, присущих так называемым повестям о княжеских преступлениях. Лев занимает иную позицию по отношению к Литве, чем Василько, Владимир и Шварн, которые дружны с Воишелком («нарекаль и башеть Васи́лка аки ѡ(т)ца собѣ и господина»⁴). Воишелк приглашен на роковой для него пир под гарантии старшего в роду Василька Романовича. Лев же, напротив, действует в литовских делах в согласии с Тройденом. Но вскоре (1269 г.) умирают Василько Романович и Шварн. В дальнейшем книжник Владимира Васильковича не жалеет темных красок для характеристики Льва Даниловича, подчеркивая любое его «бесчестье», превращая этого князя в средоточие различных грехов. Он не только жаден и завистлив (Шварн, напротив, упрощает Воишелка не оставлять княжение), но и лжив («леть оучини межи братьею своею»⁵), исполнен гордыни («не потвори ихъ людми противоу себе»⁶), охотно, без принуждения сотрудничает с татарами⁷ и, наконец, не может повлиять на сына Юрия, проявляющего корыстное непочтение к старшим.

С вокняжением (по завещанию Владимира Васильковича) на Волыни Мстислава Даниловича в тексте заметна удивительная перемена в отношении книжников ко Льву Даниловичу. Под 1291 г. ему дается характеристика, резко контрастирующая с предшествующим нарративом. Появление Льва вызывает всеобщую радость, а его деяния сопряжены с получением «чести великой». «Бра(т) Мъстислав(а) с(ы)нъ королевъ вноукъ Романомъ»⁸ идет к Кракову на помощь польским князьям. Здесь явно учтен галицкий опыт описания визитов Даниила Романовича к западным соседям через восторженную его оценку чужеземцами: «Зане бы(сть) Левъ князь доумень и хороборъ и крѣпокъ на рати не мало бо показа моужьство свое во многихъ ратѣхъ»⁹.

Данные летописной персонологии свидетельствуют в пользу выдвинутой в свое время Т. В. Пашуто гипотезы о сводном характере Волынской летописи [Пашуто, с. 109–130]. В ее финальной части использованы либо краткие фрагменты текста, созданного летописцем Мстислава Даниловича, заинтересованного в хороших отношениях с могущественным старшим братом, либо элементы несохранившейся посмертной похвалы Льву Даниловичу, включенные позднейшим сводчиком. На это может указывать традиционное перечисление качеств князя.

Литература

Кибинь А. С. Литовский князь и индийский царевич: в поисках сходства (история о Войшелке) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 2 (11). С. 11–28.

Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. Минск, 2012. 397 с.

Пауткин А. А. Беседы с летописцем: Поэтика раннего русского летописания. М., 2002. 285 с.

Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. 327, [3], [1] л. карт.

³ Там же. Стб. 797.

⁴ Там же. Стб. 863.

⁵ Там же. Стб. 873.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Стб. 871.

⁸ Там же. Стб. 935.

⁹ Там же.

Я. А. Пенькова (ИРЯ РАН)

ИНФИНИТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛАМИ ИМѢТИ И ХОТѢТИ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕЙ РУСИ XIII в.

Аналитические формы с референцией к будущему в старославянской [Козлов], древнерусской [Юрьева, 2009; Шевелева] и позднесреднерусской [Пенькова] письменности достаточно хорошо изучены. В указанных исследованиях, посвященных древнерусскому периоду, привлекаются данные летописей и некоторых переводных и оригинальных древнерусских житий. У конструкций с *имѣти* выделяется значение внешней необходимости, редко – деонтической модальности [Юрьева, 2009]. У конструкций с *хотѣти*, помимо архетипического значения желания и намерения, выделяются проспективное значение ('скоро произойдет P') и модальное значение внешней необходимости ('должно произойти P') (см.: [Юрьева, 2009]).

В указанных выше исследованиях переводные книжные памятники привлекались в очень ограниченном объеме. Настоящая работа призвана расширить их число, так как мы рассматриваем малоизученные в данном отношении памятники XIII в., представленные на портале «Манускрипт»¹: Симоновское евангелие 1270 г., Захариинский паримейник 1271 г., Паренесис Ефрема Сирина 1269–1289 гг., Толстовский сборник XIII в. и некоторые другие. Выбор данного временного периода не случаен. Именно в это время в живом древнерусском языке появляется еще одна конструкция с референцией к будущему – *иму* + инфинитив с формой презенса глагола *ѣти* и инфинитивом несовершенного вида.

Как отмечает И. С. Юрьева, в поздних летописях формы типа *имамь* (вспомогательный глагол *имѣти*) могут проникать в контексты, характерные для форм типа *иму* (вспомогательный глагол *ѣти*), тем самым *имамь*-конструкции утрачивают модальность и выступают в качестве книжного эквивалента *иму*-конструкций [Юрьева, 2011].

Рассмотренные нами тексты раннецерковнославянской письменности позволяют внести некоторые уточнения в выводы предшествующих исследований. Так, в ряде источников зафиксированы примеры, в которых налицо противоположное направление смещения: конструкция *иму* + инфинитив в модальном употреблении вместо *имамь* + инфинитив. Показательно, что перед нами не поздние летописи XV в., а ранние рукописи XIII в. – периода, когда конструкции с *иму* только начинают распространяться, ср.:

- (1) аще нѣ оудержишиа послѣди скербѣти имѣши [вм.: имаши] мнозѣми вбразѣ²
- (2) глѹ во вамѣ · не имѣте [вм.: имате] мене видѣти ѿ нзѣна · дондеже рѣте · блгѣнз градѹи въ има господьне³

Исследованные памятники показывают достаточно широкий спектр употребления конструкций *имамь* + инфинитив, включающий не только распространенное и хорошо описанное в литературе значение внешней необходимости, но и значение деонтической необходимости, а также не отмеченное в литературе значение внешней возможности (3)–(4), ср.:

- (3) оуклониса ѿ нихъ и разньстви нѣ имут во оуснѹти аще зла нѣ створать⁴
- (4) азъ же рекохъ кто имать възлюбити не соущюю ѿни же глѣху ѿжила ееть⁵

В церковнославянских текстах XIII в. отмечается функциональное сближение конструкций с *имѣти* и *хотѣти*. Обе аналитические формы широко представлены в довольно близких контекстах внешней необходимости (5)–(6) и внешней возможности (7)–(8), ср.:

¹ URL: <http://manuscripts.ru>.

² Сборник поучений Ефрема Сирина (Паренесис Ефрема Сирина). ОР РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 71а (далее – Пог. 71а). Около 1269 – 1289 гг. Л. 245. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=87272654 (дата обращения: 20.03.2023).

³ Евангелие апракос полный (Симоновское евангелие). ОР РГБ. Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцева). № 105. 1270 г. Л. 47. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=43532484 (дата обращения: 20.03.2023).

⁴ Пог. 71а. Л. 90 об.

⁵ Толстовский сборник. ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. Ф.л.139. XIII в. Л. 57. URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=96362255 (дата обращения: 20.03.2023).

- (5) сде ѡблѣнивъса прѣдъ судицимъ страшнаго судыа. кии ѡвѣтъ ИМАШИ ѡВѣЩАТИ⁶
(6) вси кесмъ неродиви јако мнѣсеса жити въ сѣмъ сѣтнѣмъ житѣи въскъ въкомъ и миръ прѣ-
ходить а мзи любимици слово ВЪЗДАТИ ХОЩЕМЪ О СѣМЪ ВСѣМЪ⁷
(7) не приѣмлетъ тебе тѣснаѣ си дверь. питалъ кси плоть свою дшю же свою погубилъ кси
и како ХОЩЕШИ сде ВНИТИ ѡсквернити ми цѣтво плъти твоена⁸
(8) како ИМАШИ ити на бракъ Одежа многоцѣнныи нѣ имѣа⁹

При этом типичное для летописных памятников перспективное значение у конструкции *хотѣти* + инфинитив оказывается в церковнославянской письменности, напротив, очень редким.

Литература

- Козлов А. А. К грамматической семантике старославянских конструкций хотѣти/имѣти с инфинитивом // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1 (27). С. 122–149.
Пенькова Я. А. Инфинитивные конструкции с глаголом ИМѢТИ в позднесреднерусской письменности // Sub specie aeternitatis. Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько. М., 2021. С. 212–227.
Шевелева М. Н. К проблеме грамматической семантики конструкций типа *имать быти* vs. *хочеть быти* в ранних восточнославянских текстах // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 194–218.
Юрѣва И. С. Семантика глаголов *имѣти*, *хотѣти*, *начати* (*почати*) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 279 с.
Юрѣва И. С. Инфинитивные сочетания с глаголами *имамъ* и *имоу* в древнерусских текстах // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2 (22). С. 68–88.

Ф. Д. Подберѣзкин (Центральная научная библиотека НАН Беларуси)

ПОЧЕМУ «СИЯЛИ» РУССКИЕ ДОСПЕХИ? К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОДНОГО «БРОДЯЧЕГО СЮЖЕТА» ЛИВОНСКОЙ СТАРШЕЙ РИФМОВАННОЙ ХРОНИКИ

Поэтика Ливонской Старшей рифмованной хроники (далее – СРХ) как эпического произведения для рыцарской аудитории, изобилует сюжетами военного фольклора. К таким относятся упоминания *блистающего оружия* русских воинов. Братья Ордена меченосцев гордились, если им удавалось пробить *богатую русскую броню*¹. Псковичи, отправившиеся на помощь Изборску (1240 г.), *были одеты в блестящие доспехи, их шлемы сияли как стекло*². Новгородцы князя Александра Ярославича в битве на Чудском озере (1242 г.) носили *много блестящих доспехов*³. Подобные пассажи можно было бы считать «стандартным литературно-художественным оборотом» [Магузова, Назарова, с. 240], если бы не аналогичные свидетельства русских источников.

Придворный летописец Даниила Романовича, лично присутствовавший [Пауткин] при встрече князя с венгерским королем Белой IV и послами из Священной Римской империи в Пресбурге в 1252 г.⁴, подробно описал восхищение немцев «татарским» оружием Даниила и его людей: «Нѣмци же дивящися оружью татарскому... и бѣ полковъ его свѣтлость велика от(ъ) оружьа блистающася... Немцем же зрящимъ много дивящимся»⁵. «Сияющее» оружие и доспехи встречаются в художественных

⁶ Пог. 71а. Л. 221 об.

⁷ Там же. Л. 156.

⁸ Там же. Л. 271 об.

⁹ Там же. Л. 157.

¹ Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namensverzeichnis und Glossar (далее – LRCH). Paderborn, 1876. S. 37.

² Там же. S. 49.

³ Там же. S. 51.

⁴ В вопросе о датировке встречи мы основываемся на выводах А. В. Мартынюка [Мартынюк, с. 92].

⁵ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 556.

описаниях латинских воинов⁶, однако вышеприведенный летописный рассказ подчеркивает «блистание» и «светлость» как такой атрибут русского всадника, который хорошо узнается очевидцами и отличается от образа латинских *militēs*. В свою очередь, ссылаясь на устную традицию, автор СРХ заключает, что *шлемы* (новгородцев. – *Ф. П.*) *были знамениты сиянием* (*ir helme die wāren liecht bekant*)⁷. Прямые указания на яркое/блестящее/сияющее/золотое вооружение и доспехи русских воинов неоднократно встречаются в летописной⁸, эпической [Николаев, с. 511; Сперанский, с. 141–142], агиографической⁹ традиции Руси и подтверждаются археологическими находками, в особенности позолоченных шлемов [Кирпичников].

Таким образом, фразы о «блестящем оружии» русских воинов в СРХ были не только «художественным оборотом» – они отражали реальный опыт латинских пилигримов, впервые встретившихся с русскими «схизматиками» на поле боя. В то время как материальные особенности, генеалогия и сфера распространения «блестящего» русского оружия хорошо изучены [Кірпічніков], его идейно-эстетическая составляющая в контексте русско-ливонских взаимоотношений представляет собой перспективное направление для дальнейших исследований. Этот аспект будет более подробно представлен в докладе на основе данных памятников русских переводов Св. Писания, агиографии и вероучительной литературы, бытовавшей в первой половине XIII в.

Литература

- Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1971. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. (Археология СССР. Свод археологических источников. Е1-36а). 92 с., 28 л. ил.
- Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарии. М., 2020. 447 с.
- Мартынюк А. В. До Герберштейна: Австрия и Восточная Европа в системе персональных связей и культурных контактов (XIII – начало XVI века). М., 2019. 572, [3] с.
- Николаев С. Л. «Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста. М.; СПб., 2020. 639 с.
- Пауткин А. А. Летописный портрет Даниила Галицкого: литературное заимствование, живописная традиция или взгляд очевидца? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 1 (7). С. 70–74.
- Сперанский М. Н. Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исследования и тексты. Пг., 1922. [4], 165 с.
- Кірпічніков А. N. Die russischen Waffen des 9.–13. Jahrhunderts und westeuropäische Einflüsse auf ihre Entwicklung // Gladius. Madrid, 1968. Vol. 7. P. 45–74.
-

С. В. Полехов (РАНХиГС)

НЕИЗВЕСТНАЯ ПОЕЗДКА ВИТОВТА В СМОЛЕНСК В 1419 г.

В центре нашего внимания находится источник, сохранившийся лишь в кратком пересказе в рукописи XVI в. и до сих пор не привлекавшийся исследователями, – послание великого князя литовского Александра Витовта комтуру Рагнита от 25 января 1419 г. из Смоленска. Письмо посвящено инцидентам, связанным с охотой польского короля Владислава Ягайла на литовско-орденском пограничье. Указание места, где было написано послание, позволяет заполнить лакуну в итинерарии Витовта: известно, что 14 декабря 1418 г. он пребывал в Пуне в Литве, а 9 марта 1419 г. из Слонима писал о недавней поездке «далеко в наши русские земли». Изучение практики поездок Витовта по его владениям показывает, что его визиты в Смоленск были большой редкостью, этот город зачастую служил местом встречи с Василием I и Софьей Витовтовной [Polechow, s. 21–22, 74]. Это позволяет предполагать, что и в данном случае целью приезда в Смоленск были контакты с Московским княжеством. Такое предположение становится еще более вероятным, если учитывать, что уже в конце 1418 г. Витовт отправлял посольство

⁶ LRCH. S. 76.

⁷ Там же. S. 51.

⁸ ПСРА. Т. 2. Стб. 303, 523–524.

⁹ Сказание о Борисе и Глебе // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 328–351.

к Василию I. Литовско-московскому сближению после заметного охлаждения в 1410-е гг. способствовали такие факторы, как неопределенность в перспективах отношений Польши и Литвы с Тевтонским орденом (стороны не заключали «вечный мир», очередная попытка переговоров провалилась в октябре 1418 г.), переменные успехи политики Витовта на ордынском направлении, а также, не в последнюю очередь, бегство из заточения в Кременецком замке в марте 1418 г. его давнего противника и соперника Свидригайла Ольгердовича, который активно принялся искать поддержки против Витовта у правителей Юго-Восточной и Центральной Европы, а затем и в Тевтонском ордене. Все это позволяет относить начало сближения Витовта с Василием I не к рубежу второго и третьего десятилетий XV в. [Иванов, с. 81–83], а уже к 1418 г.²³

Литература

Иванов Д. И. Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия // Средневековая Русь. М., 1999. Вып. 2. С. 79–115.

Polechow S. Itinerarium Witolda, wielkiego księcia litewskiego: 4/5 VIII 1392 – 27 X 1430 // Rocznik Lituanistyczny. Warszawa, 2019. T. 5. Rok 2019. S. 9–120. DOI 10.12775/RL.2019.5.01

Т. Г. Попова (Балтийский федеральный университет им. И. Канта)

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИ НЕ ОПИСАННЫЕ ЛЕКЕМЫ ДРЕВНЕЙШЕЙ РУССКОЙ РУКОПИСИ ЛЕСТВИЦЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖИТИЯ ПРП. ИОАННА ЛЕСТВИЧНИКА)

Древнейшие рукописи являются ценнейшими источниками материалов по истории языка. Особый интерес представляют переводные памятники древнерусской литературы, поскольку во многих случаях известны версии текстов, которые легли в основу раннеславянских переводов. Одним из таких памятников является Лествица Иоанна Синайского. Древнейшая русская рукопись Лествицы хранится в ОР РГБ, в собрании Н. П. Румянцева (ф. 256) под номером 198. Она создана около середины XII в., ее писец был киевлянином. Первый перевод Лествицы на общеславянский литературный язык выполнен книжниками Преславской школы; в качестве оригинала переводчик использовал рукопись той версии текста, которая опубликована в «Патрологии» Ж.-П. Миня². Лексический состав названной рукописи был сопоставлен с фундаментальными трудами по палеославянской и русской исторической лексикографии³. В результате этого сопоставления в древнейшей русской рукописи обнаружили, по предварительным подсчетам, 392 лексемы, не нашедшие отражения в названных источниках. Анализ этих лексем требует специального рассмотрения. В рамках настоящей работы рассмотрены лишь лексикографически не описанные лексемы на материале Жития прп. Иоанна Лествичника, автором которого является Даниил Раифский. Общее количество этих лексем – 10. Среди них 5 существительных (ДОУХОВЬНОГЛАШЕНИЕ, НЕПРИБЛИЖЕНИЕ, НЕСОУПРОТИВНОСЛОВНИКЪ, ОБВЪЩЕНИЕ, ОСКОУЖДЕНИЕ), 2 прилагательных (СЕВЪВЪРЬНЫИ, СЕВЪГОДОВЫИ), 1 глагол (ПРЪЖДЕОУМОРИТИ), 1 причастие-прилагательное (НЕИЗНЕМОГЫИ) и 1 наречие (ИСПЫТАНЬЕ).

Композит ДОУХОВЬНОГЛАШЕНИЕ встречается только в рукописях первого славянского перевода в контексте: ПОСЛЪШЪСТВОУЮТЬ ОУВО. ИЖЕ ТЪМЖЕ ДУХОВЬНОГЛАШЕНИЕМЪ МЪНЪЖИ (Л. 5б), греч.: μαρτυροῦσι μὲν τῶν δι' αὐτοῦ τοῦ πνεύματος ἀληχημάτων πλείστοι (Col. 605B). Можно предположить, что ДОУХОВЬНОГЛАШЕНИЕ означает 'духовное учение'.

Живя в отшельничестве, прп. Иоанн угнетает свою плоть малоядением, обращаясь к ней цитатой Мк 4: 39: δι' ἐνδείας βῶν αὐτῇ Σίωπα, περὶ μωσο (Col. 600A) – ОСКОУЖДЕНИЕМЪ. ВЪПИИ КЪ НИИ. МЪЛЧІ ОБРАТИ СМ (так. – Т. П.) (Л. 2в). В этом контексте существительное ОСКОУЖДЕНИЕ обозначает не 'уменьшение, недостаток' в целом, а 'уменьшение, недостаток пищи, голод'.

¹ Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch. Riga, 1867. Bd. 5 / Hg. von F. G. von Bunge. № 2291. Sp. 447–448.

² Migne J.-P. Patrologia Graeca Cursus Completus. Paris, 1864. T. 88.

³ Miklosich Fr. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum emendatum auctum. Vindobonae, 1862–1865; Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. М.; Л., 1958. Т. 1–3; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–. Вып. 1–.

В приведенном примере функционирует глагол $\phi\acute{\iota}\omega$, переведенный преславским переводчиком как **ОБРЪТНТИ СЛ** 'замолчать'. Киевский писец не понял эту древнеболгарскую лексему и передал ее с ошибкой: **ОБРАТИ СЛ**. Суффиксальное производное от этого глагола $\phi\acute{\iota}\omega\tau\rho\nu$ биограф Иоанна Лествичника употребляет в рассказе об образе жизни святого: молитва и сочинение книг – это $\acute{\alpha}\kappa\eta\delta\acute{\iota}\alpha\varsigma$ $\kappa\alpha\acute{\iota}$ $\mu\acute{o}\nu\omicron\nu$ $\phi\acute{\iota}\omega\tau\rho\nu$ (Col. 601A) – **ЛѢНОСТ-И ТЪЧНЮ. ОБРЪЩЕНИЕ** (так; **ОБРЪЩЕНИЕ?** – Т. П.) (Л. 36). Писец древнейшей русской рукописи не понял эту лексему и снова допустил ошибку. В других рукописях перевода в этом контексте функционирует форма обръщение (обрътение), которая означает 'средство против чего-л.'

Огонь страстей прп. Иоанн погасил пустынножитием: $\acute{\alpha}\sigma\upsilon\nu\omicron\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha$ $\pi\rho\sigma\acute{\omega}\pi\lambda\omega\nu$ $\tau\eta\nu$ $\phi\lambda\acute{o}\gamma\alpha$... $\kappa\alpha\tau\acute{\epsilon}\sigma\beta\epsilon$ $\sigma\epsilon\nu$ (Col. 600A–B) – **НЕПРИБЛИЖАНИЕМЪ. ЛНЧЪНЫМЪ. ПЛАМЫ... ПОГАСИ** (Л. 2в). Лексема **НЕПРИБЛИЖАНИЕ**, по нашим наблюдениям, встречается только в рукописях преславского перевода, означая 'пробывание вдали'.

Описывая послушание (смиренномудрие) святого, агиограф использует эпитет $\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\acute{\iota}\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$ (Col. 605A). Для передачи этой греческой лексемы преславский переводчик Лествицы применяет калькирование, и таким образом рождается лексема **НЕСОУПРОТИВЬНОСЛОВЬНИКЪ** (Л. 4г). Это существительное маркирует только преславский перевод Лествицы, возможно, являясь окказионализмом.

Прп. Иоанн провел в пещере у подножия Синайской горы 40 лет: $\tau\epsilon\sigma\sigma\alpha\rho\acute{\alpha}\kappa\omicron\nu\tau\alpha$ $\acute{\epsilon}\kappa\epsilon\acute{\iota}$ $\chi\rho\nu\acute{o}\nu\omicron\upsilon\varsigma$ $\delta\iota\alpha$ $\pi\epsilon\rho\acute{\alpha}\nu\alpha\varsigma$ $\acute{\alpha}\nu\omicron\lambda\iota\gamma\acute{\omega}\rho\omega\varsigma$ (Col. 600A). Этот фрагмент в первом переводе Лествицы выглядит как **ЛѢТН ТЮУ ЛѢТЪ ПРЪПРОВОДІ. НЕИЗНЕМОУГИ** (Л. 2б). Значение **НЕИЗНЕМОУГИ** можно определить как 'в неустанных трудах'.

Лексемы **СЕВЪВЪРЪНЫ** и **СЕВЪГОДОВЫ** функционируют как семантические синонимы в контексте **ЪГОНИТЬ... СЕВЪГОДОВАГО. И СЕВЪВЪРЪНАГО ЛЪСТЫЦА** (Л. 1г) – $\acute{\epsilon}\xi\omicron\rho\acute{\iota}\zeta\epsilon\iota$... $\tau\acute{o}\nu$ $\alpha\upsilon\tau\acute{\alpha}\rho\epsilon\sigma\kappa\omicron\nu$ $\kappa\alpha\acute{\iota}$ $\omicron\acute{\iota}\kappa\epsilon\acute{\iota}\omicron\lambda\iota\sigma\tau\omicron\nu$ $\acute{\alpha}\lambda\alpha\tau\epsilon\acute{\omega}\nu\alpha$ (Col. 597A). Значения этих лексем можно сформулировать как 'тщеславно самодовольный' и 'тщеславно самоуверенный'.

Греческому причастию $\pi\rho\tau\epsilon\theta\eta\nu\kappa\upsilon\acute{\iota}\alpha$ (Col. 600B) в первом славянском переводе соответствует словообразовательная калька **ПРЪЖЕОУМОРЕНО** (Л. 2г). Глагол **ПРЪЖЕОУМОРИТИ** $\pi\rho\theta\eta\nu\acute{\iota}\sigma\kappa\omega$ означает 'умертвить прежде'.

Наречие испытаннѣ встречается в контексте **ОУХЫЩРѢННѢ** и испытаннѣ повѣдати не могу (Л. 1а) при переводе $\acute{\epsilon}\tau\epsilon\sigma\kappa\epsilon\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\varsigma$ $\tau\epsilon$ $\kappa\alpha\acute{\iota}$ $\delta\iota\alpha\kappa\rho\acute{\iota}\beta\omega\mu\acute{\epsilon}\nu\omega\varsigma$ $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\upsilon\iota$ $\omicron\upsilon\kappa$ $\acute{\epsilon}\chi\omega$ (Col. 596A). Значение лексемы испытаннѣ можно сформулировать как 'определенно, однозначно, достоверно точно'.

Переводческие решения преславского книжника получили распространение в других ранних переводах Лествицы, все дошедшие рукописи которых имеют огромную ценность как неисчерпаемые источники для исторической лексикографии.

В. Г. Пуцко (Калужский музей изобразительных искусств)

РУССКАЯ ИКОНОПИСЬ XIII в.: МЕЖДУ ВИЗАНТИЕЙ И ЗАПАДОМ

В Византии в начале XIII в. стало определяющим направление в иконе, отдававшее предпочтение укрупненности образа и пришедшее на смену динамическому стилю. Монументальностью произведения напоминали искусство XI в. Возникает тип житийных икон с многочисленными изображениями, окружавшими крупный образ и служившими иллюстрациями к историко-литературному повествованию о святом. Особое направление отражают греческие иконы XIII в., написанные для крестоносцев или западными художниками в византийском стиле. В таком случае сказывались вкусы заказчиков, людей европейской культуры. Образцы этого творчества сохранились в монастыре Св. Екатерины на горе Синай.

Русская иконопись возникла и развивалась с учетом византийского опыта, и ее произведения раннего периода почти неотделимы от собственно византийских. Тем не менее имела место собственная эволюция стиля, отчасти выражавшаяся в видоизменении художественной характеристики и отходе

от классических форм. Этот фактор позволяет судить о поисках собственного пути, в значительной мере обусловленных необходимостью обеспечить иконами многочисленные храмы на обширном географическом пространстве.

В отличие от Византии, на Руси не сказывается в такой мере смена стилей на рубеже XII–XIII вв., и ряд икон датируется довольно широко, как, например, «Успение» из церкви Рождества Богородицы Десятинного монастыря в Новгороде. Встречаются и неоднозначные датировки, обусловленные отчасти тезисом о запаздывании стиля как неизбежном явлении. Имело место также обращение к художественному наследию, примеры чего дают иконы «Св. Димитрий Солунский» из Успенского собора в Дмитрове и «Богоматерь Великая Панагия» из Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. Псковская житийная икона «Илья Пророк» из Выбутского погоста свидетельствует о том, что высокое искусство сохранялось и развивалось на Руси даже в ближайшие десятилетия после монголо-татарского нашествия. Вместе с тем удерживалась также ориентация на Византию.

В конце XIII в. появляются иконы, дающие основание предполагать связи с западной художественной традицией. Наиболее известные из них «Никола» 1294 г. из Липенского монастыря и «Богоматерь Толгская тронная» из Толгского монастыря. Однако встречающиеся в них элементы европейской иконографии, как выясняется, обязаны византийскому контексту. Это позволяет утверждать, что связь с иконописью Запада в XIII в. была опосредствованной и распространялась лишь на иконографию, причем в адаптированном виде.

Е. В. Пчелов (РГГУ)

КЕМ БЫЛ МАСТЕР – СОЗДАТЕЛЬ ПЕЧАТИ ИВАНА III 1497 г.?

Первым памятником в истории российской государственной геральдики считается вислая двусторонняя красновосковая печать, самый ранний сохранившийся экземпляр которой скрепляет грамоту Ивана III от июля 1497 г. На лицевой ее стороне помещено изображение всадника-драконоборца, а на оборотной – коронованного двуглавого орла. Художественный уровень этих изображений привел исследователей к единодушному мнению о том, что мастером, сделавшим матрицу этой печати, был иностранец. Сама матрица, судя по легенде печати, была создана в начале 1490-х гг. В. А. Кучкин обратил внимание на летописное известие о приезде в Москву европейских мастеров вместе с Андреем Палологом в 1490 г., среди которых были мастера серебряного дела: Христофор с двумя учениками из Рима, немчин Альберт из Любека, Карл с учеником из Милана и венецианский грек Петр Ранка. Исследователь высказал предположение, что наиболее вероятными создателями печати можно считать или римского мастера Христофора, вероятно наиболее опытного из этой группы мастеров, или любекского мастера Альберта, который хорошо был знаком с символикой Священной Римской империи, откуда, по мнению В. А. Кучкина и других ученых, следующих за гипотезой Г. Алефа, могло произойти заимствование Москвой двуглавого орла.

Попытку выяснить происхождение мастера предприняла Н. А. Соболева, выбрав для анализа лишь одну деталь в геральдических изображениях на печати – положение ног всадника-драконоборца. Поиск аналогов в итальянской нумизматике и медальерном искусстве привел ее к выводу о том, что мастером печати мог быть ломбардский, то есть североитальянский мастер. Однако детальный анализ привлеченного исследовательницей материала показывает, что почти все монетные и медальные памятники, на основании которых был сделан такой вывод, относятся уже к XVI–XVII вв., а потому заведомо не могли служить некими изобразительными прототипами для печати 1490-х гг.

Все это заставляет вновь обратиться к анализу изображений на печати в поисках аналогий, которые позволили бы приблизиться к решению вопроса о той иконографической стилистике, в рамках которой работал ее создатель. Изображение двуглавого орла наименее показательно с точки зрения его деталей. Одно совершенно очевидно – оно абсолютно не похоже на двуглавых орлов с печатей императоров Священной Римской империи и вообще выполнено вне геральдической стилистики Северной

Европы. Форма корон, расположенных над головами орла, соответствует форме корон королевского статуса, повсеместно распространенной в изображениях со времен Средневековья, включая книжную миниатюру, и не имеет, тем самым, четко локализирующих признаков. Сам тип двуглавого орла на печати отсылает к стилистике орлов византийского императорского круга и сопредельных государств.

Изображение всадника-драконоборца более детализировано. Обращают на себя внимание поза его посадки на коне, включая согнутые в коленях ноги, и своеобразный хват копья двумя руками, из которых одна поднята вверх и согнута в локте. Расположение этой руки близко к изображениям Георгия Победоносца в древнерусской иконописи XV в., однако положения второй руки и особенно ног не находят таких аналогий. М. Агоштон увидела в позе всадника следование античной изобразительной традиции, приведя в пример фигуры всадников-копейщиков на Сидонском саркофаге (открытом, впрочем, лишь в конце XIX в.) и барельефах триумфальной арки Константина Великого в Риме (на самом деле, эти барельефы относятся к эпохе Антонинов), однако не провела их детального анализа. Изображения подобного рода были сравнительно широко распространены в Античности, начиная, по меньшей мере, с IV в. до н. э. (стела Дексилея, найденная, правда, в середине XIX в.) и включая известный изобразительный тип фракийского/дунайского всадника, чья иконография повлияла на иконографию Георгия Победоносца. Однако для искусства итальянского Ренессанса были, прежде всего, хорошо знакомы барельефы II в. н. э., представленные на римской арке Константина. Изображения, созданные по их мотивам, можно видеть в творчестве флорентийских художников, бывавших и работавших в Риме во второй половине XV в.: С. Боттичелли, Д. Гирландайо, П. Перуджино и А. и П. дель Поллайоло. Они имели возможность лично ознакомиться с этим памятником и отразили свои впечатления в творчестве, сделав саму арку и ее барельефы с фигурами всадников, в том числе копейщиков, заметным явлением в изобразительном искусстве мастеров флорентийско-римского круга.

Изображение дракона на печати также имеет ряд характерных особенностей, таких как длинные уши, загнутое вниз крючкообразное завершение пасти, длинная шерсть на нижней части головы и лапах, перепончатые крылья с круглыми пятнами. Эти особенности совершенно нехарактерны для древнерусской иконописи того времени. Не обнаруживаются их аналоги и в изображениях драконов (в том числе в рамках драконоборческого сюжета) в искусстве северного Возрождения (Нидерланды, Германия). Зато искусство итальянского Кватроченто дает примеры схожей детализации. Особенно выделяются здесь флорентийская и венецианская школы XV в., причем прямые аналогии присутствуют в творчестве таких флорентийских мастеров, как П. Уччелло и А. дель Поллайоло.

Комплексный анализ деталей изображения московского всадника и дракона приводит к мысли о том, что мастер печати был знаком с античным, прежде всего римским, монументальным наследием и, по всей видимости, принадлежал к флорентийско-римской традиции итальянского изобразительного искусства. Однако среди возможных мастеров печати не было приехавших непосредственно из Флоренции. Тем не менее известно, что, к примеру, А. дель Поллайоло, который был не только живописцем и графиком, но и скульптором, в том числе мастером барельефов, после смерти папы Сикста IV в 1484 г. был приглашен в Рим, где плодотворно трудился вместе со своим братом Пьеро и оставил множество учеников. Возможно, именно среди них и был римский мастер Христофор, который, таким образом, представляется наиболее вероятным создателем печати Ивана III.

В. Н. Рудаков (журнал «Историк»)

ПРАВИТЕЛИ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ ВО ВРЕМЯ НАШЕСТВИЯ БАТЯ (СТАТИСТИЧЕСКИЙ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

«Одна из самых важных добродетелей князя – быть впереди своего войска, первым бросаться в битву, побеждать врагов в рукопашной схватке... Князь служит Русской земле, готов сложить за нее голову, готов со своею дружиною тотчас же выступить в поход против ее недругов» [Лихачев, 1987, с. 50–53]. Справедливы ли такие оценки применительно к эпохе нашествия Батгя? и в какой мере эти ценности

разделяли книжники второй половины – последней четверти XIII в. – люди, на рассказах которых базируется наше знание о том времени?

Вряд ли мы можем точно сосчитать, сколько именно лиц княжеского достоинства проживало на территории русских земель, подвергшихся нашествию Батыя. Зато мы можем посчитать число князей, упомянутых в самых ранних из дошедших до нас источниках о нашествии – прежде всего, рассказах Новгородской первой летописи (далее – НПЛ), Ипатьевской (далее – Ипат.) и Лаврентьевской (далее – Лавр.) летописей. По моим подсчетам, за период 1237–1240 гг. в этих летописных рассказах упомянуто 37 князей. Другие синхронные источники – русские и зарубежные – не добавляют в список новых имен. Из этого числа 13 князей погибли (35 %), остальные в силу разных причин сохранили свои жизни: 1 (3 %) попал в плен, 5 (13 %) во время нашествия находились в безопасном месте и 18 (48 %) спаслись бегством (в отношении пятерых из них есть прямые указания источников на этот счет, и о бегстве еще 13 мы можем весьма определенно судить по косвенным признакам).

Судьба русских князей, упомянутых в ранних летописных источниках о нашествии Батыя (в период с декабря 1236 по 1241 г. включительно)*

	Лавр. ¹	НПЛ ²	Ипат. ³	Всего
Убиты**	6	3	1	10
Скорее всего, убиты (о гибели не сообщается, но имя больше не упоминается)	1	–	2	3
Попали в плен	–	1	–	1
Остались живы, находясь в безопасном месте	3	1	1	5
Скорее всего, спаслись бегством	12	–	1	13
Спаслись бегством	–	–	5	5
Всего упомянуто князей (без повторов)	22	5	10	37

* Без повторов.

** с учетом великого князя Юрия Всеволодовича.

Эти данные позволяют полагать, что спасение бегством было приоритетным способом поведения большинства правителей русских земель. Помимо тех, о чьем бегстве источники сообщали напрямую (Михаил Черниговский с сыном и Даниил Галицкий с братом и сыном), к числу спасавшихся таким образом можно отнести и большую группу правителей Суздальской земли, о которых в Лавр. говорится, что «гониша по них татарове и не обрѣтоша. Яко же и Сауль гоняше Давида, но Богъ избави от руку его, тако и сих Богъ избави от руки иноплеменник»⁴. Такое сравнение указывает на то, что, во-первых, их «избавление» произошло благодаря бегству (Давид неоднократно бежал от гнева царя Саула, в которого вселился злой дух⁵) и, во-вторых, с точки зрения летописца, такой способ спасения не входил в противоречие с допустимыми нормами поведения, поскольку реализовывался по Божьей воле. Об этом же свидетельствует и то, что даже в житийном рассказе о Михаиле Черниговском его действия оказались возможным назвать «бегством», и то, что в Галицко-Волынской летописи «отъезд» князя Даниила Романовича подальше от врага оценивается как вполне оправданный поступок. На этом фоне выделяется «казус» погибшего на р. Сити великого князя владимирского Юрия Всеволодовича. Его бегство (именно так отъезд из Владимира трактуется в рассказе НПЛ и «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина [Кучкин, с. 7–8, 14–15]), в отличие от других, окончилось неудачно. Поэтому создатель рассказа, дошедшего в близкой к династии владимирских князей Лавр., скорректировал версию гибели князя

¹ ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 460–470.

² ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 74–77.

³ ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 778–789.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

⁵ 1 Цар 18–31.

на р. Сити, представив Юрия, с одной стороны, стремящимся сражаться с врагами, но с другой – смиренно, подобно князьям-страстотерпцам Борису и Глебу, готовым к гибели. Именно в такой трактовке покинувший свою столицу, но не сумевший спастись Юрий оказывался человеком, реализовавшим Промысел Божий [Рудаков].

В дошедших до нас произведениях книжности того времени нет и намека на осуждение бегства князей от татар. Конечно, это контрастирует с оценками, данными на этот счет и в хрестоматийном рассказе Повести временных лет под 971 (6479) г. о походе князя Святослава на «греки» («Аще ли *побь-гнемъ*, срамъ имамъ»⁶), и в записи Изборника 1076 г. («любить князь воина, стояштя и борющагося съ врагы ... паче *бьгаюштяго* и оружие помештюштаго»⁷). Впрочем, автор приведенной в начале текста цитаты, Д. С. Лихачев, в другой своей книге справедливо заметил, что Средневековье – «эпоха сталкивающихся контрастов и противоборств» [Лихачев, 1947, с. 7]. Книжники эпохи, наступившей после нашествия, вынуждены были искать иные критерии оценки новой трагической действительности, что не могло не вызвать появления подобного рода «контрастов».

Литература

- Кучкин В. А. Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4. С. 3–30. DOI 10.31857/S086956870010767-4
- Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. 499 с.
- Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранное. Л., 1987. Т. 3. С. 3–164.
- Рудаков В. Н. События на реке Сити (1238) в контексте поведения правителей русских земель в годы нашествия Батые // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2023. № 1. С. 3–26. DOI 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-1-3-26
-

Ю. В. Селезнёв (Воронежский государственный университет)

«УБИЕН БЫСТЬ ОТ БАТЯЯ КНЯЗЬ АНДРЕИ МСТИСЛАВИЧ»: НАБЛЮДЕНИЯ НАД ОСОБЕННОСТЯМИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147/>.

В русском летописании сохранилось под 6754 (1246) г. лаконичное известие о том, что «В лето 6754... убиен бысть от Батяя князь Андрей Мстиславич(ь)»¹.

Слова русского летописца подтверждаются материалами францисканской миссии, в которых отмечено: князь Андрей был казнен по приказу Батые. Плато Карпини (глава францисканской миссии) отмечает, что в ставку хана прибыли жена казненного и его брат. Батый согласился передать власть над владениями князя младшему брату Андрея при условии, что тот возьмет в жены вдову старшего брата «согласно обычаю татар»². И жена Андрея, и его брат отказывались от такой перспективы настолько, что князь заявил, «что лучше желает быть убитым, чем поступить вопреки закону»³. Несмотря на это, Батый заставил их: «отрока положили на нее и принудили их одинаково совокупиться сочетанием не условным, а полным»⁴.

Плато Карпини указывает, «что Андрей, князь Чернигова, что на Руси»⁵. Однако к какой из ветвей черниговского дома отнести принадлежность Андрея, его отца Мстислава и его не названного

⁶ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 33.

⁷ Изборник 1076 года. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. Т. 1. С. 587–588 (Л. 216–216 об.).

¹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. Вып. 1. Стб. 31; М., 2000. Т. 16. Стб. 52.

² Иоанн де Плато Карпини. История монголов: Текст, перевод, комментарии. М., 2022. С. 135.

³ Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 30.

⁴ Там же.

⁵ Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. С. 30; Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы Францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002. С. 118; Иоанн де Плато Карпини. История монголов: Текст, перевод, комментарии. С. 136.

по имени брата, однозначно решить не представляется возможным. В исследовательской литературе его называют сыном Мстислава Святославича (князя Козельского и Черниговского) или Мстислава Глебовича либо сыном рыльского князя Мстислава Святославича (но он не был черниговским князем).

Свидетельство о казни князя Андрея помещено после упоминания о смерти князя Ярослава «въ татарѣхъ сеп(теврия) 30», то есть князь был убит «тое же осѣни», вероятно после 30 сентября – в октябре-ноябре 1246 г.

Традиционно смертные казни приводились в исполнение ночью, на убывающей Луне с тенденцией совершить ее в новолуние [Селезнёв, 2012; Селезнёв, 2022].

Если предположение о казни после 30 сентября верно, то приговор мог быть приведен в исполнение около 11 октября или 10 ноября 1246 г.

По словам Плаано Карпини, князю поставили в вину то, что он «уводил лошадей из земли и продавал их в другое место; и хотя это не было доказано, он все-таки был убит»⁶. В записках Ц. де Бридиа отмечено, что он был убит «по ложному обвинению»⁷. Таким образом, францисканцы видели в судебном разбирательстве над Андреем несправедливость и сфабрикованные обвинения и расценивали казнь как политическое убийство: «они никого не принуждают оставлять свою веру, только бы повиновался во всем их приказам. В противном случае они принуждают [к повиновению] насильно или же убивают»⁸.

Однако убийство было облечено в форму правосудия, и способ казни за воровство лошадей известен: «Кто украдет коня или что-либо другое, – тому за это смерть; мечом разрубают его; а кто может дать выкуп, заплатит против украденного в десять раз, того не убивают»⁹.

Ибн Батута, посетивший Орду в 1334–1336 гг., отметил: «у кого найдут украденного коня, обязан возвратить его хозяину и вместе с тем дать ему девять таких же [коней], а если он не в состоянии сделать это, то отбирают у него за это детей его, если же у него нет детей, то его зарезывают, как зарезывается овца»¹⁰.

Таким образом, даже наличие доказанного факта воровства лошадей не влекло за собой незамедлительной казни обвиняемого, а в случае с Андреем этот факт был не доказан. Можно предположить, что действия ордынских властей в отношении князя имели политическую подоплеку и были обусловлены неприятием Джучидами кандидатуры Андрея в качестве правителя княжества. Вероятно, восполнить якобы украденных лошадей и предоставить штраф князь Андрей не мог. Детей у него не было. Князя приговорили к смерти.

В соответствии с монгольскими законами за конокрадство князю было перерезано горло. Подобного вида казнь не приводит к отделению головы от туловища, чем отличается от обезглавливания, но действует по тому же принципу: смерть наступает в результате удушья, кровотечения и мозговой анемии, вызываемой рассечением сонных артерий и трахеи [Монестье, с. 23].

Литература

Монестье М. Смертная казнь / Пер. с фр. М., 2008. 292 с.

Селезнёв Ю. В. О времени, затрачиваемом русскими князьями для поездки в Орду // Уральский исторический вестник. 2012. № 2. С. 31–36.

Селезнёв Ю. В. Казнь в безлунную ночь: к вопросу о сакральности приведения в исполнение смертного приговора в Орде // Stratum plus. 2022. № 5. С. 109–114. DOI 10.55086/sp225109114

⁶ Там же. С. 29; Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы Францисканской миссии 1245 года. С. 118.

⁷ Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы Францисканской миссии 1245 года. С. 118.

⁸ Там же.

⁹ Марко Поло. Книга о разнообразии мира. СПб., 1999. С. 96.

¹⁰ Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань, 2011. С. 154.

Е. В. Столяров, К. Н. Фомин (ГМЗ «Куликово поле»)

**МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС XIV–XV вв. НА ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ
СОВРЕМЕННОЙ ТУЛЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ 2015–2022 гг.
У Д. М. СТРЕКАЛОВКА)**

С 2015 г. Тульской археологической экспедицией проводятся исследования на комплексе памятников XIV–XV вв. у д. М. Стрекаловка¹, в который входят Селища 4, 5, 6, 7 и 8, находящиеся конгломератом на территории Тульских засек. Расположение данных памятников в засечном лесу обусловило хорошую сохранность культурных напластований.

Еще в ходе разведочных исследований на территории поселений было выявлено множество западин, предположительно являющихся остатками заглублённых в грунт частей жилых и хозяйственных построек. Для выяснения их количества и распределения по площади памятника была проведена детальная топографическая съёмка памятников Селища 6 и 7 у д. М. Стрекаловка, в ходе которой было зафиксировано 152 и 110 таких западин соответственно.

Для более тщательного обследования комплекса памятников у д. М. Стрекаловка и прилегающей к ним местности удалось провести лидарную съёмку. В общей сложности было отснято около 100 га территории Тульских засечных лесов, в районе д. М. Стрекаловка и пос. Озерный.

Кроме подтверждения данных топографической съёмки на Селищах 6 и 7, при лидарной съёмке было выявлено на территории памятников Селища 4 и 5 у д. М. Стрекаловка еще около 150 западин. Сводный топографический план памятников Селища 4, 5, 6 и 7 у д. М. Стрекаловка показывает, что все они – части одного и того же поселения XIV–XV вв. общей площадью более 12 га.

То, что обнаруженные на территории поселений западины являются остатками не полностью нивелированных накапливавшимся культурным слоем заглублённых в грунт построек, подтверждается материалами 3 раскопов, заложенных на Селище 7 у д. М. Стрекаловка. Всего было исследовано 5 таких западин, и каждая из них оказалась остатками жилой или хозяйственной постройки.

На месте одной из подобных западин был обнаружен короткий меч (впоследствии переданный находчиком в фонды музея «Куликово поле»), в связи с чем на этом месте были проведены раскопки, в ходе которых была выявлена постройка первой половины XV в. Однако по материалам исследований² находка меча была связана не с данной постройкой, а, скорее всего, с оставшейся на этом месте западиной, в которой и располагался меч.

Кроме непосредственно жилой части в площади памятников были выявлены участки культурного слоя, чрезвычайно насыщенные мелкими древесными угольками, фракциями обожженной глины, металлургическими шлаками и кусочками руды. На одном из таких участков Селища 7 был заложен раскоп³.

В площади раскопа были обнаружены остатки 3 металлургических сыродутных горнов. По всей видимости, эти горны работали не одновременно. Наиболее ранний из них не сохранился. Была исследована глиняная площадка основания горна. По всей видимости, этот горн существовал одновременно с двумя постройками, располагавшимися по соседству с ним, от которых на дневной поверхности памятника остались западины. Два других горна были построены уже после окончания бытования этих построек.

Хотя исследованные горны сохранились далеко не полностью, удалось проследить общие закономерности в их устройстве. Каждый из горнов был возведен на выровненной глиняной площадке, обустроенной внутри специально вырытой для этого округлой ямы. На этой площадке формовалось глиняное тело горна, колоколовидной формы, диаметром у основания около 0,7 м. После сушки и обжига вокруг горна создавалась деревянная конструкция диаметром около 1,1–1,2 м, наподобие бочонка. Пу-

¹ Простяков И. С. Отчет о разведочных работах в МО г. Тула в 2015 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 55922.

² Грищук М. С. Отчет об археологических раскопках на Селище 7 у д. М. Стрекаловка в МО г. Тула в 2018 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 59473.

³ Грищук М. С. Отчет об археологических раскопках на Селище 7 у д. М. Стрекаловка в МО г. Тула в 2019 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Б/н.

стующее пространство между деревянной конструкцией и горном засыпалось грунтом. Это позволяло значительно сократить теплопотери при работе горна.

Проводились также раскопки⁴ в жилой зоне этого же селища. Ими были исследованы еще 2 выявленные на площади поселения западины. Обе они также оказались остатками построек. В результате данных исследований выяснилось, что на памятнике существовала плотная усадебная застройка, прослеженная на протяжении 4 строительных периодов.

С. Н. Темушев (Белорусский государственный университет)

ПРИЧИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТЧУЖДЕНИЯ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ В КОНЦЕ X – XI в.

Политическому обособлению Полоцкой земли в пределах древнерусского этнополитического пространства способствовали:

- особенности ее физико-географических условий и геополитического положения;
- самостоятельное, независимое от лесостепного региона развитие северной группы славян в начальный период становления государственности;
- особенности колонизационных процессов на территории Верхнего Подвинья и Верхнего Поднепровья, требовавшие создания сильной военной организации у славян;
- обнаружение дополнительных ресурсов для поддержания государственной и военной организации (контроль над торговыми путями и сбор дани с периферийных прибалтийских племен).

Особое положение Полоцкой земли проявилось в самостоятельности полоцкой династии, представители которой неоднократно выражали враждебность в отношении земель, подконтрольных киевским князьям. Еще в XII в. была предпринята попытка объяснить вражду между полоцкими и киевскими князьями. В условиях нового обострения конфликта Полоцка с Киевом, вызванного властными амбициями киевского князя Мстислава Владимировича, не желавшего мириться с существованием независимых властителей на пространстве Древней Руси, на страницы летописи под 1128 г. была помещена легенда о неудавшемся покушении Рогнеды на жизнь Владимира Святославича¹. Даже если описанные в легенде события имели место в действительности, вряд ли они могли стать причиной непримиримой вражды Рогволодовых и Ярославих внуков. Давно обращено внимание на слабость летописного обоснования, опирающегося на древнее предание: потомки Ярослава Владимировича с таким же основанием, как и потомки Изяслава Полоцкого, могут быть названы «Рогволодовыми внуками» [Соловьев, с. 80–81].

Простой факт принадлежности к княжескому роду давал полоцким Изяславичам, подобно другим естественным образом формирующимся династиям, право на участие во власти над общим достоянием – Русской землей. Важнейшей составляющей всей политической системы являлось распределение ресурсов, представленных доходами с волостей, то есть даней-налогов, мытных сборов, вир и продаж с собственного славянского населения и даней-контрибуций с периферийных племен. Любые изменения в распределении волостей, вызванные, например, открывшимся наследством, касались всех представителей княжеского рода, который выступал в качестве совладельца общего владения, поскольку подобно роду неделимой в идеале была и подвластная ему Русская земля [Комарович, с. 22].

Первоначально полоцкие князья не только претендовали, но и реально участвовали в распределении ресурсов от Русской земли и ее периферии. Возможно, полоцкий князь получал часть прибылей от Новгородской земли. В этой связи представляется обоснованным объяснение нападений полоцких князей на Новгородскую землю попыткой восстановить нарушенный порядок вещей, заключавшийся в участии всех представителей княжеского рода в распределении доходов от населения Русской земли и ее периферии. Возможно, киевский князь Ярослав Владимирович признал обоснованным недовольство полоцкого князя Брячислава Изяславича его отстранением от получения части доходов с Новго-

⁴ Крухмаль А. И. Отчет об археологических исследованиях на Селище 7 у д. М. Стрекаловка в МО г. Тула в 2022 г. // в под.

¹ ПСРА. М., 2001. Т. 1. Стб. 300–301.

родской земли и в качестве компенсации передал Полоцку города Витебск и Усвяты. Войну, начатую Всеславом Брючиславичем, можно объяснить теми же причинами, в итоге полоцкий князь был удовлетворен уступкой ему Менской волости, территория которой изначально должна была принадлежать Киевской земле.

Древний семейный конфликт был актуализирован во второй половине 1120-х гг. для оправдания враждебных действий киевского князя против полоцких князей, которые не вписывались в создаваемую усилиями Владимира Мономаха и Мстислава Великого политическую систему, опирающуюся на союзных и вассальных киевскому князю правителей отдельных древнерусских земель. Именно отказ полоцких князей выполнять важнейшую обязанность вассалов – принимать участие в военных мероприятиях по требованию старейшего правителя – послужил главной причиной их высылки в Византию. Значение использования древнего семейного предания в идеологических целях (и неслучайно именно в конце 1120-х гг.) вполне выяснено: была сделана попытка внести изменения в историческую память княжеского рода – династия полоцких князей объявлялась Рогволодовичами, не совсем Рюриковичами, а тем самым не имеющей полных прав на владение частью Русской земли (а значит, киевский князь получал основание для изгнания полоцких князей и включение Полоцкой земли в состав своих владений) [Рукавишников, с. 111].

Литература

Комарович В. А. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Из истории русской культуры. М., 2002. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. С. 8–29.

Рукавишников А. В. Почему полоцкие князья были сосланы в Византию: свидетельства источников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12). С. 99–111.

Соловьев С. М. История отношений между князьями Рюрикова дома. М., 1847. [2], 696 с.

Е. В. Уханова (ГИМ)

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О БИБЛИОТЕКЕ КИЕВСКИХ КНЯЗЕЙ И СУДЬБАХ ЕЕ РУКОПИСЕЙ

Ранее мы выделили группу из четырех манускриптов первой четверти XII в., схожих по кодикологии и палеографии (ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 108 (далее – Син. 108), 262 (далее – Син. 262), Чудовское собрание. № 12 (далее – Чуд. 12), Матенадаран имени св. Месропа Маштоца. № 1351 (далее – Матенадаран 1351)) [Уханова, 2017]. Выдающиеся размеры пергаменных листов высокого качества, штата писцов, декорация златописными заставками и миниатюрами, свойственная заказам только высшей аристократии (Остромирово и Мстиславово Евангелия), свидетельствуют о высоком статусе комплекса. Изображение на фронтисписах двух кодексов св. мч. князя Бориса, небесного патрона Владимира Мономаха, дает основание видеть в них заказ для его библиотеки. Поскольку она утрачена, мы предположили, что рукописи были вывезены кем-то из его потомков [Уханова, 2009].

На полях Чуд. 12 есть комплекс записей деловым полууставом конца XIV в., сделанный опытным книжником. Он заметил текст для чтения вслух, показал владение тайнописью, написав простой литореей загадку про горшок и ключ к ее расшифровке, оставил записи с упоминанием Даниила Московского († 1303) и Дмитрия Донского († 1389): «...лѣ приставнѣсѣ кнѣзѣ велико данило» (Л. 14 об.); «ГН҃҃҃ КНѣЮ ВЕЛИКОМУ... / УЛОМЪ» (Л. 84); ГН҃҃҃ КНѣ ВЕЛИКОМУ Д... / МИТРЕЮ ИВАНОВИЮ...» (Л. 103). Мы определили, что той же рукой оставлена помета на л. 30 об. в другой рукописи выявленного комплекса – Син. 108.

Пробы писца в составлении челобитной Дмитрию Донскому говорят о датировке записей до 1389 г. Совместное бытование рукописей, написанных общими писцами в начале XII в., свидетельствует, что с момента создания их история была общей. Упоминание в Чуд. 12 Даниила как «великого князя» указывает, что запись сделана в Москве. Судя по наличию в Син. 108 еще одной записи, сделанной

лигатурным письмом автором рукописи ОР ГИМ. Чудовское собрание. № 11, эти рукописи в конце XIV в. находились в Московском Кремле – возможно, в Чудовом монастыре [Уханова, 2021]. Это был ктиторийский монастырь митрополита Алексея, в дальнейшем – резиденция митрополитов, центр книжной культуры Московского государства. Полагаем, что другие две рукописи (Син. 262 и Матенадаран 1351) в конце XIV в. имели ту же судьбу: позднее они также обнаруживаются в Москве, одна – в патриаршей библиотеке.

Нам удалось найти связанные с заказами киевских князей еще две древние рукописи с пометами того же книжника конца XIV в. Одна из них – Синайский патерик второй половины XI в. (ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 551; далее – Син. 551). Возможно, это копия с рукописи, подаренной Ярославу Мудрому сыновьями [Уханова, 2019]. Наш книжник оставил там схожие с Чуд. 12 записи (Л. 1 об., 97 об.). Молитвенную запись той же рукой находим и в принадлежавшем князю Святославу Изборнике 1073 г. (ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 1043. Л. 88). На разных листах во всех названных рукописях писец допускает разную свободу в письме маргиналий, но базовые начертания повторяются.

Таким образом, можно предположить существование некогда единой библиотеки киевских (затем великих) князей, часть из которой уцелела после монгольского завоевания. Киевские кодексы Ярослава, Святослава и, вероятно, Владимира Мономаха обнаруживаются вместе в конце XIV в. в Московском Кремле. Можно частично проследить их дальнейшую судьбу. Син. 262 имеет помету XVII в. «верховая», то есть из кремлевского царского дворца. Чуд. 12 осталась в Чудовом монастыре. Син. 108, хотя имеет записи чудовских книжников конца XIV в., в 1661 г. вместе с Син. 262 и Син. 551 передается Никоном в основанный им Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. После его смерти все они возвращены в патриаршую библиотеку. Изборник 1073 г. был найден в 1817 г. в том же Воскресенском монастыре. Наиболее трагична судьба последней рукописи (Матенадаран 1351). В XVII в. ее разобрали на листы, один из которых использован как защитный в армянской рукописи. Вероятно, это произошло в московской армянской диаспоре, которая в XVII в. существовала в Китай-городе.

Литература

- Уханова Е. В. Древнейшие изображения свв. князей Бориса и Глеба: к вопросу об остатках библиотеки Владимира Мономаха // Борисоглебский сборник. Париж, 2009. Вып. 1. С. 117–156.
- Уханова Е. В. О форме объединения древнерусских писцов в конце XI – начале XII в. // Монфокоп: Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. М., 2017. Вып. 4. С. 523–574.
- Уханова Е. В. О возможных путях формирования библиотеки Ярослава Мудрого // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной научной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва, Россия). М., 2019. С. 205–206.
- Уханова Е. В. Неизвестная молитва Акиндина в древнерусской рукописи XII в. и попытка создания русского «минускула» // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 5 (103). DOI 10.18254/S207987840015985-2. URL: <https://history.jes.su/s207987840015985-2-1/>.
-

А. Н. Хохлов (ТНИИР-Центр)

ТЕРРИТОРИЯ ТВЕРИ XII–XIII вв. И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Попытки реконструировать последовательность формирования территории Твери в ранний период ее существования предпринимались неоднократно. П. Д. Малыгин предполагал, что наиболее раннюю часть Твери следует связывать с «Глиняным городищем», которое Писцовая книга 1626 г. помещала на участке правого берега р. Волги, примерно напротив устья р. Тверцы [Малыгин, с. 124–125]. Однако это городище до сих пор не выявлено. Кроме того, в раскопах напротив устья р. Тверцы не выявлен и культурный слой, который датировался бы XII–XIII вв. Н. В. Жилина считает, что город возник на участке при впадении р. Тьмаки в р. Волгу в 1180-е гг. и его территория прирастала в напольную сторону. Она же высказала мнение о том, что к моменту строительства Спасо-Преображенского собора

городские укрепления уже защищали площадку, на которой был заложен первый каменный храм. Возведение напольной части укреплений Н. В. Жилина датировала 1317 г. [Жилина].

В. А. Лапшин сформулировал точку зрения о том, что возникновение Твери как города относится ко времени не ранее XIII в., строительство укреплений в первой половине этого столетия произошло сразу в широких границах Тверского кремля XVII в., а формирование городской территории начинается лишь в конце XIII в. [Лапшин, с. 197]. К этой точке зрения присоединились В. В. Данилов, О. М. Олейников, Е. А. Романова, относившие возведение напольных укреплений кремля к первой половине XIII в. Однако недавно они без привлечения какого-либо нового археологического материала пересмотрели возможные датировки строительства укреплений Твери, склоняясь к тому, что городские стены, сразу охватившие площадь около 19 га, были построены во второй половине XII – начале XIII в.

Археологические раскопки, проведенные в последнее десятилетие на мысу в устье р. Тьмаки, предоставили в распоряжение исследователей материалы, позволяющие по-новому рассмотреть вопросы формирования территории Твери в XII–XIII вв.

В раскопе № 23 на мысу при впадении Тьмаки в Волгу культурный слой, содержащий значительное количество находок и неразрывно связанный с вышележащим городским слоем, начал откладываться не позднее рубежа XI–XII – первой половины XII в. Древнейшая дубовая городская крепостная стена «гаковой» конструкции была сооружена не позднее середины XII в. Рядом с ней располагалась плотная городская застройка: постройки, частоколы, вымостки. На основании данных дендрохронологии две постройки датированы 1149 и 1150 гг., ниже залегали более ранние постройки. Древнейший культурный слой не содержал стеклянных браслетов, которые массово встречаются выше, вероятно в 60–70-е гг. XII в.

Не содержали стеклянных браслетов и предматериковые отложения раскопов в южной части стадиона «Химик» и на Волжском проезде. Такая же картина наблюдается и в раскопах, расположенных восточнее, у подножия Спасского холма с находящимся на нем деревянным храмом Космы и Дамиана, который был сменен каменным Спасо-Преображенским собором. Наличие стеклянных браслетов в слоях, залегающих непосредственно на материке, что можно связывать с последней четвертью XII – XIII в., зафиксировано в раскопах, расположенных восточнее здания Реального училища. Вероятно, эти участки кремля начали осваиваться позднее, чем территория на оконечности кремлевского мыса и у подножия Спасского холма.

Важным результатом раскопок последнего десятилетия стало выявление на городской территории ранних погребальных комплексов. Среди них – погребения грунтовых могильников, вероятно остатков приходских кладбищ, которые располагались у деревянных храмов. Особое значение для изучения ранней истории Твери имеет и открытие в 2019 г. ранее неизвестного курганного некрополя.

Захоронения под двумя курганными насыпями были обнаружены на участке Городского сада, в нескольких десятках метров к востоку от здания Реального училища, южнее ул. Советской. На погребальных площадках каждого комплекса было совершено по несколько (до четырех) захоронений в могильных ямах взрослых и детей. Погребенные находились в гробовищах (дощатых или выдолбленных колодах), покрытых или обернутых берестой. У женских черепов были расчищены украшения – височные кольца. Погребальная площадка была окружена ровиком, вероятно кольцевой формы, в котором, по всей видимости, были установлены столбы ограды. С внешней стороны ограды располагались ровики в виде нескольких ям, откуда брали грунт для сооружения насыпи, остатки которой хорошо фиксировались в раскопе. И. А. Сафарова, под руководством которой исследовался этот погребальный комплекс, склонна предварительно датировать его второй половиной XI – началом XII в. Позднее эти курганы вошли в зону хозяйственного освоения растущего города, их насыпи были разрушены и сnivelированы.

Судя по аналогиям с материалами Киева, Пскова, Суздаля, Чернигова и других городов, курганные некрополи располагались за границами городских укреплений, часто – за пределами жилой застройки посадов. Ю. Н. Сытый, анализируя материалы Чернигова, полагает, что погребальные комплексы располагались на расстоянии не ближе 200 м от застройки [Сытый, с. 27].

С населением, оставившим древнейшие выявленные на сегодняшний день в Твери захоронения под курганными насыпями, вероятно, связан ранний культурный слой, обнаруженный на мысу при впадении р. Тьмаки в р. Волгу. Площадка этого раннего поселения располагалась на мысу, с запада и севе-

ра она омывалась водами рек, с востока имела естественную преграду в виде озера (или, возможно, протоки в период паводков), заболоченные остатки которого зафиксированы Писцовой книгой 1685–1686 гг. Судя по небольшому участку, вскрытому раскопом, западный берег этого водоема в древности для усиления защитных свойств мог быть эскарпирован.

На месте курганов во второй половине – конце XII в. возникло христианское кладбище, которое функционировало, вероятно, до начала XIII в.

В это же время возник и существовал до 1285 г. и некрополь у деревянной церкви Космы и Дамиана на Спасском холме. Во многих женских захоронениях этого кладбища, совершенных по христианскому обряду, выявлены украшения и детали костюма, датировка которых в совокупности с радиоуглеродными датами, полученными от образцов дерева гробовищ, определила хронологию некрополя.

Западнее Спасского холма у южного входа на стадион «Химик» обнаружено еще одно кладбище. Для одного из наиболее ранних его захоронений, совершенных в деревянных гробовищах, покрытых или обернутых берестой, была получена радиоуглеродная дата, которая не выходит за пределы третьей четверти XII в.

Таким образом, материалы ранних погребальных комплексов в совокупности с материалами культурного слоя позволяют существенно уточнить последовательность роста территории ранней Твери и хронологию этого процесса.

Литература

Жилина Н. В. Укрепления средневековой Твери // Краткие сообщения Института археологии. 1986. Вып. 183. С. 66–70.

Лапшин В. А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб., 2009. 540 с.

Малыгин П. Д. Некоторые итоги и проблемы изучения средневековых древностей территории Тверской области // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып. 1. С. 116–128.

Сытый Ю. Н. Закономерности расположения некрополей древнерусских городов (на примере материалов исследований Чернигова) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2014. Вып. 7. С. 18–30.

Р. П. Храпачевский (Центр по изучению военной и общей истории)

К ВОПРОСУ О РУССКОЙ ГВАРДИИ ЮАНЬСКИХ ИМПЕРАТОРОВ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIV в.

Во второй половине XIX в. в «Трудах Российской Духовной миссии в Пекине» и в «Христианском Востоке» вышли заметки двух отечественных китаеведов – архимандрита Палладия (Кафарова) и Э. В. Бретшнейдера. Они и сообщили те основные сведения о русских в Пекине при династии Юань, которые ими были обнаружены первыми среди европейских синологов. С тех пор эти сообщения серьезно не пересматривались и не дополнялись. Данная работа предназначена именно для этих двух целей.

В первую очередь в ней уточняются датировки появления русских воинов в юаньской армии, а во вторую – выявляются пути и механизмы их появления в империи Юань. Для этого привлекаются те сведения юаньских источников, которые не использовались вышеназванными исследователями, а также применяется метод сравнения с историей создания аналогичных (в основном кипчакских) гвардейских частей Юань.

Принятая этими авторами дата «русских в Пекине», то есть 1330–1331 гг., продолжает использоваться в литературе. Но обращение к цз. 32 ЮШ, «Основным записям» императора Ток-Тэмур, показывает, что корпус гвардии, где находился «русский полк», был учрежден его указом 13 января 1329 г. [ЮШ, с. 722], эта же дата подтверждена в описании гвардейских корпусов в трактате «Войска» в цз. 99 ЮШ. В последнем и перечислены все составляющие этого корпуса, в том числе и «Управление (штаб. – Р. Х.) главнокомандующего русским охранным полком из гвардии свиты императора “Всюду

верные»» [ЮШ, с. 2530]. Создание этого корпуса было вызвано переворотом 1328 г., когда сторонники Аригабы свергли с престола Ток-Тэмура, который через несколько месяцев смог вернуться на трон с помощью оставшейся ему верной части гвардии (само наименование русского полка как «Всюду верные» было, вероятно, пожаловано именно за это). Таким образом, как минимум весь 1328 г. русский полк уже существовал, а в январе 1329 г. его объединили с другими, тоже оставшимися верными Ток-Тэмуру гвардейцами (9000 кипчакской гвардии, полк аланской гвардии, два полка монгольской гвардии, разные части из корейских, чжурчжэньских и ханьских войск), создав отдельный гвардейский корпус под командованием преданного Ток-Тэмуру начальника всей кипчакской гвардии Ял-Тимура, который и вернул ему трон [Юй Цзи, с. 229]. Количество русских в полку со временем увеличивалось, и он был преобразован указом 17 мая 1330 г. в отдельный тумен со своим штабом – «столичное темничество императорской гвардии “Всюду верная гвардия свиты [императора]”» [ЮШ, с. 758]. То есть он был выведен из вышеупомянутого корпуса, причем «русский полк “Всюду верные”» фактически передавал свое название этому особому столичному тумену гвардии.

Дата 1328 г., когда русские уже были среди воинов Юань, наталкивает на мысль, что русский полк мог быть составлен из «тверского полона». Ведь после восстания тверичей, уничтоживших в августе 1327 г. двор ордынского царевича Чолхана, последовавшая осенью того же года «Федорчукова рать» разгромила Тверь и ее земли. После нее и был большой приток пленных на рынки Золотой Орды, куда они прибыли, скорее всего, не позднее весны 1328 г. В этот же год они могли отправиться дальше на восток – в пределы Центрального улуса Монгольской империи и в его столицу Ханбалыг (Пекин). Связи между Золотой Ордой и Юань были в этот период дружественными – в январе 1327 г. в Пекин прибыли послы хана Узбека с большими дарами. Более поздние сообщения юаньских источников показывают механизм пополнения «русского полка»: в августе 1332 г. к только что воцарившемуся Тогон-Тэмуру в Пекин прибывает золотоордынский посол Намхур «принести дань» с обычным для таких посольств караваном купцов, у которых всеильный фаворит Ял-Тимур вместе с родственником юаньского императора *чжуваном* Аргаширом скупают привезенные посольскими купцами товары и рабов, которых потом дарят молодому императору, – 8 августа «Ял-Тимур преподнес [императору] 2500 человек русских», а 25 августа «*чжуван* Аргашир преподнес императорскому двору 30 человек русских [совершеннолетних] и 103 человека [русских] подрастающих» [ЮШ, с. 805–806].

Создание из рабов-чужеземцев личной охраны монарха – это обычная практика по всему средневековому Востоку (см. мамлюков Египта). У императоров Юань такой способ формирования гвардии начался с Хубилая, который испытывал постоянные проблемы с мятежниками собственного «золотого рода», имевшими сторонников именно среди монгольских войск. При Хубилае началось создание гвардий из кипчаков, алан и других народов. Самой сильной и боеспособной оказалась кипчакская гвардия, которую возглавил Тутук – дед Ял-Тимура. Способ ее формирования в юаньских источниках 1299 и 1328 гг. описан так: «[Тутук] получил священное повеление: кипчаков всех родов, к каким-либо *чжуванам* они бы не принадлежали, и в какие-либо реестры простого народа не были бы записаны, всех [было высочайше] повелено отделить и вывести [из указанных категорий зависимости], приписав к войскам племени господина (Тутука. – Р. Х.)» [Янь Фу, с. 266], «что касается отобранных из них [то есть дворов кипчаков] за способности, то зачислить в гвардию охраны дворцового города... в 23-м году [Чжи-юань] (26.01.1286–14.01.1287) была учреждена кипчакская гвардия, в связи с чем [Тутук] стал по совместительству ее главнокомандующим» [Юй Цзи, с. 230]. Принципиально такая передача бывших пленных и рабов из числа кипчаков для создаваемых гвардейских частей мало чем отличается от вышеописанного механизма создания «русского полка», а потом и русского тумена «столичной гвардии», а значит, является дополнительной иллюстрацией к нему.

Источники

- Юй Цзи – 虞集, 句容郡王世績碑, 全元文 第27册, 南京 2004 / Юй Цзи «Цзюйжун цзюньван шицизбэй», «Полное собрание литературных текстов Юань т. 27». Нанкин, 2004.
 ЮШ – 元史, 北京 1997 / Юань ши. Пекин, 1997.
 Янь Фу – 閻復, 樞密句容武毅王碑, 全元文 第9册, 南京 1999 / Янь Фу «Шуми Цзюйжун У-и ван бэй», «Полное собрание литературных текстов Юань, том 9». Нанкин, 1999.

С. Б. Чебаненко (СПбГУ)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СУДЕБНЫХ ФУНКЦИЙ ДРЕВНЕРУССКИХ ТИУНОВ

В деятельности тиунов домонгольского времени обращает на себя внимание административно-хозяйственная составляющая, они управляют двором и имуществом князя, бояр и иных владельцев. Тиуны бывали разных рангов, могли отвечать за разные направления деятельности. Со временем круг обязанностей тиунов становится довольно широким: в их ведении оказываются отдельные города и местности, они собирают налоги, выполняют функции посадников, вершат суд, выполняют иные задания [Завадская; Горский, с. 240]. Такие административно-судебные функции возлагались на княжеских тиунов, о них и пойдет речь.

С середины XII в. тиуны выступают в роли судей¹. О судебных полномочиях тиунов до этого времени практически ничего неизвестно², но это может объясняться особым характером такой деятельности, оказавшейся слабо отраженной в источниках. Судебные функции тиунов, по-видимому, происходили из их управленческой деятельности при княжеском хозяйстве, о внутренней жизни которого известно довольно мало. Впервые появившись в Правде Ярославичей (в составе Краткой Правды, вторая половина XI в.), тиун предстает как важная фигура этого хозяйства, но здесь он выступает как объект, а не субъект права. «Домениальная часть» Правды Ярославичей (ст. 19–28)³ посвящена защите зависимого от князя населения, княжеского хозяйства и имущества от внешних посягательств; о судопроизводстве внутри этого мира не говорится ничего. В Правде Ярославичей упомянуты представители администрации, среди них и тиун, а также зависимое от князя как вотчинника рядовое население – рядовники, смерды, холопы и др.⁴ Отдельно выделяются среди последних смерды, неполноправная категория сельского населения: хотя их жизнь и оценивается так же, как жизнь холопа и рядовника, – в 5 гривен, но они владеют своим имуществом (в ст. 28 упомянут смердий конь) и участвуют в правовых спорах (вероятно, с представителями внешнего мира) наряду с огнищанами, тиунами и мечниками (ст. 33 о «муке»⁵ смерда)⁶.

«Продажи», штрафы в пользу княжеской власти, собираемые первоначально со смердов⁷ (зависимых от князя как представителя государственной власти и как вотчинника) за совершаемые в их среде преступления, распространяются на представителей полноправного населения [Чебаненко]. Пространная Правда в ст. 45 обозначает связь «продаж» со смердами: «то ти оуроци смердомъ, оже платятъ князю продажу»⁸, но «продажи» взымались уже не только со смердов. Можно предполагать, что приобретение тиунами судебных функций связано с разрешением различных конфликтов в пределах княжеского хозяйства, с появлением «продаж» в среде смердов и далее – с распространением к концу XI в. практики взымания «продаж» на свободных. Когда мы обнаруживаем тиуна в сфере судопроизводства (середина XII в.), то он сразу выступает в роли «готового» судьи; его эволюция из распорядителя княжеским хозяйством в судью в источниках почти не отражается. Можно полагать, что закрепление

¹ ПСРА. М., 1998. Т. 2. Стб. 321–322; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 37; Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М., 1963. С. 38 (ст. 34); Мерило Праведное по рукописи XIV в. М., 1961. С. 129.

² Спорным в литературе является известие под 1093 г. о последних годах правления князя Всеволода Ярославича. Под старость он стал слушать советы новых приближенных князя, «оуныхъ». В это время людей «грабят» и «продают» (налагают судебные штрафы): в Лаврентьевской летописи виновными названы «те оунии», то есть новые советники (ПСРА. М., 1997. Т. 1. Стб. 217), в Ипатьевской – «тивуне» (ПСРА. Т. 2. Стб. 208).

³ После идут пестрые по содержанию нормы: ст. 19–41 [Правда Русская, с. 46 (коммент. Б. А. Романова); Тихомиров, с. 63–68; Смирнов, с. 42–44].

⁴ Правда Русская (далее – ПР). М.; Л., 1941. Т. 1. Тексты. С. 71–72.

⁵ «Мука» – процессуальное определение истины посредством испытания железом или иные виды «мучительных» ордалий.

⁶ ПР. Т. 1. С. 72.

⁷ Эту мысль выдвинул А. Е. Пресняков [Пресняков, с. 434, 446]. О связи «продаж» и княжеского хозяйства см.: [Смирнов, с. 7; Зимин, с. 116–118].

⁸ ПР. Т. 1. С. 108–109.

его в этом статусе относится ко времени распространения «продаж» на основное население Руси, что фиксируется уже в конце XI в.⁹, хотя в связи с этими событиями тиуны в летописях прямо не названы¹⁰.

Литература

- Горский А. А. Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. СПб., 2019. 416 с.
Завадская С. В. О значении термина «княж тиун» в XI–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1975. М., 1976. С. 157–164.
Зимин А. А. Правда Русская. М., 1999. 421, [1] с., [1] л. портр.
Правда Русская: Учебное пособие. М.; Л., 1940. 112 с., [2] л. факс.
Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий; Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. 632, [2] с., [1] л. портр.
Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII–XIII веков. М., 1963. 364 с.
Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М., 1941. 254 с.
Чебаненко С. Б. К вопросу о происхождении и эволюции «продаж» Краткой Правды («Правды Ярославичей») // Тысячелетие Правды Русской: история и перспективы изучения древнейшего памятника отечественного права. СПб., 2017. С. 216–231.

И. Чекова-Димитрова (Софийский университет «Св. Климент Охридский», Университет в Кёльне)

ПАРАЛЛЕЛИ МЕЖДУ «ПОУЧЕНИЕМ» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА И «ШЕСТОДНЕВОМ» ИОАННА ЭКЗАРХА БОЛГАРСКОГО

Шестьдесят лет назад Д. С. Лихачев делится своим наблюдением, что «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского оказывает влияние на «Поучение Владимира Мономаха» [Лихачев]. К отмеченным им сходствам в настоящей работе добавляются заметки и новые примеры [Чекова].

В Слове пятого дня «Шестоднева» Иоанн Экзарх описывает Творение мира и выражает свое изумление перед Божьей мудростью, цитируя Псалтырь (ср.: Пс. 103: 24; 9: 1, 6). У Мономаха восхищение перед величием Божьего промысла показано также с опорой на Псалтырь. Коротко описано Сотворение мира – создание неба, солнца и луны, отделение света от темноты, земли от воды, создание животного мира – зверей, земноводных, рыб и птиц.

И оба книжника упоминают, что человек создан «от персти» и что Премудрость Творца состоит также и в многообразии человеческих лиц – в целом мире не найти абсолютно одинаковых лиц. Иоанн Экзарх подробно разрабатывает обе темы, описывая возможные различия между людьми, чьи лица, казалось бы, одинаковые, а Владимир Мономах «резюмирует» – объединяя тему создания человека «от персти» с темой разнообразия человеческих лиц.

Достоинны Божьего благословения только рыбы, птицы и человек, остальные его не получают (Слово четвертого дня). «Шестоднев» говорит о сходстве между рыбами и птицами / земными животными: для рыб вода означает то, что для земных животных воздух. Посредством эпизода о параллельном существовании больших и малых рыб он внушает идею социального иерархического порядка и необходимости для каждого человека довольствоваться своей частью. В «Поучении» рыбы заменяются птицами (уже было сказано, что в «Шестодневе» оба вида уподобляются), но выражается аналогичная идея: вся земля – и леса, и поля – населена одновременно и сильными, и слабыми птицами.

И дальше для Иоанна Экзарха очень важен пример поведения, который задают для людей рыбы, – своим упорством переплыть морские широты. Как в «Шестодневе», так и в «Поучении» подчеркивается, что лень – начало всех пороков. Мономах развивает эту мысль дальше: ленивый человек забудет и то, что умеет, а тому, что не умеет, не научится. Примером для будущих князей служит отец Владимира Мономаха, выучивший дома пять языков.

В продолжение напутствий апостола Павла о супружестве (1 Кор 7: 3; Еф 5: 22–33) Иоанн Экзарх видит брак как благословенный Богом союз, поддерживаемый обеими сторонами, и призывает мужчин любить и уважать своих жен: **МОУЖИ ЛЮБИТЕ ЖЕНЫ СВОА. АЩЕ И РАЗНОРОЖЕНИ ЕСТЬЕ. ТИ**

⁹ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 104; Т. 1. Стб. 217, 218.

¹⁰ См., однако, примеч. 2.

вѣракомъ совокѣпилися есте. то тѣ естъственны совоузь. иже ѿ бѣвленіа царемъ. и съпраженіе. разностоащимъ. едїнены да боудеть¹.

Точно так же в своем «Поучении» Мономах напоминает о ведущей роли мужа: жену свою любите. но не дайте имъ над собою власти².

Согласно славянскому «Физиологу», горлица – символ супружеской верности, так как после смерти своего партнера она не ищет другую птицу. Точно так же рисует горлицу и Иоанн Экзарх: мѣнать же и горлицю. тако подрѣжіе ея оумрѣть. тако ко иномоу са не припразаетъ пвдрѣжію, но прѣбываетъ тако иног не поемлющи. но помнить первї соупругъ³.

В письме к Олегу Гориславичу, убившему его сына, Владимир Мономах просит Олега отправить к нему его сноху, чтобы они оплакали вместе смерть ее мужа, их свадьбу и венчание. Овдовевшая княгиня сравнивается с «желѣющей» горлицей на сухом дереве.

И в обоих текстах книжники обращают внимание на милосердие, человечность, гостеприимство, воздержание, отказ от гнева и мщениия как на важные нравственно-этические качества. Аналогично представлены и темы бренности человеческого бытия и земной власти. Предостережение юношей от разговора с беспутными женщинами в «Поучении» может найти дальнюю параллель в одобрении поведения юношей, которые воздерживались от физического общения с женщинами, согласно библейской цитате в «Шестоднев» (Слово пятого дня). Оба сочинения ссылаются на «Поучения» Василия Великого.

Как «Шестоднев», так и «Поучение» раскрывают образ идеального правителя. В Прологе «Шестоднева» Иоанн Экзарх обращается к «славному христолюбцу Симеону» и говорит о добрых делах болгарского правителя. Слово шестого дня – дня сотворения человека – начинается с описания его дворца и его самого, как достойных восхищения. И это неслучайно: князь является посредником между земным и небесным царствами.

Если «Шестоднев» создан книжником, приближенным к князю (Иоанн Экзарх – представитель Преславской книжной школы, покровительствуемой болгарским князем Симеоном), то «Поучение» выходит из-под пера самого князя (древнерусский правитель из рода Мономаховичей, как сказано в начале произведения). «Поучение детям» выстраивает перед будущими князьями духовные качества образцового христианского правителя, и в этом смысле его можно определить как близкое к жанру византийских «княжеских зеркал».

В «Поучении» намечаются следующие мотивы и образы, корреспондирующие с сочинением Иоанна Экзарха: идея о Божьем промысле при создании мира и восхищение величием Божьей мудрости; тема о разнообразии человеческих лиц и создании человека «из персти»; большие и маленькие рыбы как пример социального устройства и порядка у людей, лень и безделье как порок, ведущий ко всем остальным порокам; брачные взаимоотношения между мужем и женой, основанные на уважении к супруге и ведущей роли мужа, образ вдовы-горлицы; призыв к милосердию, человечности, гостеприимству, отказ от гнева и мщениия, напутствие к юношам соблюдать духовную чистоту и воздержание, тема идеального правителя и власти.

Представленные паралели доказывают еще раз большое значение сочинений древнеболгарского книжника Иоанна Экзарха и его византийских и античных источников для древнерусской литературы. «Шестоднев» является не только источником естественнонаучных сведений в Древней Руси, но также и богословско-философским кодексом для осмысления мироздания, социальной иерархии, быта и фигуры правителя. Он закладывает культурные модели, основанные на христианско-нравственных и космогонических представлениях, в славянских письменных традициях культурно-конфессиональной общности Slavia Orthodoxa на несколько веков вперед.

Литература

Лихачев Д. С. «Шестоднев» Иоанна Экзарха и «Поучение» Владимира Мономаха. Вопросы теории истории языка // Сборник в честь профессора Б. А. Ларина. Л., 1963. С. 187–190.

Чекова И. Поучението на Владимир Мономах и Шестодневът на Йоан Екзарх Български – още паралели // Маршрути на книжовно общуване между източните и южните славяни. Международна научна конференция, 21–22 ноември 2019 г., София. София, 2020. С. 120–128.

¹ Баранкова Г. С., Мильков В. В. Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. СПб., 2001. С. 539 (Слово пятого дня).

² Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 246.

³ Баранкова Г. С., Мильков В. В. Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского. С. 539 (Слово пятого дня).

С. З. Чернов (ИА РАН)

СТРУКТУРЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ ВОЛОСТИ ВОРЯ К ЮГУ ОТ ДРЕВНЕГО РАДОНЕЖА

По территории волости Воря в архиве Троице-Сергиева монастыря сохранилось 52 акта, датированных временем до 1504 г.¹ Это открывает широкие возможности для изучения структур землевладения. Данная территория, в отличие от большинства других волостей, обеспеченных актами, была заселена еще в древнерусский период. Поэтому изучение волости Воря дает возможность проследить, как протекали процессы формирования вотчинного землевладения и расселения на территории, заселенной в домонгольское время.

Описание 1542/1543 г. застает древнее ядро волости Воря в виде массива «земель великого князя», которые относились к с. Введенскому и незадолго до того принадлежали великой княгине Елене Глинской². Площадь этого массива земель составляла приблизительно 1212 га, или 1109 десятин. Экстерриториально от него располагались земли на р. Талице (д. Лиственка и д. Черкисовская), на реч. Черниченке (д. Горки), на восточном берегу р. Вори (д. Кучукова), а также ряд других земель, которые не фиксируются нашими источниками. С запада, востока и юга к территории Введенской волости примыкали «великого князя села и деревни в поместье за детми за боярскими»³. Из большого списка, приведенного писцами, локализовать удастся лишь земли сокольника Бориско Букина (д. Печкино), Богдана и Андрея Дементьевых детей Глухова (д. Мышкино), Елизара и Русина Тимофеевых детей Мошнина (д. Большое Корякино) и Ивана и Юрия Даниловых детей Румянцева (село Миргасово). Таким образом, волостные и служные земли охватывали территории к западу от р. Вори: верхнее и среднее течения р. Прорванихи, правобережье реч. Черниченки и бассейн р. Лашутки.

Там, где эта территория была затронута археологическими исследованиями, выявлялись поселения второй половины XIV – XV и XVI вв. Более ранний пласт поселений – второй половины XIII – первой половины XIV в. – был зафиксирован в нижнем течении р. Прорванихи. Центральным поселением здесь являлось Царевское городище и селище Царево-1 с прилегающей к нему курганной группой Царево-1. На периферии расположены селища Назарово-2, Останкино-1, -2, -3 (в д. Останкино), Царево-3 и -4 (в с. Царево), а также курганные группы Останкино-1 и Останкино-2. Наиболее ранние из них возникли в конце XII – первой трети XIII в. Остальные появились во второй половине XIII в. и продолжали существовать до первой четверти XIV в., а селища Останкино-3 (в д. Останкино) и Царево-3 (в с. Царево) – и позднее. Можно предполагать, что Царевское городище являлось центром волости Воря, первое упоминание которой относится к 1336 г.

Разъезжая грамота Вассиана Ковезина 1503/1504 г. застает на этой территории вотчину Тимофея Иванова сына Останкова-Царева. В вотчину входили село Иевлево (селище Царево-3 в с. Царево), а также села Языково (селище в д. Останкино) и Останково (селище в д. Шаблыккино). Судя по всему, вотчина возникла здесь уже после того, как центр волости был перенесен в с. Введенское.

Поселения второй половины XIII – начала XIV в., отражающие ранний этап развития волости Воря, обнаружены также между реч. Черниченкой, р. Ворей и реч. Лапинской. В середине XVI в. на их месте располагались д. Горки великого князя (селище Царево-5), д. Черниченка Московского Богоявленского монастыря (селище Царево-6) и д. Зиновьева Троице-Сергиева монастыря (селище Воря-Богородское-2).

Наряду с земледельческим в волости Воря имелось промысловое княжеское хозяйство. Грамота 1423 г. князя Петра Дмитриевича упоминает рыбные и бобровые ловли на р. Воре. Центральным их элементом являлся «омуть Терьменевской»⁴. В середине XVI в. вблизи него располагалась д. Терменева. На ее месте обнаружены поселение и курганный могильник домонгольского времени (Царево-2).

¹ АСЭИ. М., 1952. Т. 1.

² Выпись межевая подмонастырного дворца вотчина письма и межевания кн. Р. Д. Дашкова, Ф. Г. Адашева и дьяка Т. М. Дубровина 7051 (1542/1543) г. // ОР РГБ. Ф. 303/1. № 624. Л. 8–9 об.

³ Роспись сошных окладов письма и межевания кн. Р. Д. Дашкова, Ф. Г. Адашева и дьяка Т. М. Дубровина 7051 (1542/1543) г. // ОР РГБ. Ф. 303/1. № 637. Л. 287–288.

⁴ АСЭИ. Т. 1. № 40.

Восточная периферия волости Воря на левом берегу р. Вори представляла собой зону крупного раннего вотчинного землевладения. С. Конотеребово (Муромцево), принадлежавшее Ивану Смольнянину в начале второй четверти XV в., являлось центром владения площадью около 3 тысяч десятин. Вотчина Федора Тимофеевича Валуева († 1382), переданная его вдовой Окулиной в Троицкий монастырь в 1417 или 1424–1425 гг., включала с. Богородское (619 десятин) и с. Петровское (менее 4362 десятин). Площадь около 3 тысяч десятин имело владение Александра Микитина сына Рахманова – с. Нефедьевское (Рахманово), расположенное на северо-западной окраине волости при впадении р. Сумерь в р. Талицу. Несколько меньшие размеры имело владение Ивана Васильева сына Боркова на правом берегу р. Вори.

Из этих владений лишь поселения Муромцевской вотчины частично совпадали с ареалом поселений XII–XIII вв. Как показали археологические исследования, они возникли в XIV – начале XV в. заново и не имели преемственной связи с поселениями домонгольского времени, запустевшими в XIII в.

Вотчины, переданные их владельцами в Троицкий на Березнике монастырь в середине XV в., располагались на берегах р. Вори (д. Бородинская, купля Патрикеевская, д. Михайлова Куликова) и на нижней Талице (д. Бреховская). В районе впадения р. Талицы в Вору лежали земли митрополичьего Ильинского на Воре монастыря. Ниже по течению Вори, на ее правом берегу, Ивану Смольнянину принадлежала земля Беседа и д. Болдина, а на противоположном левом берегу гость Окул Саларев владел селами Фаустовским и Козловским.

Таким образом, все северная и восточная части волости Воря уже в первой половине XV в. представляли собой вотчины. Далее на восток, на водоразделе рек Вори и Шеренки, располагалась Корзневская волость, включавшая в 1520 г. 71 деревню.

Н. А. Шереметов (ИРЛИ РАН)

СЛУЖБА ПРЕПОДОБНОМУ ФЕОДОСИЮ ПЕЧЕРСКОМУ В КОНВОЕ ОСНОВНОЙ РЕДАКЦИИ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО ПАТЕРИКА

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00174, <https://rscf.ru/project/22-18-00174/>, ИРЛИ РАН.

Список Киево-Печерского патерика Основной редакции (далее – О.) из рукописи НИОР БАН. 33.20.14 середины XV в. (Л. 1–157 об.)¹ содержит утраты и сразу открывается рассказом о Кукше Послания Симона к Поликарпу; после Послания Поликарпа и Слова о первых черноризцах печерских следуют Служба, Похвальное слово Феодосию и Послание митрополита Фотия без начала². Совпадающий с ним по расположению и заголовкам статей список О. из рукописи конца XV в. (ОР РГБ. Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). № 840. Л. 1–152 [Предварительный список, № 1352, с. 152])³ библиотеки Успенского Муромского монастыря – полный⁴, с той особенностью, что Слово о создании Печерской церкви здесь предшествует Слово о начале монастыря.

Согласно поздней владельческой записи, с какого-то времени рукопись НИОР БАН. 33.20.14 бытовала в Новгородских землях⁵, как и некоторые из других кодексов с типологически наиболее близкими списками О., дополненными Похвалой Феодосию, Посланием Фотия и Словом о начале Печер-

¹ Вод. зн. (отождествлены А. Г. Сергеевым): 1) Полуподкова типа: Лихачев № 2959 – 1447 г. и № 4274–4275 – 1440-е гг.; 2) Женская фигура с цветком типа: Лихачев № 978–979 – 1440/1441 г. и № 998 – 1452 г.

² Краткое описание состава кодекса см.: [Čertorickája, № 9.003, S. 549].

³ Сердечно благодарю М. В. Корогодину за указание на эту рукопись.

⁴ Вод. зн.: 1) Кувшинчик гладкий с ручкой, двух разновидностей – сходен с: Лихачев № 1171–1172 – 1491 г. и № 3384–3385 – 1491 г.; 2) Кувшинчик с одноконтурным крестом на крышке и одноконтурной ручкой типа: Briquet № 12499 – 1492/1508 гг. На л. 152 запись полууставом: «А сия книга Успения Пречистыя Богородицы Муромского монастыря соборникъ Печерской, а кто его продасть или похитить, и тому судить Богъ на ономъ».

⁵ Скорописью (первой половины XVIII в.): «Сиа книга глаголемая Петерикъ Николаевского Вязицкого монастыря попова сына Ефима Екимова своя сопъственная».

ского монастыря (например, ОР РГБ. Ф. 205 (Собрание Общества истории и древностей российских). № 157. Начало XVI в.)⁶.

Тем не менее ряд особенностей славословной Службы, выявленной в конвое О., позволяют поставить вопрос о ее Киево-Печерском происхождении. Так, именно в этой редакции богослужебного последования сохранился самый ранний известный нам список канона 6-го гласа «Пресветлыми Божиими лучами» с именованным акростихом: «Пение из уст, отче, моих приими. Хригоров»; 9-я песнь канона «Богоугодный подвиг стяжав» содержит тропарь «Спаси мя, едине избавителю», из старших списков канона встречающийся только в рукописи Арсеньевской редакции Киево-Печерского патерика (ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. Q.п.1.31. 1406 г. Л. 12 об.). После 6-й песни канонов в Службе читаются тексты Жития и Слова от Жития Феодосия Пространной редакции Пролога⁷, а седален 4-го гласа по 3-й песни и стихирь на Хвалитех 2-го гласа представляют собой оригинальные песнопения (созвучные отдельным фрагментам проложных чтений), известные в ограниченном числе списков западнорусского происхождения. Например, в составе полиелейной Службы Феодосию Печерскому из миней на май-июнь (РГАДА. Ф. 181. № 442. 1487–1488 гг. Л. 5Б–10 об.), написанной дьяконом Занкой из Турова по заказу пана Александра Солтана для комплекта миней, два тома которого (на январь-февраль и март-апрель) позднее пополнили библиотеку Успенского Жировицкого монастыря [Каталог, № 51, с. 157–159]; в составе бденной Службы святому из сборника житий и служб (Библиотека им. Врублевских Академии наук Литвы. F 19–102. Конец XV в. Л. 133–138 об.) библиотеки Жировицкого монастыря [Морозова, с. 288], из печатного Анфологиона 1619 г.

Установленное сходство текстов Службы и Похвалы святому наряду с локализацией рукописей НИОР БАН. 33.20.14 и ОР РГБ. Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). № 840 дают основания предполагать наличие общего протографа этих списков О., хотя не исключена возможность, что рукопись НИОР БАН. 33.20.14 в своем первоначальном виде послужила непосредственным источником для сборника из Муромского монастыря.

Справочники филиграней

Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1–3.

Briquet C. M. Les Filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier. Genève, 1907. Т. 1–4.

Литература

Каталог славяно-русских рукописных книг XV века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов / Сост. И. А. Жучкова, Л. В. Мошкова, А. А. Турилов. М., 2000. 409, [3] с.

Морозова Н. Сводный каталог кириллических рукописных книг, хранящихся в Литве: Предварительные материалы // Slavistica Vilnensis. 2016. Т. 16. С. 257–366. DOI 10.15388/SlavViln.2016.61.10652

Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР). М., 1986. 373, [1] с.

Ольшевская Л. А., Травников С. Н. Древнерусские Патерики. М., 1999. 496 с.

Шереметов Н. А. Проложные чтения преподобному Феодосию Печерскому в составе службы на преставление святого (3 мая) (предварительные наблюдения) // Словесность и история. 2020. № 1. С. 181–186. DOI 10.31860/2712-7591-2020-1-181-186

Čertorickája T. V. Vorläufiger Katalog kirchenslavischer Homilien des beweglichen Jahreszyklus: Aus Handschriften des 11.–16. Jahrhunderts vorwiegend ostslavischer Provenienz. Opladen, 1994. x, 795 S.

⁶ Подробнее см.: [Ольшевская, Травников, с. 261–262].

⁷ в рукописной традиции Службы на преставление святого пример единичный, подобный которому, но с проложными чтениями другой редакции обнаруживается лишь в печатном Анфологионе 1619 г. типографии Киево-Печерской лавры [Шереметов, с. 184–185].

М. А. Шибает (РНБ)

РАЗЛИНОВКИ ДРЕВНЕРУССКИХ ПЕРГАМЕННЫХ РУКОПИСЕЙ XI–XV вв.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00615 «Технологические сдвиги в материальной культуре Древней Руси: комплексное исследование книг и документов XI–XVII вв.».

С XI до начала XV в. основным писчим материалом для книг являлся пергамен. Для обеспечения ровности строк письма на нем книжники использовали различные техники разлиновки. Сейчас можно с большой долей уверенности утверждать, что эволюция книжного и технологического производства неизбежно повлекла за собой и эволюцию принципов разлиновки пергаменных листов. Наиболее ранний пергамен домонгольского типа характеризуется в основном различиями по цвету и обработке сторон. В этой связи, как правило, мы наблюдаем линование одного бифолия по шерстной стороне в каждой тетради. Вероятно, постепенное совершенствование технологий обработки кожи привело к тому, что уже в XIII в. стороны стали практически неотличимы, вследствие чего отпала необходимость соблюдать так называемое «правило Грегори». Параллельно с этим процессом совершенствовались и принципы разлиновки – по два бифолия сразу, причем преваляровала, по нашим наблюдениям, система, когда линовались первый и последний бифолии в тетради как бы по направлению друг к другу. Отметим, что массовое применение двухбифольной разлиновки стало возможно при использовании более тонкого и эластичного пергамена, чтобы хорошо была видна борозда сразу на двух бифолиях, но верхний при этом не сильно повреждался. В ряде случаев для рукописей последней трети XIII и первой половины XIV в. наблюдаются переходные формы разлиновки, когда писцы в одном кодексе сначала использовали более архаичную однобифольную разлиновку, а затем переходили к двухбифольной.

Серьезной проблемой является вопрос о применении древнерусскими книжниками линейки с некоей шкалой для ровного проставления наколов на полях. Очевидно, что проведение ровных достаточно длинных разлиновочных борозд едва ли было возможно без инструмента, похожего на современную линейку. Однако для проставления наколов линейка, по нашим наблюдениям, использовалась примерно в 20 % от всего просмотренного массива рукописей. О применении линейки с делениями свидетельствуют два фактора: ровная линия самих наколов относительно края листа и сходное расстояние между верхним и нижним наколами, задающими горизонтальную разлиновку. В большинстве случаев линия наколов неровная, и между тетрадями есть достаточно большая разница в расстояниях между крайними разлиновочными наколами, иногда доходящими до 1 см. Тем не менее почти всегда писцам удавалось без линейки создавать достаточно стабильную разлиновку. Нам представляется, что использовался специально подготовленный брусок-шаблон, переставляемый после каждого накола. Его изготовление с точки зрения технологии было элементарно: размер бруска должен равняться сумме предполагаемых высот букв в строке и межстрочного пространства. Отметим, что в большинстве случаев писцы ориентировались вне зависимости от формата письма на примерно равное соотношение этих двух величин.

В 80-е гг. XIV в. в древнерусскую книжность начала активно проникать бумага как писчий материал. Поначалу бумага, как и пергамен, также линовалась с помощью предметов с острым окончанием (шило, нож и т. п.). Однако на рубеже XIV и XV вв., вероятно, и бумага, и вслед за ней пергамен стали лिनаться специальными шаблонами-«керамсами», то есть досками с натянутыми проволочными вертикальными и горизонтальными металлическими нитями, которые прижимали к листу. По нашим наблюдениям, около половины исследованных нами рукописей XV в. из собрания Отдела рукописей РНБ разлинованы с помощью шаблона. Применение шаблонной разлиновки существенно сэкономило время, правда, наносить эту разлиновку необходимо было уже не на бифолий, а на каждый лист. При этом шаблонная разлиновка позволила существенно повысить геометрическую сложность общего рисунка разлиновки, добавлять большее количество вспомогательных горизонтальных и вертикальных линий. Отметим несколько отличительных особенностей шаблонной разлиновки: идентичные размеры зеркала текста; отсутствие каких бы то ни было проколов на пергамене; более округлые и иногда очень плохо-

читаемые борозды; горизонтальные разлиновочные линии никогда не пересекают барьер вертикальных линий. При этом нами пока не зафиксирован ни один случай применения других приспособлений, облегчающих разлиновку, кроме шаблона-«керамсы», какие использовались в других, недревнерусских письменных традициях. Для реконструкции метода нанесения шаблонной разлиновки нами были проведены эксперименты с современным пергаменом. На практике была доказана возможность такой разлиновки шаблонами, разработана методика специальной обработки пергамена перед этой процедурой.

Н. В. Штыков (СПбГУ)

НОВГОРОД И МОСКОВСКО-ТВЕРСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ НАЧАЛА 20-х гг. XIV в.

12 августа 1323 г. князем Юрием Даниловичем Московским и новгородцами был заключен Ореховецкий договор со Швецией, завершивший тридцатилетний военный конфликт. Соглашение закрепляло границу Новгородской земли с соседним государством. Заключение первого договора Руси о «вечном мире» со Швецией пришлось на время обострения московско-тверского соперничества.

Новгородский фактор в споре князей Москвы и Твери за великокняжеский стол давно привлекал к себе внимание историков. В работах А. Е. Преснякова, Л. В. Черепнина, В. Л. Янина, В. А. Кучкина, А. А. Горского, Н. С. Борисова, Э. Ключа, П. Д. Малыгина, А. В. Валерова рассматривалась роль Новгорода в политических процессах в русских землях конца XIII – начала XIV в.

Особенно значителен вклад в разработку этой темы И. П. Шаскольского в контексте изучения борьбы Руси со шведской и немецкой экспансией на Северо-Западе [Шаскольский, с. 78–141].

Однако ряд аспектов влияния Новгорода на политику московских и тверских князей изучен явно недостаточно. К таким аспектам можно отнести проблемы организации обороны Новгородской земли от шведов и Ордена в условиях внутривосточной напряженности на Руси.

После казни Михаила Ярославича Тверского по приказу хана Узбека в ноябре 1318 г. власть в Твери перешла в руки его старшего сына Дмитрия Михайловича. Во внутривосточных и внешнеполитических делах ему активно помогал младший брат, Александр Михайлович [Конявская, с. 63–75]. Совместные действия братьев, собравших войско против московского князя, предотвратили осенью 1321 г. поход Юрия Даниловича к Кашину за данью. Дмитрий Михайлович выплатил Юрию Даниловичу 2 тысячи серебром и отказался от претензий на великокняжеский стол. Зимой 1322 г. Юрий Данилович, собрав ордынскую дань с Тверского княжества, выехал в Новгород, где в качестве наместника правил его брат Афанасий.

Причины, побудившие Юрия Даниловича к приезду в Новгород, связаны с обострением внешнеполитической ситуации на границах Руси. Так, в 1322 г. Орден попытался взять Псков, а шведское войско осадило Корелу. Хотя новгородская крепость не была захвачена, округа была разорена. Ответные действия объединенного войска Юрия Даниловича и новгородцев были направлены на главный центр шведского влияния на Карельском перешейке – Выборг. Осада Выборга закончилась неудачей для московского князя и его союзников.

Факт сокрытия Юрием Даниловичем дани был использован Дмитрием Михайловичем Тверским для получения великокняжеского ярлыка. Осенью 1322 г. Дмитрий Тверской вернулся из ханской ставки в ранге великого князя [Кучкин, с. 26].

Юрий Данилович, выехавший из Новгорода в Орду, был по дороге перехвачен тверским войском и бежал в Псков и далее в Новгород, потеряв казну и обоз. Оставшись княжить в Новгороде, Юрий Данилович основал крепость Орешек. В 1324 г. объединенное войско московского князя и новгородцев подошло к Устюгу, захватив город. Оттуда Юрий Данилович выехал по Каме и Волге в Орду, где и погиб от руки своего соперника Дмитрия Михайловича [Горский, с. 53–59].

Утратив статус великого князя Владимирского и Новгородского, Юрий Данилович принял участие в нескольких крупных военных походах по защите новгородских границ. В начале 20-х гг. XIV в. Новгородская земля подвергалась нападениям литовцев, шведов и немецких рыцарей. В этой связи поход на Выборг необходимо рассматривать как ответную меру Юрия Даниловича после разорения

шведами окрестностей Корелы. Новгородские ушкуйники при Юрии Даниловиче ходили в поход на норвежцев.

В московско-тверском соперничестве симпатии новгородцев были в целом на стороне московских князей. В начале XIV в. князья Москвы и Твери стремились привлечь на свою сторону Новгород. В этом преуспели московские правители. Новгородцы зависели от ресурсов и войска великого князя Владимирского и других князей Руси. Великий князь, происходивший как из Московского, так и из Тверского княжеского дома, заручившись поддержкой Орды, мог защитить Новгород от внешних врагов. Однако, несмотря на наличие у Михаила Ярославича и его сыновей группы сторонников в Новгородской земле, большинство новгородских бояри простых жителей выступили на стороне Москвы.

Одним из важнейших преимуществ московских князей было их стремление к личному присутствию на Волхове. В отличие от Михаила Ярославича, действовавшего через своих заместителей, Юрий Данилович Московский и его братья предпочитали лично участвовать в событиях новгородской политики. Московские князья укрепляли и обороняли северо-западные рубежи Руси, быстрее своих тверских соперников приходили на помощь жителям Новгородской земли.

Литература

Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. 214 с.

Конявская Е. Л. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV в. М., 2007. 400 с.

Кучкин В. А. Владимирское княжество в послемонгольское время // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 2 (88). С. 17–28. DOI 10.25986/IRI.2022.88.2.003

Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987. 174, [2] с.

М. К. Юрасов (ИРИ РАН)

КОГДА НАЧИНАЕТСЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РУСИ?

В такой «абстрактной» форме вопрос об истоках отношений жителей лесной и лесостепной зон Восточноевропейской равнины, которых называли «росами» или «русами», с более развитыми в политическом отношении соседями еще не ставился. Исследователи принимали точку отсчета один из дерзких набегов этих «северных варваров» на владения Византии, оставивший след в письменных источниках, или искали скрытые свидетельства о давних связях Руси с «империей ромеев», память о которых якобы сохранилась в раннем русском летописании.

Однако разорительные набеги такого рода вряд ли можно отнести к фактам внешнеполитической истории, предполагающей появление дипломатии, заключение соглашений и т. п. Наличие страха перед нашествием ополчения находившихся на догосударственной стадии развития этнических групп не означало признания за ними статуса субъектов международных отношений, достойных заключения с ними долговременных военных союзов или торговых договоров. Время, когда только «нача ся прозвати Руска земля», было периодом «внешнеполитической предыстории».

Безуспешные попытки официального «оформления отношений» с великими державами также являются характерной чертой этого периода. Дипломатические неудачи давали повод для новых набегов «варваров» на земли государей, отказавшихся признать их этнополитические объединения достойными статуса полноправных союзников. Это ярко проявилось в судьбе посольства «хакана росов» в Византию, о котором сохранили сведения Бертинские анналы под 839 г. Полное отсутствие упоминаний об этой миссии в византийских источниках – свидетельство того, что императорский двор, скорее всего, скептически воспринял информацию послов о Русском каганате как обладающем достаточным военным потенциалом, чтобы стать значимым союзником великой греческой державы.

Послам «хакана росов» пришлось (в связи с угрозой их безопасности на занятых кочевниками землях Северного Причерноморья) возвращаться на родину круглым путем, и неизвестно, когда они вернулись на родину и вернулись ли вообще. Это могло стать причиной разорения «росами» Амастри-

ды – греческого города на южном побережье Черного моря, датируемого исследователями до 842 г. Все это подчеркивает то, что восточные славяне и проживавшие вместе с ними варяги в то время еще не вышли из периода внешнеполитической предыстории.

Даже дерзкий набег «росов» на Константинополь 860 г. нельзя считать вехой, с которой начинается полноценная внешняя политика Руси, поскольку нападавшие и тогда ставили перед собой типичную для «варваров» цель: разорить окрестности Константинополя и отправиться на родину до прибытия императорского войска. Утверждения некоторых историков, что во время этого набега якобы было заключено какое-то соглашение между «ромеями» и «росами», не имеют под собой никаких серьезных оснований.

О полноценной внешнеполитической *истории* Руси можно говорить лишь тогда, когда появляется «сюжетная линия» в ее отношениях хотя бы с одним соседним государством, подтверждаемая подписанием соглашений, заключением военных союзов, походами против врагов своих союзников. Если опираться на сведения достоверных источников, это могло произойти не ранее 866 г. Именно тогда, составляя свое «Окружное послание», константинопольский патриарх Фотий упомянул в нем о крещении части народа, совершившего дерзкий набег на столицу Византии в 860 г.

Появление первого очага христианства на землях будущего государства Русь свидетельствует о стремлении правящей верхушки этнополитического объединения живших в Среднем Поднепровье восточных славян и групп варягов стать частью христианского мира, чтобы выстроить систему отношений с «империей ромеев» на более «цивилизованном» уровне, чем это было принято среди кочевых народов. Возможно, помимо просьбы о присылке миссионеров византийское правительство пошло тогда и на принятие «росов» в ряды своих союзников, о чем можно сделать вывод на основании свидетельства Ибн Исфандийара о набеге «русов» на каспийский порт Абаскун между 864–884 гг., в правление эмира Хасана ибн Зайда. В таком случае этот набег был совершен не ранее 866 г.

Различение периодов внешнеполитической предыстории и истории не только помогает лучше понять природу отношений догосударственной и раннегосударственной Руси с Византией, установление связей с которой способствовало повышению международного престижа складывавшегося в Поднепровье государства. Это ярко показывает отсутствие оснований для поиска исследователями начала международного признания Руси ранее «времени Аскольда». Отсутствие же у нас каких-либо сведений о судьбе первого очага христианства у восточных славян свидетельствует о его недолговечности и объясняет то, что преемникам Аскольдаи Дира (Олегу, Игорю и Святославу) пришлось вооруженным путем добиваться от правителей Византии продолжения «сюжетной линии» ее взаимоотношений с Русью.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА РУСИ XVI вв.

А. И. Алексеев (РНБ)

«ПРОСВЕТИТЕЛЬ» И КРАТКАЯ РЕДАКЦИЯ МОНАСТЫРСКОГО УСТАВА ИОСИФА ВОЛОЦКОГО

Текстологическая связь между двумя главными произведениями Иосифа Волоцкого «Просветителем» и монастырским Уставом была замечена давно. Я. С. Лурье отметил, что в 1-м «слове» Краткой и Пространной редакций монастырского Устава Иосифа Волоцкого использованы выдержки из «Сказания о поклонении различным предметам», которое, на его взгляд, предшествовало 7-му «слову» «Просветителя» [Лурье, с. 221, 255]. По его мнению, текст этого «слова» полнее представлен в Краткой редакции, а в Пространной сокращен, полемические же места сглажены. В двух своих работах я привел текстологические аргументы в пользу того, что именно текст 7-го «слова» «Просветителя» послужил источником «Сказания о поклонении», а вовсе не наоборот [Алексеев, 2010, с. 250; Алексеев, 2012, с. 330]. Бездоказательную попытку оспорить этот вывод предпринял А. Ю. Григоренко [Григоренко, с. 162–164]. Между тем проведенное мной новое сравнение текстов обеих редакций Устава с 7-м «словом» «Просветителя» по древнейшим спискам позволило обнаружить 12 общих фрагментов [Алексеев, 2019, с. 264]. Подчеркнем, что только в тексте 7-го «слова» эти фрагменты помещены последовательно, в обеих редакциях Устава порядок цитирования этих текстов изменен в соответствии с жанром документов. Центральной темой 7-го «слова» «Просветителя» является защита догмата иконопочитания. В нем нашли отражение множество тем: изложение учения о Святой Троице, обоснование учения о почитании креста, мощей святых, этика христианских взаимоотношений, отношение христианина к царской власти и др. Все использованные в обеих редакциях Устава выписки сделаны из той части «слова», в которой излагаются правила поведения в церкви, от прихода на церковную службу до ее окончания. Все заимствования из «Просветителя» в 1-й главе Устава объединены одной темой: нарушениями благочестия церковной молитвы.

Поскольку использование в Краткой редакции Устава текста 7-го «слова» является доказанным фактом, это позволяет сделать два принципиальных вывода. Во-первых, текст 7-го «слова» «Просветителя» появился ранее текста Краткой редакции Устава. Во-вторых, Краткая редакция Устава Иосифа Волоцкого была известна Нилу Сорскому, поскольку находится в составе переписанного им совместно с Нилом Полевым сборника ОР РНБ. Собрание Соловецкого монастыря. № 326/346. А. А. Манохин, соглашаясь с моими аргументами о первичности 7-го «слова» «Просветителя» по отношению к Краткой редакции Устава, высказал, тем не менее, парадоксальное предположение об обратной зависимости этих текстов [Манохин, 2021]. В обоснование своей позиции он положил два тезиса: о том, что, несмотря на бесспорную текстологическую зависимость Устава от 7-го «слова» «Просветителя», Устав как произведение предшествовал «Просветителю»; при этом «изначальный Устав не был ни “Краткой”, ни “Пространной” редакции». Для подтверждения существования некоего «протоустава» используются наблюдения над относительно поздним списком 1520-х гг., содержащим компиляцию текстов. В новейшей работе А. А. Манохин вновь подтверждает мой вывод о первенстве текста «Просветителя» в части 5-го, 6-го, 7-го «слов» перед отдельно бытовавшими списками этих «слов» [Манохин, 2023, с. 269].

Необходимость составить Устав должна была появиться, когда количество братии в волоколамской обители значительно увеличилось. Если предположить, что Иосиф Волоцкий начал работу над созданием «Книги на еретиков» после 1490 г. и закончил ее не позднее весны 1502 г., то работу над составлением Краткой редакции Устава следует датировать временем не ранее 1500 г. Пространная редакция Устава находится в составе «Духовной грамоты», которую следует датировать 1507–1514 гг.

Необходимо также сказать, что использованные в Уставе фрагменты 7-го «слова» не имеют непосредственного отношения к полемике с еретиками-жидовствующими. В них трактуются вопросы благочестия и монашеской дисциплины. Сама по себе идея волоцкого игумена оставить письменный Устав для братии своего монастыря могла восприниматься как «опасная новизна». По справедливому замечанию В. М. Кириллина: «Таковой (причиной. – А. И.) явилось распространенное среди монашествующих современников мнение, что поскольку еще в древности “святи отцы наши поучения и предания общежительная писанием изложиша”, поскольку теперь нет нужды “так творити”, но следует учить только устно, – “слово наказовати”» [Кириллин, с. 270]. По-видимому, именно на счет тех, кто сомневался в необходимости письменного Устава для монастыря, приходится отнести некоторые полемические нотки в его тексте.

Литература

- Алексеев А. И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб., 2010. 390 с.
- Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в.: стригольщики и жидовствующие. М., 2012. 559 с.
- Алексеев А. И. «Бодроопасный воин Христов». Иосиф Волоцкий и его сочинения в свете данных современной науки. М.; СПб., 2019. 376 с.
- Григоренко А. Ю. Духовная культура Московской Руси конца XV – первой половины XVI века. СПб., 2012. 350 с.
- Кириллин В. М. «Истинные воины царя небесного». Преподобные Сергей Радонежский и Иосиф Волоцкий в древнерусской литературе и предании Церкви. М., 2016. 318, [1] с.
- Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в. М.; Л., 1960. 533 с.
- Манохин А. А. Протоулав Иосифа Волоцкого // Novogardia. 2021. № 2 (10). С. 139–160.
- Манохин А. А. «Злые новгородские ереси» конца XV века. М., 2023. 456, [4] с.
-

Д. М. Буланин (ИРЛИ РАН)

ФЕДОР КАРПОВ И БИБЛЕЙСКАЯ ЭКЗЕГЕЗА

Среди немногих уцелевших сочинений Федора Карпова «Послание Максиму Греку о Левиафане» выделяется совершенством своей литературной обработки. Из всех русских посланий XVI в. оно наилучшим образом соответствует канонам дружеской переписки, как с точки зрения своей структуры, так и изяществом использованных в тексте этикетных эпистолярных мотивов. Послание интересно и по своему содержанию: автор просит афонского старца растолковать ему некоторые пассажи в 3-й книге Ездры – те, что касаются Сотворения Мира и не соответствуют рассказу в Книге Бытия, и те, в которых предсказывается явление Мессии. Известно, что 3-я книга относительно поздно вошла в книжный репертуар Древней Руси, ее впервые перевели с Вульгаты для Геннадиевской Библии. Как показала сверка, этот самый перевод и цитирует Карпов. Важно, что писателя волновал тот же круг вопросов, который прежде оживленно обсуждался представителями Геннадиевского литературного кружка. Карпов хорошо знал многих из них, как выясняется, он неплохо ориентировался и в Библии – главном из трудов кружка. В числе других мотивов, фигурирующих в 3-й книге, писателя интересовало, кто такой Левиафан и почему он назначался «в пожрание» избранным вместе с праведным Енохом. Современные толкователи Библии объяснили бы пытливому читателю, что в Вульгате, к которой восходит русский текст, первоначальное «бегемот» было заменено на имя Еноха. Но что мог ответить своему корреспонденту Максим Грек?

Увы, если его ответ когда-то и существовал, до нас он не дошел. Само Послание Карпова без малого сто лет лежало под спудом, и лишь в конце XVI в. его извлекли на свет Божий в Чудовом монастыре, где, по-видимому, хранились остатки архива Карпова и Максима Грека. В дальнейшем Послание распространялось в двух формах: иногда его переписывали как автономное сочинение, вместе с закодированным в конце его постскриптумом, не очень нам понятным, иногда (причем на раннем этапе в истории найденного в Чудове текста) его соединяли с отрывком, озаглавленным «О Левиафане». Следующие

поколения переписчиков, как и современные ученые, долгое время не сомневались в принадлежности этого отрывка Максиму Греку. Полагали, что он отправил отрывок Карпову в качестве своего ответа. Специалисты указывали, правда, на присущие отрывку и необычные для произведений Максима Грека черты (чего стоит концентрация ссылок на латинские источники – «Этимологии» Исидора Севиальского, «Плавание» святого Брендана, к которым нужно добавить скрытые в испорченном тексте упоминания Беда Достопочтенного и «Схоластической истории» Петра Коместора). Ситуация прояснилась, когда Э. Виммер (E. Wimmer) указала на действительный источник статьи о Левиафане – «Троянскую историю» Гвидо де Колумна. Открытие, важное и само по себе, вносит поправки и дополнения в наши представления о комплексе других сочинений и переводов XV–XVII вв. Как выяснилось, отрывок «О Левиафане» буквально воспроизводит соответствующее место в русском переводе «Троянской истории». Текст извлечен из 10-й главы произведения (по счету оригинала), где, в связи с рассказом об обращении греков к Дельфийскому оракулу, помещен подробный экскурс о начале идолослужения. По ряду признаков можно утверждать, что эксцерпт из перевода был сделан каким-то чудовским литератором, который, не имея под руками подлинного ответа Максима Грека на Послание Карпова, решил заменить его выпиской из произведения Гвидо де Колумна. В последней четверти XVI в. Чудов монастырь активно участвовал в идеологической работе, которая велась безостановочно с начала столетия и которая должна была обосновать сакральный статус Московского царства. Книжники кремлевского монастыря, причастные к идеологической пропаганде, несомненно, хорошо знали «Троянскую историю». Троянский сюжет издавна включался в серию ключевых событий провиденциальной истории, развитие которой, по представлениям русских любомудров того времени, прошедши через несколько законченных циклов, венчалось «священным царством» в Москве.

Опознание подлинного источника статьи о Левиафане, помогая установить, где и когда возник диптих, в котором за Посланием Федора Карпова следовал фрагмент «Троянской истории» под заголовком «О Левиафане», позволяет в то же время уточнить датировку еще двух известных памятников древнерусской литературы. Таково, во-первых, Послание инок Снетогорского монастыря Корнилия к духовному сыну о его сочетании вторым браком, одним из главных источников которого была все та же статья о Левиафане. Понятно, что Послание Корнилия, которое исследователи датировали по-разному, не могло появиться на свет прежде, чем образовался рассмотренный нами диптих. Такова, во-вторых, наполненная фантастическими подробностями «Выпись» о втором браке Василия III, которая, в свою очередь, использована была, наряду со статьей о Левиафане, Посланием Корнилия. Как и по поводу последнего, о времени составления «Выписи» в научной литературе царит разногласие. Поскольку Послание Корнилия мы теперь уверенно относим к последним годам XVI или даже к началу XVII в., более правдоподобной кажется относительно поздняя датировка «Выписи». При такой датировке легче объяснить возникновение текста, внутренне противоречивого и лишенного какой бы то ни было документальной основы.

И. Г. Бурцев, А. М. Воронцов, А. И. Крухмаль (ГМЗ «Куликово поле»),
А. В. Дедук (БРЭ), О. А. Радюш (ИА РАН)

СРАЖЕНИЕ 1555 г. У СУДБИЩ: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В 1555 г. крымский хан Девлет-Гирей I в очередной раз пошел в набег на тульские и рязанские «украины». Узнав о приближении русских, хан развернул войска, но наткнулся на отряд воеводы И. В. Шереметева Большого, который шел на крымские улусы. 24–25 июня 1555 г. между русскими полками и крымскими татарами произошло сражение. Согласно Никоновской летописи, оно состоялось «в среду с полдень на Судбищех»¹, другое обозначение места боя – «в степи на Судбищах»². Сначала Шереметев разбил авангард крымского войска, но сам был ранен. Затем основные силы Девлет-Гирея прак-

¹ ПСРЛ. СПб., 1904. Т. 13. Ч. 1. С. 257.

² Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1978. Т. 1. Ч. 3. С. 497.

тически разгромили русское войско, однако воеводы А. Д. Басманов и С. Г. Сидоров сумели сплотить войска и организовать оборону в «осеке» (полевом укреплении). Наутро хан ушел в Крым.

Судбищи в то время – это урочище, памятное место на Муравском шляхе – основном пути, по которому приходили отряды степняков. Урочище не раз упоминается при описании обороны юга Русского государства. Так, в росписях сторож 1571 и 1577 гг. названа сторожа «вверх речки Любовши против Судбища»³, а 8 июля 1591 г. «царь крымской, перелезши реку Оку, побежал из земли вон. И с того стану бояре и воеводы отпустили за крымским царем по сакме на поля до Судбищ голову Ивана Мясова, а с ним детей боярских»⁴.

Сражение 1555 г. было настолько значимым, что, когда в конце XVI в. составлялся «Чертеж украинным городам»⁵, отмечалось: «А до речки до Любовши и до Судбищ, где было дело с крымским царем Шереметеву, от Новосили 30 верст, а от Судбища до Дедилова 80 верст»⁶. Другие битвы на южных рубежах Русского государства подобной чести не удостоились.

С XIX в. битву локализовали по селу Новосильского уезда [Афремов, с. 138; Сахаров, 1851, с. 46–47; Сахаров, 2000, с. 448, примеч. 37]. Но возникшее не раньше середины XVII в. село (упомянуто в переписной книге Новосильского уезда 1677 г.⁷) не может быть ориентиром для определения места сражения. Тем не менее в 1995 г. около села был открыт мемориал в память о битве, а место сражения так и не было локализовано.

В апреле 2021 г. к северу от с. Судбищи участники клуба ДИВО под руководством С. А. Куликова нашли множество наконечников стрел, наконечник копья и детали конской упряжи. Они обратились к сотруднику ИА РАН О. А. Радюшу, проводившему работы на территории Орловской области. Находки были отнесены ко времени Ивана Грозного, при осмотре места стало очевидно, что речь идет о Судбищенской битве. В это же время археологи Государственного музея-заповедника «Куликово поле» под руководством А. И. Крухмалея проводили плановые работы на месте Куликовской битвы. Поскольку археологи ИА РАН и ГМЗ «Куликово поле» давно и плодотворно сотрудничают, а археологи музея имеют большой опыт проведения работ на полях средневековых сражений, отряд А. И. Крухмалея немедленно присоединился к работам. В 2021 г. археологи систематически исследовали это место в рамках изучения системы обороны Русского государства в XVI–XVII вв.

Открытие места Судбищенской битвы – это уникальное событие в исторической науке. Из всех средневековых сражений археологически локализованы Куликовское и Молоденское сражения. К 2023 г. общее число находок достигло около 5000. Это наконечники стрел, копий, пули, предметы воинского снаряжения, монеты, фрагменты сабель, пушечные ядра, ствол пистолета.

Научный поиск состоял не только из археологических исследований. Здесь были проведены палеопочвоведческие и геофизические исследования (определены места глубокого залегания находок), сделана съемка местности с помощью LIDAR.

В 2022 г. археологи ИА РАН и ГМЗ «Куликово поле» заложили 8 раскопов и 3 шурфа общей площадью 880 кв. м, проверяя выявленные естественнонаучными методами объекты.

Раскоп у так называемого Синего камня показал геологическое происхождение выявленной аномалии. В верхнем заполнении раскопов по краям основного скопления находок обнаружены наконечники стрел, пули, обломки металлических предметов, серебряные монеты Ивана IV.

Раскопом в восточной части основного скопления находок выявлены остатки постройки со следами глинобитной печи, яма с углями, камнями и золой. Конская подкова, фрагменты посуды XVI–XVII вв., импортного кувшина XV–XVII вв. позволяют связать ее со сторожей XVI–XVII вв.

Раскоп на месте обваловок показал следы постройки XIX в., вероятно связанной с расположенной рядом на холме мельницей (?). Наконечники стрел и подковные гвозди позволяют отнести траншеи к более раннему периоду и связать их с укреплением, возведенным во время сражения у Судбищ. Работы продолжаются.

³ Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. С. 10, 25.

⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1975. С. 445.

⁵ До нас дошло только описание этого источника.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Ч. 1. Стб. Белгородского ст. Ед. хр. 1. Л. 24.

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 8984. Л. 193–194.

Литература

- Афремов И. Ф. Историческое обозрение Тульской губернии. М., 1850. Ч. 1. [10], 242, 112 с., 1 л. фронт. (ил.), 4 л. табл., карт.
- Сахаров И. П. Памятники Тульской губ. СПб., 1851. 60 с.
- Сахаров И. П. Сказания русского народа. Тула, 2000. 477, [2] с.
-

В. Г. Вовина-Лебедева (СПбИИ РАН)

ЯКОВ ЕМЕЦКИЙ, ЕГО СЕМЬЯ, ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Род двинских своеземцев Емецких был одним из объектов исследования в книге А. И. Копанева о крестьянстве Русского Севера XVI в. А. И. Копанев исследовал генеалогию этой семьи, источники, в которых встречаются сведения о них, охарактеризовал их социальное лицо, хозяйственный строй и образ жизни. Нас интересуют аспекты, которых не касались предшественники. Яков Афанасьев Емецкий вызывает интерес потому, что сохранились собственноручно написанные им акты, а также его рукоприкладства. На этом основании мы можем расширить представления о его связях в среде двинских землевладельцев. Так, он в 1580 г. выступил послухом в отводной грамоте крестьян Моржегорской волости по поводу спорной с Антониево-Сийским монастырем земли. Исследование показало, что запись: «В послухах Якуш руку приложил» – принадлежит Якову Емецкому, который был тесно связан с монастырем, а игумен Питирим являлся его духовным отцом. Из другой грамоты того же года следует, что Яков Емецкий был церковным старостой и пожертвовал деньги на приобретение богослужебных книг для Покровской церкви, расположенной вблизи основных владений Антониево-Сийского монастыря.

Но главная причина, по которой эта фигура привлекает внимание, – сохранившаяся среди актов Антониево-Сийского монастыря XVI в. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Д. 863) духовная Якова Емецкого 1595 г., составленная им не перед смертью, а перед казавшейся ему опасной поездкой в Москву. Обстоятельства этой поездки являют собой запутанную и сложную историю, которая раскрывается в завещании. Мы можем понять, на кого уповал автор, кого страшился и почему. Возникает редкая для указанного времени (в особенности в отношении лиц, не принадлежавших к верхушке общества) возможность проследить детали дружбы-вражды, подозрений и опасений человека, принадлежавшего к миру мелких землевладельцев, по сути зажиточных крестьян Русского Севера.

Как означенная духовная, так и другие акты раскрывают сложные отношения не только между Яковым Емецким и округой, но и внутри его семьи. В сотной грамоте 1591 г. в его дворе в д. Матвеевской записаны два старших сына Григорий и Иван. Через четыре года из духовной следует, что Яков оформлял некоторые кабалы на имя сына Ивана, но что у него имелись также младшие сыновья (видимо, от второго брака) Богдан, Ярополк и Воин. Со старшим сыном Григорием, имевшим уже своих детей, у отца отношения были испорчены из-за поведения последнего во время пожара отчего дома, во время которого он вел себя неподобающим образом и завладел каким-то имуществом «на полтора рубли». Поэтому в духовной отец строго ограничил наследство старшего сына, который, уходя жить отдельно, уже забрал из «вопчего» семейного фонда приданое своей жены и дал об этом отцу расписку. Но Яков Емецкий все-таки беспокоился о судьбе младших детей и перечислил имущество (в виде подарков жене и младшим детям от родственников), которое вошло в семью уже после выхода из нее Григория.

Второй из старших сыновей Иван, как и Григорий, по духовной из отцовского «живота» ничего не получал. Вспоминая злополучный пожар, отец считал, что старшие дети и так уже поживились за его счет. В мятеже против родителя оказался замешан и один из младших сыновей Воин, который брату Григорию «тачил». Отец обвинил сыновей даже в том, что они «на меня и на жену, на моих на детей моих менших (так в тексте. – В. В.-Г.) похваютца убивством», что было одной из причин поездки в Москву с жалобой.

Итак, духовная раскрывает перед нами картину семейного раскола: старшие сыновья восстали против отца, который защищал младших детей, хотя один из них примкнул к старшим братьям. Кроме желания наказать сыновей, отец руководствовался и другими соображениями: его старшие дети были «промыслу изучены, грамоте, и пети и писати», то есть на них были потрачены отцовские силы и деньги, а младшие (двенадцати, семи и шести лет) еще ничего не умели и потому особенно нуждались в отцовском «животе».

Видимо, зная буйный характер сына Григория, Яков Емецкий подозревал его и Ивана в возможных неблагоприятных действиях по отношению к младшим братьям после смерти отца: боялся, что они начнут «через сию духовную... животов моих пытати». В этом случае, как традиционно писалось, «на них не буди мое благословеннее ни в сий век, ни в будущем, и буди оне прокляты». Это было сильное высказывание, хотя и оно показалось Якову Емецкому недостаточным, и он прибавил еще одну фразу, касающуюся только Григория, которого отец опасался более других детей и которому поэтому пригрозил особо: «... и яз с ним сужусе в день Страшного суда».

Яков Емецкий благополучно вернулся из Москвы, сохранились более поздние акты, связанные с ним (например, 1 октября 1597 г. датирована монастырская запись, содержащая просьбу выкупить заложенное монастырю имущество). Кроме того, сохранились акты, связанные с Григорием, ставшим после смерти отца главой рода Емецких.

П. А. Воробьев (РИВШ, Минск)

О ПОВТОРНОМ ПРЕБЫВАНИИ ГРЕКА АРСЕНИЯ ЕЛАССОНСКОГО В МОСКВЕ (ДО НАЧАЛА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ)

В 1588 г. вместе со вселенским патриархом Иеремией в Москву повторно прибыл архиепископ Елассонский Арсений (1550–1625), который туда ранее приезжал в 1586 г. [Borkowski, s. 382] от имени патриарха Феопимы (с экзаршескими полномочиями). Архиепископ отмечает, что он сам попросил Иеремию взять его с собой в Москву¹. Но есть основания полагать, что просьба исходила от патриарха, нуждавшегося в переводчике [Demetrakopoulos, p. 146]. В ходе визита при поддержке Арсения² был создан Московский патриархат [Дмитриевский, с. 21; Demetrakopoulos, p. 151; Маштафаров, Флоря, с. 443].

Завершение патриаршего визита архиепископ толковал по-разному. В его поэме все объясняется необходимостью для патриарха вернуться к своей пастве³, а в позднейших мемуарах – разногласиями в греческой делегации (они действительно существовали)⁴. В мае 1589 г. Иеремия уехал, а сам Арсений навсегда остался в России. Архиепископ указывает, что царь Федор Иванович пообещал ему постоянную поддержку, если он останется⁵. В результате на государевы деньги Арсений себе построил дом (близ царского дворца) с церковью в честь св. великомученика Димитрия [Самбикин, с. 129].

Арсений стал не только московским подданным, но и фактически «представителем Востока в России» [Ястребов, с. 186], старавшимся помогать приезжавшим грекам [Фонкич, с. 19]. Есть даже мнение о его «одиночестве и вынужденной бездеятельности в чужой стране» [Ястребов, с. 188]. Арсений мог остаться и по поручению Иеремии (в качестве экзарха) [Borkowski, s. 394].

К моменту принятия решения остаться в России архиепископ уже не занимал Елассонскую кафедру [Гудзяк, с. 234]. Не позднее мая 1590 г. ее возглавлял владыка Гавриил [Δημιτράκοπουλος, σ. 125–126]. Но еще долгое время Арсений продолжал именовать себя «архиепископом димоникским

¹ Арсений Елассонский. Труды и странствование смиренного Арсения, архиепископа Елассонского, и повествование об установлении Московского Патриаршества / Пер., вступ. статья и коммент. под ред. епископа Волоколамского Питирима // Богословские труды. 1968. № 4. С. 257.

² Позиция им же отражена и в синаксаре Службы св. Василию Блаженному [Demetrakopoulos, p. 150–151].

³ Арсений Елассонский. Труды и странствование смиренного Арсения, архиепископа Елассонского, и повествование об установлении Московского Патриаршества. С. 260–261.

⁴ Арсений Елассонский. Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 169.

⁵ Арсений Елассонский. Труды и странствование смиренного Арсения, архиепископа Елассонского, и повествование об установлении Московского Патриаршества. С. 276.

и елассонским» [Ястребов, с. 192]. Он нередко указывал на свои элладские корни. Будучи в России, святитель поддерживал греческие церкви и монастыри и помог, например, освобождению греков Неофита и Иоасафа.

Первым его назначением в России стала должность настоятеля Архангельского собора (1597 г.) с присвоением ему титула «архиепископа архангельского» и возложением обязанности совершать панихиды у царских гробниц. Под основным текстом акта избрания на царство Бориса Годунова 1598 г. он официально назван «архиепископом архангельским», но с внешней (обратной) стороны документа есть неофициальная подпись – «архиепископ елассонский» [Δημητράκοπουλος, σ. 138; Маштафаров, Флоря, с. 443].

Итак, существует несколько трактовок, почему владыка остался в Москве. Заметно его стремление сохранить свой прежний титул и связь с греческим миром. Актуален вопрос о том, как накануне Смутного времени святителя Арсения воспринимали на Востоке и русские архиереи.

Литература

- Гудзяк Б. А. Криза і реформа: Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії. Львів, 2000. 426 с.
- Дмитриевский А. А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезундского Сумелийского монастыря. Киев, 1899. 234 с.
- Маштафаров А. В., Флоря Б. Н. Арсений Елассонский // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 442–446.
- Самбикин Д. Тверской патерик. Краткие сведения о местно чтимых святых. Казань, 1908. 223 с.
- Фонкич Б. Л. Греческое книгописание в России в XVII в. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 18–63.
- Ястребов А. «Быть едиными в духе, пусть многие из нас и рассеяны по лицу земли...». Послание архиепископа Арсения Елассонского митрополиту Гавриилу Севиру (1593) // Церковь и время. 2017. № 1. С. 185–195.
- Borkowski A. Działalność religijno-oświatowa arcybiskupa Helassony Arseniusza w Rzeczypospolitej (1586–1588) // Stan badań nad wielokulturowym dziedzictwem dawnej Rzeczypospolitej. Białystok, 2010. T. 2. S. 381–397.
- Demetrapoulos Ph. On Arsenios, Archbishop of Elasson // Byzantinoslavica. 1981. No. 42. P. 145–153.
- Δημητράκοπουλος Φ. Αρσένιος Ελασσόνος (1550–1626). Βίος, έργο, απομνημονεύματα. Αθήναι, 2007. 475 σ.

О. В. Гладкова (ОИДР)

«ДРЕВО ИЕССЕЕВО» В ПОВЕСТИ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ ЕРМОЛАЯ-ЕРАЗМА И ДРУГИХ ПАМЯТНИКАХ КНИЖНОСТИ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА ЭПОХИ ИВАНА ГРОЗНОГО

«Древо Иессеево» – известный по иконописи сюжет, опирающийся прежде всего на слова пророка Исаии о том, что «произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его» (Ис 11: 1), родословие Христа по Евангелиям (Мф 1: 1–16, Лк 3: 23–38) и богослужебные тексты [Качалова, с. 419; Квливидзе, с. 269]. Иконография сюжета обычно представляет собой изображение спящего отца царя Давида Иессея, из-за спины которого вырастает дерево, в его кроне размещаются предки Христа, а также персонажи Ветхого и Нового Заветов и др., венчает композицию фигура Христа [Квливидзе]. «Древо Иессеево» на символическом уровне соотносилось с Райским Древом и с самим Крестом [Квливидзе, с. 269]. Сюжет был распространен как на Западе (с IX в.), так и на Востоке (с XII в.) [Квливидзе, с. 269]. В начале XIV в. в Сербии «Древо Иессеево» послужило основой для создания родословия сербских правителей, так называемой «Лозы Неманичей», в том или ином варианте запечатленной на балканских фресках [Чурчич; Квливидзе, с. 270].

Трудно точно определить, когда на Руси «Древо Иессеево» начало вступать в параллель с родословием правителей, но есть основания считать, что уже на рельефах Владимирского Димитровского собора (конец XII в.) род князя Всеволода сопоставлялся с родом Давида через названный сюжет [Гладкая, с. 234]. В Службе Борису и Глебу (по списку XIV в.) говорится: «всхвалим... царскаго коренѣ

святую отрасль Романа съ... Давыдом»¹. А. С. Усачев приводит примеры уподобления «ряда персонажей русской истории... “отраслям”, “древесам” и “ветвям”» в книжных памятниках начиная с XV в. [Усачев, с. 470–471]².

«Древо Иессеево» было изображено на фресках «царского храма» – Благовещенского собора Московского Кремля; первоначальный вариант «Древа» Феофана Грека (1405 г.) не сохранился, до нашего времени дошли лишь фрески середины XVI в., пережившие череду спорных реставраций [Качалова, с. 411–418]. По мнению И. Я. Качаловой, «Древо Иессеево» Благовещенского собора подчеркивает «параллель между богоизбранным родом Иессея и династией московских государей» ([Качалова, с. 429]; см. также: [Квливидзе, с. 271]).

Повесть о Петре и Февронии была создана приблизительно в одно время с обновленными фресками Благовещенского собора. Творение Ермолая-Еразма прославляло первого русского царя Иоанна Грозного. В Повести символика древа разработана чрезвычайно скрупулезно [Ранчин, с. 68; Гладкова, с. 118–123, 146–150]. Чудо Февронии о деревцах происходит в один из драматичных моментов, когда князь Петр, казалось бы, навсегда лишается своего «самодержства». Вполне вероятно, что в чуде о деревцах Ермолай-Еразм традиционно соотносит проросшие деревца с библейскими деревьями (Райским Древом, деревом у потоков вод, процветшим жезлом Аарона и т. д.), в том числе и с «Древом Иессеевым», подчеркивая богоданность власти князя Петра-Давида, «сродника» Ивана Грозного, предсказывая процветание рода московских правителей и, соответственно, появление большого количества их потомков – подобно ветвям и листьям возросших за ночь дерев [Гладкова, с. 150]. Как и на сербских фресках, «княжеские деревья» Повести соотносятся с Обретением и Воздвижением Креста, а также с тематикой Крещения и Евхаристии [Чурчич; Гладкова, с. 149].

Описание прорастающих деревьев у Ермолая-Еразма с большой очевидностью (вплоть до лексического сходства) сближается с описанием процветающего родословного древа русских правителей, начинающим другой не менее знаменитый памятник Грозненской эпохи – Степенную книгу [Гладкова, с. 150].

Трудно сказать, возникло ли подобное осмысление «Древа Иессеева» на Руси в XVI в. под влиянием извне или под воздействием собственной традиции; в любом случае, выявление новых объединяющих смыслов в памятниках иконографии и книжности способствует более глубокому пониманию как самих произведений, так и общих идеологических устремлений эпохи Ивана Грозного.

Литература

- Гладкая М. С. Рельефы Дмитриевского собора во Владимире. Опыт комплексного исследования. М., 2009. 286, [1] с.
- Гладкова О. В. Супружество во Христе: святые Петр и Феврония Муромские // Святые покровители семьи. От любви земной к любви небесной. М., 2022. С. 77–163.
- Качалова И. Я. Стенопись галерей Благовещенского собора Московского Кремля // Древнерусское искусство. СПб., 1995. С. 411–436.
- Квливидзе Н. В. «Древо Иессеево» // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 269–271.
- Ранчин А. М. О «неявной» символике в древнерусской агиографии // Мир житий. М., 2002. С. 65–71.
- Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. 753, [1] с., [4] л. факс.
- Чурчич С. Наследие. Православные средневековые памятники. URL: http://hierotopy.ru/contents/Churchich_nasledie_Rus.doc (дата обращения 20.03.2023).

¹ Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 150.

² А. С. Усачев, считая эти образы «общим местом», не связывает их с Книгой пророка Исаии.

И. М. Грицевская (СГУ им. Питирима Сорокина)

**НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГО КРУГА РУССКИХ ПРАЗДНИКОВ
В КОНЦЕ XV в. – ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVI в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ МЕСЯЦЕСЛОВОВ ИЕРУСАЛИМСКОГО УСТАВА)**

Круг русских праздников формировался на Руси с древности. Процесс формирования проходил неравномерно и медленно, переживал взлеты и падения. О. В. Лосева на материале месяцесловов до конца XIV в. исследовала древнейший его этап. Ею были перечислены 19 имен святых и названий праздников, включавшихся в древнейшие месяцесловы¹. На первый взгляд, это составляет солидную долю литургического цикла и представляет обширный круг праздников и сложившийся сонм общерусских святых. Однако О. А. Лосева, анализируя приведенный ею список, отмечает, что постоянно присутствуют в месяцесловах разного происхождения лишь два праздника: память Бориса и Глеба (24 июля) и Юрьев день (26 ноября). Появление всех остальных памятней спорадично и нерегулярно. Исследовательница отмечает, что, помимо двух названных, в месяцесловах отсутствуют какие-либо «устойчивые и логические комбинации праздников» [Лосева, с. 115]. Таким образом, устойчивый и зафиксированный круг русских праздников к концу XIV в. и началу широкого распространения на Руси Иерусалимского устава составляли лишь два праздника.

С появлением в начале XV в. на Руси Основного типа Иерусалимского устава [Грицевская] возникает систематическое поминание ряда русских святых в месяцесловах. Во всех без исключения месяцесловах из уставов Основного типа поминаются Феодосий Печерский (3 мая), Николай Мирликийский (9 мая), князь Владимир (15 июля) и князья Борис и Глеб (24 июля). В одной из редакций, а именно в редакции 44 глав, к этому кругу прибавляется еще и память Петру митрополиту (21 декабря).

Насколько данный набор отражает формирующийся общий сонм русских святых и праздников, имеющий место в реальной церковной практике? По данным А. Г. Мельника, на рубеже XIV–XV вв. происходит подъем почитания русских святых; исследователь перечисляет святых, культ которых активизировался или зародился именно тогда². Однако этот ряд неоднозначен; нет свидетельств об общерусском почитании в обозначенный период всех названных святых. Представляется, что в это время круг русских праздников как единая система еще не сложился, преобладало локальное почитание, не распространявшееся далее своего региона или же свидетельствующее об активном влиянии одного региона на другой. Формирование же действительно общерусской системы праздников и связанного с этим единого сонма русских святых началось в новгородско-московских Иерусалимских уставах в конце XV – начале XVI в.

В качестве начального этапа этого процесса можно назвать постепенное расширение изначально скудного круга русских праздников Иерусалимского устава в новгородских списках конца XV в., в результате чего объединились новгородские и московские компоненты. Расширенный круг включал следующие дополнительные памяти: Покрову Богородицы (1 октября), Сергию Радонежскому (25 сентября), Борису и Глебу (2 мая), Леонтию Ростовскому (23 мая), Михаилу Черниговскому (20 сентября), Варлааму Хутынский (6 ноября), Знамению в Новгороде (27 ноября), Евфимию Новгородскому (11 марта), Алексею митрополиту (Преставление – 12 февраля, Обретение мощей – 20 мая), Кириллу Белозерскому (9 июня), Дмитрию Прилуцкому (11 февраля), Игнатию Ростовскому (28 мая), Ионе митрополиту (30 марта), Антонию Печерскому (7 мая). Такой круг праздников отражен в списках Иерусалимского устава 44 глав новгородского происхождения: ОР РГБ. Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). № 609. Вторая половина XV в.; ОР РНБ. Собрание Соловецкого монастыря. № 1128/1237. 1494 г. Данный круг отличался относительным единством как в части состава, так и в части формулировки памятней, впоследствии эти формулировки повторялись и в более поздних уставах. Постепенно в различных

¹ Освящение Софии Киевской, княгиня Ольга, Освящение Десятинной церкви, князь Владимир, князья Борис и Глеб, князь Глеб, Освящение храма Св. Георгия в Киеве, прп. Феодосий Печерский, Пренесение мощей Николая Чудотворца, Пренесение мощей Феодосия Печерского, Пренесение мощей Бориса и Глеба, Обретение мощей Леонтия Ростовского, Покров Богородицы, Спас Всемиловитый, Знамение Богородицы, Варлаам Хутынский, князь Михаил Черниговский и его боярин Феодор [Лосева, с. 87–119].

² Антоний Печерский, Варлаам Хутынский, Леонтий Ростовский, Никита Переславский, Петр митрополит, Сергей Радонежский, Дмитрий Прилуцкий, Стефан Пермский [Мельник, с. 183].

списках XVI в. репертуар расширялся спорадическими добавлениями, однако эти добавления не отличались единством формулировок и регулярностью появления.

Как более развитая система, повторяющаяся во многих списках, с единой формулировкой памяти, круг русских праздников впервые предстает перед нами в особой подгруппе Иерусалимского устава 67 глав, а именно в Уставах, содержащих в качестве структурного дополнения обширный сборник, открывающийся Скитским уставом. В настоящее время нам известно 9 списков Иерусалимского устава со Скитским уставом; старший из них – Устав Белозерско-Ростовского происхождения ОР РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 270. 10–20-е гг. XVI в. В месяцеслов таких уставов включены: 1) те же памяти, что ранее включались в новгородско-московские уставы конца XV в.; 2) помимо этого, здесь имеются другие русские праздники: Освящение церкви Св. Георгия (26 ноября), Перенесение мощей Петра митрополита (24 августа), праздник Владимирской иконы Богородицы (25 августа), памяти Феодора Смоленского и Ярославского (19 сентября), Стефана Пермского (26 апреля), Авраамия Ростовского (29 октября), Антония, Евставия и Иоанна Виленских (14 апреля), княгини Ольги (11 июля), Никиты Переяславского (22 мая), Исидора Юродивого (14 мая). Анализируя данный перечень, можно отметить наличие в нем круга ростовско-ярославских памятней, а также добавление домонгольских праздников, литовского праздника, праздника пермского святого.

Таким образом, круг русских праздников как единая система начал складываться в конце XV – первых десятилетиях XVI в. как сумма трех основных уже сложившихся локальных систем: новгородской, московской и ростово-ярославской, с добавлениями древних киевских праздников, а также некоторого числа памятней, происходящих из иных земель.

Литература

Грицевская И. М. Старшие виды месяцесловов Иерусалимских уставов в русской книжности XV в.: становление и развитие репертуара памятней // *Словѣне*. 2019. Т. 8. № 2. С. 87–122. DOI 10.31168/2305-6754.2019.8.2.3

Лосева О. В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001. 420 с.

Мельник А. Г. Подъем почитания русских святых в конце XIV – начале XV в. // *ТОДРА*. СПб., 2022. Т. 69. С. 174–189. DOI 10.31860/0130-464X-2022-69-174-189

А. Л. Грязнов (НИЦ «Древности»)

БЕЛОЗЕРЬЕ, ПОШЕХОНЬЕ И БЕЛОЗЕРСКИЕ КНЯЗЬЯ В ДВОРОВОЙ ТЕТРАДИ

Дворовая тетрадь (далее – ДТ) – один из важнейших источников по истории служилого сословия XVI в. Ее изучение, начатое более столетия назад, продолжается и в настоящее время. Ключевым для понимания ДТ и корректного ее использования является прояснение вопросов истории ее создания, источников и достоверности ее информации. В силу ряда обстоятельств внимание привлечен раздел ДТ по Белоозеру, в котором в основном записаны Белозерские князья и представители местного боярского рода Монастыревых.

Традиционно читается, что в городских рубриках записывались служилые люди, владевшие землями в соответствующем уезде. По Белоозеру большинство записанных в ДТ были представителями рода Белозерских князей (36 из 47 человек). Владения трех фамилий (Андомских, Вадбальских и Кемских) действительно располагались в Белозерье, так что их помещение в эту рубрику выглядит оправданным. Но четыре других – Дябринские, Согорские, Ухтомские и Шелешпальские (22 человека из 36) – никакими землями на территории Белозерского уезда в середине XVI в. не владели, а их родовые вотчины, судя по нескольким десяткам сохранившихся актов, располагались «в Романовском уезде в Пошехонье». Следуя традиционному пониманию логики составителей ДТ, эти четыре фамилии должны были быть записаны в рубрике «Романов», которая расположена в источнике перед «Белоозером». Однако в ней ни одного из Белозерских князей нет. Ситуацию еще больше запутывает то, что между

«Романовым» и «Белоозером» в ДТ есть отдельная рубрика «Пошехонье», в которой значатся четверо Дябринских.

Эти обстоятельства заставляют внимательнее присмотреться к структуре данного раздела ДТ и упомянутым в нем персоналиям.

Уже давно было обращено внимание, что в ДТ не представлены многие сильные местные фамилии: Лихаревы, Онтонидины, Горбовы, Гневашевы. Кроме того, из общего ряда записанных по Белоозеру выбиваются князь Василий Вяземский и Михаил Уского. Ни они сами, ни их однородцы не были в середине XVI в. белозерскими землевладельцами. Некоторые Вяземские записаны в ДТ по Романову, а сам Василий в части списков ДТ отсутствует. Поскольку он записан первым под рубрикой Белоозеро, то его попадание в белозерский раздел можно объяснить тем, что в первоначальном тексте ДТ Василия Вяземского не было и его имя было внесено позднее, причем он должен был попасть в рубрику или «Романов», или «Пошехонье».

Включение Михаила Уского в белозерскую рубрику наличными источниками объяснить не удается. Возможно, он попал сюда по ошибке.

Еще один персонаж белозерского раздела – Мясоед Вислов. Напротив его имени стоит помета дьяк. Действительно, в ДТ он записан еще и среди дворцовых дьяков. По меркам Белоозерья Мясоед – значительная фигура, но сам он происходит из местных мелких землевладельцев.

Если исключить этих троих, то получается, что по Белоозеру записаны только два рода – Белозерских князей и Монастыревых. Причем Монастыревы представлены довольно слабо. Из восьмерых человек пятеро принадлежали к фамилии Сапоговых. Некоторые представители рода записаны по другим уездам, а самый выдающийся – Иван Циплятев – первым из дьяков.

Важной особенностью белозерского раздела ДТ является то, что в первой части рубрики «Белоозеро» представлены только Белозерские князья, причем всех фамилий. Это, судя по всему, тот княжеский список (1530–1540-х гг.), на основе которого в Тысячной книге и ДТ формировались рубрики служилых князей (Ярославских, Стародубских, Ростовских и др.). В ходе составления ДТ и ее использования в этот первоначальный список вносились дополнения, в частности ниже к нему были дописаны имена младших представителей Белозерских князей, несколько Монастыревых и Мясоед Вислов. Подтверждает это предположение относительная зрелость записанных в первой части рубрики по сравнению с теми, кто внесен во вторую. Из 22 человек у шестерых стоит помета «умре», а у пятерых – отставлен, то есть за период действия ДТ выбыла половина.

Кроме того, анализ второй части белозерского раздела показывает, что «мертвых душ» в первоначальном списке не было. Во всяком случае, в ДТ нет Андрея и Михаила Нащокиных, хотя они умерли незадолго до ее составления. Их брат Семен записан ближе к концу, что может свидетельствовать о том, что большая часть списка была сформирована уже при составлении ДТ, а не дописана позднее.

Появление в ДТ раздела «Пошехонье» можно объяснить тем, что в ноябре 1564 г. Романов с уездом были переданы князю Владимиру Андреевичу Старицкому. Причем в летописи указано, что эта передача состоялась без Пошехонья и Рыбной слободы¹. Следовательно, именно этим временем можно датировать появление в ДТ рубрики «Пошехонье». О том, что рубрика «Пошехонье» появилась уже после создания основного текста ДТ, свидетельствует и то обстоятельство, что некоторые фамилии, записанные в ДТ по Романову, не владели землями в этом уезде, а являлись пошехонскими землевладельцами (впервые на это обратил внимание А. В. Сергеев).

¹ ПСРЛ. М., 2000. Т. 13. С. 372.

В. В. Денисенко (МГИМО),
М. В. Моисеев (Музейное объединение «Музей Москвы», МПГУ)

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО: К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Одной из проблем в изучении истории дипломатии и международных отношений эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени, постоянно ускользающей от взгляда исследователей, является проблематика преступности, направленной против дипломатов и членов посольства, а также самих послов и их свиты. Только в последнее время этому стали уделять определенное внимание, хотя ряд важных вопросов так пока еще и не нашел своего решения. Одним из них мы можем считать вопрос правового регулирования криминальных деяний. Его рассмотрению и посвящена эта работа.

Как правило, при изучении дипломатического обмена авторы исходят из ныне устоявшихся норм, когда персона посла неприкосновенна, а территория посольства имеет экстерриториальный статус. Однако в XV–XVII вв. эти нормы еще находились в стадии формирования и были отнюдь не повсеместны и не обязательны к исполнению. В XVI в. мы сталкиваемся довольно часто с их нарушением разными странами. Особенность правового регулирования данных отношений была связана с индивидуальным правовым регулированием [Минникес]. В настоящее время происходит переосмысление отношений между государствами, основанных на шерти. Данные соглашения носили характер индивидуальных процессуальных и ритуальных действий. Так, например, «Свидетельницей» договора о мире на Усть-Выми в 1484 г. стала закрепленная на столбе вместе с христианским крестом «жаба берестяна». Земноводные, и прежде всего лягушка, в мифологии и культовой обрядности обских угров занимают одно из ведущих мест [Перевалова]. Исследуя нормативно-правовые акты конца XVI – XVIII в., А. Ю. Конев выявил два вида шерти-присяги: шертование и шертные договоры на подданство и верную службу царю и шерть-клятву как процессуальное действие в ходе «обысков» (следственных действий) и при отправлении правосудия [Конев, с. 172]. Таким образом, можно сказать, что отсутствие общих закономерностей в отношении расследования преступлений и назначения наказания обусловлено спецификой индивидуального правового регулирования между государствами. Рассмотрим специфику правового регулирования на примере преступлений, случившихся в рамках взаимоотношений Русского государства с Крымским ханством и Ногайской Ордой во время правления Ивана IV Васильевича.

В 1534 г. в русско-крымских отношениях Ислам-Гирей I поднял вопрос о грабежах крымских купцов людьми путивльского наместника: «видел путивльского князя люди, дорогу заняв, стоят, да и пограбили наших торговцев Сеит-Усеина, а взяли у него товару моего на сорок тысяч денег московских, да четыре кони и с седлы, и с уздами пограбили у них»¹. После грабители приехали в Путивль, где двоих из них арестовали и заключили в тюрьму, но имущество крымским купцам возвращено не было, и Исламу пришлось лично просить великокняжеское правительство вмешаться и возместить ему убытки. В сходной ситуации оказался представитель Ислам-Гирея Фофай, которого ограбили в неназванном городе². Кроме грабежей, купцов и дипломатов подстерегали и другие опасности. В Москву в составе группы каффинских купцов приехал некий Касим, который был захвачен представителями русских властей на основании того, что он родился на Руси. Случались конфликты и между членами многочисленных татарских или ногайских посольств и русскими сопровождающими. К примеру, в конце 1564 г. ногайский бий Тинахмет писал царю Ивану IV Васильевичу: «Да приближенного моего человека, брата его меньшова, Танаком звали, сево лета, как он доехал до Казани, и твой сын боярской, которой приежал послов провожати, убил ево из пищали»³. Самый же известный случай произошел с послом Ислам-Гирея Будалы-мирзой, на которого напали в корчме люди путивльского наместника, нанесли ему и его людям раны и ограбили⁴.

¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 38.

² Там же. Л. 46.

³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 7. Л. 44 об.

⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 8. Л. 82 об.–83.

Приведенными примерами факты совершения преступлений против представителей иностранных государств не исчерпываются. Надо признать, что криминал был сопутствующим фактором в истории дипломатии. Нас же интересует, как государство реагировало на подобные факты. Исходя из материалов дипломатической переписки, мы можем восстановить следующую схему. Чаще всего о криминальном событии русские власти узнавали из посланий иноземных правителей, которые сообщали, что на их людей в Русском государстве было совершено нападение, и требовали с этим разобраться. После этого начинался розыск, по итогам которого следовало наказание. Впрочем, проанализированные нами материалы позволяют судить, что, как правило, при расследовании не ставилась цель полного раскрытия преступления и выявления всех виновных. Ущерб же, понесенный потерпевшими, возмещался не всегда и не сразу. Все это позволяет нам сделать вывод, что общих правил международного права, направленного на защиту представителей иностранных государств, в это время еще не было выработано. Однако следует признать наличие специфического индивидуального правового регулирования, которое осуществлялось на основе личных отношений между монархами.

Литература

- Конев А. Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI – XVIII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. Вып. 6. С. 172–177.
- Минникес И. А. Развитие идеи индивидуального правового регулирования в советской и российской юридической науке // Известия Байкальского государственного университета. 2006. № 1. С. 5–56.
- Перевалова Е. В. «Между кочек живущая женщина» (культ лягушки у обских угров) // Уральский исторический вестник. 2010. № 1 (26). С. 117–129.
-

М. М. Дробышева (ИВИ РАН)

ГУСЛИ СЛОВИШИ И КОРЧАГА ИЛЬИ: МОНОГРАММЫ В ВЕЩЕВОЙ ЭПИГРАФИКЕ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

В 1975 г. во время археологических работ на Троицком II раскопе в Новгороде во дворе богатой жилой усадьбы были обнаружены три фрагмента пятиструнных лирообразных гуслей, особую ценность которым придает нахождение на одной из частей инструмента глубоко вырезанной надписи *Словишиа*. Б. А. Колчин отмечал, что, так как разломанные гусли попали в культурный слой в 1070–1080-х гг., временем их функционирования (и, соответственно, появления надписи) логично считать предшествующие этому периоду десятилетия – приблизительно середину XI в. [Колчин, с. 361–364]. В 1978 г. В. И. Поветкиным обломки инструмента были соединены, а утраченные части дополнены свежей древесиной (см.: [Поветкин]). Получившийся реконструированный памятник сейчас хранится в фондах Новгородского музея-заповедника. *Словишиа* интерпретировалась большинством исследователей как имя владельца гуслей [Янин, Колчин, Хорошев, с. 50; Колчин, с. 363–364; Мединцева, 2000, с. 209–210], но в то же время оставалась теоретическая возможность интерпретации надписи как формы именительного падежа единственного числа женского рода от притяжательного *Словишиь*, относящегося к самим гуслям [Янин, с. 112; Зализняк, с. 799]. Обращение к новым фотографиям надписи, выполненным А. Н. Каменским, привело к обнаружению сразу после надписи *Словишиа* еще одного тонко выцарапанного знака – монограммы слова *Ѡльь*, составленного из совмещенных друг с другом букв *Ѡ*, *л* и *ь*. Автографы, созданные по формуле «Х писал», широко представлены в эпиграфических комплексах самых разных концов Руси. Зашифровка в виде монограммы имени автора граффито, иногда вместе с глаголом *Ѡльь*, встречается, например, в датирующихся домонгольским временем новгородских памятниках (см.: [Girrius, Mikheev]) и в надписях Спасо-Преображенского собора Переславля-Залесского [Гиппиус, Михеев, с. 201, 202–203]. Стандартно прописанное имя и монограмма слова *Ѡльь* присутствуют, к примеру, в граффито на иконке святого Саввы, обнаруженной во Владимире на месте жилища, сгоревшего в 1238 г. [Мединцева, 1999, с. 151–155], или в надписях XII–XIII вв. из лестничной башни Георгиевского

собора Юрьева монастыря в Новгороде [Рождественская, с. 49, 62–63]. Таким образом, окончательно решен вопрос о трактовке имени *Словиша*, находящемся на древнейшем из найденных древнерусских музыкальных инструментов, – так звали владельца гуслей, записавшего стандартный для древнерусской эпиграфики автограф, где имя вырезано глубоко, а монограмма *И/Иѣ* – более поверхностно.

На другом эпиграфическом памятнике – фрагменте красноглиняной амфоры-корчаги, обнаруженной во время раскопок в Белгороде Киевском в 1969 г. [Рыбаков, Николаева], – по уже обожженному сосуду было крупно процарапано имя *Илиа*. Помимо этого, на фрагменте присутствуют три отдельно стоящих знака, возможно являющихся младшими рунами [Мельникова], и еще один крупный символ, который принято считать записью буквы *А* [Медынцева, 2000, с. 34]. По фотографиям надписи видно [Меч и златник, с. 236], что этот знак содержит и другие элементы, после рассмотрения которых опознается монограмма *ИліА*. Можно предположить, что Илиа несколько раз записал свое имя на сосуде: один раз полно, в другой раз – в виде монограммы, использовав ее альтернативное написание. Датировка надписи спорна: Б. А. Рыбаков и Т. В. Николаева в отчетной публикации о проведении археологических работ временем создания надписи называли конец XI в. [Рыбаков, Николаева, с. 287], А. А. Медынцева же обосновывает датировку и корчаги, и надписи концом X – началом XI в. [Медынцева, 2000, с. 34–36]. К сожалению, датировка и по стратиграфии, и по палеографическим данным здесь не дает конкретных результатов. Но в любом случае, этот памятник является примером широкого распространения шифровки имен с помощью монограмм, известных по крайней мере с третьей четверти XI в., причем не только в храмовой эпиграфике, но и в надписях на бытовых предметах [Петров, Тарабардина, с. 75].

Литература

- Гиппиус А. А., Михеев С. М. Несколько древних надписей на фасадах Спасского собора в Переславле-Залесском // *Graphosphaera*. 2021. Т. 1. С. 199–214. URL: <http://writing.igh.ru/index.php?id=neskolko-drevnih> (дата обращения: 20.03.2023). DOI 10.32608/2782-5272-2022-1-199-214
- Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. 872 с.
- Колчин Б. А. Гусли древнего Новгорода // *Древняя Русь и славяне*. М., 1978. С. 358–366.
- Медынцева А. А. Мастерская Тудора // *Российская археология*. 1999. № 3. С. 149–159.
- Медынцева А. А. Грамотность в Древней Руси: По материалам эпиграфики X – первой половины XIII века. М., 2000. 290, [1] с., [6] л. ил.
- Мельникова Е. А. Надпись II из Белгорода // *Культура славян и Русь*. М., 1998. С. 194–195.
- Меч и златник: к 1150-летию зарождения Древнерусского государства. Выставка в Государственном историческом музее. [Каталог]. М., 2012. 316, [3] с.
- Петров М. И., Тарабардина О. А. Археологическое изучение Славенского конца. Раскоп Дубошин II (2017–2019 гг.) // *Новгородские археологические чтения – 4. Материалы научной конференции «Археология Новгорода. 85 лет исследований и открытий»*. Великий Новгород, 2021. С. 64–80.
- Поветкин В. И. Гудебные сосуды древнего Новгорода: из опыта восстановительных работ // *Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология*. Ежегодник. 1984. Л., 1986. С. 155–167.
- Рождественская Т. В. Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI–XV вв. СПб., 1992. 172 с.
- Рыбаков Б. А., Николаева Т. В. Раскопки в Белгороде Киевском // *Археологические открытия 1969 года*. М., 1970. С. 285–287.
- Янин В. Л. Приложение. Владельческие надписи на бытовых предметах // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 112–122.
- Янин В. Л., Колчин Б. А., Хорошев А. С. Новгородская экспедиция // *Археологические открытия 1975 года*. М., 1976. С. 48–51.
- Gippius A. A., Mikheev S. M. Enigmas and the Enigmatic in Early Rus Epigraphy // *Enigma in Rus and Medieval Slavic Cultures*. Berlin; Boston (in print).

Н. В. Евстафьев (ИСЛ РАН)

ОБРАЗ МУСУЛЬМАН В ЮЖНОСЛАВЯНСКОМ И РУССКОМ ЖИТИЯХ СВ. ГЕОРГИЯ НОВОГО СОФИЙСКОГО: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ

В 1515 г. на землях Османской империи погиб христианин Георгий, ставший впоследствии известным как святой мученик Георгий Новый Софийский [Турилов, Темелски, 2006]. Св. Георгий не был первым христианином, пострадавшим от рук османских властей, даже в самом XVI столетии ему, по-видимому, предшествовали два других мученика: св. Иоанн Новый Серрский и св. Антоний Супральский [Лосева, с. 33]. Однако св. Георгий Новый выделяется на фоне других святых мучеников своей известностью, причем не только среди южных, но и среди восточных славян. Уже в 1530-е гг., благодаря посланникам со Святой горы Афон, весть о мучении Георгия Софийского достигла Московского государства, и так появилась русская версия Жития св. Георгия, составленная около 1538–1539 гг. пресвитером Ильей (ОР ГИМ. Собрание Е. В. Барсова. № 313. Л. 524–542) [Калиганов, с. 135]. А самый старый из дошедших до нас списков оригинального, балканского Жития – это Афонский список третьей четверти XVI в. (Хиландар 479), который был издан Д. Богдановичем в 1976 г.

Между двумя этими версиями Жития существуют серьезные различия: от даты гибели св. Георгия до образов самого святого и его мучителей. Последнее обстоятельство как раз и представляет для нас интерес: насколько сильно различаются образы мусульман в восточнославянском и балканском¹ вариантах Жития? Чем были обусловлены эти различия? Общей чертой обеих версий Жития можно назвать агрессивно настроенную мусульманскую толпу, которая всеми силами старается навредить христианину. Однако в южнославянском Житии нетрудно заметить четкую границу между разъяренными фанатиками из простых мусульман и кадием. Отчасти кадий противопоставлен другим мусульманам, он все время пытается сохранять порядок, оберегает христианского юношу Георгия от нападков своих единоверцев, а иногда и вовсе позволяет себе открыто ругать фанатиков-«агарян», сравнивая их с дикими зверьми («почто тако яко и дивии зверие устрямляете се на нь?»)². В русской версии Жития кадий тоже поначалу пытается обратить Георгия в свою веру, но довольно скоро отказывается от увещаний и переходит к угрозам, а затем и жестоким пыткам – тем самым он перестает отличаться от мусульманской толпы. Он не проявляет к юноше никакой заметной симпатии, что может объясняться и отличиями в образе самого христианина: в русском Житии Георгий выступает на суде гораздо смелее, несколько не сомневается в своей правоте и сам пытается убедить судью отказаться от «Махметовых преданий и лживых законов» ислама [Калиганов, с. 214]. Другое различие можно найти в том, как возник конфликт между Георгием и мусульманами. В обоих вариантах Жития «агаряне» задумали обратить Георгия в ислам или погубить его из зависти к благочестию и красоте юноши, однако в южнославянском оригинале истории мусульмане для этого воспользовались хитростью: предложили Георгию как искусному ювелиру выполнить для них заказ³. В восточнославянском же сочинении мусульмане действовали прямолинейно: они попытались надеть ему на голову «тафью», татарский головной убор («и начаша ему възлагати тафью на главу»). В ответ Георгий назвал «Махмета» полководцем «сатанина полка», а «тафью же взем, поверже и ногами попр» [Калиганов, с. 213]. Очевидно, этот культурный элемент был добавлен в историю с определенной целью, не связанной с желанием точно передать историю св. Георгия. Появление «тафьи» в Житии балканского мученика – это мера актуализации истории Георгия и фактический перенос ее событий на русскую почву. Таким образом, «тафья» в этом Житии является элементом борьбы с мусульманским и татарским культурным влиянием, активное участие в которой принимал и архиепископ Новгородский, а позднее и митрополит Макарий, покровительствовавший составителю Жития пресвитеру Илье [Калиганов, с. 59, 69–70].

Таким образом, в русском и южнославянском вариантах Жития св. Георгия Софийского наблюдаются серьезные различия как в отображении поведения мусульман (в особенности кадия), так и в их

¹ Богдановић Д. Житије Георгија Кратовца // Зборник историје књижевности / Одељење језика и књижевности САНУ. Београд, 1976. Књ. 10. С. 230–265.

² Там же. С. 250.

³ Там же. С. 236, 240.

облике. Большая жестокость к иноверцам, а также использование татарского головного убора в восточнославянской версии гибели св. Георгия могут объясняться целями, которые преследовал автор Жития, а также новгородский архиепископ Макарий. Для церковных, полемических и отчасти политических целей определенные реалии Московской Руси переносились на сюжет о балканском мученике. Впрочем, некоторые из разночтений двух версий Жития иногда объясняют путаницей. В русском Житии св. Георгия могли перемешаться факты из биографии сразу двух мучеников: Георгия Нового Софийского (Кратовца) и Георгия Новейшего Софийского, пострадавших почти в одно и то же время [Турилов, Темелски, 2009].

Литература

- Калиганов И. И. Георгий Новый у восточных славян. М., 2000. 798, [1] с.
- Лосева О. В. Первые новомученики-«автоклиты» – греческие и славянские монахи-святогорцы // Афон и славянский мир. Святая Гора Афон, 2014. Сб. 1. Материалы Международной научной конференции, посвященной 1000-летию присутствия русских на Святой Горе. Белград, 16–18 мая 2013 г. С. 28–34.
- Турилов А. А., Темелски Хр. Георгий Новый Кратовский // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11. С. 69–71.
- Турилов А. А., Темелски Хр. Георгий Софийский Новейший // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 11. С. 81–82.
-

С. Елесевиич (Белградский университет), А. А. Турилов (ИСЛ РАН)

КАНОН И МОЛИТВА «АНГЕЛУ ГРОЗНОМУ ВОЕВОДЕ НЕБЕСНЫХ СИЛ» ПАРФЕНИЯ УРОДИВОГО В РУССКОЙ И СЕРБСКОЙ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ: К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ И АВТОРСТВЕ

С момента публикации названных в заглавии текстов Д. С. Лихачевым (1972 г.), кажется, практически никто из исследователей не выражал сомнения в их датировке и атрибуции, да и второй из соавторов настоящей работы, признаться, в молодости упоминал их хотя и вскользь, но вполне положительно [Турилов, 1981, с. 242]. Предположительное отождествление Парфения с Иваном Грозным, как известно, было предложено еще в 1911 г. И. А. Шляпкиным [Шляпкин, с. 554–556], но только благодаря авторитету академика эта атрибуция получила через 60 лет, по сути, всеобщее признание [Лихачев, 1972; Лихачев, 1984]. Через 30 с лишним лет после выхода в свет и через 17 лет после переиздания этой публикации [Лихачев, 1986, с. 361–377] были высказаны сомнения в датировке и атрибуции творений с именем Парфения (во всяком случае, молитвы) [Турилов, Чернецов, с. 58–60; Турилов, 2023, с. 536–537], но они не получили никакого отклика среди исследователей, возможно, из-за традиционной «разведенности» интересов литературоведов и фольклористов. В ходе написания последней статьи (2022 г.) ее автор решил изменить направления поиска аргументов против атрибуции молитвы «Ангелу грозному» Ивану IV и обратился с просьбой к соавтору настоящей работы выяснить вопрос о ее наличии в сербской литературной традиции XVI в., по возможности более ранней, чем русская (о сербских списках канона и молитвы XVII в. известно довольно давно). Результат поиска оказался быстрым и буквально ошеломляющим: удалось выявить два списка канона и молитвы XVI в. (один, правда, сохранившийся не полностью) с именем Парфения в заглавии (в собрании Музея Сербской Православной Церкви в Белграде и в собственности частного антиквара), хотя и не старше русских, но не имеющих с ними ничего общего (!) кроме гласа (6-го) и служебных песнопений (стихир, ирмосов, кондаков). Русские списки «сербского» канона пока неизвестны, равно как и сербские «русского» (кроме уже упомянутого хиландарского, но работа в этом направлении только начинается). Насущной задачей является издание текста новооткрытого памятника и изучение его лексики и стилистики в сравнении с опубликованным ранее Д. С. Лихачевым.

Литература

- Лихачев Д. С. Канон и молитва Ангелу грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного) // Рукописное наследие Древней Руси (По материалам Пушкинского дома). Л., 1972. С. 10–27.
- Лихачев Д. С. Смех как мировоззрение // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 7–71.
- Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. 405, [1] с.
- Турилов А. А. Гимнографическое наследие Франциска Скорины в рукописной традиции (к вопросу о научном описании и изучении рукописей традиционного содержания) // Проблемы научного описания и факсимильного издания памятников письменности. Материалы Всесоюзной конференции. Л., 1981. С. 241–247.
- Турилов А. А. Колдуны и гадательные книги: из-за чего Иван Грозный в 1580/1581 г. возвел на царство Симеона Бекбулатовича? // Слово и человек: К 100-летию со дня рождения академика Н. И. Толстого. М., 2023. С. 535–539.
- Турилов А. А., Чернецов А. В. Отреченные верования в русской рукописной традиции // Отреченное чтение в России XVII–XVIII вв. М., 2002. С. 8–74.
- Шляпкин И. А. Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грозного // Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 554–560.
-

М. В. Ермолова (НИУ ВШЭ, ИРЯ РАН)

ОБ ЭВОЛЮЦИИ В СИНТАКСИСЕ КРАТКИХ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В научной литературе вопрос о предикативности именных действительных причастий прошедшего времени (далее – ДППВ) традиционно рассматривается следующим образом: на древнерусский период приходится пик предикативности, о чем свидетельствуют возможность постановки союза между причастием и личной формой глагола и наличие оборотов с именительным самостоятельным; с течением времени ДППВ теряют свою предикативность, бывшие причастия начинают заменяться «развитыми придаточными предложениями и деепричастиями» [Потебня, с. 186].

Как показал, однако, анализ грамоток (частных писем) XVII – начала XVIII в.¹, процесс утраты причастием предикативности протекал нелинейно. Середина старорусского периода характеризуется усилением предикативной функции ДППВ по сравнению с древнерусским периодом, после чего начинается ее ослабление.

В настоящей работе рассматриваются типы употреблений ДППВ, отсутствующие в современном литературном языке, – примеры, в которых ДППВ является единственным предикатом или соединяется с финитной формой с помощью соединительного союза. Их можно разделить на три группы. В первой ДППВ употребляется финитно аналогично форме глагола прошедшего времени, выступая либо в качестве единственного предиката независимой предикации, либо в качестве формы, однородной с глагольной формой прошедшего времени и соединенной с ней союзным способом. Во второй группе ДППВ функционирует в качестве глагольного обстоятельства при формах повелительного наклонения и инфинитива, соединяясь с ними с помощью союза *и* или *да*. В третьем, так называемом переходном типе употребления ДППВ используется в качестве единственного предиката в предикации, являющейся по смыслу обстоятельственным придаточным и присоединяемой к главной бессоюзно, при этом субъекты в двух предикациях различаются.

Употребление ДППВ в качестве синтаксического синонима глагольной формы прошедшего времени в памятниках, отражающих разговорный язык, говорит о том, что это живая черта языка обсуждаемого периода, а не дань языковой традиции, как утверждается в научной литературе.

Более того, появление в XVI–XVII вв., хоть и редких, примеров соединения ДППВ с частицей *бы* (*я бы покиня*), отсутствующих в предыдущие века, свидетельствует об усилении финитных свойств ДППВ по сравнению с предшествующим периодом.

¹ По изданию: Грамотки XVII – начала XVIII в. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова; Под ред. С. И. Коткова. М., 1969.

Крайне важным для понимания эволюции грамматического значения ДППВ является анализ переходных случаев. Как представляется, это именно те контексты, которые оказываются непосредственными предшественниками современных контекстов с деепричастиями. Именно такое употребление знает современный разговорный язык, ср. примеры ошибок из школьных сочинений: *Написав стихотворение «Смерть поэта», судьба Лермонтова была определена*. Следовательно, подобные примеры у авторов XVIII в. не кальки с французского языка [Эгипти, с. 161], не «явление безусловно пережиточное» [Коротаева, с. 83], а закономерное развитие в употреблении ДППВ.

Возможность использовать ДППВ и в качестве финитной формы, и в качестве обстоятельства говорит о его незакрепленности в грамматической системе. Будучи формой, свободной от фиксированного грамматического значения, ДППВ могло использоваться для выражения либо уже существующих грамматических значений (например, значения прошедшего действия аористного типа), либо новых, формирующихся в языке. Одно из них – значение действия с обстоятельственным значением. Сильная предикативная составляющая позволяла ДППВ иметь при себе свой субъект, отличный от субъекта при личной форме; наличие адвербиального компонента значения позволяло предикации с ДППВ приобретать обстоятельственную функцию. При дальнейшей спецификации грамматического значения и формировании деепричастия как части речи субъекты при личной форме и бывшем ДППВ начинают совпадать. Невозможность иметь при себе отдельный субъект – то, что начинает принципиально отличать деепричастие от финитной глагольной формы.

Литература

Коротаева Э. И. Особые случаи употребления деепричастий в литературном языке XVII–XIX столетий // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 1959. № 277. Серия филологических наук. Вып. 55. С. 60–99.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1–2. 536 с., 1 л. портр.

Эгипти И. А. Свободные и несвободные причастные и деепричастные конструкции в русском литературном языке второй половины XVIII в. АКД. Петрозаводск, 2002. 24 с.

А. И. Журова (Институт истории СО РАН)

СУДНЫЕ СПИСКИ СОБОРА 1531 г. И ТВОРЧЕСТВО МИТРОПОЛИТА ДАНИИЛА

Исследование выполнено по теме госзадания «Память о прошлом в письменных источниках XVI–XX вв.: актуализация событий, трансляция культурных традиций, исследовательские практики» (FWZM-2021-0005). The research was carried out within the state assignment, on the topic “Memory of the past in the manuscript sources of the XVII–XX centuries: actualization of events, transmission of cultural traditions, research practices”.

Судные списки собора 1531 г. – «Судные списки Максима Грека и Исака Собаки» и «Судное дело Василиана Патрикеева» – уникальные памятники истории Московской Руси XVI в. и древнерусской книжности, исследованные и опубликованные [Казакова, 1960, с. 285–318; Казакова, 1968; Казакова, 1970; Судные списки; Покровский; Сеницына, 1977, с. 139–145; Сеницына, 2008, с. 159–184].

Объект настоящей работы – речи главных участников собора: московского митрополита Даниила, афонского монаха Максима Грека и князя-инока Василиана Патрикеева – как жанровое образование и связь их высказываний на суде с творчеством публицистов.

Судные списки интересны тем, что сохранили образцы устных монологичных выступлений участников процесса. Особенностью речи митрополита Даниила следует признать вставки, представляющие цитаты из Священного Писания. В Словах «Соборника» Даниила «свидетельства», выделенные в специальный раздел, составляют большую часть текста. В «Судном списке» обращает на себя внимание их композиция, указывающая на компиляцию судебных протоколов 1525 и 1531 гг.

Киноварный заголовок обвинительной речи Даниила: «И митрополит Максиму говорил» – представляет высказывание митрополита как обращенный монолог. Каждое его положение, выраженное сочетанием именного обращения и местоименного аппеллятива, оформлено анафорой: «Да вы же...», «да ты же...», выполняющей суггестивную функцию. Ситуативная роль обращений как одна из характерных примет публицистической речи архипастыря отличает «Наказания» глав «Соборника», где корильный пафос, направленный на личность, определяет интонацию высказывания Даниила. Модальность речи митрополита в «Судном списке» окрасила сценарий и интонацию судебного разбирательства. Ответы Максима Грека, похожие на реплики, снижают роль обвиняемого в драматическом действии.

В «Судном деле» Вассиана Патрикеева разбирательство идет в виде прямого диалога митрополита Даниила и князя-инока и начинается со слов, указывающих на формат общения – допрос: «И митрополит спросил Васьяна...». Изложение в «Судном деле» Вассиана в отличие от «Судного списка» Максима Грека последовательное, логичное. Зачитывание «свидетельств» по целому ряду вопросов встроено в монологи митрополита. Так, подборка цитат из Священного Писания на тему монастырского землевладения подготовила большую речь Даниила, в которой архиерей цитирует апостолов и святых отцов.

И еще одна речь митрополита предваряет разбирательство позиции Вассиана – о Боговоплощении («Плоть Господня до Воскресения нетленна»). Это последний сюжет «Судного дела», к сожалению, утративший концовку. На тему Боговоплощения одни и те же выписки находим и в «Судном деле», и в Слове 5 «Соборника» Даниила, где они расположены в другом порядке, тщательно систематизированы и внешне оформлены. В «Судном деле» свидетельства на тему «что есть мир» не совпадают с «Соборником», например со Словом 13 «О еже что миръ, и яже в мире». Целый ряд примет изложения судных списков указывает на первоначальную природу текста по сравнению с «Соборником» Даниила, который, надо полагать, был составлен после 1531 г.

Литература

- Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. 363 с.
Казакова Н. А. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека // Византийский временник. М., 1968. Т. 28. С. 109–126.
Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970. 299 с.
Покровский Н. Н. Замечания о рукописи судных списков Максима Грека // ТОДРА. Л., 1981. Т. 36. С. 80–102.
Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. 332 с.
Синицына Н. В. Максим Грек. М., 2008. 236 с.
Судные списки Максима Грека и Исака Собака / Изд. подгот. Н. Н. Покровский; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1971. 193 с.
-

О. Ф. Кудрявцев (МГУ, МГИМО)

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ И УЧЕНАЯ МИССИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ПОСЛА В МОСКОВИЮ ФРАНЧЕСКО ДА КОЛЛО (1518–1519 гг.)

После неудачной миссии 1517 г. Сигизмунда Герберштейна в Москву императором Священной Римской империи Максимилианом I в 1518 г. туда же было направлено новое посольство во главе с Франческо да Колло и Антонио де Конти. Его главной целью являлось посредничество для заключения мирного соглашения между государями Московии и Польши. На послов, однако, было возложено еще одно поручение, обусловленное тем, что незадолго до отправки посольства император получил от польского историка и космографа Матвея Меховского изданное в 1517 г. сочинение о двух Сарматиях, в котором доказывалась ошибочность данных античной науки о физической географии Восточной Европы. «Императору [Максимилиану I] была прислана книга, – свидетельствует да Колло, – написанная знаменитым врачом и ученым из Кракова, в которой он осмеливается уличить в досадных ошибках государя

всех космографов Птолемея там, где последний описывает северные страны, и особенно там, где он учит, что Танаис берет начало в Рифейских горах, потому что, якобы, этого или подобного ему горного кряжа в России вовсе не существует. Его величество, хорошо осведомленный в географических вопросах и большой почитатель Птолемея, которому он, как все образованные люди, обязан своим знанием космографии, прочел его замечания о Птолемею с большим неудовольствием и дал нам ясное указание исследовать этот вопрос заново»¹.

Послы находились в Москве с июля 1518 по январь 1519 г. Да Колло, по-видимому, в это время вел дневник. По итогам дипломатических переговоров он составил пространный и подробный отчет, к которому приложил своего рода очерк, посвященный географии, политическому и социально-экономическому быту Московского государства, – «Доношение о Московии» (*Relatione sulla Moscouia*). Первоначальный латинский оригинал всего произведения утрачен, сохранились два его перевода на итальянский язык; один из них, выполненный Латино да Колло, племянником автора, издан в 1603 г.²

Несмотря на то что пересмотр физической географии Восточной Европы, предложенный Матвеем Меховским, получил широкую поддержку со стороны известных ученых эпохи (Иоганна Экка, Виллибальда Пиркгеймера, Ульриха фон Гуттена, Сигизмунда Герберштейна и других), Франческо да Колло, опираясь на собранные им сведения, пытался доказать неправоту польского космографа, отрицавшего прежде всего наличие в Восточной Европе Рифейских и Гиперборейских гор. Предметом обсуждения также были вопросы об истоках великих рек региона и об устье Волги³. Завязавшийся спор о названных горах вышел за рамки научной дискуссии и оказал значительное влияние как на восприятие античного интеллектуального наследия ренессансной культурой, так и на выработку ее собственного самосознания.

При том, что «Доношение о Московии» отличается краткостью, оно, несомненно, дает довольно полное представление о России времен Василия III и в этом плане предвосхищает знаменитый труд Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии». Само собой напрашивается сопоставление известных двух важнейших западных источников по русской истории XVI в., позволяющее верифицировать, уточнить или дополнить сведения и того, и другого. Особого внимания требуют сообщения да Колло о власти московского государя, обычаях его двора, положении подданных, размерах, границах и частях его государства, о законах, нравах и занятиях населения, о соседних народах и землях. Ценность сведений о России, представленных да Колло, достаточно велика в силу того, что хотя в некоторых случаях он опирается на своих предшественников, прежде всего на Матвея Меховского, и воспроизводит их данные, тем не менее порой он рассказывает о том, что сам, лично в Московии мог увидеть или услышать. Так, одним из первых среди космографов он поведал, ссылаясь на свидетельства землепроходцев, о Северном Урале и его природных особенностях.

Литература

Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. 2-е изд. Иркутск, 1941. LXI, 609 с., 4 л. карт., факс.

Симчич О. Дипломатическая миссия посла Максимилиана I. Франческо да Колло и его «*Relatione sulla Moscouia*» // Колло Фр. да. Доношение о Московии. М., 1996. С. 5–43.

¹ Цит. по: [Алексеев, с. 85].

² *Collo Fr. da. Trattamente di pace tra il Serenissimo Sigismondo Re di Polonia, et Gran Basilio Principe di Moscovia...* Padova, 1603.

³ См. подробнее: [Алексеев, с. 84–90; Симчич, с. 12–20].

Ю. А. Лабунцев, Л. Л. Щавинская (ИСЛ РАН)

СРЕДНЕВЕКОВОЕ УНИАТСКОЕ АУТОДАФЕ КНИЖНОГО НАСЛЕДИЯ ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ

Реформационные проявления и движения на востоке Европы, в той или иной мере затронувшие и некоторую часть православного сообщества, достигли своего наивысшего развития во второй половине XVI в. Мощнейший католический ответ – Контрреформация на всем континенте в условиях Речи Посполитой имела ряд особенностей, одной из которых являлась весьма болезненная и противоречивая организация униатской церкви. Именно в связи с появлением этой структуры возникло немало коллизий, опровергающих политически благостную картину «государства без костров», в то время как, например, сами польские короли отдавали распоряжения о массовом сжигании православных книг, печатных и рукописных¹. Правда, в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском, а затем и в их объединенной стране инквизиция не была столь жестокой, как на западе Европы, но и здесь, на востоке, не обошлось без человеческих жертв и, конечно же, своих собственных индексов запрещенных книг, появившихся уже в самом начале XVII в.

Определения «еретик» и «вероотступник» сразу же вошли и в обиход первых униатов, особенно деятелей формировавшегося Базилианского ордена, в создании которого столь значительную помощь оказали иезуиты. Непосредственно под их опекой и даже с их технической помощью нарождавшийся униатский монашеский орден осуществлял мощную литературную полемику, направленную против православных. Ведущую роль при этом играли преподаватели Виленской иезуитской академии, типография которой, если внимательно проанализировать весь ее репертуар XVI–XVII вв., особенно активно печатала издания проуниатской направленности. В 1622 г. в ответ на книгу Мелетия Смотрицкого «Elenchus», тогда же опубликованную виленскими братчиками, возвратившийся с учебы в Риме и сразу же ставший настоятелем столь значимого в истории унии виленского Троицкого монастыря будущий униатский митрополит Анастасий-Антоний Селява сочиняет свое восписание «Antelenchus» (Wilno, 1622), напечатанное, как показывает наш анализ, в типографии Виленской академии. На с. 49–50 этого восписания, небольшой редчайшей ныне книги, троицкий настоятель, номинированный в конце 1623 г. после убийства Иосафата Кунцевича архиепископом Полоцким, приводит достаточно подробный список лиц, чьими усилиями «Русь была сильно отравлена... перед унией». Из польских индексов запрещенных книг в этот список попадает только Симон Будный, распространявший, по словам будущего униатского митрополита, «свой арианский яд». Все остальные лица, приведенные в списке, суть те, кто был связан только с кириллографичным культурным пространством тогдашнего востока Европы, в том числе «московские монахи», исповедники ересей, «пришедшие в наши края».

Центральное место в списке, являвшемся своего рода униатским индексом запрещенных книг, занимает Франциск Скорина. Он и его издания особо ненавистны виленскому настоятелю, описавшему активный базилианский поход против наследия первопечатника, «еретика-гусита». Вместе с тем Анастасий-Антоний Селява дает весьма важную оценку ситуации с распространением в ту пору книг Франциска Скорины среди ставшего всего лишь несколько лет назад униатским местного священства. Священство это почитает писания Скорины, ибо их создал «Русин, брат наш». Он «из Полоцка», «человек достойный». Виленскому настоятелю, видевшему, по его же словам, с каким пиететом новоявленное униатское священство относится как к широко распространенным книгам, так и к самой личности Франциска Скорины, оставалось одно – всяческое искоренение скорининского наследия, как и кириллографичных изданий Симона Будного. Для этого базилианские монахи использовали не только одно лишь прямое принуждение при изъятии этих книг, но и изъятие с компенсацией, хотя «по-прежнему... остается трудность... в изъятии... этой книжности». Ее владельцы, совсем недавно еще православные священники, вступали в полемику с базилианскими изымателями, прекрасно понимая, что ждет «эти, – по их словам, – старые церковные книги, а потому хорошие, собранные из Священного писания», которые столько лет были их духовной святыней.

¹ Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Вильна, 1875. Т. 8. С. 94–95, 98.

Все эти книги ждала та же самая участь, которая постигла писания виленских православных братчиков, сжигавшиеся тогда по королевским приказам. Контрреформационные костры долго пылали по всей Европе, в Вильне по крайней мере начиная с 1581 г.² Как показывают наши практически полувековые наблюдения над судьбами литературного наследия Франциска Скорины, униатское аутодафе его книг в XVII в. стало едва ли не главной причиной их почти полного исчезновения тогда на землях Великого княжества Литовского.

А. Ф. Литвина (НИУ ВШЭ), Ф. Б. Успенский (ИРЯ РАН, НИУ ВШЭ)

ПОСТРИЖЕНИЕ КНЯГИНИ ЕВФРОСИНИИ СТАРИЦКОЙ КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТ

Летом 1563 г. произошли события, чрезвычайно важные для истории правления Ивана Грозного и всей жизни династии как таковой, остающиеся при этом загадочными и в некотором смысле амбивалентными. Царь впервые за долгие годы вступает в открытый конфликт с единственной (помимо его собственной) ветвью московского великокняжеского дома – с кузеном, князем Владимиром Андреевичем Старицким, и его матерью, вдовствующей княгиней Евфросинией Андреевной. Трагический финал этого конфликта, завершившегося гибелью большей части старицкого семейства в 1569 г., хорошо известен, однако шестью годами ранее разрыв между кузенами мог еще не выгядеть столь фатально. Действительно, прислушиваясь к доносу дьяка Савлука Иванова, обвинившего своего патрона и его мать в неких неправдах и неисправлениях¹, царь обличает родню перед митрополитом и епископами, но затем, как будто бы склонившись на их уговоры, «гнѣвъ свой имъ отдалъ». Владимир Андреевич остается на свободе и формально пребывает в достаточном почете, однако царь, в сущности, обновляет состав его двора, заменив близких Владимиру людей на собственных ставленников. Что же касается княгини Евфросинии, то та, прожив более четверти века во вдовстве, якобы по собственной воле вдруг просит государя о постриге.

Обстоятельства этого события достаточно противоречивы. С одной стороны, ее благополучно постригает собственный духовник, она сделалась насельницей белозерского Воскресенского Горицкого монастыря, который прежде сама построила, ее провожают туда знатные люди и там она будет окружена чем-то вроде собственного маленького двора. С другой стороны, княгиня оказывается удалена от столицы и от сына, а чуждое ей окружение одновременно исполняет надзорные функции над ней, не говоря уже о том, что постриг Евфросинии, не будучи насильственным, все же, скорее всего, был вынужденным. В этой сложной ситуации каждый семиотически насыщенный факт приобретает особое значение.

Символически значимым оказывается самый выбор дня для пострижения княгини. Оно совершается далеко не сразу и приходится на 5 августа 1563 г. Необходимо проанализировать, почему этот день, а также его канун – 4 августа – играют особую роль в судьбе всей семьи старицких князей и в жизни княгини Евфросинии, в частности. Мы безусловно имеем дело с актом «удвоенного», а в каком-то смысле даже «утроенного» благочестия, воплощенного в именах и датах. Изощренная игра с календарем, вообще говоря, весьма характерна для той эпохи, когда язык антропонимов и чисел достигает максимального расцвета. В данном же случае немаловажно, кто был автором «высказывания» на этом языке и был ли у подобного благочестивого выбора иной – собственно политический – подтекст.

Безапелляционного ответа на поставленный вопрос не существует, однако способствовать его разрешению могут надписи на артефактах из мастерских Евфросинии Старицкой – они позволяют проследить некий виртуальный диалог между царем и семьей удельного князя, последнее слово в котором, конечно же, принадлежало первому.

² Zeiller M. Neue Beschreibung deß Königreichs Polen und Groß-Hertzogthumbs Lithauen... Ulm, 1647. S. 199.

¹ ПСРА. М., 2000. Т. 13. С. 368.

Е. А. Ляховицкий, Е. С. Быстрова, Е. М. Лоцманова (РНБ),
М. А. Скопина (Центр искусства каллиграфии «От Аза до Ижицы»)

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕПЛИКАЦИЯ КАК ПОДХОД К ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

С 2018 г. в Российской национальной библиотеке ведется работа по исследованию чернил древнерусских памятников письменности, центральную роль в котором играет репликация исторических образцов чернил. Такой подход предоставляет возможность создания модельных объектов с известными характеристиками, опираясь на которые можно интерпретировать результаты технологического исследования подлинных документов и определять оптимальные методики исследования без необходимости отбора проб, крайне болезненного, учитывая тонкий слой красителя в штрихе.

Репликация исторических чернил подразумевает на первом этапе создание жидких образцов на основе данных об ингредиентах и технологии приготовления, отразившихся в древнерусской рецептурной традиции. Затем на базе этих образцов создаются модельные объекты: выкраски и прописи.

Выкраски используются прежде всего для изучения процессов старения чернил, в рамках которого они подвергаются искусственному световому и тепло-влажному старению. Процесс старения чернил в комплексе с писчим материалом исследуется на материале выкрасок на специально изготавливаемых бумажных подложках на основе льняной целлюлозы, соответствующих европейской бумаге ручного отлива, а также пергаменных листах. Для изучения процессов старения вещества чернил изолированно от письменного материала используются выкраски на стекле. Контроль изменений образцов осуществляется с применением спектрофотометрии, микроскопии, спектрально-визуализации в ближней инфракрасной области спектра.

Прописи представляют собой модельные объекты, максимально приближенные к подлинным документам. Они выполняются на бумажных листах ручного отлива с использованием основных типов древнерусского письма, смоделированных на базе конкретных памятников. Как и выкраски, модельные образцы также подвергаются искусственному старению.

К настоящему моменту изготовлено 52 жидких образца железистых и растительных чернил различных составов. На базе полученных на их основе модельных образцов проведена отработка различных методик исследования, установлены различия в динамике старения между образцами с различным составом, определено, что тепло-влажные условия являются более мощным фактором изменений чернил по сравнению со световыми.

Особое место занимают результаты исследований модельных объектов – прописей посредством спектрально-визуализации. Последняя технология исследования ввиду своей способности быстро охватывать большие объемы материала видится на сегодняшний момент единственно возможной основой для методики экспресс-оценки химического состава чернил, которая необходима как для задач историко-технологических исследований, так и для обеспечения сохранности памятников.

Так, было установлено, что при оценке результатов спектрально-визуализации необходимо учитывать тип письма: текст, выполненный относительно быстрым письмом – скорописью, будет выглядеть более проницаемым по сравнению с текстом, выполненным теми же чернилами, но более медленным книжным письмом (уставом).

На данный момент можно говорить о том, что железистые чернила, подвергнутые искусственному старению, менее проницаемы в ближней инфракрасной области спектра по сравнению с нестареными образцами. В особенности различия заметны для образцов, включающих серосодержащие соединения – квасцы или сульфат железа.

Последняя группа образцов является в целом наименее проницаемой по сравнению с другими образцами железистых чернил: «тени» букв без плотностных градаций продолжают быть хорошо различимыми на изображении, формируемом при 1100 нм. Образцы железистых чернил без серосодержащих соединений достигают полной или почти полной прозрачности (буквы не наблюдаются или различимы с трудом) при 905–950 нм.

А. Б. Мазуров (ГСГУ, СФИ)

ПОЧИТАНИЕ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ НИКОЛЫ ЗАРАЙСКОГО В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ (XIII–XVI вв.): КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Сохранились сведения об 11 чудотворных (почитаемых) иконах домонгольской Руси, среди которых особое место занимает образ Николы Зарайского (далее – НЗ). Исследовательская традиция о нем насчитывает почти три четверти века (Д. С. Лихачев, В. И. Антонова, А. В. Поппе, В. А. Кучкин, Б. М. Клосс, И. Г. Добродомов, Т. В. Толстая и Е. В. Уханова, Е. В. Гладышева, Т. Н. Нечаева, А. А. Преображенский, Г. П. Геров, Г. В. Попов и др.). В результате накопилось немало дискуссионных вопросов по поводу происхождения, смысла (содержательной стороны) и ранней истории почитания чудотворной иконы.

Иконография НЗ, имеющая византийские истоки и западноевропейские прототипы, – национальная примета русского искусства. Она является частным вариантом появившегося в XII столетии типа проповедующего Евангелие ростового изображения святителя анфас, с разведенными в сторону и приподнятыми до уровня плеч руками. В левой руке – Евангелие, правая кисть руки сложена в ораторский жест «я говорю», осмысляемый также как благословение. Древнейшее точно датированное изображение аналога НЗ дошло на фреске церкви Св. Николая и Вмч. Пантелеимона в Бояне (Болгария) 1259 г.

Как известно, Повесть о перенесении чудотворного образа НЗ повествует о явлении иконы в Херсонесе священнику Евстафию в 1223 г. (дата привязана к битве на р. Калке) с последующим путешествием его с семьей на Русь сначала в Новгород, а затем в Рязанскую землю. Там в 1225 г. икона и обрела свое постоянное место. Первоначально она именовалась Корсунской (по месту происхождения), а затем по урочищу, где располагалась церковь («Заразы» – овражистое, неровное, изрытое место), стала называться Зараской (с конца XVI – начала XVII в. – Зарайской, что связано с появлением нового имени города).

Дошедшая до наших дней житийная икона НЗ, ныне возвращенная в г. Зарайск, датируется ранним XVI в. Этот список, скорее всего, восходит к древнему утраченному подлиннику. По нашему мнению, он был создан не в самом начале XVI в. (1513 г.?), а на рубеже 1520–1530-х гг. для каменной Никольской церкви города Николы Зараского, где затем и хранился. Цикл повестей о перенесении чудотворного образа НЗ (далее – Цикл), как убедительно показал Б. М. Клосс, сформировался в 1560-е гг. Древнейшие русские иконы НЗ относятся к началу XIV в. Сам же город Николы Зараского появился в 1531 г., а как сельское поселение упоминается с 1508/1509 г. Нередко к кругу «корсунских древностей» приписывались артефакты, не имеющие к ним действительного отношения, с целью поднятия авторитета и удревления. Все это ставит под сомнение фактическую канву Повести о перенесении, позволяя считать ее полным вымыслом книжника середины XVI в. Отсюда необходимость вновь обратиться к вопросу о почитании чудотворной иконы НЗ в XIII – первой трети XVI в. (до появления города Николы Зараского в 1531 г.).

Для выяснения весьма непростых вопросов использованы письменные, археологические, картографические и иконографические источники. Создана охватывающая XIII – начало XVI в. база данных, насчитывающая около 60 изображений НЗ, включающая живописные и деревянные резные иконы, лицевое шитье, фрески, искусство «малых форм» (энколпионы, кресты-мощевики, каменные резные иконки, свинцовые печати). Среди них выделена группа из примерно 45 предметов, максимально соответствующих особенностям списка иконы НЗ 1528–1531 гг. (св. Николай в колоколовидной крестчатой фелони), древнейшие артефакты которой относятся к концу XIII в. Выяснено, что наиболее раннее, хотя и весьма схематичное, изображение НЗ в древнерусском искусстве представлено на свинцовой печати, происходящей из Новгорода и датирующейся 1210-ми гг. Небольшое расхождение дат может быть объяснено анахроничностью хронологии Повести. К домонгольскому времени относится двусторонний каменный образец с изображением святынь Рязанской земли: Богоматери Одигитрии и НЗ (Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник). Древнейшее же изображение, восхо-

дядшее к утраченному подлиннику НЗ, – каменная двусторонняя иконка из собрания Государственного Русского музея, имеющая изображение шествующего святителя в колоколовидном полиставрионе. Она относится к концу XIII – началу XIV в. География живописных икон XIV в. (2/3 из которых относятся к Центральной Руси, а 1/3 – к Северу) фиксирует, что основное почитание НЗ развивалось в центрально-русских княжествах.

Принципиальным для оценки историчности Повести о перенесении является «Род поповский» («Род служителей»), содержащийся в составе Цикла. Расчеты по поколениям (три в столетие) показывают, что он восходит по меньшей мере к концу XIII в. Можно предполагать тут дефект: пропуск двух-трех имен.

Изучение ранних вкладов (домонгольская двусторонняя каменная резная иконка с Деисусом и вознесением Александра Македонского, Зарайское Евангелие 1401 г., сударь середины XV в., киот рубежа XV–XVI вв., епитрахиль XV–XVI вв.) также говорит о том, что почитание конкретной чудотворной иконы НЗ («подлинника») шло с XIII в.

Археологические данные свидетельствуют о том, что на месте г. Зарайска с XII/XIII до конца XIV (начала XV?) в. и с конца XV в. непрерывно существовало сельское поселение, в 1528–1531 гг. превратившееся в город. Культурный слой большей части XV в., видимо, пока еще не обнаружен. Он должен тяготеть к древней деревянной Никольской (с конца XVII в. – Богоявленской) церкви, расположенной вне территории Зарайского кремля. Она и была тем храмом, который в XIII в. возвели для чудотворной иконы.

Таким образом, в 1560-е гг. в Повести о перенесении было зафиксировано устное родовое предание церковных служителей при иконе НЗ. Опираясь на реальные факты (происхождение из Херсонеса, путешествие в Новгород, а затем остановка в Рязанской земле в первой трети XIII в.), она в сильно приукрашенном и расцвеченном виде обосновывала ее особый статус.

И. И. Макеева (ИРЯ РАН)

ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 14 ТИТУЛОВ В КОРМЧЕЙ РАННЕЙ РУССКОЙ РЕДАКЦИИ

В Кормчей ранней русской редакции после оглавления и статей о вселенских и поместных соборах находится первая часть Синтагмы 14 титулов – тематический перечень апостольских и соборных канонов (правил), которые вместе с толкованиями к ним составляют почти четвертую часть памятника.

Тематику 14 титулов с указанием количества глав – более мелких тематических структур – в каждом разделе изложил И. И. Срезневский: <I – 38 глав – о православии, канонах и посвящениях, II – 3 главы – о построении церквей и о священных церковных вещах, III – 22 главы – о молитвах, пении, чтении, возношении и причащении, об одежде церковников и о служении чтецов, певцов и слуг церковных, IV – 16 глав – о оглашенных и о св. крещении, V – 3 главы – о неуважении церквей и о трапезах в церкви, VI – 3 главы – о приношении плодов, VII – 5 глав – о постах, пасхе, пятидесятнице, о субботе и воскресном дне, VIII – 19 глав – о парохиях, о жизни епископов и клириков, соборах и пр., IX – 39 глав – о проступках, судах и наказаниях, X – 8 глав – об управлении церковных имений и об имуществвах епископов, XI – 16 глав – о монастырях, XII – 18 глав – о еретиках, иудеях и элинах (язычниках), XIII – 41 глава – о мирских людях, XIV – 7 глав – обо всех людях вообще и их проступках» [Срезневский, с. 9].

Кормчая ранней русской редакции является компиляцией сербской Кормчей (Законоправила) и древнеславянской. В апостольских и соборных правилах и толкованиях каноны в основном взяты из древнеславянской Кормчей, а толкования к ним – из сербской; иногда этот принцип нарушался (см.: [Мошкова; Баранкова, Макеева]).

Компиляцией тех же двух источников стал текст 14 титулов, или Фотиев номоканон (далее – ФН), хотя он составлен иначе. Его первая и большая часть взята из Законоправила. Небольшой фрагмент начиная с середины главы 29 (30) грани 9 является контаминацией обеих Кормчих, а остальной

текст заимствован из древнеславянской редакции. Принципы работы составителей русской Кормчей с последним источником при работе над ФН отчасти соответствуют приемам, к которым они прибегали при включении в компиляцию правил древнеславянской редакции. Некоторые главы сокращены (грань/тител 10, глава/главизна 2, 3, 4, 5, 11; грань/тител 11, глава/главизна 8; грань/тител 12, глава/главизна 14). Есть особенности в структуре разделов. Так, в грани 12 объединены вместе две и три главы: 4, 5 и 6, 7 и 8, 10, 11 и 12, при этом в ФН вошел текст только последней главы каждой группы. Главы 17 и 18 пронумерованы, текста же не имеют. Благодаря этому сохранено количество глав, заявленное в начале раздела.

В сербской Кормчей тематический раздел именуется *грань*, а более мелкая структура – *глава*; в древнеславянской соответственно *тителъ* и *главизна*. В русской Кормчей во всем ФН использованы слова *грань* и *глава*.

Иной принцип номинации соборов оставлен без изменений. В части, восходящей к Законоправилу, используется модель с *иже*: *собора иже въ антиохии*, *собора иже въ халкидонь*. В древнеславянской редакции она тоже встречается, но в основном ей соответствует конструкция с прилагательным: *собора антиохийскаго*, *сбора халкидоньскаго*. То же касается употребления словосочетания (*правило*) *святыхъ апостоль* в первой части номоканона и прилагательного (*правило*) *апостольское* во второй части. Эти языковые признаки маркируют разные по происхождению части ФН.

Лексика канонов и толкований в русской Кормчей имеет отличия от Законоправила по списку Иловицкой кормчей 1262 г. (далее – *И*) и от древнеславянской редакции по списку Ефремовской кормчей XII в. (далее – *Е*), то есть использованные составителями списки не были тождественны *И* и *Е*. Расхождения есть и в ФН. Они касаются лексики – употребления слов *правило* – *канонъ*, а также номеров и чисел. Номера некоторых правил ФН в русской Кормчей по Новгородскому списку (далее – *Н*) соответствуют в первой части не *И*, а Рязанской кормчей 1284 г. (далее – *Р*), а во второй части – не *Е*, а Уваровской кормчей XIII в. (далее – *У*). См., например, грань 8, глава 5: *И* правило .Ѡг., *Р* и *Н* .Гг.; грань/тител 11, глава/главизна 5: *Е* .Ѡ.Ѡ. Ѡ. Ѡ, *У* и *Н* .Ѡ.Ѡ. ѠѠ. Особая ситуация с числом 90, обозначаемым через .Ѡ. и .Ѡ. В русской Кормчей, видимо, из-за частичного сходства в начертании .Ѡ. и .Ѡ. в нескольких номерах на месте .Ѡ. оказалось .Ѡ. Такие чтения имеются во всех списках, кроме Погодинского конца XVI в. (далее – *П*), где .Ѡ. заменено на .Ѡ.: .Ѡ. *Н* 126 и др. списки – .Ѡ. *И*, *Р*, .Ѡ. *П*; .Ѡ. *Н* 17г и др. списки – .Ѡ. *И*, *Р*, .Ѡ. *П*; .Ѡ. *Н* 20г и др. списки – .Ѡ. *И*, *Р*, .Ѡ. *П* и др. Во второй части ФН, взятой из древнеславянской редакции, подобных расхождений нет.

Литература

Баранкова Г. С., Макеева И. И. Принципы составления и редактирования соборных правил и толкований в Кормчей ранней русской редакции // Труды ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. 2021. № 1. С. 9–40. DOI 10.31912/rvli-2021.1.1

Мошкова Л. В. Апостольские правила в Кормчей русской редакции: принципы соединения текста // Религии мира: История и современность. СПб., 2012. С. 44–75.

Срезневский И. И. Обзорение древних русских списков Кормчей книги. М., 1897. VIII, 156, 209 с., 1 л. факс.

А. А. Манохин (РГГУ)

СОКРАЩЕННАЯ РЕДАКЦИЯ УСТАВА ИОСИФА ВОЛОЦКОГО

Устав Иосифа Волоцкого, с самоназванием «Духовная грамота», был известен еще первому его биографу [Казанский, с. 49–50], пользовавшемуся списком ОР РГБ. Ф. 173/1 (Фундаментальное собрание МДА). № 171, XVII в. В поле зрения дореволюционных исследователей попали и несколько других списков Устава. Ныне это ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. Q.XVII.64 и ОР ГИМ. Собрание А. С. Уварова. № 6-8° [Филарет (Гумилевский), 1857, с. 125–126; Калайдович, Строев, с. 257; Леонид (Кавелин), с. 208–209]. Священник Н. А. Булгаков пользовался списком ОР РНБ. Собрание Нов-

городского Софийского собора. № 1470 [Булгаков, с. 197–213; Абрамович, с. 299]. И. Хрущов указал список ОР РНБ. Собрание Новгородского Софийского собора. № 1490 [Хрущов, с. XII, XIII, 75–84]. В 1868 г. началось издание Великих Миней Четых, где под 9 сентября помещен и Устав-«Духовная грамота», по спискам ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 174 и 986¹.

В третьем издании «Обзора русской духовной литературы» Филарет (Гумилевский) указывает еще два списка. Самым исправным исследователь назвал список ОР ГИМ. Епархиальное собрание. № 341, а неполным – ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 52 [Филарет, 1884, с. 132–133; Строев, Леонид (Кавелин), Барсуков, с. V–VI, 156–157; Зимин, с. 26; Горский, Невоструев, с. 517–520].

Первым опытом источниковедческого подхода к Уставу является работа Я. С. Лурье, указавшего еще несколько списков Пространной, или Минейной, редакции Устава [Лурье, с. 118, примеч. 6]. Главная заслуга исследователя – открытие Краткой редакции в списках ОР РНБ. Собрание Соловецкого монастыря. № 326/346 и ОР РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 1135 [Послания, с. 285, 291]. Краткая редакция и 12-е Слово опубликованы в приложении к Посланиям Иосифа Волоцкого [Послания, с. 296–321]. С тех пор поиск всех списков Устава не проводился, так как текст отличался стабильностью.

В ходе предпринятых мной поисков были найдены еще три списка Краткой редакции: ОР ГИМ. Собрание А. С. Уварова. № 449-4^о (далее – Увар. 449), 1768 г.; ОР РГБ. Ф. 214 (Собрание Оптиной пустыни). № 113 (далее – Опт. 113), начала XVIII в., и ОР РГБ. Ф. 741 (Собрание М. И. Полякова). № 5 (далее – Поляков. 5), третьей четверти XVIII в. Все они представляют собой монастырские сборники одного состава, начинающиеся 11-словной редакцией Провосветителя. При сверке текста обнаружались значительные расхождения с изданием Я. С. Лурье. Предложение с упоминанием жертвы Каина в 1-м Слове в Опт. 113 и Увар. 449 пространнее. В 4-м Слове есть рассказ о 5000 монахов и мирян, перечень неправедно любимых предметов больше. Вставка о проклятии не ходящим по отеческим заповедям разрывает предложение в конце перечня. 5-е Слово увеличено вдвое за счет текста о возможности молиться вне церкви и без икон, совпадающего с 7-м Словом Провосветителя. Заглавие 11-го Слова несколько иное, и в нем в наличии речь аввы Иеронима [Послания, с. 299, 306, 307, 309, 319]². Часть редакционных изменений можно объяснить старообрядческим происхождением (расширения 4-го Слова). Расширение 5-го Слова тоже можно объяснить вставкой. Тем не менее в заглавии Слова есть упоминание об иконах, но в опубликованных списках о них речь не идет. Изменения 1-го и 11-го Слов явными вставками счесть нельзя. Я предложил выделить Увар. 449 и Опт. 113 в Старообрядческий вид Краткой редакции Устава. Список Поляков. 5 представляет собой существенное сокращение Старообрядческого вида на протяжении всех Слов, что дает возможность говорить о новой, Сокращенной редакции Устава. При дальнейших поисках возможны находки более древних списков новых видов и редакций.

Литература

- Абрамович Д. И. Описание рукописей Санкт-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека. СПб., 1910. Вып. 3. 408 с.
- Булгаков Н. А. Преподобный Иосиф Волоколамский. Церковно-историческое исследование. СПб., 1865. [4], 215 с.
- Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 2. Писания святых отцов. Ч. 2. Писания догматические и духовно-нравственные. М., 1859. [2], XII, 690 с.
- Зимин А. А. Из истории собрания рукописных книг Иосифо-Волоколамского монастыря // Записки Отдела рукописей / ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 15–29.
- Казанский П. С. Преподобный Иосиф Волоколамский. М., 1847. (Прибавления к изданию Творений Святых Отцев в русском переводе. Ч. 5). 92 с.
- Калайдович К., Строев П. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке тайного советника, сенатора, двора Его Императорского Величества действительного камергера и кавалера графа Федора Андреевича Толстова. М., 1825. LXVII, [3], 811, [7] с., [1] л. портр.
- Леонид (Кавелин), архим. Систематическое описание собрания графа А. С. Уварова. В 4 частях с 13-ю снимками. М., 1893. Ч. 1. [2], XVI, 695 с., 8 л. факс.

¹ Великие Миней Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 1–13. СПб., 1868. Стб. 499–615.

² Опт. 113. Л. 162, 167, 168, 169 об., 177, 177 об.; Увар. 449. Л. 310, 323, 323 об., 326 об., 343 об., 344.

Лурье Я. С. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого – памятник идеологии раннего иосифлячества // ТОДРА. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 116–140.

Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. 390 с., 3 л. ил.

Строев П. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый-Иерусалим, Саввина-Сторожевского и Пафнутьева-Боровского / Сообщ. архим. Леонид; С предисл. и указ. Николая Барсукова. СПб., 1891. XVIII, 343 с.

Филарет (Гумилевский), архиеп. Харьковский. Обзор русской духовной литературы. 862–1720. СПб., 1857. [2], 300 с.

Филарет (Гумилевский), архиеп. Харьковский. Обзор русской духовной литературы. 862–1720. 3-е изд., с поправками и доп. авт. СПб., 1884. [8], 511 с.

Хрущов И. Исследование о сочинениях Иосифа Санина преподобного игумена Волоцкого. СПб., 1868. 266 с.

Т. А. Матасова (МГУ, СЗИУ РАНХиГС)

К ВОПРОСУ О ЧУДЕСАХ ПРП. КАССИАНА УЧЕМСКОГО – ГРЕКА ИЗ ОКРУЖЕНИЯ СОФЬИ ПАЛЕОЛОГ

Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда, проект № 19–18–00247-П «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)».

Биография князя Константина Мангупского – прп. Кассиана Учемского († 1504) – полна загадок и белых пятен¹. Гораздо больше исследователи знают об истории пустыни, основанной этим святым [Матасова, 2022а], а также о его посмертном служении, явленном в чудесах, совершающихся с XVI в. и донныне. Свидетельства о них как зафиксированы письменно, так и бытуют устно [Смирнов]. Редакции Жития прп. Кассиана, содержащие чудеса, были составлены в XVII–XVIII вв. и изучены далеко не полностью. Опираясь на публикацию 1873 г., исследователи исходят из свидетельств о 16 чудесах². Тем не менее еще до революции были опубликованы оставшиеся почти не замеченными еще девять чудес святого³.

В одном из недавно введенных в научный оборот списков Жития⁴ содержится чудо об игумене Улейминского монастыря Лаврентии, не опубликованное до революции и, как кажется, неизвестное по другим спискам: «Чюдо преподобнаго отца нашего Касиана како исцели игумена Лаврентия от [о]гне-вья болезни». Чудо пришлось на правление в Учемской обители игумена Ионы (1686–1705 гг.), при котором имел место расцвет духовной и интеллектуальной жизни, началось строительство первого каменного храма [Матасова, 2022а, с. 222–223]. Занемогший Лаврентий вспомнил о прп. Кассиане как о скором помощнике в болезнях и отправил в Учму гонца, который принес Лаврентию икону «и персть иже есть от гроба» прп. Кассиана. Лаврентий «испивше святые воды с персти, исцеление получи». «По мале же времени» Лаврентий сам пришел помолиться в Учму, после чего окончательно выздоровел⁵.

В этом чуде речь идет о реальном историческом герое, известном по записи его рода в синодике Учемской обители⁶. Также Лаврентий был вкладчиком Кассианова монастыря: он «даль... в церковное строение (на возведение каменной церкви, начатое в 1699 г. – Т. М.) двенадцать рублевъ с полтиною»

¹ Наиболее полный на сегодняшний день рассказ о жизненном пути святого представлен в монографии С. Ю. Шокарева [Шокарев, с. 187–211], об этом исследовании см.: [Матасова, 2023].

² См.: Ярославские епархиальные ведомости. 1873. № 42. Часть неоф. С. 337–344; № 43. Часть неоф. С. 345–348.

³ Ярославские епархиальные ведомости. 1895. № 21. Часть неоф. С. 327–333. В справочниках эти чудеса не нашли отражения [Каган, с. 366].

⁴ ОР РГБ. Ф. 218 (Собрание Отдела рукописей). № 1406. Л. 43–108 [Крутова]. Именно с этого списка была сделана публикация 1873 г. [Матасова, 2022б, с. 160]. Вероятно, чудо об игумене Лаврентии не было опубликовано, поскольку к 1870-м гг. так и не стало частью признанного церковного предания. Ранее считалось, что публикация 1873 г. была сделана с Угличского списка Жития прп. Кассиана (Угличский государственный историко-архитектурный художественный музей (далее – УГИАХМЗ). № Уг-15118. Л. 41–142; см.: [Горстка]).

⁵ ОР РГБ. Ф. 218. № 1406. Л. 106–107 об.

⁶ Мышкинский народный музей. № 15. Л. 89.

[Матасова, 2022а, с. 261]. Удивительно, что в Угличском списке Жития прп. Кассиана, также созданном в конце XVII в., это чудо было специально затерто⁷.

Планируется комплексный анализ чуда – однажды записанного, но так и не вошедшего в «официальный список» чудес святого. В чуде отразилась как известная по другим источникам глубокая связь Учемской и Улейминской обителей, так и некая загадка местной истории, которую предстоит разгадать.

Литература

Горстка А. Н. «Житие Кассиана Учемского» в списке конца XVII в. и его исторические реалии // Книжная культура Углича. Статьи, публикации. Углич, 1996. С. 33–42.

Каган М. Д. Житие Кассиана Угличского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 361–366.

Крутова М. С. Неизвестный лицевой список жития преподобного Кассиана Угличского // Румянцевские чтения – 2021. Материалы Международной научно-практической конференции (21–23 апреля 2021). М., 2021. Ч. 1. С. 481–486.

Матасова Т. А. Монастырь и мир: Кассианова Учемская пустынь во времена Петра Великого (исследование материалов рукописи Тихонр. № 234) // Источники по истории русского Средневековья и Нового времени. М., 2022. Вып. 1. С. 219–292.

Матасова Т. А. Прп. Кассиан Учемский – грек из окружения Софьи Палеолог и его канонизация при Михаиле Романове: доверие духовным авторитетам // Управленческое консультирование. 2022. № 2 (158). С. 153–164. DOI 10.22394/1726-1139-2022-2-153-164

Матасова Т. А. Последний герой удельной Руси: новая книга об Андрее Большом // Российская история. 2023. № 2. С. 180–185. DOI 10.31857/S2949124X23020153

Смирнов В. Г. Новые сведения о мощах св. Кассиана // Учемский сборник. Мышкин, 1998. Вып. 1. Материалы Первой научно-практической конференции «На земле св. Кассиана». С. 65–66.

Шокарев С. Ю. Андрей Большой Угличский: Судьба и эпоха. Углич, 2022. 421, [2] с., [6] л. ил.

С. А. Никонов (Мурманский арктический государственный университет)

ДВИНСКИЕ ПИСЦЫ ЯКИМ РОМАНОВ И НИКИТА ПЯТУНИН: СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

Исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР № 122060900077-6.

Писцовые описания Двинской земли конца XV – XVI в. сохранились фрагментарно. По всей видимости, в них не были включены сведения о южной части Кольского полуострова (Терский и Кандалакшский берега), связанной в податном отношении с Подвиньем. Для первой половины XVI в. известны расплывчатые упоминания актов описания Варзуги, но установить точные даты и имена писцов пока не удастся.

Более отчетливая ситуация складывается в 1563 г., когда двинскими писцами Якимом Романовым (Великой Головой) и Никитой Истоминым сыном Пятутиным (Пятуниным) были описаны поморские волости Кольского Севера. От этого письма сохранились две сотные на Варзугу и Кереть.

П. А. Садилов считал, что писцы «фиксировали старинные отношения, сложившиеся на Двине и в Заволочье еще во времена новгородского владычества». Кроме того, к началу 1560-х гг. потребовался учет «всех богатых промысловых угодий». Социальное положение писцов говорило о том, что они были, «видимо, далеко не последними в двинском обществе» [Садилов, с. 194–195].

Имеющийся актовый материал, как опубликованный, так и архивный, позволяет более детально рассмотреть социальное положение писцов и их родственные связи. Яким Романов двинским актам известен как послух, представитель выборной администрации и писец. В качестве послуха Яким вы-

⁷ УГИАХМЗ. № Уг-15118. Л. 104 об.

ступает в двух комплексах поземельных актов богатых двинян Алексея Омосова сына Соломбальского (1545–1546 гг.) и своеземца Федора Шуйгина (1550/1551 и 1556 гг.). Грамоты были составлены в Москве.

Акты не раскрывают обстоятельства, обязывавшие Якима бывать в Москве. Также неясным остается его связь с видными представителями крестьянского мира Подвинья (Амосовыми и Шуйгиными). Нельзя исключать, что в 1545/1546–1556 гг. Яким исполнял выборную должность.

С 1561 г. Яким Романов известен как данный староста, отвечавший за сбор податей. Денежные операции, проходившие через Якима, зафиксированы в приходо-расходных книгах Соловецкого монастыря 1571–1575 гг.

Экономическое положение Якима Романова неизвестно. Платежная книга Двинской земли 1560 г. фиксирует в Уне соляную варницу, бывшую раньше за ним. Не прослеживаются и родственные связи Якима.

Источники содержат больше сведений о роде Пятутиных. Его основатель, Степан Марков сын Пятута, в 1514 г. по отступной грамоте получил земли в Великокурейской (Курейской) волости. Хозяйственную активность продолжили сыновья Степана – Нечай и Истома (Пимин) Пятутины. С конца 1530-х гг. они приобретали земли на Солотковом острове (р. Северная Двина), не только покупая, но и захватывая их. Крестьянин Иван Мурашев с сыновьями жаловался на то, что на его земли «наступают» Пятутины. Использование силы вызывало и противодействие. Нечай и Истома жаловались великому князю Ивану Васильевичу, что «на тот их остров (Солотков. – С. Н.) приезжая, сторонние люди лес секут, и рыбу ловят, и хлеб травят, и скот пущают силно»¹.

Спорное дело в Москве рассматривалось казначеем Иваном Третьяковым. Этот факт, по мнению П. А. Садикова, свидетельствовал о том, что крестьяне «знали приказные порядки» [Садиков, с. 195].

Хозяйство Пятутиных выходило за пределы Великокурейской волости. Истома Пятутин владел пожнями и двумя тонями на Зимней стороне Белого моря; совместно с другими крестьянами он эксплуатировал пять соляных варниц.

По актовым источникам прослеживается семейное положение Истома (Пимина) Пятутина. Он был женат на Марье Ивановой дочери и имел, по меньшей мере, двух сыновей – Никиту (писца) и Алексея Худяка.

Писец Никита Пятутин дважды упоминается в актовых источниках вместе с матерью. Они передавали вкладом Соловецкому монастырю и церквям деревни в Курейской волости. Совместное распоряжение матерью и сыном землями косвенно указывает, что Никита так и не обзавелся семьей, не стал полноправным хозяином. Что этому помешало – физический недуг или тяжелая болезнь, сказать невозможно. После 1564 г. имя Никиты больше не встречается. Нельзя исключать, что крестьянин умер.

В 1563 г. Якимом Романовым и Никитой Пятутиным были описаны поморские волости Кольского полуострова, а также Пустозерск и его округа. Материалы кольского описания сохранились фрагментарно.

Работавшие в 1573/1574 г. писцы Василий Агалин и Степан Соболев использовали материалы своих предшественников, приводя суммарные показатели по дворам, людям, промысловым объектам. В писцовой книге Кольского уезда 1608–1611 гг. письма Алая Михалкова также встречаем ссылку на данные двинских писцов. Используя эти материалы, приходим к выводу, что Якимом Романовым и Никитой Пятутиным были описаны все поморские волости Кандалакшского и Терского берегов.

Этого нельзя сказать о лопарских погостах. В известных на сегодня трех сотных 1573/1574 г. на погосты нет данных о деятельности двинских писцов. Возможно, в задачу Романова и Пятутина входило описание только поморских волостей, где проявлялись фискальные и хозяйственные интересы двинян.

Литература

Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. 594 с.

¹ Сборник грамот коллегии экономии. Петербург, 1922. Т. 1. Грамоты Двинского уезда. № 96. Стб. 97–98.

М. О. Новак (ИРЯ РАН)

ЛЕКСИКА ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА «ЦЕРКОВНЫХ АННАЛОВ» БАРОНИЯ (XVII В.): ВЛИЯНИЕ ЧУДОВСКОГО КРУГА

В работе предлагается проверка предположения о влиянии переводческой стратегии книжников Чудовского круга на один из малоизученных восточнославянских переводов «Церковных анналов» Цезаря Барония (*Annales Ecclesiastici*, 1588–1607 гг.). Как известно, хроника Барония, охватывавшая первые 12 веков истории христианства и написанная на латыни, завоевала популярность в славянском мире благодаря сокращенному переводу Петра Скарги на польский язык (обзор литературы вопроса см. в [Новак]). С. И. Николаев указывает на существование по меньшей мере четырех определенных восточнославянских переводов XVII в., а также обширной группы рукописей, содержащих не идентифицированные им версии [Николаев, с. 158–160]. В центре нашего внимания – лексика одного из переводов с польского переложения Скарги, который датирован 1689 г. и содержится в рукописи ОР РГБ. Ф. 256 (Собрание Н. П. Румянцева). № 15, снабженной владельческой записью окольного А. А. Матвеева.

Лексические предпочтения книжников Чудовского круга детально описаны в работах Т. А. Исаченко и Т. В. Пентковской. В частности, в работе [Пентковская] перечислены такие приметы, как наличие грецизмов при отсутствии таковых в переводимом тексте; собственно славянских слов с длительной историей в церковнославянском узусе – эквивалентов польских лексем либо латинизмов польского текста, а также словосложений, которые в переводах с польского используются как отсылка к высокому стилистическому регистру церковнославянской книжности, где в свое время в процессе калькирования греческих *composita* сформировались устойчивые словообразовательные модели.

Все эти черты мы находим и в рукописи № 15. Так, налицо частотные параллели *starosta* – *енархъ*, *kapłan* – *цереи*, *prezwyter* – *презвитеръ*, *konsul/consul* – *ипатъ*, *senator* – *сигклитикъ*; *rynek* – *торжище*, *ulice* – *стогны*; *natura* – *естество*, *persona* – *лице*.

Среди словосложений заметна группа производных с первым элементом благо-: *bardzo piękna* – *блгшльна* (Л. 278 об.), *łaskawość* – *блгосердие* (Л. 302 об.), *oratory* – *блгоязычники* (Л. 303), *takiey nauki u wutowu mąż* – *такова учения блгогливыи мужъ, на рокоу пабожны* – *на блгоговъниное бе(з)молвие* (Л. 583 об.), *robożny* – *блгочестивый* (Л. 520, 597 об.), *блгочестный* (Л. 661), *dowcipny* – *блгоразумный*, *wutowu* – *блгословесия* (Л. 708), *urodziwą... żonę* – *блгообразну жену* (Л. 760 об.). Кроме того, встречаются и другие *composita* – эквиваленты польских образований с совершенно иной структурой либо латинизмов: *innych zbrodniow* – *прочии сквернодѣлателіе* (Л. 430 об.), *wutowa* – *краснорѣчіе* (Л. 536 об.), *przeplłynienie* – *водоплаваніе* (Л. 584), *bibliotekę* – *книгохранителницу* (Л. 303).

Отдельного упоминания заслуживают глагольные формы, образованные от основ с формантом -ств-: *temi się zabiegało* – *сему блгожелате(л)ствоваишеся* (Л. 82 об.), *siedział* – *пр(ес)толствова* (Л. 260 об.), *iakiego było potrzebno* – *якоже го(д)ствоваише* (Л. 308 об.), *nie potrzeba* – *не льпнотствует* (Л. 445), *prześadowali* – *гонителствоваху* (Л. 523 об.). Как отмечала Т. А. Исаченко, эта модель чрезвычайно продуктивна в переводах Евфимия Чудовского и Епифания Славинецкого [Исаченко, с. 294].

Грамматические решения вынужденно остаются вне рамок данной работы, однако и лексический уровень источника в достаточной мере свидетельствует о том, что перевод был сделан если не непосредственно чудовскими книжниками, то под сильным их влиянием. Это ставит под сомнение ставшее расхожим мнение о владельце рукописи А. А. Матвееве как об авторе перевода (см., например: [Соловьев, с. 490]). Дальнейшее разностороннее изучение языка рукописи – перспектива исследования, результатом которого может стать новое знание о круге текстов, переведенных чудовскими книжниками и/или их последователями.

Литература

- Исаченко Т. А. Московская книжность XV–XVII вв.: переводческая школа митрополичьего и патриаршего скриптория. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 580 с.
Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: библиографические материалы. СПб., 2008. 248 с.

- Новак М. О. «Не велел Ориген книг толковать»: комментарии и глоссы в восточнославянском переводе *Церковных анналов* Барония XVII века // *Slavistica Vilnensis*. 2022. Vol. 67 (1). P. 41–57. DOI 10.15388/SlavViln.2022.67(1).82
- Пентковская Т. В. «Слово о милости» в московском переводе второй половины XVII в. и его польский оригинал: особенности языка и переводческой техники // XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М., 2018. С. 82–101.
- Соловьев А. Ю. Встреча русского человека с Европой в путевых заметках петровского времени (А. А. Матвеев) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022. Т. 19. Вып. 3. С. 486–496. DOI 10.21638/spbu09.2022.305

П. В. Островский (МДА)

ОБ ИСТОЧНИКАХ ПОХВАЛЬНОГО СЛОВА ПРЕПОДОБНОМУ АЛЕКСАНДРУ СВИРСКОМУ

Преподобный Александр Свирский, канонизированный на Московском Соборе 1547 г., является одним из самых почитаемых русских угодников, о чем ярко свидетельствует большое количество дошедших до нас списков Жития и Службы на преставление XVI–XVII вв.

Житие святого Александра Свирского написано его учеником – игуменом Иродионом в 1545 г. Рукописная традиция памятника исследована А. Е. Соболевой, которая выделяет 10 различных редакций Жития [Соболева, с. 196].

Нами изучалась Служба на преставление святого Александра Свирского (память 30 августа по старому стилю), самый ранний список которой датируется 1553 г. (ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 886) [Островский, с. 8].

Завершает цикл памятников, прославляющих преподобного Александра Свирского, Похвальное слово, специального исследования которого до настоящего времени не проводилось. Этот памятник представляет собой великолепный пример древнерусского панегирического творчества. Сведений об авторе и времени написания произведения не сохранилось.

На данный момент известны 25 списков Похвального слова XVII–XIX вв. Наиболее ранний – ОР РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 686 – относится к началу XVII в. На основе имеющегося рукописного материала можно выделить две редакции памятника. Вторая редакция (например, в списке из собрания Ярославского музея-заповедника № 14959) отличается незначительными литературными вставками, которые можно охарактеризовать как дополнения или украшения первоначального текста.

Похвальное слово преподобному Александру Свирскому составлено в соответствии с требованиями жанра. Центральная часть обрамляется введением и заключением, отражающими авторскую рефлексию. Обилие используемых тропов и фигур, к которым необходимо отнести и разнообразные библеизмы (в виде цитат, образов, аллюзий), показывает искусное красноречие автора.

Основным источником центральной части Похвального слова является Минейная редакция Жития святого Александра Свирского [Соболева, с. 29].

Для заключительной части обнаруживается параллельное чтение в Похвале, которой завершается Житие преподобного Сергия Радонежского в списке Михаила Медоварцева 1505 г. (ОР РГБ. Ф. 304/1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 466). Этот список, как определяет Б. М. Клосс, является соединением Проложной и Четвертой Пахомиевской редакций Жития преподобного Сергия [Клосс, с. 203]. Однако Похвала, которой нет ни в Проложной редакции, ни в Пахомиевском Житии, пока не атрибутирована. Данная Похвала становится источником для Похвального слова преподобному Кириллу Белозерскому [Карбасова, с. 94], которое заимствует и отрывок текста, схожий в Похвале преподобному Сергию и Похвальном слове святому Александру. Вероятно, есть текст, общий для последних двух произведений, однако установить его пока не удалось.

Отдельные выражения Похвального слова святому Александру Свирскому находят соответствие в тексте Похвального слова преподобному Варлааму Хутынскому иеромонаха Пахомия Логофета, где

они, в свою очередь, восходят к Похвальному слову в честь святителя Петра Московского, написанному митрополитом Киприаном [Кириллин, с. 67].

Общие выражения встречаются также в Похвальном слове на перенесение мощей преподобных Зосимы и Савватия Соловецких (1566 г.).

Несмотря на значительный объем, текст Похвального слова святому Александру Свирскому не обнаруживает заимствования целых фрагментов, как это было свойственно многим агиографическим, гимнографическим и гомилетическим памятникам XVI–XVII вв., из образцовых произведений: митрополита Киприана, митрополита Григория Цамблака, иеромонаха Пахомия Логофета. Нет соответствия и с текстами древнерусского Минейного Торжественника. Источниковедческие разыскания еще требуют своего продолжения.

Литература

Карбасова Т. Б. Похвальное слово Кириллу Белозерскому: вопросы истории текста и атрибуции // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., 2017. Т. 3. С. 82–117.

Кириллин В. М. Пахомий Логофет: слово похвальное преподобному Варлааму Хутынскому в контексте древнерусской литературы // Вестник славянских культур. 2013. № 2 (28). С. 67–80.

Клосс Б. М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. 564 с.

Островский П. В. Служба преподобному Александру Свирскому в рукописях XVI–XVII вв. Маг. дис. Сергиев Посад, 2022.

Соболева А. Е. Житие Александра Свирского как источник по истории русского литературного языка. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 231 с.

Ф. Ромоли (Университет Пизы)

СКАЗАНИЕ О КРЕСТНОМ ЗНАМЕНИИ МАКСИМА ГРЕКА: ЭКЗЕГЕЗА ХРИСТИАНСКОЙ ПРАКТИКИ

Пребывание Максима Грека в Московии (1518–1556 гг.) охватывает годы консолидации Московского государства и его окончательного утверждения в европейском и средиземноморском ареале. После падения Константинополя (1453 г.) Москва претендовала на роль третьего Рима, основывая свои притязания на святости церкви. Строительство империи требовало поэтому точной кодификации русского православия. Первые шаги в этом направлении были сделаны в Новгороде, где архиепископ Геннадий способствовал созданию первой полной версии славянской Библии (1499 г.) и переводу с латыни произведений, в которых применялись или преподавались традиционные методы богословского мышления и рассуждения. Продвигаясь в том же направлении, в Москве митрополит Макарий систематизировал агиографическую традицию в Великих Минеях Четых и в ходе Соборов 1547 и 1549 гг., а в 1551 г. созвал Стоглавый собор, постановления которого были собраны в книге «Стоглав»¹.

Эти события не были чужды деятельности Максима Грека², который действительно принимал непосредственное участие в процессе определения русского православия: работал над текстами литургической традиции, исправляя и переводя, а также много написал в рамках религиозных трактатов и полемики³. В этих областях Максим Грек применял методы и средства гуманистов, являясь одновременно консерватором и новатором.

¹ О деятельности Геннадиевского кружка см.: [Wimmer]. О деятельности и времени митрополита Макария см.: [Макарий (Веретенников); Smidt].

² О биографии Максима Грека см.: [Denissoff; Синицина; Romoli]. Сочинения Максима Грека доступны в издании: *Преподобный Максим Грек*. Сочинения. М., 2008. Т. 1. М., 2014. Т. 2.

³ Произведение издается с конца XVI в. Последние издания вышли под редакцией Л. И. Журовой (*Журова Л. И. «Сказка о крестном знамени» Максима Грека (литературная и рукописная история, особенности адаптации памятников в новых культурных условиях)* // Памятники отечественной книжности. Новые методы, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 3–33) и Н. В. Синициной (*Преподобный Максим Грек*. Сочинения. Т. 2. С. 290–292). Оба они основаны на рукописи ОР РГБ. Ф. 173/1 (Фундаментальное собрание МДА). № 42. Л. 314–317 об.

Его подход – между традицией и новаторством – хорошо представлен в «Сказании о крестном знамении», коротком трактате, посвященном таинству крестного знамения. В нем Максим Грек, основываясь на экзегетическом методе, одобряет крестное знамение двумя пальцами (указательный и средний пальцы соединены и вытянуты, а большой, безымянный и мизинец согнуты и соединены), которое утвердилось после Халкидонского собора (451 г.) и которого продолжала придерживаться Русь, предпочитая его трехпальцевому (когда большой, указательный и средний пальцы соединены и вытянуты, а безымянный и мизинец сомкнуты на ладони), принятому византийской церковью в XI–XIII вв. и параллельно распространившемуся на Западе. Таким образом, Максим Грек поддерживает древнейшую христианскую традицию и распространяет экзегетический метод, который в России окончательно утвердился и благодаря его вкладу.

Литература

- Макарий (Веретенников), архим. Митрополит Московский Макарий и церковно-литературная история его времени // Тысячелетие Крещения Руси. Международная научная конференция «Богословие и духовно-нравственное развитие». Москва, 11–18 мая 1987 года. М., 1989. С. 275–289.
- Синицына Н. В. Максим Грек. М., 2008. (Жизнь замечательных людей. Вып. 1362 (1162)). 232, [4] с., [8] л. ил., портр., факс.
- Denissoff É. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Louvain; Paris, 1943. 460 p.
- Romoli F. Massimo il Greco e gli ordini religiosi dell'Occidente. Esperienza ed evidenza documentaria nella testimonianza alla Moscovia cinquecentesca. Firenze, 2021. (Europe in between. Histories, cultures and languages from Central Europe to the Eurasian Steppes. 3). 246 p.
- Smidt S. O. Die Regierungstätigkeit des Metropolitens Makarij // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1995. Bd. 50. S. 329–336.
- Wimmer E. Novgorod – ein Tor zum Westen? Die Übersetzungstätigkeit am Hofe des Novgoroder Erzbischofs Gennadij in ihrem historischen Kontext (um 1500) / Hrsg. J. Henning. Hamburg, 2005. (Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa. Bd. 13). 229 S.

А. В. Сергеев (ИПБОТСП)

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОМЕТЫ РОДОСЛОВНЫХ КНИГ РАЗЛИЧНЫХ РЕДАКЦИЙ КАК ИСТОЧНИК НОВЫХ СВЕДЕНИЙ О ЛИЦАХ КНЯЖЕСКИХ ФАМИЛИЙ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XVI–XVII вв.

Ценные сведения о лицах титулованных и других фамилий Московского государства XVI–XVII вв. содержат биографические пометы родословных книг различных редакций. Монография, посвященная изучению этих памятников в источниковедческом отношении, написана М. Е. Бычковой. Исследовательницей были выявлены и сгруппированы по редакциям около 120 рукописей. В настоящее время имеются издания списков некоторых редакций.

Часть интересных биографических помет отмечены М. Е. Бычковой, но большинство пока малоизвестны [Бычкова, с. 159–176].

Автором настоящей работы были просмотрены, наряду с опубликованными, несколько рукописных родословных книг¹. Рукописи для просмотра выбирались с учетом предложенной М. Е. Бычковой классификации по редакциям [Бычкова, с. 19–121]. Таким образом, выборочно учтены сведения разных редакций, каждый список «представляет» одну из них.

¹ ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. Q.IV.477. Список А. Я. Ржевского; O.XVII.3. Список Ф. Д. Волконского; O.XVII.30. Сборник исторического содержания; Собрание Общества любителей древней письменности. Q.32 (далее – ОДП. Q.32). Родословная книга; Эрмитажное собрание. № 508. Эрмитажный II список; № 515. Список Ю. Ф. Щербатова; РГАДА. Ф. 181. № 67. Архивский VIII список; № 85. Список А. Ф. Малиновского; № 187. Список А. Н. Самарина; № 181. Список С. К. Лебедева; № 282. Архивский V список; ОР РГБ. Ф. 205 (Собрание ОИДР). № 180. Список Ф. Я. Протасова; Ф. 310 (Собрание В. М. Ундольского). № 812. Разрядно-родословный сборник.

Наиболее полные сведения о лицах княжеских и других родов за XVI–XVII вв. содержит «Бархатная книга»² (далее – БК). Ее данные чаще всего берутся за основу в историко-биографических исследованиях.

После «Бархатной книги» вторым источником сведений по княжеским родословиям можно считать «Лобановский родословец» (далее – ЛР) и другие списки редакции «в 81 главу»³ [Бычкова, с. 60, 63]. Ни один из списков данной редакции не издавался. Сведения ЛР отчасти восполняют «пробелы» в ряде поколенных росписей БК. Наиболее полные и достоверные данные приведены в БК за середину XVI и вторую половину XVII в., а за последнюю треть XVI – начало XVII в. имеются пропуски в именах, поколениях [Сергеев, 2021]. Еще три списка редакции «в 81 главу» использовались в исследованиях А. П. Павловым [Павлов, с. 47, 82]⁴ и О. И. Хоруженко [Хоруженко, с. 164–165]⁵.

Уникальны сообщения ЛР о пострижении князя И. Г. Темкина, об отъезде в Литву, вероятно, в конце 1560-х гг. князя Ф. И. Буйносова. Сведения об отсутствующих в БК князьях Пронских и др.⁶

Наиболее ранней считается составленная в первой половине XVI в. «Летописная редакция». В некоторых случаях она дает важные уточнения к сведениям БК. Например, в фамилии князей Гундоровых [Сергеев, 2023, с. 120].

Немалый интерес представляет «редакция в 43 главы с приписными»⁷. Особенностью этого списка является упоминание женских имен. Из него мы узнаём о брачных союзах князей и княжон Пожарских, Пронских, Хилковых, Хованских и др. Уникально сообщение об окольничестве князя Степана Ивановича Татеева⁸, не зафиксированное в книге М. По, содержащей наиболее полные данные о носителях думных чинов в 1613–1713 гг. [Рое, р. 440].

Разнообразные уточнения биографических сведений князей содержат родословные «Патриаршей редакции». Так, в случае Пронских важные биографические «примечания» включает список А. Ф. Малиновского⁹. Уточнения обстоятельств гибели князя И. Ф. Татеева приведены в списке ОЛДП¹⁰.

Систематизация помет родословных книг позволяет учесть новые биографические данные, выявить наиболее «информативные» в этом аспекте редакции, уточнить сведения о составе Боярской думы XVI–XVII вв.

В результате проделанной работы автором сделан вывод о том, что не существует родословной книги, содержащей полный состав княжеских фамилий. Все они нуждаются в существенной корректировке и дополнениях сведениями из иных источников (актов, разрядных, писцовых, монастырских вкладных книг, синодиков).

Литература

- Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975. 215 с.
Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. 278, [1] с.
Сергеев А. В. К характеристике «Бархатной книги» как исторического источника: биографические пометы князей Ярославских // Клио. 2021. № 6. С. 27–34. DOI 10.51676/2070-9773_2021_06_27
Сергеев А. В. Князья Гундоровы в Русском государстве XVI–XVII вв.: историко-генеалогическое исследование // Российская генеалогия: научный альманах. М., 2023. Вып. 13. С. 116–178.
Хоруженко О. И. Историческая география Оболенского уезда XVII–XVIII веков. М., 2019. 476, [2] с.
Рое М. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Helsinki, 2004. Vol. 1. 469 p.

² Родословная книга князей и дворян российских и выезжих ... которая известна под названием Бархатной книги / Изд. Н. И. Новиков. М., 1787. Ч. 1–2.

³ РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. № 173; М. Е. Бычковой кроме ЛР выявлены шесть списков редакции «в 81 главу»: Пискаревский, Музейный, А. М. Пушкина, князя С. В. Ромодановского, Ю. И. Салтыкова, Вяземский I.

⁴ Список князя С. В. Ромодановского 1678 г. (ОР ГИМ. Собрание А. С. Уварова. № 570). А. П. Павлов ссылался на копию этой рукописи XIX в. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 131. Оп. 1. № 13. Родословец князя С. В. Ромодановского).

⁵ Списки Ю. И. Салтыкова и Вяземский I (ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. F.IV.733; Собрание П. П. Вяземского. F.141).

⁶ РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. № 173. Л. 53, 68.

⁷ Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А. В. Антонов. М., 2011. С. 10–170.

⁸ Там же. С. 74.

⁹ РГАДА. Ф. 181. № 85. Л. 77 об.–78 об.

¹⁰ «убил ево ненарошным делом боярина князь Дмитриев человек Михайловича Пожарского в Можайске во 142 году» (ОЛДП. Q.32. Л. 95 об.).

А. Е. Тарасов (МГУ, РГГУ)

РУССКИЙ ВАРИАНТ XV в. ПЕРЕЧНЕЙ МИТРОПОЛИЙ И АРХИЕПИСКОПИЙ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХАТА

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00218.

В составе летописей «новгородско-софийского круга» (далее – НСК) и ряда летописей, связанных с ними (Софийской 1 летописи, Новгородской Карамзинской летописи 1-й выборки, Новгородской 4 летописи, Новгородской 5 летописи, Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского), под 6395 г. помещены перечни митрополий и архиепископий Константинопольского патриархата¹.

Первый перечень озаглавлен «Бывший оустав царем Львомъ Премоудрымъ, како имоуть чинъ престолми митрополиимъ церквамъ, подлежащая патриархоу Костянтинополскому», второй – «Архиепискоупии подь Костянтинополь». Исследователи ограничивались указанием на наличие этих перечней в статье 6395 г. [Прохоров, 1999, с. 145; Богданов, с. 57–58], относя их к сведениям, взятым из «откуда-не-известных» источников [Накадзава, с. 1, 21–22], или в самых общих чертах отмечая насыщенность статей за 6370–6479 гг. материалами «литературного происхождения» [Прохоров, 1977, с. 188].

Несомненна связь перечней с иерархическими списками архиерейских кафедр Константинопольского патриархата (*notitiae episcopatum*). Оба перечня представляют вариант 16-й нотииции по классификации Ж. Даррузеса². В русском и греческом вариантах количество и очередность митрополий совпадают. Однако в русском произошло удвоение: митрополия Лаодикия читается дважды, на 22-м и 23-м местах, в то время как в греческом варианте на 23-м месте идет митрополия Синада (τὰ Σύναδα). Соответственно, в русской редакции Синада «съехала» на 24-е место. Сдвиг на одну позицию прослеживается до конца перечней, поэтому общее число митрополий составило в русском варианте 84 наименования против 83 в греческом. Поскольку удвоение митрополии Лаодикия присутствует во всех летописях НСК, это значит, что оно имелося уже в их общем источнике.

В русском перечне архиепископий указано 32 кафедры, в греческом – 39. Названия и очередность кафедр полностью совпадают (на 1-м месте архиепископия Вузии (ἡ Βίζυνη), на 32-м – Карпофос (ἡ Κάρπαθος). То есть в русский перечень не вошли последние семь архиепископских кафедр 16-й нотииции (от ἡ Μεσημβρία до τὰ Μάτραχα).

16-я нотииция не является продуктом творчества патриаршей канцелярии, она читается в составе сочинений византийских канонистов XIV в. Матфея Властаря († около 1360 г.) и Константина Арменопула († после 1349 г.) и воспроизводит их работу по кодификации правового наследия империи³. Исследуемые перечни были помещены Властарем в числе дополнительных статей к его знаменитой Синтагме [Павлов, с. 98]. Поскольку некоторые из этих статей попали в Северо-Восточную Русь не позднее конца XIV в. [Корогодина, с. 9], можно предположить, что среди них были и перечни.

Перечни 16-й нотииции – архаичны, отчасти перекрывая друг друга и примерно отражая структуру патриархата по состоянию на XII в.⁴ Показательно, что Киевская митрополия (ἡ Ῥωσία), упомянутая здесь на 60-м месте (в греческом варианте; в летописях НСК – на 61-м), после церковно-административных реформ императора Андроника II Палеолога (1282–1328) переместилась на 71-е место [Назаренко, с. 186]. При этом перечень епархий самой Киевской митрополии, читающийся в статье 6395 г.

¹ ПСРА. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 15; Пг., 1917. Т. 4. Ч. 2. Вып. 1. С. 15–16; СПб., 1851. Т. 5. С. 90–91; Л., 1925. Т. 5. Изд. 2-е. Вып. 1. С. 14–15; М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 19–20; М., 1994. Т. 39. С. 11; СПб., 2002. Т. 42. С. 27; М., 2004. Т. 43. С. 17. В Хронографическом списке Новгородской 5 летописи перечней нет, однако они читаются отдельно в составе сборника ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 280, содержащего этот список (ПСРА. Т. 4. Ч. 2. Вып. 1. С. III).

² *Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae / Texte crit., introd. et notes par J. Darrouzès. Paris, 1981. (Géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. T. 1). P. 388–389.*

³ *Ibid.* P. 172–174.

⁴ Милет (митрополия с 1157 г.), Селибрия (митрополия с 1168 г.) и Апр (митрополия не позднее 1179 г.) читаются и в перечне архиепископий на 7-м, 9-м и 11-м местах соответственно.

после перечня митрополий и архиепископий патриархата, содержит указание на Пермскую кафедру (последняя в списке), учрежденную в 1383 г. и остававшуюся младшей «по чести» на протяжении XV в.

Независимо от того, лежал ли в основе НСК Свод митрополита-грека Фотия [Бобров, с. 128–160; Клосс, с. XI–XIII] или Новгородско-Софийский свод 1430-х гг. православного ортодокса и «грекофила»⁵ архиепископа Евфимия II [Шibaев], проявленное в нем внимание к структуре патриархата и находящейся в его составе единой и неделимой Киевской митрополии отражало идеи сплоченности православного мира в период до Флорентийской унии и противостояния тем церковно-политическим трудностям, которые переживала Русская церковь в первой трети XV в.

Литература

- Бобров А. Г. Новгородские летописи XV в. СПб., 2001. 287 с.
- Богданов С. В. Отрывок Чина на избрание и поставление епископов в тексте летописей Новгородско-Софийского круга // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 4 (42). С. 56–69.
- Клосс Б. М. Второе предисловие к изданию 2000 г. // ПСРА. М., 2000. Т. 4. Вып. 2. С. XI–XX.
- Корогодина М. В. Синтагма Матфея Властаря в России в XVII в. и Епифаний Славинецкий // Каптеревские чтения. М., 2012. Вып. 10. С. 9–20.
- Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. 514, [1] с.
- Накадзава А. Исследования новгородских и московских летописей XV века. Толяма, 2006. IV, 278 с.
- Павлов А. С. Курс церковного права. Сергиев Посад, 1902. [2], II, 540, VI с.
- Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРА. Л., 1977. Т. 32. С. 165–198.
- Прохоров Г. М. Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи) // ТОДРА. СПб., 1999. Т. 51. С. 137–205.
- Шibaев М. А. Владимирский Полихрон и Новгородско-Софийский свод // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 2 (48). С. 83–95.
-

А. С. Усачев (РГГУ, МГИМО)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЭЛИТЫ В РОССИИ XVI в.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00218, <https://rscf.ru/project/20-18-00218/>.

Двусоставный характер системы управления в России XVI в. ставит проблему изучения персонального состава тех, кто возглавлял светские и церковными административные структуры. Если благодаря трудам С. Б. Веселовского, А. А. Зимина, В. Б. Кобринина, В. Д. Назарова, А. П. Павлова и иных исследователей состав светской элиты в целом определен, то с церковной ситуация иная. Несмотря на появление ряда работ по отдельным иерархам (митрополитам Даниилу, Макарию, Афанасию, Филиппу (Кольчеву), патриарху Иову и некоторым иным), состав церковной элиты в целом специально не изучался. В частности, это касается происхождения иерархов. Из какой среды они выходили?

В поисках ответа рассмотрим тот круг, из которого, как правило, избирали игуменов, а затем и архиереев, – соборных старцев. Несмотря на появление ряда работ, посвященных старцам отдельных монастырей (Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского и иных) – Мисаилу (Безнину), Леониду (Ширшову) и иным, происхождение этой группы иноков в целом не анализировалось. Предпринимая попытку восполнить этот пробел, обратим внимание на основные тенденции в формировании сообщества соборных старцев русских обителей XVI в.

Хотя формально главной задачей монастырского «собора», состоящего из настоятеля и наиболее влиятельных старцев, был совет по духовным делам, в подавляющем большинстве случаев соборные старцы занимались управлением монастырским хозяйством. По сути, соборные старцы (келари, казначеи, чашники и т. д.) составляли администрацию обителей. Лишь незначительная часть старцев (бывшие настоятели, архиереи и т. д.) выполняла по преимуществу представительские функции.

⁵ Так метко назвал Евфимия II А. Г. Бобров.

Подавляющее большинство иноков принимало постриг уже в зрелом по меркам Средневековья возрасте, накопив изрядный «социальный капитал». Он был востребован в обителях. Их власти в первую очередь нуждались в двух категориях лиц – выходцах из духовного чина, способных организовать церковную жизнь (прежде всего, богослужение), и тех, кто был способен управлять монастырским хозяйством. Первых среди соборных старцев было относительно немного, преобладали вторые.

А. А. Савич, С. Б. Веселовский, М. Н. Тихомиров, А. А. Зимин, А. Х. Горфункель, М. С. Черкасова, З. В. Дмитриева, М. М. Дадыкина и иные исследователи установили, что в силу географических причин структура хозяйства русских монастырей в разных регионах существенно различалась. Если в Центре страны основу экономики составляло пашенное земледелие (промыслы лишь дополняли доход от него), то в основе хозяйства Русского Севера были промыслы (прежде всего, добыча, транспортировка и реализация соли). Именно поэтому наряду, конечно, с вкладами основные доходы обителям Сергия, Иосифа и иным приносили их весьма крупные земельные владения. Основные доходы Соловецкий, Спасо-Прилуцкий и некоторые другие монастыри Севера получали от добычи соли и иных промыслов.

Специфика управления монастырским хозяйством в Центре страны и на ее Севере от администраторов требовала различных навыков. Для управления огромными земельными вотчинами нужны были те, кто в миру получил соответствующий опыт. Речь шла о мелких и средних служилых людях (Головкины, Топорковы, Санины, Айгустовы, Курцевы, Полевы, Ленковы, Ступишины, Скрипицыны и др.), которые, как показано А. А. Зиминим, С. В. Николаевой, Т. Дайкстрой и др., преобладали среди соборных старцев обителей Сергия, Иосифа и некоторых иных. Так, согласно нашим подсчетам, почти половина выходцев из «класса служилых землевладельцев» (около 60), принявших постриг в обители Иосифа в XVI в., стали ее соборными старцами. Лиц подобного статуса в администрации обителей Севера было немного (например, в Соловецком монастыре за этот период нам удалось выявить лишь 7 соборных старцев соответствующего статуса в миру). От ее представителей требовались иные навыки – навыки по организации промыслов и транспортировке товаров. Они в миру усваивались, как правило, зажиточными крестьянами и посадскими людьми.

Вышесказанное давало некоторые преимущества в церкви выходцам из мелких и средних служилых родов в обителях Центра страны, но только в том случае, если они приняли постриг в относительно раннем возрасте, который делал возможной их длительную подготовку к церковной карьере (чаще всего она затягивалась на десятилетия). С этим во многом и связано то, что все архиереи, происходящие из военно-служилой среды, за исключением, конечно, ставшего митрополитом соловецкого игумена Филиппа (Колычева), вышли из обителей Центра страны (митрополит Иоасаф (Скрипицын), новгородский архиепископ Серапион II (Курцев), казанские архиепископы Гурий (Руготин), Тихон (Хворостинин), ростовский архиепископ Вассиан (Санин), тверской епископ Вассиан (Стригин-Оболенский), коломенский епископ Вассиан (Топорков), суздальский, а затем полоцкий владыка Трифон (Ступишин) и др.). Их воспитанники доминировали в церковной иерархии до последней четверти XVI в. Расширение патриархом Иовом круга обителей, из которых ставили архиереев, за счет включения в него монастырей Русского Севера и Поволжья привело к снижению числа выходцев из военно-служилой среды в церковной иерархии. Этим во многом и определялось уже отмеченное в историографии (в частности, в работах Е. В. Романенко и И. А. Устиновой) «худородство» русских настоятелей и архиереев XVII в.

М. К. Ферро (Университет им. Г. д'Аннунцио)

«СЛОВЦО... К СМЕЮЩИМ ТРИЖДЫ ПРОИЗНОСИТЬ АЛЛИЛУЙЯ, ВОПРЕКИ ЦЕРКОВНОМУ ПРЕДАНИЮ, А В ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗ СЛАВА ТЕБЕ БОЖЕ» МАКСИМА ГРЕКА. КОНТЕКСТ, БИБЛЕЙСКИЕ ЦИТАТЫ И ВНЕТЕКСТОВЫЕ ССЫЛКИ

Исследованиями А. И. Иванова [Иванов, № 316], Л. И. Журовой [Журова] и Н. В. Синицыной [Преподобный Максим Грек, с. 394] было установлено, что текст «Словцо... к смеющим трижды произно-

силь *Аллилуйя*, вопреки церковному преданию, а в четвертый раз *Слава Тебе Боже*» является частью корпуса произведений, составленных Максимом Греком.

Написание Максимом Греком этого произведения, как представляется, не связано с каким-либо определенным событием и ни к кому не обращено, но, несомненно, является частью полемики того времени о самых разных аспектах литургической практики, приведшей к созыву Стоглавого собора, который в 1551 г. в 42-й главе наряду с другими нормами зафиксировал правила восклицания Аллилуйи.

Произведенный анализ основывается на тексте сборника, составленного самим Максимом Греком и опубликованного во втором томе современного издания его произведений [Преподобный Максим Грек, № 27]. На основе анализа подбора Максимом Греком текстов, их тематики и порядка, в котором они приводятся, Н. В. Сеницына установила, что сборник был составлен до 1551 г., то есть до окончания Стоглавого собора, высказывавшегося по различным темам теологического и литургического характера, затронутым в сборнике, или, иными словами, что сборник был составлен в времена, когда обсуждались вопросы, по которым впоследствии были вынесены решения в ста главах Собора (1551 г.), и, скорее всего, после 1531 г., когда Максима Грека перевели в Тверь с более мягким режимом заключения.

Участь этого достаточно краткого и линейного текста оказалась изменчивой по причине его содержания, которое поначалу было интерпретировано одним образом в Московии XVI в. и иным в XVII в., стало вначале достоянием официальной церкви, а затем старообрядцев (см.: [Шашков; Охотникова]).

Как следует из заглавия, в тексте затрагивается проблема восклицания Аллилуйи, произносимого трижды, то есть тройного повторения древнееврейского «Аллилуйя» перед стихом «Слава тебе, Господи!», или дважды. Проблема может показаться формальной, но необходимо принять во внимание прежде всего *forma mentis* московского интеллектуала того времени, для которого преемственность между прошлым и настоящим, порой формально отождествляемая с повторением, была очень важна и для которого форма и значение были неразрывно связаны. Кроме того, не стоит забывать о сложных взаимоотношениях между Латинской церковью, Греческой Православной и Русской Православной церквями в XV–XVI вв. Новизна произведения, относимого А. И. Ивановым к «истолковательным статьям и сказаниям по разным недоуменным вопросам богословского, церковно-обрядового и бытового характера» [Иванов, с. 187], заключается, по сути, в связи, которую устанавливает Максим Грек между полемикой по поводу способа восклицания Аллилуйи и антилатинской полемикой.

Необходимо также проанализировать внетекстовые отсылки, присутствующие в произведении, в частности, будет подробно рассмотрена связь между восклицанием Аллилуйи и догматом о Троице, обнаруживаемая при внимательном прочтении текста Максима Грека и 42-й главы Стоглава. Особого внимания заслуживают детали, позволяющие предположить знакомство Максима Грека с Житием св. Евфросина Псковского (см.: [Шашков; Охотникова]), как об этом рассказывается в начальной редакции жизнеописания преподобного.

Литература

Журова Л. И. «Сказание о крестном знамении» Максима Грека: Литературная и рукописная история, особенности адаптации памятника в новых культурных условиях // Памятники отечественной книжности: Новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 3–33.

Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика. Атрибуции. Библиография. Л., 1969. 248 с., 2 л. ил.

Охотникова В. И. Житие Евфросина Псковского и Повесть об аллилуйе, два произведения неизвестного автора конца XV – начала XVI в. // ТОДРА. СПб., 2003. Т. 53. С. 491–501.

Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2014. Т. 2 / Под ред. Н. В. Сеницыной. 432 с.

Шашков А. Т. Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII – начале XVIII в. (Подделка и ее разоблачение) // ТОДРА. Л., 1979. Т. 33. С. 80–87.

О. И. Хоруженко (ИРИ РАН)

«ОТЦЫ И ДЕДЫ» РУМЯНЦЕВСКОЙ РЕДАКЦИИ РОДОСЛОВНЫХ КНИГ

Представляется продуктивным исследовать свойственное всем спискам Румянцевской редакции родословных книг определение родства через термины *дед*, *отец*, *мать*. Предположительно они содержались в маргиналиях на полях рукописи, ставшей протографом редакции, а затем при копировании были перенесены в основной текст.

В родословной росписи князей Суздальских читается: «Борис, княж Семенов отец Суздальского». С. Б. Суздальский родился до 1445 г. (его отец пал в Суздальском бою) и жил до начала 10-х гг. XVI в. В Государеве родословце и восходящих к нему редакциях рядом с именем князя Семена приписано: «был в Литве, там и извелся». Возможно, речь идет о гибели или пленении С. Б. Суздальского в ходе русско-литовской войны 1512–1522 гг. Фраза *княж Семенов отец Суздальского*, вероятно, воспроизводит приписку к основному тексту, который заканчивался сыновьями князя Василия Семеновича, включая Бориса. Такие росписи суздальских князей известны: одна содержится в родословно-историческом сборнике 30-х гг. XVI в. ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 789, приплетенном к Типографской летописи, и в сборнике НИОР БАН. Архангельское собрание. Д. 193.

Среди Ростовских князей фигурирует «князь Александр, княж Дмитриев отец Щепин». Дмитрий Александрович действовал в первой половине XV в. Но здесь, вероятно, не воспроизводятся дальнейшие пометы, ведущие к лицам рубежа XV–XVI вв., что наблюдается в росписи князей Ярославских.

Почти у всех сыновей князя Василия Васильевича Ярославского отмечено дальнейшее потомство: «князь Иван, княж Романов отец, ... князь Федор, княж Александров отец, Пенков дед, ... князь Семион Новленской, княж Федоров прадед Юхотцкого, ... князь Дмитрией Заозерской, княж Семенов отец Кубенского». Акцент на имени Романа Ивановича, действовавшего в первой половине XV в., вызван интересом к его внукам, поскольку далее читается: «княж Романовы дети Ивановича ... князь Федор, Олабышев отец, да князь Лев, Троекуров отец». Федор Федорович Алабыш упоминается в источниках с конца 60-х или начала 70-х до 90-х гг. XV в. Возможно, он был жив еще в 1508 г., когда воевода князь Александр Аленка аттестовался летописцем как «Алабышев брат». Михаил Львович Троекур упоминается в 1495 и 1500 гг.

Данила Александрович Пенко был воеводой в 1469 г., боярином с 1500 г., умер в 1519/1520 г. Федор Иванович Юхотский упоминается в документах, датированных около 1463–1478 и 1509/1510 г. Семен Дмитриевич Кубенский – лицо первой половины XV в. Вероятно, автора приписки интересовали его сыновья, Иван Большой и Иван Шалуха, жившие в конце XV в.

Дважды в пометах упоминается князь Давыд Данилович Хромой: «князь Василей, княж Давыдов дед Хромово», «князь Данило, княж Давыдов отец Хромово». Давыд Данилович Хромой Ярославский действовал в 1504/1505–1518 гг.

В росписи Стародубских князей отмечаются «Андрей Кривоборской, Ковров отец», «князь Иван Ряполовской, а прозвище ему Ногавица, княж Семенов дед Ряполовского», «князь Михайла, Галибесовских и Гагариных отец, да князь Василей Голица, Небогатых отец».

Василий Андреевич Ковер упоминается в разрядах 1494/1495–1520/1521 гг., умер в 1531 г., Семен Иванович Хрипун Ряполовский – в разрядах 1477–1496 г., умер, вероятно, в 1503 г., Иван Михайлович Гагара Галибесовский упоминается в 1494 г. О бездетных сыновьях Василия Ивановича Голицы Лапина Галибесовского – князьях Небогатых (Иван Небогатый, Петр, Василий, Иван Меньшой, Семен) – практически ничего неизвестно. Младший, князь Семен Васильевич Голица, в 1497/1498 г. был помещиком в Шелонской пятине. Возможно, у В. И. Голицы был еще один сын, не учтенный в родословцах, – Дмитрий. 18 февраля 1517 г. вдова князя Дмитрия Васильевича Небогатого дала вкладом в Иосифов Волоцкий монастырь свою вотчину в Клинском уезде. При всей отрывочности сведений о князьях Небогатых время их деятельности можно достаточно уверенно отнести к рубежу XV–XVI вв.

В родословной Волынских среди сыновей Бориса Михайловича значится «Михайло, Иванов отец Волынского». И. М. Волынский был новгородским дворецким в 1492/1493–1500/1501 гг.

В родословной Монастыревых значатся «Василей, Данилов отец Блинов, да Дмитрий, Одреев отец да Иванов Цыплетев, да Давыд, Федоров отец Бурухин». Эти лица – деятели середины XV в., из которых только Данила Блин дожил до 1492 г. Возможно, на рубеже веков еще был жив Ф. Д. Буруха (его сын – постельничий в 1547–1552 гг.). Вероятно, здесь также не были скопированы пометы, ведущие к следующему поколению.

В родословной Кобылиных упоминаются «Тимофей, Булгаков отец Синего, да Борис, Образцов отец, да Игнатей, Чичкин отец». Булгак упоминается иноком около 1506–1507 гг., умер в 1510/1511 г. Игнатий Образец действовал в период около 1482–1490 – 1501 гг., Иван Чичка (Шишка) упомянут в 1495 г.

Среди потомков Владимира Красного значится «Василий, Иванов отец Володимирова», который действовал в 1497/1498–1508 гг.

В родословной Морозовых сообщается о дочерях Дмитрия Ивановича: «одна... Федорова мати Юрьева, митрополита боярина, другая за Иваном Семеновым сыном Меликова, Семенова мати Старого». Федор Юрьевич (Фомин, из рода Бяконта) в качестве митрополичьего боярина упоминается в 1474–1492 гг. Семен Иванович Старый Милюков – наместник трети московской в 1496 и 1531 гг.

Таким образом, для автора этих помет современниками (в ряде случаев – старшими) были лица, жившие в конце XV – начале XVI в. Это следует считать датирующим признаком, важным для изучения истории текста Румянцевской редакции родословных книг.

С. В. Шпирко (РГГУ)

МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ РАССЕЛЕНИЯ И ЧИСЛЕННОСТИ СЕЛЬСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РУСИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЦОВЫХ КНИГ XV–XVI вв.)

Системы исторического размещения населения давно являются предметом изучения исследователей. Наряду с традиционным анализом, для их изучения все чаще привлекают идеи и методы точных наук. Так, А. Я. Дегтярев использует метод ближайшего соседства [Дегтярев, с. 33]. Вероятностный подход применяют О. Н. Трапезникова и А. А. Фролов [Трапезникова, Фролов].

Для учета неоднородности территории автором настоящей работы развивается вариационный подход. Пространственное размещение рассматривается как процесс, в котором каждый из участников (дворохозяев) независим от остальных и руководствуется в своей деятельности рациональными целями [Шпирко, 2018]. Такowymi, например, выступают обеспечение удобного доступа к своему обрабатываемому участку и максимальной близости к центральному поселению (центру).

Цели при этом могут быть взаимно противоположны. Так, в первом случае (кратчайшее расстояние до участка) население расселится равномерно по всей территории. Во втором, наоборот, оно сконцентрируется в своем центральном поселении. Понятно, что сочетание обеих тенденций приведет к компромиссному варианту, при котором наблюдаются сгущение населения вокруг своих центров и рассеяние по мере удаления от них (гнездовой тип).

Автором предлагается модель двухуровневой иерархии центров: погост-поселение – волостка – двор [Шпирко, 2022]. Согласно модели, участники процесса расселения руководствуются тремя целями: они размещают дворы (деревни) недалеко от обрабатываемых участков; деревни располагаются максимально близко к центрам своих волосток (центрам 2-го уровня), а те, в свою очередь, располагаются как можно ближе к погостам-поселениям (центрам 1-го уровня).

Апробация модели проводится на материалах всеобщей переписи Деревской и Шелонской пятин Новгородской земли рубежа XV–XVI вв., обработанных А. А. Фроловым, Н. В. Пиотух [Фролов, Пиотух] и А. М. Андрияшевым [Андрияшев].

Применяя для учета всех трех тенденций принцип оптимальности Парето и решая вариационную задачу, получаем оптимальные соотношения, связывающие параметры системы. Все зависимости

степенные, но с разным знаком и показателем у степени. Так, из-за отрицательного показателя степени плотность размещения населения и площадь погоста-округа связаны обратной зависимостью. То есть территориальные округа с большей плотностью населения имеют меньшую площадь.

Наоборот, у численности населения и площади погоста округа зависимость прямая. То есть чем больше площадь, тем больше численность населения территориального округа.

Численное моделирование проводится с помощью статистической программы Statistica. В качестве исходных используются данные числа беж и дворов Деревской (69 округов) и Шелонской (24 округа из 71 из-за плохой сохранности писцовых книг) пятин. Результаты моделирования выявляют высокую степень соответствия полученных теоретических и эмпирических данных. Так, гипотеза о линейной зависимости между признаками (их логарифмами) подтверждается с уровнем значимости свыше 95 %. Коэффициент линейной регрессии между ними отличается от теоретического не более чем на сотую долю единицы. Коэффициент корреляции между признаками является значимым и составляет 0,93.

Опираясь на данную модель, приступаем к задаче восполнения данных. Если опустить детали (расчет числа «людей», проживающих в одном дворе), реконструкция численности сельского населения Шелонской пятины дает величину, равную 90 тысячам человек. Интересно, что она весьма близка к оценке А. Л. Шапиро (93 тысячи 773 человека) [Аграрная история Северо-Запада России, с. 124], отличаясь от последней не более чем на 4 %.

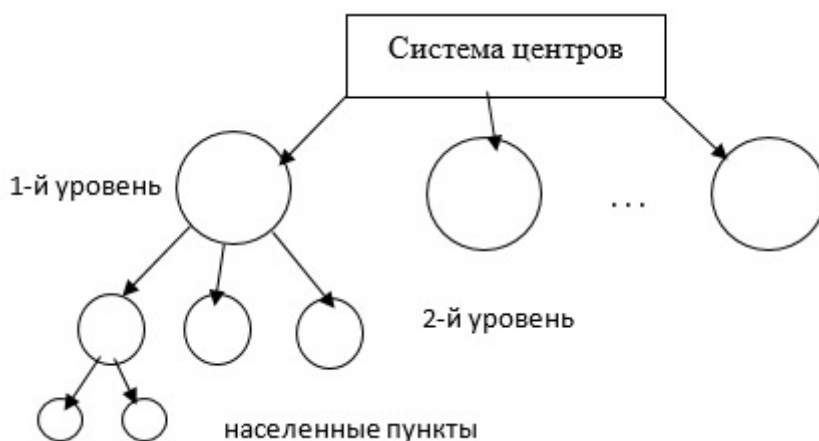

Рис. 1. Модель пространственного размещения с двухуровневой иерархией центров

Литература

- Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. / Ред. А. Л. Шапиро. Л., 1971. 404 с.
- Андряшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. М., 1914. 552 с.
- Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. 176 с.
- Трапезникова О. Н., Фролов А. А. Математическое моделирование и геоэкологическая оценка сельского расселения Валдайской возвышенности и его трансформации на рубеже Средневековья и Нового времени // Известия Российского географического общества. 2017. Т. 149. Вып. 4. С. 46–61.
- Фролов А. А., Пиотух Н. В. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли. М.; СПб., 2008. Т. 1. 370 с.
- Шпирко С. В. О вариационном подходе к моделированию средневекового размещения населения (на примере Деревской пятины Новгородской земли конца XV века) // Историческая информатика. 2018. № 4. С. 22–38. DOI 10.7256/2585-7797.2018.4.28287
- Шпирко С. В. Вариационный подход при моделировании системы сельского исторического расселения: модель двухуровневой иерархии размещения центров // Историческая информатика. 2022. № 3. С. 93–113. DOI 10.7256/2585-7797.2022.3.38579

Г. А. Емельяненко (ИРИ РАН)

РАЗВИТИЕ ДИНАСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МОСКОВСКИХ РЮРИКОВИЧЕЙ В ЛЕТОПИСНОМ СВОДЕ 1652 г. И ХРОНОГРАФЕ АРХИЕПИСКОПА ПАХОМИЯ

Со второй четверти XVII столетия в русской книжности наблюдается возрождение интереса к истории Древней Руси. Среди сочинений указанного периода особо стоит выделить такие крупные памятники, как Хронограф архиепископа Пахомия, созданный в 1649–1650 гг. и Летописный свод 1652 г. Данные памятники рассматривались в предшествующей историографии, главным образом, как источники по событиям Смутного времени и первых десятилетий XVII в. [Лаврентьев, с. 81–160; Савинов, с. 102–110].

Однако повествование о древнерусской истории, содержащееся в этих памятниках, привлекало значительно меньше внимания исследователей, удовлетворившихся, как правило, установлением источников того или иного фрагмента в их «древнерусской» части.

Помимо прочего, в Хронографе Пахомия и Своде 1652 г. наблюдается развитие концепции династической монархии, сформулированной в предшествующем, XVI столетии. В рамках этой концепции подчеркивалась династическая преемственность московских князей по отношению к владимиристо-суздальским и, ранее, киевским князьям Рюриковичам. Наиболее явно эта концепция проявилась в таком памятнике, как Степенная книга царского родословия [Сиренов, с. 345].

В Своде 1652 г., в части, повествующей об истории Древней Руси, сочетается «общерусский» принцип повествования, характерный для митрополичьего летописания конца XIV – XVI в. (под «общерусским» в данном случае понимается принцип повествования, в котором предпринята попытка осветить историю всей Руси, а не отдельных земель или княжеских родов), и «династический» принцип, о котором было сказано выше.

«Общерусские» сюжеты представлены в основном фрагментами из житийных текстов [Лаврентьев, с. 71–80]. В повествовании до конца XIII в. «общерусский» принцип преобладает над «династическим». На первый план выносятся представители династии Рюриковичей, не являющиеся предками московских князей (например, Всеволод-Гавриил Новгородский, Михаил Черниговский, Андрей Боголюбский), а также святые, не являвшиеся князьями¹. Анализ этой части Свода 1652 г. подтверждает наблюдения А. В. Сиринова относительно постепенной эволюции династической концепции в «этатистскую» в XVII в. [Сиренов, с. 350].

Вместе с тем нельзя сказать, что «династический» принцип был полностью отброшен в этой части Свода. В частности, стоит отметить включение в состав Свода Повести о Мономаховом венце, а также сохранение мотива о происхождении Рюрика от «рода кесаря Августа» в начинающем Свод Сказании о Словене и Русе².

Кроме того, обращает на себя внимание заимствованная из Степенной книги система организации текста по «степеням». Однако если в Степенной книге правление каждого из предков Ивана IV обозначено как «степень», выделенная как отдельная часть текста, то в Своде 1652 г. эта система не является ключевым принципом организации текста и лишь в отношении некоторых князей присутствует уточнение относительно занимаемой ими «степени» в династическом ряду.

О смене «общерусского» фокуса на «династический» в тексте Свода 1652 г. можно говорить начиная с части, в которой повествуется о начале Московского княжества. Эта часть открывается житием Даниила Александровича Московского и продолжена повествованием о последующих великих князьях и царях из династии московских Рюриковичей уже без нарушения «династического» принципа³.

В тексте Хронографа Пахомия следование «династическому» принципу повествования наблюдается уже начиная с повествования о Владимире Святославиче⁴. Важную роль здесь также играет рассказ о правлении Владимира Мономаха – переработка фрагмента из Сказания о князьях Владимир-

¹ ОР РГБ. Ф. 37 (Собрание Т. Ф. Большакова). № 423. Л. 9 об.–58.

² Там же. Л. 1–9 об., 31–33.

³ Там же. Л. 57 об.–192.

⁴ ОР РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 1450. Л. 534 об.–537 об.

ских⁵. С этого момента в Хронографе Пахомия сообщение о передаче царских регалий по наследству повторяется каждый раз применительно ко всем представителям «царского рода». Текст отдельно сообщает о потомстве каждого из великих князей, причем оговаривается, что большинство детей каждого князя были бездетны и только один из них пошел «в царское колено», унаследовав власть и продолжив династию. Фактически в Хронографе Пахомия мотив прямой династической преемственности от первых Рюриковичей к московским князьям проводится еще более прямо и бескомпромиссно, чем в Степенной книге.

Тем не менее, несмотря на ярко выраженный «династический» характер повествования в Хронографе Пахомия, стоит отметить, что о самих князьях, их правлении и современных им событиях (например, о житиях святых) говорится довольно кратко. Причиной этого, по-видимому, послужила опора на текст Русского хронографа, которому свойственна лаконичность сообщений и концентрация на «царствах», а не на отдельных правителях.

Таким образом, можно заключить, что в Своде 1652 г. и Хронографе Пахомия представлены разные подходы к развитию династической концепции. Если в Своде 1652 г. наблюдается сочетание «династического» принципа с «общерусским», то в Хронографе Пахомия «династический» принцип не только сохранил главенствующее значение, но и был творчески доработан в сравнении со Степенной книгой.

Литература

- Лаврентьев А. В. Свод 1652 г. – памятник русского летописания XVII века. Дис. ... канд. истор. наук. М., 1984. 231 с.
- Савинов М. А. Архиепископ Астраханский и Терский Пахомий и его хронограф. Дис. ... канд. истор. наук. СПб., 2016. 160 с.
- Сиренов А. В. Концепция династической монархии в России XVII – первой половины XVIII в. // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства. М., 2017. С. 345–357.

⁵ Там же. Л. 539 об.–542 об.

Издательство «Индрик»

<http://indrik.ru>

Научное издание

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ
ДРЕВНЕЙ РУСИ

Матриалы XII Международной научной конференции

Верстка: *к.и.н. И. С. Агафонов*

Корректурa: *к.ф.н. А. В. Духанина*

Почтовый адрес издательства:

119034 г. Москва, пер. Гагаринский, д. 31, кв. 22

Отпечатано с оригинал-макета в типографии CherryPie.1

115114, Москва 2-й Кожевнический пер., 12.

www.cherrypie.ru

Усл. печ. л. 27

Тираж 210 экз.